

Вестник Пермского университета. Юридические науки	Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki	Perm University Herald. Juridical Sciences
2025. Выпуск 4(70)	2025. Vypusk 4(70)	2025. Issue 4(70)
Выходит 4 раза в год	Vykhodit 4 raza v god	Published 4 times a year
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»	Uchreditel': Federal'noe gosudarstvennoe avtonomnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya "Permskiy gosudarstvennyy national'nyy issledovatel'skiy universitet"	Founder: Perm State University
Рассматриваются фундаменталь- ные и прикладные проблемы юри- дической науки. Исследуются со- временное состояние российского законодательства, правопримени- тельная практика, формулируются предложения по развитию и совер- шенствованию различных отраслей права. Анализируются теоретиче- ские и исторические аспекты госу- дарственно-правовых явлений, международное и зарубежное за- конодательство, проводится срав- нительное изучение правовых ин- ститутов в России и других странах.	Rassmatrivayutsya fundamental'nye i prikladnye problemy yuridicheskoy nauki. Issleduyutsya so- vremennoe sostoyanie rossiyskogo zakonodatel'stva, pravoprimenitel'- naya praktika, formuliruyutsya predlozheniya po razvitiyu i sover- shenstvovaniyu razlichnykh otrasley prava. Analiziruyutsya teoretiches- kie i istoricheskie aspekty gosudar- stvenno-pravovykh yavleniy, mezhdunarodnoe i zarubezhnoe za- konodatel'stvo, provoditsya srovni- tel'noe izuchenie pravovykh insti- tutov v Rossii i drugikh stranakh.	Fundamental and applied issues of juridical science are consid- ered. The current state of Rus- sian legislation, law enforce- ment practice are investigated, suggestions on development and improvement in different branches of law are formulated. Theoreti- cal and historical aspects of state legal phenomena, interna- tional and foreign legislation are analyzed, legal institutions of Russia and other countries are investigated in the comparative aspect.

Председатель редакционного совета:

Голубцов Валерий Геннадьевич,

д. ю. н., профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса
Пермского государственного национального исследовательского университета

Главный редактор журнала:

Кузнецова Ольга Анатольевна,

д. ю. н., профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса
Пермского государственного национального исследовательского университета

**Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук
(по группе научных специальностей 5.1. – Право)**

Журнал включен в международную базу данных Web of Science Core Collection

© Редакционная коллегия, 2025

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуни-
каций. Свидетельство о регистрации средства массовой информа-
ции ПИ № ФС77-66479 от 14 июля 2016 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бублик Владимир Александрович

д. ю. н., профессор, ректор, профессор кафедры предпринимательского права Уральского государственного юридического университета

Бурханова Лейла Марийсовна

к.ю.н., профессор, профессор кафедры гражданского права Ташкентского государственного юридического университета

Валеев Дамир Хамитович

д. ю. н., профессор, заместитель декана юридического факультета по научной работе Казанского (Приволжского) федерального университета

Васильева Юлия Валерьевна

д. ю. н., профессор, зав. кафедрой трудового и международного права Пермского государственного национального исследовательского университета

Габов Андрей Владимирович

член-корреспондент РАН, д. ю. н., главный научный сотрудник сектора предпринимательского и корпоративного права Института государства и права РАН, заслуженный юрист РФ

Голубцов Валерий Геннадьевич

д. ю. н., профессор, профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета (*председатель редакционного совета*)

Грачева Елена Юрьевна

д. ю. н., профессор, зав. кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ

Ефремова Марина Александровна

д. ю. н., доцент, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия

Кодан Сергей Владимирович

д. ю. н., профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета, заслуженный юрист РФ

Кузнецова Ольга Анатольевна

д. ю. н., профессор, профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета (*главный редактор*)

Майкл Лосавио

доктор права, профессор факультета юстиции Университета Луисвилла

Нешатаева Татьяна Николаевна

д. ю. н., профессор, зав. кафедрой международного права Российского государственного университета правосудия

Новоселова Людмила Александровна

д. ю. н., профессор, зав. кафедрой интеллектуальных прав Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ

Пастухов Павел Сысоевич

д. ю. н., доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского государственного национального исследовательского университета

Прошляков Алексей Дмитриевич

д. ю. н., профессор, профессор кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы Южно-Уральского государственного университета

Рассел Вивер

профессор права Университета Луисвилла, Школа Права им. Льюиса Д. Брендиеса

Средкова Красимира

д. ю. н., профессор, зав. кафедрой трудового права и соцобеспечения Софийского университета

Тужилова-Орданская Елена Марковна

д. ю. н., профессор, зав. кафедрой гражданского права Института права Башкирского государственного университета

Хабриева Талия Ярулловна

академик РАН, д. ю. н., профессор, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, заслуженный юрист РФ

Чернядьева Наталья Алексеевна

д. ю. н., доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Российского государственного университета правосудия (Крымский филиал)

Щенникова Лариса Владимировна

д. ю. н., профессор, зав. кафедрой гражданского права Кубанского государственного университета

EDITORIAL BOARD

Bublik Vladimir Aleksandrovich

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Rector, Professor in the Department of Business Law of the Urals State Law University

Burkhanova Leila Mariusovna

Candidate of Legal Sciences, Professor of the Department of Civil Law Tashkent State Law University

Valeev Damir Khamitovich

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Vice Dean for Scientific Affairs of the Law Faculty of Kazan (Volga region) Federal University

Vasileva Yuliya Valerevna

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Labor and International Law, Perm State University

Gabov Andrey Vladimirovich

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Juridical Sciences, Chief Researcher of the Business and Corporate Law Sector of the Institute of State and Law of the Academy of Sciences of Russia, Honored Lawyer of the Russian Federation

Golubtsov Valerij Gennad'evich

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor in the Department of Business Law, Civil and Arbitration Procedure, Perm State University (**Chairman of the Editorial Board**)

Gracheva Elena Yur'evna

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Financial Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Lawyer of the Russian Federation

Efremova Marina Alexandrovna

Doctor of Juridical Sciences, Professor in the Department of Criminal Law Disciplines, Kazan Branch of the Russian State University of Justice

Kodan Sergey Vladimirovich

Doctor of Juridical Sciences, Professor in the Department of Theory of the State and Law, Urals State Law University, Honored Lawyer of the Russian Federation

Kuznetsova Olga Anatol'evna

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor in the Department of Business Law, Civil and Arbitration Procedure, Perm State University (**Editor-in-Chief**)

Michael Losavio

Doctor of Law, Professor in the Department of Justice at the University of Louisville

Neshataeva Tatiana Nikolaevna

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of International Law of the Russian Academy of Justice

Novoselova Liudmila Aleksandrovna

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Intellectual Rights of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Lawyer of the Russian Federation

Pastukhov Pavel Sysoevich

Doctor of Juridical Sciences, Professor in the Department of Criminal Procedure and Criminology, Perm State University

Proshlyakov Aleksey Dmitrievich

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure, Urals State Law University

Russell L. Weaver

Professor of Law, University of Louisville, Louis D. Brandeis School of Law

Sredkova Krasimira

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Labor Law and Social Security of Sofia University

Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Civil Law, Bashkir State University

Khabrieva Talia Yarullovna

Academic of the Academy of Sciences of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Director of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation

Chernyadeva Natalya Alekseevna

Doctor of Juridical Sciences, Professor in the Department of State and Legal Disciplines of the Russian State University of Justice

Shchennikova Larisa Vladimirovna

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Civil Law, Kuban State University

СОДЕРЖАНИЕ

I. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

- Аристов Е. В. (г. Пермь), Плотникова Е. С. (г. Липецк)*
Асимметрия правового статуса ребенка, зачатого и рожденного с использованием
вспомогательных репродуктивных технологий 504

- Мартынов А. В., Ширеева Е. В. (г. Нижний Новгород)*
Правовые и практические вопросы использования синтетических данных
для целей государственного управления в России 526

II. ЧАСТНОПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

- Берг Л. Н. (г. Екатеринбург), Голубцов В. Г. (г. Пермь)*
Потребительское генетическое тестирование: проблемы правового регулирования 539

- Богданова Е. Е., Сойфер Т. В. (г. Москва)*
Социально ориентированные некоммерческие организации:
некоторые особенности правового положения 549

- Кратенко М. В. (г. Санкт-Петербург), Ербахаев Е. А. (г. Пекин, КНР)*
Штрафные (карательные) убытки:
зарубежный опыт и перспективы имплементации в российское право 580

III. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Килина И. В. (г. Пермь)*
Прокурор в состязательном уголовном процессе: комбинаторика процессуальных функций 603

- Плещаков А. М., Шкабин Г. С. (г. Москва)*
Уголовно-правовое значение животных и их использование при исполнении наказания:
критический анализ правоприменительной практики 618

- Соловьев Е. А. (г. Пермь)*
Генезис учения о составе преступления в правовых системах современности 632

- Чеботарева И. Н. (г. Курск)*
Разделение властей и уголовное судопроизводство в Российской Федерации 646

Правила оформления и представления рукописей статей в журнал
ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ 673

CONTENTS

I. PUBLIC LAW (STATE-LEGAL) SCIENCES

- Aristov E. V. (Perm), Plotnikova E. S. (Lipetsk)*
Asymmetry of the Legal Status of a Child Conceived and Born Using Assisted Reproductive Technology 504

- Martynov A. V., Shireeva E. V. (Nizhny Novgorod)*
Legal and Practical Issues of Synthetic Data Use for Public Administration Purposes in Russia 526

II. PRIVATE LAW (CIVIL) SCIENCES

- Berg L. N. (Yekaterinburg), Golubtsov V. G. (Perm)*
Direct-to-Consumer Genetic Testing: Legal Issues of Regulation 539

- Bogdanova E. E., Soyfer T. V. (Moscow)*
Socially Oriented Non-Profit Organizations: Some Features of the Legal Status 549

- Kratenko M. V. (St. Petersburg), Erbakhaev E. A. (Beijing, China)*
Exemplary (Punitive) Damages: Foreign Experience and Prospects in Russian Law 580

III. CRIMINAL LAW SCIENCES

- Kilina I. V. (Perm)*
The Prosecutor in Adversarial Criminal Proceedings: A Combinatorics of Procedural Functions 603

- Pleshakov A. M., Shkabin G. S. (Moscow)*
The Criminal Legal Significance of Animals and Their Use in the Execution of Punishment:
A Critical Analysis of Law Enforcement Practice 618

- Soloveva E. A. (Perm)*
The Genesis of the Doctrine of the Composition of a Crime (Elements of a Crime) in Modern Legal Systems ... 632

- Chebotareva I. N. (Kursk)*
Separation of Powers and Criminal Proceedings in the Russian Federation 646

- Guidelines for Preparing and Submitting Articles for Publication in the Scientific Journal
PERM UNIVERSITY HERALD. JURIDICAL SCIENCES 673

I. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Информация для цитирования:

Аристов Е. В., Плотникова Е. С. Асимметрия правового статуса ребенка, зачатого и рожденного с использованием вспомогательных репродуктивных технологий // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 4(70). С. 504–525. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-504-525.

Aristov E. V., Plotnikova E. S. Assimetriya pravovogo statusa rebenka, zachatogo i rozhdennogo s ispol'zovaniem vspomogatel'nykh reproduktivnykh tekhnologiy [Asymmetry of the Legal Status of a Child Conceived and Born Using Assisted Reproductive Technology]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2025. Issue 4(70). Pp. 504–525. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-504-525.

УДК 342.4

DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-504-525

Асимметрия правового статуса ребенка, зачатого и рожденного с использованием вспомогательных репродуктивных технологий

Е. В. Аристов

Пермский государственный
национальный исследовательский университет;
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
E-mail: welfarestate1@gmail.com

Е. С. Плотникова

Ассоциация «Совет муниципальных образований
Липецкой области»
E-mail: f89158571116@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12.05.2025

Введение: в статье осуществляется комплексное исследование проблем регламентации правового статуса ребенка, зачатого и рожденного с использованием вспомогательных репродуктивных технологий. **Методы:** методология работы основана на авторском применении общенаучных и специальных методов познания репродуктивных прав человека в разрезе конституционного права человека на жизнь. **Результаты:** рассмотренные научные источники, нормативные правовые акты позволяют говорить о необходимости регулирования правового статуса ребенка, зачатого и рожденного с использованием вспомогательных репродуктивных технологий, в целях устранения асимметрии его прав. **Выводы:** осуществленное исследование свидетельствует о невозможности отказа от учета нравственной составляющей в регулировании вспомогательных репродуктивных технологий, позволяющей в полном объеме защитить права ребенка, обеспечить сохранение ценности семьи и семейных отношений и ценностей.

Ключевые слова: эмбрион; плод; ребенок; конституционно-правовой статус ребенка;
права ребенка; родительство

© Аристов Е. В., Плотникова Е. С., 2025

Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Asymmetry of the Legal Status of a Child Conceived and Born Using Assisted Reproductive Technology

E. V. Aristov

Perm State University

Perm State Humanitarian-Pedagogical University

E-mail: welfarestate1@gmail.com

E. S. Plotnikova

Association ‘Council of the Municipalities of the Lipetsk Region’

E-mail: f89158571116@mail.ru

Received 12 May 2025

Abstract: this article provides a comprehensive research into the problems related to regulating the legal status of a child conceived and born using assisted reproductive technology (ART). **Methods:** methodologically, the research is based on the authors' application of general scientific and special methods of cognition to study reproductive rights of a person through the prism of the constitutional right to life. **Results:** analysis of scientific sources and regulatory legal acts reveals the need for the legal status of a baby conceived and born with the use of ART to be regulated so as to eliminate the asymmetry of his rights. **Conclusions:** the emphasis on the moral component in the regulation of ART makes it possible to better protect the rights of a child and ensure the preservation of the value of family and family relations.

Keywords: embryo; fetus; baby; child; constitutional and legal status of a child; rights of a child; assisted reproductive technology, parenthood

Введение

Актуализируя тематику настоящего исследования, мы отмечаем тесное ее взаимодействие с проблемой определения правосубъектности эмбриона или плода в отечественной и зарубежной науке. Дискурс разворачивается вокруг момента возникновения правосубъектности, и спектр позиций авторов весьма широк – от момента зачатия до определенного этапа внутриутробного развития плода и момента рождения.

Первая точка зрения представлена в трудах С. В. Гландина [4, с. 136–141], А. М. Зайцевой [7, с. 17–24], Д. В. Лоренца и Е. К. Шотт [8, с. 24–28], Б. Н. Натансона и Р. Н. Остлинга [28] и др. Единства позиции здесь не наблюдается, так как представленные авторы либо абсолютизируют биологическую человеческую компоненту природы эмбриона, либо останавливаются на известной еще из римского права максиме о праве плода наследовать собственность умершего родителя, в связи с чем сформировалась и дефиниция «насцитурус» – ребенок, зачатый при жизни наследодателя, но родившийся уже после его смерти [6, с. 10–13]. Однако само правоотношение здесь формируется лишь при условии, что ребенок родился живым, то есть в данном случае имеет место правовая фикция.

Компромиссной позиции, предполагающей формирование у эмбриона определенных качеств в процессе развития, приближающих его по биологическим критериям к человеческому существу, придерживаются М. Д. Бэйлс [21], Б. Харинг [24], Н. Н. Федосеева и Е. А. Фролова [19, с. 36–40] и др.

В трудах многих исследователей анализ правовых конструкций отечественного законодательства формирует мнение о необходимости сохранения классического понимания правосубъектности, возникающей с момента рождения человека. Здесь можно привести работы Г. Б. Романовского [13, с. 23–32]. Ему вторит А. А. Рыжова [14]. Эмбрион и плод на разных стадиях своего развития нуждаются в правовых механизмах, обеспечивающих их защиту от неправомерного использования и возможность осуществления права на жизнь в случае успешных родов. Тем не менее это обстоятельство не свидетельствует о приобретении ими правового статуса и автономии от организма матери. В данном случае плод рассматривается как неотъемлемая часть материнского организма и именно за матерью сохраняется право определять судьбу вынашиваемого ею ребенка. Данная точка зрения максимизируется, на наш взгляд, неоправданно, в трудах ряда зарубежных ученых. Так, автор из США Майкл Тули, в своей статье «АбORTы и детоубийство» рассматривающий нравственные аспекты проблемы – с позиции философии, приходит к выводу, что человек должен отвечать ряду критериев, к каковым можно отнести осознанность поведения, способность к мышлению, индивидуальность. Всего этого, с его точки зрения, эмбрион, плод или даже новорожденный младенец лишены, а значит, практика абортов не является чем-то неправильным [34, с. 37–65]. Перри Хендрикс также не определяет плод как личность с автономным статусом, но утверждает аморальность абортов из-за вреда, который они наносят здоровью [25, с. 245–253]. Интерес представляют доводы Прабхала

Сингха, который разделяет статус плода и ребенка, используя понятие родительской ответственности как нравственной составляющей отношений между родителями и ребенком. В подобного рода отношения вступают новорожденный ребенок и родители, но не плод [30, с. 188–193]. Женщина в состоянии беременности еще не является родителем ребенка и не состоит с ним в родительских отношениях. Сами отношения имеют лишь потенциальный, а не фактический характер. Таким образом, именно ребенок становится результатом процесса вынашивания плода. Плод же не может считаться ребенком в силу недостижения конечного результата – деторождения [30, с. 189–191].

Еще одним обстоятельством, влияющим на исследуемую проблему, является правовая неопределенность в регламентации правового статуса женщины в состоянии беременности.

Ввиду специфики традиций, политики и национального законодательства в некоторых странах закон нередко содержит ограничения на доступ к тем или иным медицинским процедурам, вплоть до их запрета или криминализации. Несмотря на постепенное утверждение идеи гендерного равноправия и признание права женщин самим решать вопросы своего здоровья, часто такие запреты на вмешательство в организм связаны с состоянием беременности. Например, как мы знаем, в ряде государств запрещены или существенно ограничены аборты, а также иные медицинские манипуляции, связанные со вспомогательными репродуктивными технологиями (далее – ВРТ). Данный подход вызывает много вопросов, ведь он создает направление, диктующее женщине ее поведение. В результате создается ситуация, когда женщина фактически не может управлять своей судьбой и делать репродуктивный выбор. Это усиливает уязвимость женского населения, в том числе в части формирования различных ограничений, на что указывают специалисты во всем мире¹.

Нередко нормативные акты ограничительного характера принимаются при поддержке консервативных сил, не признающих репродуктивного выбора женщин [26]. Учитывая потребность общества в охране репродукции и защите уязвимых групп, Совет по правам человека призвал к правовой защите

материнства и принятию специальных программ, направленных на сокращение заболеваемости и смертности среди женщин².

В большинстве стран были введены конституционные положения, позволяющие достичь высокого уровня сохранения жизни человека еще до его рождения, что в ряде случаев делает права эмбриона и плода приоритетными перед правами женщины³. Отдельные такие акты специально направлены на защиту жизни плода, однако при этом не содержат четкого порядка определения концепции зачатия, что негативно отражается на практике правоприменения. В итоге правоприменители по-разному понимают зачатие, от оплодотворения до применения процедур имплантации яйцеклетки в организм женщины [33, с. 317–322]. Столь различное понимание концепции зачатия, а также другие различия в терминологии приводят к самым разным последствиям принятия законодательных актов. Например, в 2010 году в штате Айдахо был запрещен законопроект, которым разрешалось привлекать к ответственности женщин за неосторожную потерю плода. Такая потеря могла быть вызвана, в частности, выполнением беременной женщиной физических упражнений. Такого рода непреднамеренные действия женщин законопроект определял как преступную халатность⁴. Аналогичный по содержанию проект закона был подготовлен и в Джорджии. В нем предлагалось ввести уголовную ответственность для женщин, которые не сумеют доказать отсутствие намерения самостоятельно прерывать беременность [27]. Учитывая тот факт, что до 25 % беременностей заканчиваются выкидышем, попасть в зону риска и быть привлеченными к уголовной ответственности могло значительное число женщин.

В иных ситуациях выдвигаемые законы нацелены на соблюдение человеческих прав и прав граждан, на ресурсы зачатия способом выдачи им статуса «человек» с правами, тождественными правам уже рожденных. Такие акты предлагались в США, Бразилии и некоторых иных странах⁵. В ряде государств решили отказаться от защиты прав нерожденного плода. Если, например, обратиться к Конвенции о правах ребенка⁶, то в ней детьми считаются лица, которые не достигли возраста 18 лет. В США в Конвенции о правах

¹ United Nations Development Programme (UNDP). Effects of laws criminalizing women's sexuality (New York, 2010). URL: <https://content.undp.org/go/newsroom/2010/march/outlawing-women-effects-of-laws-criminalizing-womens-sexuality.en>.

² United Nations Human Rights Council (UNHRC), U.N. Doc A/HRC/18/2.2011. Report of the Human Rights Council on its eighteenth session. URL: <https://www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/18session/A.HRC.18.2.pdf>.

³ National Assembly, Legislative and Oversight Committee. Constitution of the Republic of Ecuador (2008). Art. 45. URL: <https://pdba.georgetown.edu/Constitutions/Ecuador/english08.html>.

⁴ Wimmer C., Dayton M. HB 12, Abortion Amendments. General Session, State of Utah (2010). URL: <https://le.utah.gov/~2010/bills/hbillint/hb0012.pdf>.

⁵ Golez R. Protection of the Unborn Child Act of 2010. House Bill 13. URL: http://www.congress.gov.ph/download/comms_related_15/HB%2013.pdf.

⁶ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблей ООН 20 нояб. 1989 г.; вступила в силу для СССР 15 сент. 1990 г.) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI: Международные договоры, заключенные СССР и вступившие в силу с 1 января по 31 декабря 1990 года, которые в настоящее время являются договорами Российской Федерации как государства – продолжателя Союза ССР. М.: Междунар. отношения, 1993. С. 242–257.

человека¹ указано, что все имеют право на уважение их жизни и это право подлежит охране уже с момента зачатия. Правда, это положение не распространяется на случаи разрешенного законом прерывания беременности. При разработке Конвенции Межамериканская комиссия по правам человека опиралась на опыт правового регулирования, не наделяющего нерожденных детей правосубъектностью.

Установление запретов на использование контрацепции и прерывание беременности является основной задачей для общественных движений и организаций, имеющих целью определение личных прав человека до момента рождения. Большое количество подобных инициативных групп существует в США². Например, консервативные движения, среди которых есть и религиозной направленности, могут использовать самые разные механизмы воздействия на лиц, полномочных принимать политические решения. В частности, они стремятся влиять на членов Конгресса и на большие группы людей посредством информации в СМИ. Такие идеи поддерживаются католической церковью и в странах Азии, Африки – для ограничения в них доступа к ЭКО, прерыванию беременности и иным способам влиять на вопросы деторождения³. Заметим, что подобного рода запреты препятствуют соблюдению прав на недискриминацию и свободу мнения, так как их приверженцы стараются убедить других в своей правоте с помощью законодательных мер.

Люди, которые выступают против репродуктивного самоопределения, считают, что нынешние виды контрацепции «абортивные», поскольку ими нарушается цикл овуляции и переноса оплодотворенных яйцеклеток [32]. Тем самым они подкрепляют необходимость введения ограничений на все существующие на данный период времени виды противозачаточных средств. Между тем современные биомедицинские исследования, выявляющие последствия применения разнообразных видов контрацепции, показывают, что они хотя и препятствуют нормальному циклу овуляции или вообще устраниют его, однако не мешают переносу оплодотворенных яйцеклеток и не прерывают подтвержденную беременность⁴.

Иногда законодатели, придерживающиеся консервативных взглядов, пытаются охватить весь блок средств контрацепции. К примеру, на Филиппинах местная власть дает право на закупку средств контрацепции, в том числе контрацептивов барьерного типа, исключительно по медицинским показаниям и ограничивает распространяемость информационной фармацевтической базы о средствах контрацепции⁵. Также экстренная контрацепция ограничивается в ряде южноамериканских государств⁶.

Отдельные правовые ограничения, такие как запрет распространения средств контрацепции на государственных предприятиях, в учреждениях и организациях, наличие медицинских показаний, необходимость получения согласия опекунов и достижение минимального разрешенного возраста, существенно осложняют доступ к контрацепции для определенных групп женщин – тех, кто либо не достигли определенного возраста, либо являются частью малообеспеченных слоев населения⁷.

Сотрудники здравоохранения и правоохранительного сектора тоже опираются на свои полномочия в целях запрета женщинам пользоваться тем или иным способом контрацепции. В США представители судебной власти в более чем двадцати штатах определили «запрет на деторождение» начальным положением для обеспечения женщинам, которые обвиняются в нарушении закона, облегченной негативной санкции или освобождения по УДО; кроме того, они вправе выбирать средство контрацепции, которыми женщина обязана пользоваться [35].

В 2006 году в штате Нью-Джерси девушка, которая была полностью здорова и беременность которой протекала нормально, отказалась подписывать предварительное согласие на проведение кесарева сечения, если вдруг появится необходимость в нем, чтобы в дальнейшем, например при осложнении, это право осталось. Но после обычных родов совершенно здорового ребенка у матери изъяли под предлогом того, что она создает угрозу для его благополучной жизни, так как перед родами ею не было дано согласие на проведение кесарева сечения [35]. В августе 2010 года Верховный Суд США отменил данное решение, и ребенок смог вернуться в семью⁸.

¹ Американская конвенция о правах человека (принята Межамериканской конференцией по правам человека 22 ноября 1969 года в Сан-Хосе) // <https://hrlibrary.umn.edu/russian/instrree/Rzoas3con.html>

² Defending life. 2011 / Americans United for Life. URL: <https://www.aul.org/dl2011-toc/>.

³ Kenya: Catholic Church Condemns Birth Control Drive / Catholic Information Service for Africa. 2013. URL: <https://allafrica.com/stories/201301281018.html>.

⁴ Всемирная организация здравоохранения, планирование семьи: сборник № 351 (Женева: ВОЗ, 2012). URL: <https://www.who.int/ru/publications/item/9789240075207>

⁵ Barangay Ayala Alabang passes ordinance protecting unborn children (by Alabang Bulletin, February 24, 2011). URL: <https://www.alabangbulletin.com/barangay-ayala-alabang-passes-ordinance-protecting-unborn-children/>.

⁶ The Right to Contraceptive Information and Services for Women and Adolescents. URL: <https://www.unfpa.org/sites/default/files/resource-pdf/Contraception.pdf>.

⁷ In re Access to Emergency Contraception in Chile (Chilean Constitutional Court). URL: <https://reproductiverights.org/en/case/in-re-access-to-emergency-contraception-in-chile-chilean-constitutional-court>.

⁸ Апелляционный отдел по вопросам опеки несовершеннолетних. Верховный Суд штата Нью-Джерси. 2010. URL: <http://advocatesforpregnantwomen.org/blog/FGopinion.pdf>.

В некоторых штатах женщин также могут обязать сделать кесарево сечение [35]. Правда, в ряде случаев суды признают, что данная процедура не является необходимостью. Суд в Иллинойсе, рассматривая одно из таких дел, разъяснил, что возможное влияние процедуры на плод не является приоритетным с законодательной точки зрения. Кроме того, суд указал на приоритетность права женщины над правами нерожденного ребенка [22, с. 723]. Опыт зарубежных стран в сфере правового регулирования применения рассматриваемых процедур различается в том числе и в части порядка принятия решений об их использовании [1].

Кроме принуждения женщин к специальным родам, власть вправе ссылаться на нормы, которые запрещают им квалифицированное лечение медицинскими специалистами, отдавая предпочтение правам ребенка перед правами матери. В Польше в 2004 году женщине с язвенным колитом медицинские работники отказали в помощи из-за опасений, что их действия могут привести к выкидышу. В итоге роженица скончалась от сепсиса и почечной недостаточности¹.

Многие авторы подчеркивают, что люди не могут принуждаться жертвовать свои органы для спасения жизни других людей и что беременные женщины тоже не обязаны принимать меры только для того, чтобы поддерживать жизнь плода [20]. Таким образом, права женщины, по их мнению, должны быть в приоритете.

Рассматривая нормативные акты разных стран, видим, что они могут значительно различаться. Например, в некоторых штатах США беременные женщины, употребляющие наркотические вещества, могут вызывать только моральную оценку общества, в то время как в другой стране это не просто морально осуждается, но и служит поводом для юридической оценки способности беременной женщины принимать участие в жизни ребенка в роли матери – иначе говоря, факт употребления наркотических веществ может стать основанием для ограничения или лишения родительских прав [23].

Если говорить о деле *Whitner v. South Carolina*, существо его заключалось в привлечении беременной к ответственности в виде лишения свободы по основанию «отсутствие заботы о ребенке». Женщина принимала наркотическое средство. Суд штата в 1997 году установил, что даже человек, находящийся в утробе матери, будучи жизнеспособным плодом, имеет право на судебную защиту в рамках государственного уголовного законодательства. Таким образом, женщинам, которые употребляют наркотические вещества или же своим неадекватным

поведением угрожают плоду, могут предъявляться обвинения в жестоком обращении с детьми и устанавливающая мера пресечения – лишение свободы до 10 лет². Однако в 2008 году этот же Верховный Суд отменил ранее назначенную меру пресечения женщине за убийство плода, которому предшествовало жестокое обращение с ребенком в результате употребления кокаина во время беременности. Суд мотивировал это невозможностью проведения экспертизы, которая бы подтвердила, что кокаин более вреден для плода, чем, например, курение, отсутствие должного питания и других условий [29].

В США в ходе опроса среди граждан почти половина респондентов поддержали наказание в виде задержания в больнице женщинам, отказавшимся от медицинской помощи. Например, в 2009 году во Флориде на 25-й неделе беременности женщину приковали к койке в больнице. Причиной послужил ее отказ следовать рекомендациям доктора по лечению осложнений, связанных с беременностью. По словам работника здравоохранения, женщина была выпisана через три дня, после того как у нее произошел выкидыш как результат отказа от курения [5].

В угрозе детям обвиняются не только сами женщины, которые вредят плоду потреблением наркотиков, алкоголя и табака, но и окружающие их люди, врачи, медсестры и т. д. В 2010 году женщину арестовали за попытку причинения вреда ребенку в результате падения с лестничного пролета. Доверившись медсестре, женщина выразила сомнение в возможности выносить плод, однако затем все же решила оставить ребенка. Несмотря на это, сотрудники больницы сообщили полиции о несчастном случае. Они нарушили право на конфиденциальность, предположив в действиях пациентки преднамеренность, связанную с желанием избавиться от плода. Результатом стал отзыв обвинения после перенесенного эмоционального и психологического стресса в течение трех недель уголовного расследования.

В 2009 году в Южной Каролине женщина, попытавшаяся завершить жизнь самоубийством, была обвинена в убийстве: совершив прыжок из окна, она потеряла плод. Двумя годами позднее в Индиане еще одна женщина обвинялась в убийстве: желая покончить с собой, она приняла яд, но была спасена, тогда как родившийся недоношенным ее ребенок вследствие умер³. Очевидно, что, принимая во внимание такие precedents, женщины действительно могут опасаться обращаться в медучреждение и не лечить болезни или зависимости от различных веществ.

¹ Reproductive Rights Violations as Torture and Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment: A Critical Human Rights Analysis. 2010 / Center for Reproductive Rights. URL: <https://reproductiverights.org/sites/crr.civicactions.net/files/documents/TCIDT.pdf>.

² *Whitner v. South Carolina*. 1997. URL: <https://embryo.asu.edu/pages/whitner-v-south-carolina-1997>.

³ The World's Abortion Laws. 2013. URL: <https://reproductiverights.org/maps/world-abortion-laws/>.

Конечно, на вопросы, поднятые в зарубежных правовых системах, должна ответить именно судебная практика. И в таких странах, как Польша и США, она это сделала. В первом случае в восточноевропейском государстве, члене Европейского союза, приговором Конституционного Трибунала Республики Польши от 22 октября 2020 г. был резко ограничен круг ситуаций, когда прерывание беременности допустимо, а принятые ранее законоположение о допустимости совершения абортов в случае заболевания или нежизнеспособности плода признано неконституционным¹. Во втором случае Верховный Суд США, признав, что аборт представляет собой глубокую моральную проблему, в отношении которой американцы придерживаются прямо противоположных взглядов, отменил решение по делу *Roe v. Wade* 1973 года и тем самым вновь предоставил штатам самостоятельность в законодательном регулировании проблемы абортов². В решении этого высшего судебного органа справедливо указано, что Конституция США не содержит упоминания о данном праве. Значительная доля штатов готовы воспользоваться возвращенным им правом и запретить свободное прерывание беременности, как это уже сделал штат Миссури.

Осознана потребность сохранения укоренившихся представлений о месте и роли семьи в укреплении и развитии российского общества и государства. Эти представления нашли свое отражение в действующей Конституции России благодаря поправкам, внесенным в 2020 году. Стремление многонационального народа Российской Федерации сохранить свою идентичность и комплекс присущих именно ему нравственно-ценостных идеологем представляет собой вполне обоснованную реакцию на попытку «поглощения» «коллективным Западом», перетекающую в цивилизационное противостояние.

Кроме необходимости сохранения нравственно-ценостных основ российского общества, речь идет об обеспечении прироста населения в связи со значительными демографическими проблемами и тенденцией к сокращению численности населения, в результате чего решение проблемы правовых механизмов обеспечения права на репродуктивное здоровье в большей степени направлено на преодоление отрицательных последствий избыточной практики абортов.

Отечественный законодатель не отвечает на вопрос, следует ли отождествлять понятия «беременная женщина» и «мать». Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в статье 52 указывает на права беременных женщин и матерей, кормящих матерей, со всей очевидностью разделяя данные понятия³.

Авторы аргументируют позицию о необходимости наделения плода правовым статусом, позволяющим ему стать субъектом конституционных правоотношений охранительного в отношении него и поощрительного в отношении родителей характера. Так же это позволит не только потенциальным родителям, но и будущему ребенку стать участником социально-обеспечительных отношений [11, с. 3].

Конституционно-правовой статус детей, рожденных с использованием ВРТ, не имеет отличий от статуса всех иных детей [11, с. 14]. Где же следует искать различия, составляющие предмет настоящего исследования? Ответ на этот вопрос дают представления о несовпадении юридического и фактического статуса человека. Конституционные права не реализуются на практике, государство не обеспечивает механизм гарантирования субъективных прав, в силу чего наблюдается деформация правового статуса и возникает такое явление, как асимметрия правового статуса, то есть различия в правовых возможностях субъекта правоотношения.

Применение ВРТ порождает новые девиации в определении правового статуса плода, которые, в силу неразрывности причинно-следственных связей между зачатием, вынашиванием и рождением ребенка, отражаются и на его последующем правовом статусе независимо от момента его возникновения. Само зачатие и вынашивание ребенка с использованием ВРТ может проходить не в организме матери ребенка; между родителями ребенка может как присутствовать, так и отсутствовать кровное родство. В правоотношение вступают новые субъекты, такие как суррогатные матери и доноры, или, как в случае с митохондриальным донорством, имеет место наличие более двух биологических родителей. Возникают также проблемы с определением правового статуса эмбрионов, прошедших процедуру криоконсервации, и временных пределов их использования даже после смерти биологических родителей, но на основе их воли, выраженной как в наследственных правоотношениях, так и фактическим участием в соответствующих медицинских процедурах.

Приведенные факторы опосредуют различия в определении правового статуса ребенка, зачатого и рожденного с использованием ВРТ. Они не учтены в действующем законодательстве и порождают проблемы в реализации субъективных прав такого ребенка. На основании вышеизложенного в качестве гипотезы настоящего исследования мы выдвигаем тезис об асимметрии правового статуса ребенка, зачатого и рожденного с применением ВРТ, и имеющихся проблемах в определении его прав и их реализации. Здесь подразумеваются как

¹ Wyrok Trybunału Konstytucyjnego z dnia 22 października 2020 r., sygn. akt K 1/20. URL: <https://sip.lex.pl/akty-prawne/dzu-dzien-nik-ustaw/wyrok-trybunalu-konstytucyjnego-sygn-akt-k-1-20-19075113>.

² Blitzer R., Laco K. The Supreme Court overturned Roe v. Wade in a landmark abortion ruling // Fox News. URL: <https://www.foxnews.com/politics/supreme-court-overturns-roe-v-wade-dobbs-v-jackson-womens-health-organization>.

³ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федер. закон от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 28.12.2024) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2011. № 48, ст. 6724.

базовые, то есть закрепленные на конституционном уровне, права на жизнь, неприкосновенность личности, так и отраслевые, урегулированные семейным законодательством (к последним можно отнести в первую очередь право ребенка жить и воспитываться в семье и знать своих родителей). Комплекс проблем этим не исчерпывается и перетекает в плоскость социального обеспечения родителей и детей, зачатых с применением ВРТ, в силу неадаптированности отечественного законодательства к быстро развивающимся биомедицинским технологиям и отсутствия или противоречивости необходимого нормативного регулирования. Решение данного комплекса проблем назрело в связи со все более активным использованием гражданами Российской Федерации такого рода технологий для преодоления бесплодия и увеличения доли зачатых и рожденных детей из общей массы. А значит, применение ВРТ является одним из направлений стимулирования роста рождаемости, помимо традиционных способов поддержки государством материнства, отцовства и детства. Нельзя исключать и более высокое качество родительства, принимая во внимание фактор осознанности и ответственности граждан, стремящихся к преодолению проблемы бесплодия.

Методы и актуальность исследования

Достижение цели посредством доказывания или опровержения выдвинутой гипотезы нуждается в использовании методологии, включающей широкий спектр общенаучных и специальных методов исследования.

Актуальность настоящей работы аргументируется с привлечением диалектики, которая позволяет выявить нарастающее отличие в юридическом и фактическом положении личности. Количественный рост случаев зачатия с использованием ВРТ порождает некоторые противоречия в определении статуса эмбриона, плода и родившегося ребенка по сравнению с детьми, зачатыми традиционным способом, что, в свою очередь, вызывает необходимость качественного изменения законодательства, регламентирующего данную сферу общественных отношений. Новеллы должны быть направлены на выравнивание асимметрии правового статуса ребенка, зачатого с использованием ВРТ, и повышение качества гарантированности его прав и свобод, в том числе органами государственной власти Российской Федерации. Следствием успешной реализации указанных новелл должно стать стимулирование роста числа обращений граждан за решением проблемы бесплодия именно посредством применения ВРТ. Все

вышеизложенное в совокупности образовало предмет настоящего исследования и определило следующие специальные методы.

Использование формально-юридического метода позволило осуществить анализ действующих законодательных и подзаконных нормативных правовых актов в области регламентации правового статуса ребенка, зачатого с использованием ВРТ, выявить дефекты нормативного регулирования и определить способы их преодоления.

В работе активно применялись страновой и сравнительно-правовой методы. Первый из указанных методов обеспечивает учет политических и социальных факторов, влияющих на предмет изучения, с учетом круга государств, попавших в поле зрения исследователя. Второй метод дает возможность соопоставить те области правовых систем ряда стран, которые осуществляют регулирование общественных отношений, возникающих по поводу реализации гражданами права на родительство, и определяют правовой статус эмбриона, плода и ребенка. Авторами широко использовался и казуальный метод посредством анализа конкретных юридических казусов и выявления особенностей применения норм относительно широкого спектра возможных вариантов возникновения, изменения и прекращения общественных отношений.

В целом следует отметить, что на всех этапах проводимого исследования авторами на постоянной основе использовались такие общенаучные методы, как анализ, синтез, индукция и дедукция, позволяющие прийти к определенным выводам по результатам изучения такого сложного и многогранного явления, каковым выступает правовой статус личности.

Генезис статуса ребенка

За период послевоенного развития системы международных соглашений и правопорядка, основанного на положениях Устава Организации Объединенных Наций, человечество выработало целый ряд как общих, так и специальных международных соглашений, определяющих правовой статус ребенка, его права и международные механизмы их защиты. К числу первых можно отнести Международный пакт о политических и гражданских правах 1966 г., где в статье 24 закрепляется право ребенка на имя, гражданство и необходимые меры защиты¹, а также Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах того же года, провозгласивший необходимость принятия государствами особых мер

¹ Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16 дек. 1966 г. резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленар. заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17, ст. 291.

по защите детей от эксплуатации¹ [4]. Несколько ранее была принята Декларация прав ребенка 1959 г., отразившая в своем тексте ряд основополагающих принципов, направленных на обеспечение безопасности и защиты детей². Она затрагивала и международный, и национальный уровни регламентации положения детей.

Неполнота регулирования международными нормами статуса ребенка и его прав потребовала предпринять шаги по исправлению ситуации, и

в 1989 году резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи была принята Конвенция ООН о правах ребенка³, ставшая ключевым соглашением в указанной сфере.

К числу специализированных международных документов можно отнести Европейскую конвенцию об усыновлении детей 1967 г.⁴, Конвенцию Овьедо 1997 г.⁵, Веронские принципы⁶, Постановление о Европейском свидетельстве об установлении родительства⁷ (табл. 1).

Таблица 1

Нормы международного права, определяющие правовой статус детей, зачатых с использованием ВРТ

Источник	Нормативное закрепление
Конвенция ООН о правах ребенка	Пункт 1 статьи 3: законодательные, административные и судебные органы, государственные или частные учреждения, осуществляющие социальную защиту, должны первоочередное внимание уделять наилучшему обеспечению интересов ребенка
Европейская конвенция об усыновлении детей	Пункт 4 статьи 5: согласие матери на усыновление ребенка возможно только после его рождения по прошествии не менее шести недель
Конвенция Совета Европы о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины (Конвенция Овьедо)	Статья 14: не допускается использование вспомогательных репродуктивных технологий в целях влияния на пол ребенка. Пункт 2 статьи 18: запрещается создание эмбрионов человека в целях исследования
Веронские принципы защиты прав детей, рожденных с использованием технологии суррогатного материнства	Пункт 1.6: принцип учета государственными органами влияния отделения ребенка от генетических или социальных родителей на его достоинство. Пункт 6.3: принцип обеспечения наилучших интересов ребенка и сохранения его генетической связи хотя бы с одним из родителей
Постановление Совета Европы о юрисдикции, применимом праве, признании решений и принятии подлинных документов по вопросам установления родительства и о создании Европейского свидетельства об установлении родительства ⁸	Статьи 1 и 4: усиление защиты прав детей в трансграничных ситуациях; каждый ребенок пользуется равными правами без какой-либо дискриминации; признание родительских прав между государствами Европейского союза независимо от способа зачатия и рождения ребенка

¹ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят 16 дек. 1966 г. резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленар. заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXII. М., 1976. С. 3–26.

² Декларация прав ребенка (принята 20 нояб. 1959 г. резолюцией 1386 (XIV) на 841-м пленар. заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Международная защита прав и свобод человека: сб. документов. М.: Юрид. лит., 1990. С. 385–388.

³ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 нояб. 1989 г.)...

⁴ European Convention on the Adoption of Children (ETS No. 058) (signed on 24 April 1967 in Strasbourg) // CETS 058 – European Convention on the Adoption of Children. URL: <https://rm.coe.int/168006ff96>.

⁵ The Convention for the Protection of Human Rights and Dignity of the Human Being With Regard to the Application of Biology and Medicine: Convention on Human Rights and Biomedicine (ETS No 164) (opened for signature on 4 April 1997 in Oviedo, Spain) // Oviedo Convention and its Protocols – Human Rights and Biomedicine. URL: <https://www.coe.int/en/web/human-rights-and-bio-medicine/oviedo-convention>.

⁶ Principles for the Protection of the Rights of the Child Born through Surrogacy (Verona Principles). URL: https://www.iss-ssi.org/wpcontent/uploads/2023/03/Verona%20Principles_25February2021-1.pdf.

⁷ Council Regulation on Jurisdiction, Applicable Law, Recognition of Decisions and Acceptance of Authentic Instruments in Matters of Parenthood and on the Creation of a European Certificate of Parenthood (adopted on December 7 2022 in Brussels). URL: [//eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52022PC0695](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52022PC0695).

⁸ Регламент Европейского парламента и Совета Европейского союза 650/2012 о юрисдикции, применимом праве, признании и исполнении решений, принятии и исполнении нотариальных актов по вопросам наследования, а также о создании Европейского свидетельства о наследовании (Страсбург, 4 июля 2012 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

Авторы настоящей статьи приходят к выводу о недостаточности международно-правового регулирования статуса ребенка применительно к расширяющейся практике использования биомедицинских технологий. Анализ источников, представленных в табл. 1, позволяет подтвердить данный вывод. В современном мире сложились значительные правовые различия при регулировании прав на доступ к ВРТ, в том числе в вопросах использования дононров и суррогатных матерей, в вопросах правового статуса эмбриона и др. Следует констатировать, что темпы роста научных технологий в области репродукции человека значительно опережают развитие законодательства в данной отрасли, поэтому возникают проблемы в правовом регулировании. На сегодняшний день имеется три способа регулирования исследуемых отношений. В первом варианте ВРТ и их использование могут регламентироваться комплексом правил и принципов, которым будут добровольно следовать на практике. Обычно это рекомендации, предложенные профессиональными организациями. Во-вторых, ВРТ подлежат законодательному регулированию, предусматривающему набор кодифицированных законом правил, содержащих санкции за их нарушение. И еще один способ – страхование, что следует рассматривать как косвенное регулирование ВРТ, учитывая стоимость таких процедур [31].

По сути, основными направлениями, привлекшими внимание государств и потому удостоенными воплощения в нормах международных соглашений, стали: во-первых, запрет использования в научных исследованиях человеческих эмбрионов; во-вторых, ограничение возможности влиять на пол ребенка, за исключением случаев предотвращения наследственных заболеваний; в-третьих, сохранение генетической связи ребенка и родителей; в-четвертых, разрешение вопросов установления родительства и признания его правовых последствий странами – участниками соглашений.

Практически не уделяется внимание правовому регулированию современных ВРТ. Хотелось бы сделать акцент на рамочном характере Конвенции Овьедо. С момента ее принятия прошло 29 лет, а это срок, в течение которого биомедицинские технологии развивались стремительно, появлялись новые методики преодоления проблем бесплодия, вызывающие сложные этические и правовые вопросы относительно момента появления новой жизни, развития эмбриона и плода, рождения ребенка и установления им связи со своими биологическими или социальными родителями. Недостаточно внимания уделяется также социальным и правовым последствиям усложнения исследуемой области общественных отношений в связи с появлением ребенка после смерти своих родителей и участием в репродуктивных отношениях новых субъектов: дононров генетического материала, суррогатных матерей.

Отсюда нам представляется справедливым вывод о необходимости исправления указанного недостатка посредством разработки и принятия межгосударственного соглашения, учитывающего современный уровень развития ВРТ. Масштабировать подобного рода соглашение до уровня универсального международного акта невозможно в силу разнообразия культурного, экономического и правового развития современных стран и неоднозначности оценок использования репродуктивных технологий. Несколько зарубежными странами (Швейцария, Португалия, Эквадор, Италия и др.) право на ВРТ предусматривается конституционно. Первый известный в мире случай рождения ребенка, зачатого при помощи искусственного оплодотворения методом *in vitro* (экстракорпоральное оплодотворение, или ЭКО), произошел в Англии в 1978 году. До этого же был известен способ искусственного осеменения, когда процесс зачатия протекает непосредственно в организме матери. Первым его использовал на человеке Уильям Хантер в 1799 году.

Вообще, стоит отметить, что Великобритания довольно либерально подходит к вопросу регулирования права на доступ к вспомогательным репродуктивным технологиям. Исторически первым опубликованным документом, содержавшим рекомендации по регулированию вопросов ЭКО, стал Доклад Комитета по исследованию вопросов оплодотворения и эмбриологии человека (или Доклад Уорнок) 1984 года. После этого в 1990 году был принят Закон об оплодотворении и эмбриологии человека, а в 2008-м – второй закон, внесший поправки в первый (далее – Закон 2008 года). Без изменений действует Закон о соглашениях о суррогатном материнстве 1985 года. Он также основан на рекомендациях, сделанных в Докладе Уорнок [16, pp. 459, 480].

Эти законы запрещают клонирование, перенос нечеловеческого эмбриона женщине или эмбриона человека в животное, выбор пола будущего ребенка и коммерческое суррогатное материнство. Также запрещается коммерческое дононство яйцеклеток и спермы. Законодатель устанавливает обязательное для клиник получение лицензии, если они заняты предоставлением услуг по лечению бесплодных пар; регулирует применение дононских клеток, ход генетической диагностики, порядок и условия хранения клеток и тканей; определяет правила и порядок организации исследований, в которых применяются эмбрионы человека.

Как и в Российской Федерации, суррогатная мать не может быть принуждена к исполнению соглашения, если после рождения ребенка она решила оставить его себе. При этом передача ребенка, по закону Великобритании, сопровождается подачей в шестимесячный срок заявления на получение распоряжения о степени родства (*parental order*) для приобретения родительских прав и обязанностей. За получением распоряжения могут обратиться как лица, состоящие в браке, так и гражданские партнеры, разнополые или однополые пары.

Отдельные дела, рассмотренные судами Великобритании, представляют особый интерес. Например, в деле *Re B v. C* 2015 года соглашение о суррогатном материнстве было заключено между биологическими матерью (С) и сыном (В), а яйцеклетка была взята у донора. При этом суррогатная мать состояла в браке с мужчиной (D), который согласился на такую договоренность, а ее сын (В) являлся одноким мужчиной гомосексуальной ориентации. Поскольку Закон 2008 года исключает для одиноких родителей получение распоряжения о степени родства, при рождении ребенка (А) юридически родителями становились С и D, а В – братом. В связи с этим В пришлось прибегнуть к единственному возможному варианту – усыновлению, которое и было одобрено. При этом суд в своем решении указал, что, поскольку Закон 2008 года позволяет одинокой женщине стать матерью путем искусственного оплодотворения спермой, а усыновление, по законодательству Великобритании, может быть осуществлено и одним человеком, налицо противоречивость законодательства, которая должна быть устранена посредством его реформирования¹. В другом деле 2015 года – *H v. S* – судом было рассмотрено заявление в отношении ребенка, зачатого по заключенному суррогатной матерью и отцом ребенка и его гей-搭档ом спорному соглашению². Суррогатная мать не состояла в браке, утверждала, что отец ребенка лишь согласился стать донором спермы, и, как выяснилось в суде, решила таким образом родить ребенка для себя, оспаривая права отца и его партнера. Суд установил место проживания ребенка с отцом и его партнером, указав, что отец способен наилучшим образом удовлетворить потребности ребенка сейчас и в будущем, признав за матерью право видеться с ребенком один раз в месяц.

При указании на значение достоинства и прав ребенка на пренатальной стадии развития, не учитывается, что эмбрион не является субъектом права, в связи с чем не может являться и носителем вышеперечисленных прав. Кроме того, все исследуемые авторы ссылаются на нарушение права знать о своем происхождении. Законом Великобритании предусмотрено право ребенка на доступ к обобщающей информации о доноре, который, к слову, не приобретает права родителя, и, соответственно, право будущего ребенка знать своих родителей не нарушается. В Российской Федерации, например, также законодательно закреплена тайна усыновления и тайна биологического происхождения ребенка [11].

В качестве примера решения проблемы столкновения между тайной биологического происхождения ребенка и его правом иметь сведения о родителях рассмотрим законодательство Австралии.

В 2007 году в Австралии был принят Закон о вспомогательных репродуктивных технологиях, который был призван не допустить коммерциализации репродукции человека и защитить:

- детей, появившихся в ходе применения медиками специальных методик ВРТ;
- ребенка, родившегося в результате применения методов ВРТ;
- лицо, предоставляющее гаметы для использования в лечении или научных исследованиях ВРТ;
- женщин, проходящих курс лечения³.

В частности, данный закон запрещает анонимное донорство. Лица, предоставляющие услуги в области ВРТ, с 1 января 2010 г. обязаны размещать информацию о донорах в Центральном реестре и хранить все записи в течение 50 лет. Уничтожение или фальсификация записей признается преступлением. В свою очередь дети, рожденные с использованием ВРТ, при достижении ими 18-летнего возраста получают доступ к сведениям:

- о своих донорах. Эти сведения содержат любую идентифицирующую и не идентифицирующую информацию, предоставленную самими донорами, вплоть до истории болезней;
- о других детях, рожденных при использовании гамет того же донора. В этом случае идентифицирующая информация предоставляется только при добровольном согласии ребенка, достигшего 18-летнего возраста.

Родители ребенка также имеют доступ к такой информации. Однако идентифицирующая информация о доноре может быть им предоставлена, только если она необходима для предотвращения возникшей угрозы жизни и здоровью ребенка, а другого способа ее получения нет. При этом любая информация о доноре не будет предоставлена родителям, если ее предоставление нанесет серьезный ущерб психологическому здоровью ребенка, и зарегистрированный практикующий врач с опытом работы в области психического здоровья или зарегистрированный психолог должен письменно подтвердить, что вероятность ущерба будет выше, если информацию не предоставить. В отношении ВРТ, примененных до 1 января 2010 г., закон установил переходные положения. Лица, которые подпадают под действие переходных положений, могут получить информацию о своих донорах с согласия самого донора.

Такие же положения предусмотрены и для соглашений о суррогатном материнстве. В Центральный реестр заносится информация о затрагиваемых данным соглашением сторонах, о лицах, рожденных в результате заключения соглашения, о доноре гамет, о биологических братьях и сестрах данных лиц.

¹ Family Court. *Re B v. C* (Surrogacy Adoption) [2015] EWFC 17. URL: <http://3acc7rbsf4f7secm17sim5d6.wpengine.netdna-cdn.com/wp-content/uploads/Re-B-v-C-Surrogacy-Adoption-2015-EWFC-17-13-February-2015.pdf>.

² *H v. S* (Surrogacy Agreement) [2015] EWFC 36. URL: <https://www.familylawweek.co.uk/site.aspx?i=ed144664>.

³ Assisted Reproductive Technology Act. 2007 No 69. URL: <https://www.legislation.nsw.gov.au/#/view/act/2007/69>.

В соответствии с Порядком использования вспомогательных репродуктивных технологий доноры могут быть как анонимными, так и не анонимными¹. В настоящее время данный порядок уже не действует, а за ребенком, зачатым с помощью ВРТ, не признается права на получение информации о его происхождении. Однако специальный режим тайны, в отличие от случаев с усыновлением, оказывается за пределами регулирования законодательства. Кроме того, остается открытым вопрос, каков режим доступа к информации о не анонимных донорах. Видится более разумным создание единого реестра, как это сделано в Австралии и Великобритании, с доступом к информации о донорах лицам, рожденным с использованием гамет, при достижении ими 18-летнего возраста. Е. В. Бурмистрова полагает, что с целью защиты генетических родителей и самой суррогатной матери от шантажа и мошенничества необходимо создать специальные агентства, то есть хранилища сведений, которые содержали бы список женщин, готовых выступить суррогатными матерями [2, с. 38–41].

В США вопросы применения вспомогательных репродуктивных технологий регулируются на уровне штатов. И при решении подобных вопросов используются три подхода: договорный, по взаимному согласию и сбалансированный. Договорный подход рассматривает эмбрионы как собственность, и вопрос решается в зависимости от того, о чем договорились стороны в соглашении об утилизации эмбрионов. Второй подход не зависит от соглашения об использовании эмбрионов между сторонами, значение имеет только взаимное согласие на момент отчуждения. Это позволяет любой из сторон изменить свое мнение. На основании сбалансированного подхода суд руководствуется своим собственным суждением, чтобы взвесить интересы сторон с тем, чтобы определить оптимальный результат, независимо от каких-либо предыдущих контрактов между сторонами².

Как правило, суды выносят решение не в пользу лиц, желающих добиться использования эмбрионов в целях деторождения без согласия на то другой стороны. В то же время в деле *Szafranski v. Dunston* 2015 года³ Апелляционный суд штата Иллинойс решил вопрос о судьбе эмбрионов, воспользовавшись первым и третьим подходами, встав на сторону женщины, для которой использование эмбрионов было единственной возможностью иметь биологически родного ребенка. Джейкоб Шафрански и Карла

Данстон заключили соглашение, чтобы пройти экстракорпоральное оплодотворение с целью создания эмбрионов. У Карлы была диагностирована лимфома, от которой она лечилась при помощи химиотерапии, последствием чего явилось бесплодие и недостаточность яичников. Во время процедуры ЭКО Джейкоб и Карла согласились на оплодотворение всех яйцеклеток, которые были извлечены у Карлы. В своем постановлении окружной суд пояснил, что Карла имеет право на использование эмбрионов, потому что ее интересы преобладают над конкурирующими интересами Джейкоба. В свою очередь суд штата Иллинойс указал, что споры по поводу распределения эмбрионов должны быть урегулированы путем (1) соблюдения предварительного соглашения, заключенного сторонами, и (2) взвешивания интересов сторон при использовании или неиспользовании эмбрионов в случае отсутствия такого соглашения. Судом было установлено, что Джейкоб и Карла заключили устное соглашение, позволяющее использовать эмбрионы без согласия Джейкоба, а интересы Карлы превалируют над интересами Джейкоба в этом споре, поскольку эмбрионы представляют для нее последнюю и единственную возможность иметь биологически родного ребенка. В другом деле – *Drake F. Rooks v. Mandy Rooks*⁴ – Апелляционный суд штата Колорадо в 2016 году, применив эти два подхода, занял сторону мужа. Как и в предыдущем деле, женщина лечилась от рака и для применения метода ЭКО были заморожены совместные с ее супругом эмбрионы. Однако соглашения о распоряжении эмбрионами составлено не было. Кроме того, до развода часть эмбрионов уже была использована, в результате чего у данной пары родились трое биологических детей. В итоге суд постановил следующее: учитывая, что супруга уже имеет троих детей, это не та ситуация, где женщина лишится возможности родить ребенка, если суд не присудит эмбрионы ей, и, соответственно, интерес мужа превалирует над интересом жены родить четвертого ребенка.

Из взаимного анализа конституционных положений и международных норм видно, что они также согласуются между собой. В частности, положение о том, что государство должно предоставлять защиту семьям и детям, а также положение об обязанности родителей заботиться об интересах своих детей согласуются с нормами Конвенции о правах ребенка⁵, которая установила в качестве предмета для заботы взрослых соблюдение интересов их детей. Аналогичные обязанности для родителей следуют и из норм

¹ О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению: Приказ Минздрава России от 30 авг. 2012 г. № 107н // Российская газета. Спецвыпуск. 2013. 11 апр. С. 29. Документ утратил силу.

² *Lund T. Supreme Court Refuses to Hear Illinois Disputed Embryos Case*. 2016. URL: <http://www.allianceforfertilitypreservation.org/blog/supreme-court-refuses-to-hear-illinois-disputed-embryos-case#sthash.b4j4Obrt.dpuf>.

³ Appellate Court of Illinois. *Jacob Szafranski v. Karla Dunston*. 2015. URL: <http://caselaw.findlaw.com/il-court-of-appeals/1704381.html>.

⁴ Colorado Court of Appeals. In re: the Marriage of Drake F. Rooks, Appellee, Mandy Rooks, Appellant. 2016. URL: <https://caselaw.findlaw.com/co-court-of-appeals/1751317.html>.

⁵ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 нояб. 1989 г.)...

семейного законодательства (ст. 63–65 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ))¹.

Социальная помощь гарантирована статьей 39 Конституции России:

- в случае наступления пенсионного возраста;
- утраты трудоспособности;
- инвалидности;
- потери кормильца².

Анализ действующего российского законодательства позволяет сделать следующее заключение: часть гражданских и политических прав, связанных с защитой человека, пересекается с охраной здоровья, а именно право на жизнь, запрет пыток, экономические и социальные права по вопросам здравоохранения (право на образование, жилье, труд и пр.).

Нормативное определение охраны здоровья в законодательстве РФ отсутствует; содержание права на охрану здоровья составляют три базовых элемента: сохранение здоровья, укрепление здоровья и медицинское обеспечение³.

Укрепление здоровья – это процесс, позволяющий лучше контролировать состояние своего здоровья. К наиболее эффективным способам относятся занятия физической культурой и профилактика заболеваний. Правомочие на укрепление здоровья – это возможность следовать конкретным юридическим нормам действия, ориентированным на ведение здорового образа жизни. Последний представляет собой модель поведения, которая сосредоточена на наиболее рациональном удовлетворении биологических и социальных потребностей, способствует профилактике болезней, несчастных случаев и вызывает позитивные эмоции [9, с. 21].

Правомочие человека на сохранение здоровья включает в себя проведение следующих мероприятий, способствующих достижению положительной динамики: совершение профилактических действий, минимизирующих заболевания; контроль состояния здоровья регулярным прохождением диспансеризаций; получение актуальной помощи при чрезвычайных обстоятельствах; совершение иных восстанавливающих здоровье действий. Государство обязано обеспечивать безопасность здоровья

населения, проводить санитарно-гигиенические и санитарно-эпидемиологические мероприятия, мероприятия по борьбе с табакокурением и алкоголизмом, контролировать качество продуктов питания, воды, воздуха, косметики, лекарственных препаратов.

Для фиксирования ценности и значения здоровья в нормах законодательства в качестве правового средства в нашей стране применяется субъективное право гражданина на охрану своего здоровья. Такое субъективное право на медпомощь является первичной составляющей в правовом содержании права на защиту здоровья. Также оно выступает специальной гарантией, обеспечивая восстановление утраченной ценности – здоровья.

Справедливой представляется позиция И. В. Понкина и А. А. Понкиной, утверждающих необоснованность прямого отнесения искусственного прерывания беременности к медицинской помощи [12, с. 31].

Спектр услуг, фиксирующий обеспечение, защиту, профилактику, диагностику, лечение, уход и реабилитацию здоровья пациента, указанный в преамбуле Амстердамской декларации в сфере обеспечения прав пациента в Европе⁴, включает концепцию медицинской помощи, которая характеризуется особым объектом – определенным комплексом медицинских действий и особым субъектом – профессионалами в сфере медицины.

В федеральном законодательстве отсутствует комплексное понятие медицинской помощи. Под медицинской помощью понимаются «профилактические и реабилитационные процедуры, проводимые при болезнях, травмах, отравлениях и родах»⁵. Термин «медицинская деятельность» в российском законодательстве означает реализацию медицинских услуг при проведении доврачебной, амбулаторно-поликлинической, стационарной, высокотехнологичной, скорой, санаторно-курортной медицинской помощи (п. 4 Положения о лицензировании медицинской деятельности⁶).

В Российской Федерации фундаментальным правовым институтом социального законодательства принято считать институт социальных услуг.

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 23.11.2024) // Собр. законодательства Российской Федерации. 1996. № 1, ст. 16.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013>.

³ Там же.

⁴ A Declaration on the Promotion of Patients' Rights in Europe (European Consultation on the Rights of Patients, Amsterdam 28–30 March 1994). URL: <https://btmop.pt/declaracaopelosdireitosdosdoentesnaeuropa.pdf>.

⁵ О способах оплаты медицинской помощи, оказанной в рамках программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи [Электронный ресурс]: письмо Минздрава России от 15 дек. 2014 г. № 11-9/10/2-9454. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляющей медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково») и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 1 июня 2021 г. № 852 (в ред. 08.05.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Услуги – это самостоятельный объект гражданских прав, регулированию которых посвящена глава 39 Гражданского кодекса РФ¹.

Социальные и публичные услуги разумно отличать от услуг, являющихся объектом гражданских прав. Социальные услуги есть результат обеспечения целевых социальных программ и проводятся в рамках государственной политики муниципальными и государственными организациями социальной службы, носят субъектную направленность, финансируются из госбюджета и внебюджетных фондов. Регистр предоставляемых социальных услуг ограничен и нормативно закреплен.

В зависимости от того, кем и как финансируются медицинские услуги, их можно разделить условно на две группы:

– услуги, которые оказываются за счет средств бюджета и ОМС и не оплачиваются напрямую самим гражданином;

– платные услуги.

Медицинская помощь – это система мероприятий, удовлетворяющих спрос населения непосредственно в сохранении и восстановлении здоровья с помощью системы действий, целью которых является профилактика, диагностирование и лечение заболеваний². Однако существует и научная дефиниция понятия «медицинская помощь», что послужило предметом многочисленных доктринальных интерпретаций [10, с. 122]. Законодательные нормы об оказании услуг не правоприменимы в отношении донарства крови, трансплантации органов, танатологии, клинических исследований³, поскольку критерием услуги, относящейся к разряду медицинских, является цель, так как медицинская помощь представляется при утрате здоровья.

Правомочия по охране здоровья и медпомощи предполагают не только поведение правоприменителя, но и обеспеченность гарантирующими средствами, позволяющими отнести данное право к числу субъективных. Как мы знаем, конституционно такое субъективное право нашло отражение в статье 41, где законодателем были предусмотрены специальные возможности, гарантируемые государством.

Очевидно, что право на здоровье и медпомощь обладает признаками социально-экономического характера. В этой связи встает вопрос о том, как гражданину отстоять свое нарушенное право. Само по себе конституционное закрепление еще не дает ему возможности полноценно защитить свои права в суде, поскольку в данном случае нет конкретного ответчика. Гражданский иск, направленный на защиту здоровья и получение медпомощи, может иметь

место, если гражданин обратился за реализацией своего права и получил отказ или неквалифицированную помощь. В таком случае есть возможность обратиться с иском к нарушителю.

Право субъекта на медицинскую помощь предоставляет носителю следующие правомочия:

– право-пользование (распоряжение собственным здоровьем);

– право-поведение (человек может совершать действия, направленные на получение необходимой ему информации о факторах, влияющих на состояние здоровья, и обращаться в медицинские учреждения за получением квалифицированной медицинской помощи);

– право-требование (человек может требовать исполнения действий, изложенных в пункте «право-поведение»);

– право-притязание (право на защиту права на охрану здоровья в случае его нарушения через муниципальные органы, прокуратуру, суд).

Таким образом, право субъекта на защиту своего здоровья представляет собой возможность воспользоваться нормами закона для охраны своего состояния и здоровья, равно как и не совершать действий, приводящих к ухудшению здоровья. Граждане могут укреплять свое здоровье всеми доступными и незапрещенными приемами и средствами. Медпомощь можно получить в медицинских учреждениях или у частнопрактикующих специалистов.

Основания для предоставления медицинской помощи бесплатно:

– заключение договора обязательного медицинского страхования;

– наличие требующего неотложного вмешательства состояния, угрожающего жизни и здоровью человека.

На обладателя права на медпомощь не возлагается обязательство совершать действия во вред организму. Именно для этого и существует право отказаться от статуса пациента и выбрать пассивное поведение.

Охрана здоровья населения – функция социального государства, требующая немалых финансовых затрат, поэтому право бесплатной медицинской помощи предоставляется прежде всего лицам, имеющим устойчивую правовую связь с государством, выраженную в институте гражданства. В нашей стране все, в том числе неграждане, имеют тождественные права в области медицины, кроме случаев, указанных в законе или в международном документе. В отдельных случаях страна может взять на себя дополнительные обязательства в отношении граждан той или иной страны.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) // Собр. законодательства Российской Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.

² О признании утратившим силу приказа Министерства здравоохранения Российской Федерации от 10 апреля 2001 г. № 113 «О введении в действие Отраслевого классификатора «Простые медицинские услуги»» [Электронный ресурс]: Приказ Минздравсоцразвития России от 26 апр. 2012 г. № 413. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О защите прав потребителей: Закон Российской Федерации от 7 февр. 1992 г. № 2300-1 (в ред. от 08.08.2024) // Собр. законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 140.

В России действует система страховой медицины. Поэтому существующая система отличается от более ранней, когда медицину финансировало только государство. Сегодня закон определяет перечень тех, кто подлежит ОМС на общих условиях. Это две группы субъектов: все работающие; среди неработающих – несовершеннолетние, ограниченные в трудоспособности.

Базовыми направлениями государственной политики детерминируется субъектный состав права на медпомощь граждан РФ, социально поддерживаемых отдельных категорий граждан, определяется возможность получения конкретных объемов и видов медицинской помощи, очередность получения, источники финансирования, системы льгот.

При взаимодействии права на охрану здоровья с иными правами человека возможен конфликт – например, в случае необходимости нарушить право на защиту неприкосновенности или личной жизни одного человека для защиты здоровья другого. Право на неприкосновенность и право на охрану здоровья воздействуют на взаимоотношения людей. Апелляция к последнему усложняется ввиду того, что право на охрану здоровья создавалось для защиты от неправомерного влияния государства, а не от действий других людей.

На заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ был принят Модельный закон «Об охране репродуктивных прав и репродуктивного здоровья граждан»¹. Как и другие документы, принятые на международных конференциях, он носит рекомендательный характер для государств. Вместе с тем это шаг вперед к признанию репродуктивных прав и их более эффективной защите.

Среди прав в области репродукции данный закон выделяет следующие:

- на получение сведений в области репродукции, в том числе о собственном состоянии;
- на сохранение сведений о своем репродуктивном здоровье в тайне;
- на самостоятельное принятие решений о репродуктивном выборе;
- на лечение бесплодия с условием соблюдения норм закона, в том числе прибегая к разным ВРТ;
- на семейное планирование, безопасное материнство;
- на донорство клеток;
- на сохранение своих половых клеток;
- на искусственное прерывание беременности и стерилизацию.

Все перечисленные права обеспечиваются комплексом мероприятий по охране репродуктивного здоровья во всех его проявлениях. И это не просто

доступ к прерыванию беременности и контрацепции, но также доступ к безопасной акушерской и гинекологической помощи, адекватному перинатальному питанию и уходу, то есть важная часть медицинского обслуживания женщин в целом [16, с. 480–481].

Итак, анализ прав в области репродукции в системе конституционных прав позволил авторам настоящего исследования сделать ряд обобщающих выводов. Хотя в последние годы наблюдается определенное признание данной категории прав наряду с иными основными правами, которые закреплены на национальном и межгосударственном уровне, все же большей частью такие акты имеют не предписывающий, а рекомендательный характер. Главным образом это относится к международным нормам. В связи с этим защита прав в области репродукции осуществляется в основном посредством конвенционных органов при помощи выработанной ими позиции и порядка. Но ввиду отсутствия у различных стран единого подхода к пониманию данного вопроса эти органы редко вмешиваются в его решение. Во многом это касается вопросов использования ВРТ. Сами же права в области репродукции достигают защиты через призму базовых прав, установленных в определяющих международных договорах. Речь идет в основном о правах на свободный выбор и решение личных и семейных вопросов, о запрете любой формы дискrimинации, жестокого обращения и пр.

Вышеизложенное позволяет авторам заключить, что в современном мире сложились значительные правовые различия в сфере регулирования прав на доступ к ВРТ, в том числе в вопросах использования доноров и суррогатных матерей, правового статуса эмбриона и др.

Следует констатировать, что темпы роста репродуктивных технологий значительно опережают развитие законодательства в данной отрасли, поэтому возникают проблемы в правовом регулировании.

В ряде стран коммерческое суррогатное материнство запрещено законом. К таковым можно отнести страны Европейского союза. Максимальные ограничения, охватывающие не только коммерческое, но и безвозмездное суррогатное материнство, наблюдаются в Германии, Финляндии, Франции. Напротив, в Грузии, Греции, Индии, Иране и России полное суррогатное материнство доступно². Свои корректизы вносит также демографическая политика отдельных стран. В Российской Федерации демографические показатели демонстрируют отрицательную динамику, а суммарный коэффициент рождаемости на 2023 год равен 1,41. Это минимальное значение с 2006 года. Хотя прогноз Росстата

¹ Модельный закон «Об охране репродуктивных прав и репродуктивного здоровья граждан» (принят в г. Санкт-Петербурге 28 нояб. 2014 г. постановлением 41-21 на 41-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств). URL: <http://www.parliament.am/library/modelayin%20orenqner/313.pdf>.

² Определение дальнейшей судьбы детей, рожденных от суррогатной матери, при установлении нарушений со стороны лиц, воспользовавшихся ее услугами. URL: <https://ksrf.ru/ru/Info/External/ComparativeOverview/Documents/17/Судьба%20детей,%20рожденных%20от%20суррогатной%20матери.pdf>.

утверждает вероятный рост данного показателя к 2030 году при низком значении с 1,311 до 1,381, при высоком значении с 1,419 до 1,516¹. Следствием изложенного является смещение акцента в правовом регулировании как ВРТ, так и правового статуса ребенка на уровень национального законодательства.

Практика законодательного регулирования странами – участниками двух интеграционных объединений – Содружества Независимых Государств и Евразийского экономического союза – не содержит норм, прямо регламентирующих или выделяющих статус ребенка, зачатого и рожденного с использованием ВРТ (табл. 2).

Таблица 2

Сопоставление конституционно-правовых норм национального законодательства, регламентирующих правовой статус детей, зачатых с использованием ВРТ

Государство	Нормативное закрепление
Республика Армения	Закон Республики Армения от 26 декабря 2002 г. № 3Р-474 «О репродуктивном здоровье и репродуктивных правах человека»: статья 11 запрещает планировать пол ребенка; статья 16 устанавливает правовую связь между ребенком и биологическим родителем, носителем генотипа которого является ребенок
Республика Беларусь	Закон Республики Беларусь от 7 января 2012 г. № 341-3 «О вспомогательных репродуктивных технологиях» исходит из приоритета ценности семейного воспитания детей, рожденных с использованием ВРТ. Постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 24 декабря 2019 г. № 124 «О вопросах применения вспомогательных репродуктивных технологий» допускает выбор пола ребенка при наличии риска наследственных заболеваний
Республика Казахстан	Кодекс Республики Казахстан от 26 декабря 2011 г. № 518-IV «О браке (супружестве) и семье»: статья 47 регламентирует установление происхождения ребенка в случае использования такой технологии ВРТ, как суррогатное материнство, на основании соответствующего договора; статья 54 презюмирует родительские права и обязанности в отношении ребенка, родившегося в результате применения ВРТ. Кодекс Республики Казахстан от 7 июля 2020 г. № 360-VI ЗРК «О здоровье народа и системе здравоохранения»: статья 148 устанавливает запрет на получение донором информации о дальнейшей судьбе своих донорских половых клеток
Кыргызская Республика	Закон Кыргызской Республики от 12 января 2024 г. № 14 «Об охране здоровья граждан в Кыргызской Республике»: статья 104 запрещает биологическим родителям отказываться от ребенка до его регистрации на свое имя

Авторы, используя изложенный в настоящей таблице нормативный материал, делают вывод о том, что главным направлением правового регулирования статуса ребенка, зачатого и рожденного с использованием ВРТ, является определение его дальнейшей судьбы и установление родительской связи с его биологическими родителями. В случае с детьми, зачтанными и рожденными без использования ВРТ, подобного комплекса проблем не возникает, так как законодательство о браке, семье и охране здоровья содержит необходимые правовые механизмы и процедуры установления родительства, а значит, и прав и обязанностей между родителями и детьми. Биологическая и социальная связь между матерью и рожденным ею ребенком не вызывает сомнения. Ситуация несколько усложняется при установлении отцовства, ибо биологическая и социальная связь здесь не имеет очевидного характера и нуждается в установлении и закреплении на основе признания состояния брака между родителями или воли матери и отца, если брачные отношения отсутствуют. Установление отцовства и

материнства в судебном порядке нуждается в доказывании².

В ситуации с суррогатным материнством законодатель оказывается перед проблемой соотнесения интересов биологических родителей, предоставивших генетический материал, суррогатной матери и ребенка. Ее разрешение наиболее удовлетворительным образом возможно на основе принципа единства семьи и противодействия распаду семьи как наиболее существенной меры наилучшего обеспечения интересов детей и их прав. Ребенок не должен разлучаться со своими родителями³. В контексте настоящего исследования интерес представляет формулировка «наилучшее обеспечение интересов ребенка». Она не является чем-то совершенно новым и встречается в международных документах, принятых ранее, например в Декларации прав ребенка 1959 года⁴. Но применительно к определению судьбы детей, рожденных с использованием ВРТ, представленный выше термин призван разрешить правовую неопределенность при наличии спора о родительстве с участием суррогатной матери или донора генетического материала.

¹ Федеральная служба государственной статистики. Демография. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>.

² О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 16 (в ред. от 26.12.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Замечание общего порядка № 14 2013 г. о праве ребенка на удовление первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов // Комитет ООН по правам ребенка. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g13/441/91/pdf/g1344191.pdf>.

⁴ Декларация прав ребенка // Международная защита прав и свобод человека: сб. документов. М.: Юрид. лит., 1990. С. 385–388.

Если ребенок рожден суррогатной матерью, которая не имеет намерения установить с ним отношения родительства и осуществлять его воспитание, наилучшему обеспечению интересов ребенка будет соответствовать передача его биологическим родителям, имеющим с ребенком генетическое родство. Такие родители преодолели организационные и финансовые трудности на пути к ответственному родительству, и вероятность обеспечения ими ребенку надлежащего ухода и воспитания существенно выше. Если суррогатная мать принимает решение оставить ребенка себе, не имея при этом с ним генетического родства, возникает коллизия, нуждающаяся в разрешении. Из таблицы 2 следует, что ближайшие к Российской Федерации государства не в полной мере удовлетворительно делают это, устанавливая, во-первых, приоритет ценности семейного воспитания ребенка, зачатого и рожденного с использованием ВРТ; во-вторых, правовую связь между ребенком и родителем, обладающими общим генетическим родством; в-третьих, определяя происхождение ребенка в том числе на основе договора о суррогатном материнстве. Как свидетельствует обобщение зарубежной практики конституционного контроля, случаи отказа со стороны органов государственной власти в передаче данных детей биологическим родителям крайне редки¹.

Почему все же регулирование в данной области нельзя признать в полной мере удовлетворительным? Единообразная правовая регламентация здесь отсутствует, и недостаточно учитывается разнообразие применяемых репродуктивных технологий. В частности, суррогатное материнство предполагает как использование яйцеклетки суррогатной матери, оплодотворенной генетическим материалом биологического отца, так и вынашивание ребенка, зачатого вне пределов организма суррогатной матери из генетического материала биологических родителей или доноров. У ребенка может быть генетическое родство: с суррогатной матерью и биологическим отцом; с суррогатной матерью и донором, предоставившим на условиях анонимности генетический материал социальным родителям будущего ребенка; с биологическими родителями, заключившими с суррогатной матерью договор (зачатие происходит *in vitro*). Или у ребенка может не быть родства ни с кем из упомянутых сторон данного

правоотношения, помимо анонимных доноров генетического материала. Именно такое многообразие и этическую сложность не может во всей полноте учесть национальное законодательство. Дабы прояснить ситуацию, некоторые страны, приведенные в табл. 2, в частности Армения и Республика Казахстан, вводят юридические ограничения, устанавливая в качестве обязательного правила генетическое родство хотя бы с одним из родителей. В отношении доноров вводится запрет на дальнейшие попытки выяснить судьбу генетического материала и возможность установить отношения с генетически родственным донором ребенком, разрушая тем самым сложившиеся семейные связи (Республика Казахстан).

Авторы указывают на отсутствие правовых дефиниций и нормативного регулирования статуса ребенка, зачатого и рожденного с использованием репродуктивных технологий в России. Следует отметить и тот факт, что само определение термина «ребенок» в отечественном законодательстве крайне несовершенно² и является объектом справедливой критики со стороны научного сообщества [15; 3, с. 149–152; 18, с. 40–43]. Хотелось бы также отметить, что за истекшую четверть века все альтернативные и уточняющие статус ребенка дефиниции не получили закрепления в действующем законодательстве. Относительно определения особенностей правового статуса ребенка, зачатого и рожденного с использованием ВРТ, можно констатировать их полное отсутствие.

В обоснование гипотезы настоящего исследования приводим некоторые правоприменительные казусы (табл. 3). Представленные в настоящей таблице казусы демонстрируют противоречивость практики регламентации отечественным законодателем сферы использования ВРТ. Как нами было указано выше, нормы международных соглашений и законодательство ряда стран исходят здесь из принципа наилучшего обеспечения прав ребенка. В Российской Федерации данная сфера отношений регулируется Семейным кодексом РФ³, Федеральными законами «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»⁴ и «Об актах гражданского состояния»⁵, а также приказом Минздрава России «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению»⁶. Разрешено в том числе коммерческое суррогатное материнство.

¹ Определение дальнейшей судьбы детей, рожденных от суррогатной матери...

² Семейный кодекс Российской Федерации от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 23.11.2024) // Собр. законодательства Российской Федерации. 1996. № 1, ст. 16; Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: Федер. закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ (в ред. от 23.11.2024) // Собр. законодательства Российской Федерации. 1998. № 31, ст. 3802.

³ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 23.11.2024) // Собр. законодательства Российской Федерации. 1996. № 1, ст. 16.

⁴ Об актах гражданского состояния: Федер. закон от 15 нояб. 1997 г. № 143-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) // Собр. законодательства Российской Федерации. 1997. № 47, ст. 5340.

⁵ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федер. закон от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 28.12.2024). // Собр. законодательства Российской Федерации. 2011. № 48, ст. 6724.

⁶ О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению [Электронный ресурс]: приказ Минздрава России от 31 июля 2020 г. № 803н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» / URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

**Казусы, демонстрирующие различия правового статуса
и фактического положения детей, зачатых с использованием ВРТ**

Описание казуса	Правоприменительная практика
Супруги Ч. с гражданкой Р. заключили договор об оказании услуг суррогатного материнства, где первые выступили в качестве генетических доноров, а вторая – суррогатной матери. После наступления беременности гражданка Р. отозвала заявление об участии в программе суррогатного материнства, а после рождения ребенка, несмотря на отсутствие генетического родства, записала его в качестве своего	Решением суда общей юрисдикции в удовлетворении исковых требований супругов Ч. к гражданке Р. было отказано. Аналогичную позицию высказал суд кассационной инстанции, так как своего согласия на запись супругов Ч. родителями ребенка Р. не давала. В передаче надзорных жалоб судьями областного суда и Верховного Суда РФ супругам Ч. было отказано. В принятии жалобы в Конституционный Суд РФ на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 СК РФ и пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» также было отказано
Гражданка С., будучи суррогатной матерью, не дала своего согласия на запись генетических доноров в качестве родителей рожденных ею детей и записала таковыми себя и своего супруга	Решением суда общей юрисдикции по первой инстанции требования генетических родителей к гражданке С. об изменении сведений о родителях в книге записей актов гражданского состояния и взыскании морального ущерба с ответчицы были удовлетворены. В апелляционной инстанции дело практически устояло, за исключением компенсации морального ущерба, которая была отменена. Впоследствии гражданка С. обратилась в Конституционный Суд РФ с жалобой о нарушении конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51, пункта 3 статьи 52 СК РФ, пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», части 9 статьи 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». В принятии жалобы было отказано
Гражданка М. Ю. Щаникова после смерти супруга использовала его биологический материал для зачатия ребенка. Материал был получен при жизни мужчины и с его согласия. Он доверил гражданке М. Ю. Щаниковой использовать данный материал по ее усмотрению. После рождения детей (близнецовых) и установления факта отцовства гражданка М. Ю. Щаникова обратилась за назначением пенсии по потери кормильца. Пенсионный фонд Российской Федерации в назначении пенсии отказал	Суды общей юрисдикции отказали в удовлетворении исковых требований гражданки М. Ю. Щаниковой к Пенсионному фонду РФ об установлении пенсии по случаю потери кормильца в связи с тем, что дети были зачлены уже после смерти отца. В части 2 статьи 48 Семейного кодекса РФ установлен предельный срок установления отцовства с момента смерти мужчины в триста календарных дней. Поскольку к моменту зачатия супруг был мертв, а дети родились позднее вышеуказанного срока, они не находились и не могли находиться на иждивении мужа гражданки М. Ю. Щаниковой. Судами всех инстанций была подтверждена законность и обоснованность настоящей позиции. Дело находилось на рассмотрении в Конституционном Суде РФ, куда обратилась гражданка Щ. с заявлением об оспаривании конституционности положений частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях». Конституционный Суд РФ в постановлении от 11 февраля 2025 года признал, что среди вспомогательных репродуктивных технологий имеет место и постмортальная репродукция, позволяющая зачать и родить ребенка после смерти одного или даже обоих генетических родителей. Правоприменители в истолковании статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях», отказывая М. Ю. Щаниковой в ее требованиях об установлении пенсии по случаю потери кормильца, исходили из невозможности автоматически распространить положения указанной нормы и на детей, рожденных по результатам ее осуществления. Такой подход ведет к снижению уровня социальной поддержки ребенка по сравнению с детьми, рожденными при жизни отца или в течение трехсот дней после его смерти, и не имеет под собой конституционных оснований
Гражданка (имя не раскрывается) с супругом еще при его жизни обратились для проведения процедуры экстракорпорального оплодотворения. Полученные эмбрионы гражданка использовала уже после смерти мужа. После рождения ребенка, установления отцовства и признания за ребенком права на наследственное имущество гражданка обратилась за назначением пенсии по потери кормильца, в чем Социальный фонд России ей отказал	Химкинский городской суд Московской области вынес решение по первой инстанции об удовлетворении исковых требований истца к Социальному фонду России об установлении пенсии по случаю потери кормильца

В то же время законодатель налагает ряд серьезных ограничений, ведущих к значительным рискам для благополучия ребенка, зачатого и родившегося с использованием ВРТ. Наиболее показательным является следующий комплекс проблем. Для использования суррогатного материнства граждане (только граждане Российской Федерации. – Прим. авт.) выступают донорами генетического материала, то есть мужчина предоставляет донорскую сперму, а мать – донорские ооциты, мужчина становится генетическим отцом ребенка, а мать, соответственно, генетической матерью. Одинокой женщине можно использовать донорскую сперму. Использовать суррогатную мать в качестве донора яйцеклетки запрещено. Из изложенного следует, что между суррогатной матерью и зачатым и рожденным в рамках данной процедуры ребенком исключено генетическое родство. Препятствий по передаче ребенка генетическим родителям и записи их в качестве таковых быть не должно. Однако часть 5 статьи 51 СК РФ и пункт 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» требуют согласия суррогатной матери на запись генетических доноров родителями ребенка, притом что они в обязательном порядке состоят в зарегистрированном браке и являются генетическими родителями зачатого и рожденного с использованием ВРТ ребенка. Подобное согласие требуется и одинокой женщине, если она решила прибегнуть к услугам суррогатной матери. Имеется значительный объем судебной практики по делам об отказе в даче подобного согласия, в связи с чем страдают в первую очередь именно интересы ребенка и его право на родительские отношения. Конституционный Суд РФ также неоднократно отказывал заявителям в приеме жалоб на конституционность положений законов, создающих описываемую правовую коллизию. Следует отметить, что в казусах, приведенных в табл. 3, не все судьи соглашались с общей позицией органа конституционного контроля. Имели место особые мнения судей Конституционного Суда РФ С. Д. Князева¹ и А. Н. Кокотова², что свидетельствует об актуальности проблемы, не решенной и в настоящее время. Хотя для разрешения этой ситуации законодатель имеет все возможности и инструменты. До статочно определиться и выбрать одну из возможных моделей правового регулирования суррогатного материнства, руководствуясь при этом нравственным началом и заботой о благе ребенка, зачатого и

родившегося с использованием ВРТ. Установление полного запрета на использование технологии суррогатного материнства будет свидетельствовать о торжестве морали, устранив подход к материнству как способу зарабатывания материальных средств посредством эксплуатации репродуктивных возможностей женского организма. С другой стороны, снятие требования о согласии суррогатной матери на запись генетических родителей в книгу регистрации рождений будет свидетельствовать об усугублении коммерциализации данного направления репродуктивных технологий и игнорировании нравственных аспектов проблемы, в том числе материнских чувств суррогатной матери.

Другим аспектом исследуемой проблемы иска-
жения правового статуса детей, зачатых и рожден-
ных с использованием ВРТ, является недолжное со-
циальное обеспечение указанной группы, в отличие
от детей, зачатых и рожденных без использования
ВРТ в рамках естественных биологических сроков³.
Сохранение и использование генетического матери-
ала супругами и иными родственниками умерших
людей стало обыденной реальностью. Граждане,
имея возможность добровольной консервации и бу-
дущего использования с их согласия генетического
материала, полнее обеспечивают свое естественное
право на продолжение рода. В дальнейшем после
его реализации появившийся на свет ребенок и его
родитель сталкиваются с серьезными проблемами
по следующим направлениям: во-первых, установле-
ние отцовства исключительно в судебном порядке,
так как биологический отец к моменту рождения ре-
бенка мог быть уже мертв; во-вторых, участие ре-
бенка в наследственных правоотношениях; в-третьих,
получение социального обеспечения: пособий,
пенсии, иных форм материальной поддержки граж-
дан, имеющих детей. Особую актуальность в настоя-
щее время приобрели вопросы назначения и вы-
платы пенсии по случаю потери кормильца, так как
смерть биологического отца дает возможность
утверждать отсутствие состояния иждивения у ро-
дившегося ребенка в практике рассмотрения подоб-
ной категории дел судами общей юрисдикции, о чем
свидетельствуют материалы, представленные
в табл. 3. Позиция Конституционного Суда Российской
Федерации последовательно указывает на необходи-
мость сохранения целостности конституционного ста-
туса личности независимо от способа зачатия и

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч.П. и Ч.Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 15 мая 2012 г. № 880-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан С.Д. и С.Т. на нарушение их конституционных прав пунктом 4 статьи 51, пунктом 3 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пунктом 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», частью 9 статьи 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 27 сент. 2018 г. № 2318-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Габдуллина Э. Закон не заметил потери отца: КС рассматривает право на господдержку для детей, зачатых от спермы умершего // Коммерсантъ. 2024. 23 окт. (№ 195). С. 5.

появления на свет¹. Развитие биомедицинских технологий идет стремительно, и, как отмечает орган конституционного контроля, законодатель не всегда успевает за ними, а правоприменителю приходится с известной осторожностью прибегать к расширительному или, напротив, ограничительному истолкованию существующих норм, а также к другим способам преодоления пробелов в правом регулировании. Но это не должно снижать уровень социальной защищенности человека и порождать асимметрию правового статуса.

Выводы

Надлежащее правовое регулирование статуса ребенка, зачатого и рожденного с использованием вспомогательных репродуктивных технологий, является на сегодняшний день значимой проблемой для отечественной правовой системы, без решения которой не представляется возможным выравнивание положения данной категории детей с учетом принципа наилучшего обеспечения их интересов.

Необходимо пересмотреть законодательную регламентацию дефиниций понятий «ребенок» и «правовой статус ребенка» с усилением правовой конструкции обеспечения принципа равенства всех детей, независимо в том числе от способа их зачатия и рождения. Столь же необходимым шагом является ликвидация значительного отставания отечественного законодательства в части регулирования ВРТ с учетом уровня их развития и широты использования, а также их значения в преодолении проблемы бесплодия и формировании ответственного родительства.

Модели регулирования анализируемой сферы общественных отношений в зарубежных странах демонстрируют существенную вариативность с учетом культурных, экономических и демографических факторов. Значительное воздействие оказывает сложившийся комплекс моральных норм, присущих конкретному обществу, – от полного запрета использования репродуктивных технологий до самых широких возможностей, предоставляемых системой здравоохранения конкретного государства. Открытая политика Российской Федерации в области предоставления медицинских услуг по репродукции человека привела к злоупотреблению со стороны иностранных граждан возможностями и правом получения медицинской помощи, сделала возможной эксплуатацию в коммерческих целях репродуктивного здоровья российских граждан. Меры, принятые в последние годы и направленные на исключение для иностранных граждан возможности получения подобного рода медицинских услуг, делают эти услуги более доступными для российских граждан, позволяют несколько сгладить этические проблемы, особенно остро встающие при использовании такой

репродуктивной технологии, как суррогатное материнство. Семья является основой любого общества и единственным способом его воспроизведения и сохранения. В этой связи представляется важным устранить неопределенность в правовом регулировании суррогатного материнства, сделав выбор в пользу интересов ребенка.

Библиографический список

- Соловьев А. А., Аристов Е. В. Принудительное медицинское вмешательство в зарубежных государствах: административные и судебные процедуры // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 49. С. 418–441. DOI: 10.17072/1995-4190-2020-49-418-441.
- Бурмистрова Е. В. Правовое регулирование суррогатного материнства в России // Медицинское право. 2014. № 1. С. 38–41.
- Величкова О. И. О понятии «ребенок» в свете положений Семейного кодекса РФ и Конвенции о правах ребенка // Семейное право на рубеже XX–XXI веков: к 20-летию Конвенции ООН о правах ребенка: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 18 декабря 2010 г.). М.: Статут, 2011. С. 149–152.
- Гландин С. В. О статусе эмбриона человека в свете права на уважение личной и семейной жизни в европейском и российском праве // Закон. 2014. № 4. С. 136–141.
- Джеймс С. Д. Беременная женщина борется с судебным приказом о постельном режиме. Беременные женщины могут быть наказаны за пьянство, превышение скорости, плохое питание URL: <https://abcnews.go.com/Health/florida-court-orders-pregnant-woman-bed-rest-medical/story?id=9561460>.
- Журавлева Е. М. Проблемы наследования насцитуруса в рамках действия договора суррогатного материнства // Наследственное право. 2013. № 1. С. 10–13.
- Зайцева А. М. Начало жизни человека как граница конституционной правоспособности // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 10. С. 17–24.
- Лоренц Д. В., Шотт Е. К. Правоспособность насцитуруса: наследственно-правовой аспект // Наследственное право. 2015. № 3. С. 24–28.
- Назарова Е. Н., Жилов Ю. Д. Здоровый образ жизни и его составляющие: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2007. 254 с.
- Иванов С. А., Нифанов А. Н. Современные доктринальные и конституционно-правовые подходы дефинирования медицинской помощи в России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2019. Т. 44, № 1. С. 121–126.

¹ По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданки М. Ю. Щаниковой [Электронный ресурс]: Постановление Конституционного Суда РФ от 11 февр. 2025 г. № 6-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Плотникова Е. С. Репродуктивные права человека и их защита в Российской Федерации и зарубежных странах (конституционно-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2023. 22 с.
12. Понкин И. В., Понкина А. А., Синельникова В. Н., Блинов Д. В. Понятия «медицинская помощь» и «медицинская услуга»: гражданско-правовой анализ // Акушерство, гинекология и репродукция. 2022. Т. 16, № 1. С. 29–37. DOI: 10.17749/2313-7347/ob.gyn.rep.2022.289.
13. Романовский Г. Б. Статус эмбриона в современном праве // Гражданин и право. 2011. № 12. С. 23–32.
14. Рыжова А. А. Эмбрион как субъект конституционного права // Наука. Общество. Государство. 2016. Т. 4, № 4 (16). URL: [https://esj.pnzgu.ru/ryzhova_aa_16_4_07.pdf](https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/ryzhova_aa_16_4_07.pdf).
15. Савельева Н. М. Правовое положение ребенка в Российской Федерации: гражданско-правовой и семейно-правовой аспекты. Самара: УниверсГрупп, 2006. 151 с.
16. Сиппель С., Суоху С., Штольц С. Достижения глобального сексуального и репродуктивного здоровья и прав, приводящие к изменениям прав человека // Fordham. 2018. Vol. 12, № 6. Pp. 459–481.
17. Суринская Я. Российский суд впервые признал пенсию рожденному после смерти отца ребенку. В Конституционном суде готовится решение о проверке норм закона «О страховых пенсиях». URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/12/24/1083300-rossiiskii-sud-vpervie-prisudil-pensiyu-rebenku-beremennost-kotorim-nastupil-aposle-smerti-ottsa>.
18. Усачева Е. А. Понятие «ребенок» в категориальном аппарате семейно-правового регулирования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 8. С. 40–43.
19. Федосеева Н. Н., Фролова Е. А. Проблема определения правового статуса эмбриона в международном и российском праве // Медицинское право. 2008. № 1. С. 36–40.
20. Andre C., Velasquez M. Forcing Pregnant Women to Do as They're Told. Maternal vs. Fetal Rights. URL: <https://www.scu.edu/ethics/focus-areas/bioethics/resources/forcing-pregnant-women-to-do-as-theyre-told/>.
21. Bayles M. D. Reproductive Ethics. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1984. 144 p.
22. Coen-Sanchez K., Cherise L. A. Ebenso B., El-Mowafy I. M. [et al.] Repercussions of Overturning Roe v. Wade for Women Across Systems and Beyond Borders // Reproductive Health. 2022. № 19. Art. 184. DOI: 10.1186/s12978-022-01490-y.
23. Diamond M. Pregnant Women Who Lose Babies Face Criminal Charges in Mississippi, Alabama. 2011. URL: <http://thinkprogress.org/justice/2011/07/01/256823/pregnant-women-criminal-charges.html>.
24. Häring B. Medical Ethics. Slough: St Paul Publications, 1972. 250 p.
25. Hendricks P. Even if the Fetus is not a Person, Abortion is Immoral: The Impairment Argument // Bioethics. 2019. Issue 33 (2). Pp. 245–253. DOI: 10.1111/bioe.12533.
26. Kottow M. Colpo di chiesa in Cile (Italian translation) // Agenda Coscioni. 2008. Vol. 3/6. 316 p.
27. Linkins J. Anti-Abortion Georgia Lawmaker Proposes Law that Would Criminalize Miscarriages. URL: https://www.huffpost.com/entry/antiabortion-georgia-lawm_n_827340.
28. Nathanson B. N., Ostling R. N. Aborting America. Garden City (N.Y.): Doubleday, 1979. 320 p.
29. Paltrow L., Jack K. Pregnant Women, Junk Science, and Zealous Defense // URL: <http://advocatesforpregnantwomen.org/publications/Champion30.pdf>.
30. Singh P. Fetuses, Newborns, and Parental Responsibility // Journal of Medical Ethics. 2020. Issue 46 (3). Pp. 188–193. DOI: 10.1136/medethics-2019-105592.
31. Präg P., Mills M. C. Assisted Reproductive Technology in Europe. Usage and Regulation in the Context of Cross-Border Reproductive Care // URL: <http://www.familiesandsocieties.eu/wp-content/uploads/2015/09/WP43PragMills2015.pdf>.
32. Saunders W. Contraceptives Diminish Marital Union (Part 3). URL: <http://catholiceducation.org/articles/religion/re0660.html>.
33. Schenker J. G., Cain J. M. FIGO Committee for the Ethical Aspects of Human Reproduction and Women's Health // International Journal of Gynecology and Obstetrics. 1999. Issue 64 (3). Pp. 317–322. DOI: 10.1016/s0020-7292(98)00266-5.
34. Tooley M. Abortion and Infanticide // Philosophy and Public Affairs. 1972. Vol. 2, № 1. Pp. 37–65.
35. Waters J. L. In Whose Best Interest? New Jersey Division of Youth and Family Services v. V.M. and B.G. and the Next Wave of Court-Controlled Pregnancies // Harvard Journal of Law & Gender. 2010. Vol. 34:1. Pp. 81–112.

References

1. Aristov E. V., Solov'ev A. A. *Prinuditel'noe meditsinskoe vmeshatel'stvo v zarubezhnykh gosudarstvakh: administrativnye i sudebnye protsedury* [Involuntary Admission to Hospital in Foreign Countries: Administrative and Judicial Procedures]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2020. Issue 49. Pp. 418–441. (In Russ.).
2. Burmistrova E. V. *Pravovoe regulirovanie surrogatnogo materinstva v Rossii* [Legal Regulation of Surrogacy in Russia]. *Meditsinskoje pravo* – Medical Law. 2014. Issue 1 (53). Pp. 38–41. (In Russ.).
3. Velichkova O. I. *O ponyatiyu «rebenok» v svete polozheniy Semeynogo kodeksa RF i Konventsii o pravakh rebenka* [On the Concept of 'Child' in Light of the Provisions of the Family Code of the Russian Federation and the Convention on the Rights of the Child]. *Semeynoe pravo na rubezhe XX–XXI vekov: k 20-letiyu*

Konventsii OON o pravakh rebenka [Family Law at the Turn of the 20th-21st Centuries: on the 20th Anniversary of the UN Convention on the Rights of the Child: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. Kazan, 2011. Pp. 149–152. (In Russ.).

4. Glandin S. V. O statuse embriona cheloveka v svete prava na uvazhenie lichnoy i semeynoy zhizni v evropeyskom i rossiyskom prave [On the Status of the Human Embryo in Light of the Right to Respect for Private and Family Life in European and Russian Law]. *Zakon*. 2014. Issue 4. Pp. 136–141. (In Russ.).

5. James S. D. Pregnant Woman Fights Court-Ordered Bed Rest. Available at: <http://abcnews.go.com/Health/florida-court-orders-pregnant-woman-bed-rest-medical/story?id=9561460>. (In Eng.).

6. Zhuravleva E. M. Problemy nasledovaniya natsiturasom v ramkakh deystviya dogovora surrogategogo materinstva [Problems of Inheritance by Nasciturus Under a Surrogacy Agreement]. *Nasledstvennoe pravo – Inheritance Law*. 2013. Issue 1. Pp. 10–13. (In Russ.).

7. Zaytseva A. M. Nachalo zhizni cheloveka kak granitsa konstitucionnoy pravospособности [The Beginning of Human Life as the Boundary of Constitutional Legal Capacity]. *Konstitucionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 2012. Issue 10. Pp. 17–24. (In Russ.).

8. Lorents D. V., Shott E. K. Pravospособность natsituras: nasledstvenno-pravovoy aspekt [Legal Capacity of Nasciturus: Hereditary Law Aspect]. *Nasledstvennoe pravo – Inheritance Law*. 2015. Issue 3. Pp. 24–28. (In Russ.).

9. Nazarova E. N., Zhilov Yu. D. Zdorovyy obraz zhizni i ego sostavlyayushchie [Healthy Lifestyle and Its Components]. Moscow, 2007. 254 p. (In Russ.).

10. Nifanov A. N., Ivanov S. A. Sovremennye doktrinal'nye i konstitutsionno-pravovye podkhody definirovaniya meditsinskoy pomoshchi v Rossii [Modern Doctrinal and Constitutional Law Approaches to Defining Medical Care in Russia]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* – Belgorod State University. Scientific Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Law. 2019. Vol. 44. Issue 1. Pp. 121–126. (In Russ.).

11. Plotnikova E. S. Reproduktivnye prava cheloveka i ikh zashchita v Rossiyskoy Federatsii i zarubezhnykh stranakh: konstitutsionno-pravovoy aspekt [Human Reproductive Rights and Their Protection in the Russian Federation and Foreign Countries: Constitutional and Legal Aspect: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Belgorod, 2023. 22 p. (In Russ.).

12. Ponkin I. V., Ponkina A. A., Sinelnikova V. N., Blinov D. V. Pomyatiya «meditsinskaya pomoshch'» i «meditsinskaya usluga»: grazhdansko-pravovoy analiz [The Concepts of 'Medical Care' and 'Medical Service': Civil Law Analysis]. *Akusherstvo, ginekologiya i reproduktsiya – Obstetrics, Gynecology and Reproduction*. 2022. Vol. 16. Issue 1. Pp. 29–37. (In Russ.).

13. Romanovskiy G. B. Status embriona v sovremennom prave [Embryo Status in Modern Law].

Grazhdanin i pravo – Citizen and Law. 2011. Issue 12. Pp. 23–32. (In Russ.).

14. Ryzhova A. A. Embrion kak sub"ekt konstitutionnogo prava [Embryo as a Subject of Constitutional Law]. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo – Science. Society. State*. 2016. Vol. 4. Issue 4 (16). Available at: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/ryzhova_aa_16_4_07.pdf (In Russ.).

15. Savel'eva N. M. Pravovoe polozhenie rebenka v Rossiyskoy Federatsii: grazhdansko-pravovoy i semeyno-pravovoy aspekty [Legal Status of a Child in the Russian Federation: Civil and Family Law Aspects]. Samara, 2006. 151 p. (In Russ.).

16. Sippel' S., Suohu S., Shtol'c S. Dostizheniya global'nogo seksual'nogo i reproduktivnogo zdorov'ya i prav, privodyashchie k izmeneniyam prav cheloveka [Achievements of Global Sexual and Reproductive Health and Rights Leading to Changes in Human Rights]. Fordham. 2018. Pp. 459–481. (In Russ.).

17. Surinskaya Ya. Rossiyskiy sud vpervye prisudil pensiyu rozhdennomu posle smerti ottsa rebenku. V Konstitutsionnom sude gotovitsya reshenie o proverke norm zakona «O strahovykh pensiyakh» [Russian Court Awarded Pension to the Child Born after Father's Death for the First Time. The Constitutional Court Is Preparing a Decision to Review the Provisions of the Law 'On Insurance Pensions']. *Vedomosti*. 2024, 24 December. Available at: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/12/24/1083300-rossiiskii-sud-vpervye-prisudil-pensiyu-rebenku-beremennost-kotorim-nastupila-posle-smerti-ottsa>. (In Russ.).

18. Usacheva E. A. Ponyatie «rebenok» v kategorial'nom apparate semeyno-pravovogo regulirovaniya [The Concept of 'Child' in the Categorical Apparatus of Family Law Regulation]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2016. Issue 8. Pp. 40–43. (In Russ.).

19. Fedoseeva N. N., Frolova E. A. Problema opredeleniya pravovogo statusa embriona v mezhdunarodnom i rossiyskom prave [The Problem of Determining the Legal Status of an Embryo in International and Russian Law]. *Meditinskoe pravo – Medical Law*. 2008. Issue 1. Pp. 36–40. (In Russ.).

20. Andre C., Velasquez M. Forcing Pregnant Women to Do as They're Told. Available at: <https://www.scu.edu/ethics/focus-areas/bioethics/resources/forcing-pregnant-women-to-do-as-theyre-told/>. (In Eng.).

21. Bayles M. D. *Reproductive Ethics*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1984. 144 p. (In Eng.).

22. Coen-Sanchez K., Cherise L. A. Ebenso B., El-Mowafy I. M. et al. Repercussions of Overturning Roe v. Wade for Women Across Systems and Beyond Borders. *Reproductive Health*. 2022. Vol. 19. Art. 184. DOI: 10.1186/s12978-022-01490-y

23. Diamond M. *Pregnant Women Who Lose Babies Face Criminal Charges in Mississippi, Alabama*. 2011. Available at: <http://thinkprogress.org/justice/2011/07/01/256823/pregnant-women-criminal-charges.html>. (In Eng.).

24. Häring B. *Medical Ethics*. Slough: St. Paul Publications, 1972. 250 p. (In Eng.).
25. Hendricks P. Even if the Fetus Is Not a Person, Abortion Is Immoral: The Impairment Argument. *Bioethics*. 2019. Issue 33 (2). Pp. 245–253. (In Eng.).
26. Kottow M. Colpo di chiesa in Cile (Italian translation). *Agenda Coscioni*. 2008. Vol. 3/6. 316 p. (In Eng.).
27. Linkins J. *Anti-Abortion Georgia Lawmaker Proposes Law that Would Criminalize Miscarriages*. 2011. Available at: https://www.huffpost.com/entry/antiabortion-georgia-lawm_n_827340. (In Eng.).
28. Nathanson B. N., Ostling R. N. *Aborting America*. Garden City, 1979. 311 p. (In Eng.).
29. Paltrow L., Jack K. Pregnant Women, Junk Science, and Zealous Defense. National Association of Criminal Defense Lawyers. *The Champion*. 2010. May. Available at: <http://advocatesforpregnantwomen.org/publications/Champion30.pdf>. (In Eng.).
30. Singh P. Fetuses, Newborns, and Parental Responsibility. *Journal of Medical Ethics*. 2020. Issue 46(3). Pp. 188–193. (In Eng.). DOI: 10.1136/medethics-2019-105592.
31. Präg P., Mills M. C. Assisted Reproductive Technology in Europe. Usage and Regulation in the Context of Cross-Border Reproductive Care. *Families and Societies Working Paper Series*. 2015. Available at: <http://www.familiesandsocieties.eu/wp-content/uploads/2015/09/WP43PragMills2015.pdf>. (In Eng.).
32. Saunders W. *Contraceptives Diminish Marital Union (Part 3)*. Available at: <https://catholiceducation.org/en/culture/contraceptives-diminish-marital-union-part-3.html>. (In Eng.).
33. Schenker J. G., Cain J. M. FIGO Committee for the Ethical Aspects of Human Reproduction and Women's Health. *International Journal of Gynecology and Obstetrics*. 1999. Issue 64/3. Pp. 317–322. (In Eng.). DOI: 10.1016/s0020-7292(98)00266-5.
34. Tooley M. Abortion and Infanticide. *Philosophy and Public Affairs*. 1972. Vol. 2. No. 1. Pp. 37–65. (In Eng.).
35. Waters J. L. In Whose Best Interest? New Jersey Division of Youth and Family Services v. V. M. and B. G. and the Next Wave of Court-Controlled Pregnancies. *Harvard Journal of Law & Gender*. 2010. Vol. 34:1. Pp. 81–112. (In Eng.).

Информация об авторах:

E. В. Аристов

Доктор юридических наук, заведующий кафедрой конституционного и административного права
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Профессор кафедры правовых дисциплин
и методики преподавания права
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская, 24

ORCID: 0000-0003-2445-3840
ResearcherID: D-2713-2016

Статьи автора в БД Scopus / Web of Science:
DOI: 10.17072/1995-4190-2015-3-8-14
DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-149-157
DOI: 10.17072/1995-4190-2017-38-417-429
DOI: 10.17072/1995-4190-2020-49-418-441
DOI: 10.17072/1995-4190-2023-60-194-214
DOI: 10.17072/1995-4190-2024-65-350-372
DOI: 10.17072/1995-4190-2025-68-175-191

Е. С. Плотникова

Кандидат юридических наук,
начальник юридического отдела
Ассоциация «Совет муниципальных образований
Липецкой области»
399001, Россия, г. Липецк, ул. Плеханова, 1

ORCID: 0009-0005-1729-0790
ResearcherID: MXL-2219-2025

About the authors:

E. V. Aristov

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

Perm State Humanitarian-Pedagogical University
24, Sibirskaya st., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0003-2445-3840
ResearcherID: D-2713-2016

Articles in Scopus / Web of Science:

DOI: 10.17072/1995-4190-2015-3-8-14
DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-149-157
DOI: 10.17072/1995-4190-2017-38-417-429
DOI: 10.17072/1995-4190-2020-49-418-441
DOI: 10.17072/1995-4190-2023-60-194-214
DOI: 10.17072/1995-4190-2024-65-350-372
DOI: 10.17072/1995-4190-2025-68-175-191

E. S. Plotnikova

Association ‘Council of the Municipalities of
the Lipetsk Region’
1, Plekhanova st., Lipetsk, 399001, Russia

ORCID: 0009-0005-1729-0790
ResearcherID: MXL-2219-2025

Информация для цитирования:

Мартынов А. В., Ширеева Е. В. Правовые и практические вопросы использования синтетических данных для целей государственного управления в России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 4(70). С. 526–538. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-526-538.

Martynov A. V., Shireeva E. V. *Pravovye i prakticheskie voprosy ispol'zovaniya sinteticheskikh dannykh dlya tseley gosudarstvennogo upravleniya v Rossii* [Legal and Practical Issues of Synthetic Data Use for Public Administration Purposes in Russia]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2025. Issue 4(70). Pp. 526–538. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-526-538.

УДК 342

DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-526-538

Правовые и практические вопросы использования синтетических данных для целей государственного управления в России

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00491,
<https://rscf.ru/project/25-28-00491/>*

А. В. Мартынов

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
имени Н. И. Лобачевского
E-mail: docpred@yandex.ru

Е. В. Ширеева

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
имени Н. И. Лобачевского
E-mail: shireevaekaterina@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 10.07.2025

Введение: данные становятся основным стратегическим ресурсом, без которого невозможен качественный переход к развитому генеративному искусственному интеллекту и совершенствование методов и подходов к работе с большими данными. Однако обеспечение доступа к большим объемам данных широкого круга пользователей сталкивается с рядом существенных и очень устойчивых правовых барьеров. Цель настоящего исследования – определить практическое значение публичных цифровых озер для создания синтетических данных, а также рассмотреть перспективы их использования для целей публичного управления. **Методы:** исследование базируется на совокупности общенаучных (анализ, синтез, индукция,deduktsiya), частнонаучных (статистический, социологический) и специальных методов познания (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод правового моделирования). **Результаты и выводы:** ключевым вопросом становится определение прав в отношении данных (установление обладателя данных) и наличия в массивах данных чувствительной информации, общий доступ к которой, в силу ряда причин, невозможен и несет в себе существенные риски для государства, общества или личности. В рамках этой тенденции оптимальным решением видится формирование крупных массивов данных (озер данных), управляемых государством, а также распространение практики использования синтетических данных. Россия на пути к экономике данных активно формирует публичные озера данных, которые в потенциале могут стать основой для создания на их основе синтетических данных. С этой целью был проанализирован российский и зарубежный опыт правового регулирования в указанной сфере, выявлены и сформулированы практические и правовые проблемы применения цифровых озер для синтетических данных в целях публичного управления.

© Мартынов А. В., Ширеева Е. В., 2025

Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Ключевые слова: синтетические данные; озеро данных; государственное управление; органы исполнительной власти; искусственный интеллект; правовое регулирование; генеративный искусственный интеллект; машинное обучение

Legal and Practical Issues of Synthetic Data Use for Public Administration Purposes in Russia

*The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project No. 25-28-00491,
<https://rscf.ru/project/25-28-00491/>*

A. V. Martynov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
E-mail: docpred@yandex.ru

E. V. Shireeva

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
E-mail: shireevaekaterina@yandex.ru

Received 10 Jul 2025

Introduction: data are becoming the main strategic source, without which it is impossible to make a qualitative transition to advanced generative artificial intelligence and improve methods and approaches to big data processing. However, there are some significant and deep-rooted legal barriers on the way to providing access to large amounts of data for a wide range of users. **Purpose:** the study aims to substantiate the practical importance of public data lakes for creating synthetic data as well as to explore the prospects for their use for public administration purposes. **Methods:** the research is based on a combination of general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction), special scientific methods (statistical, sociological), and specialized methods of cognition (formal legal, comparative legal methods, legal modeling). **Results and conclusions:** the key issues are the rights in relation to data (who owns the data) and the presence in datasets of sensitive information that, for a number of reasons, must not be openly shared and carries significant risks for the state, society, or the individual. What seems to be the most optimal solution is the formation of large arrays of data (data lakes) managed by the state as well as the spread of the practice of using synthetic data. On its way to a data economy, Russia is actively developing the practice of creation of public data lakes, which can potentially become the source for creating synthetic data. The paper analyzes Russian and foreign experience of legal regulation in this area, identifying practical and legal issues of the use of synthetic data for public administration purposes.

Keywords: synthetic data; data lake; public administration; executive authorities; artificial intelligence; legal regulation; generative artificial intelligence; machine learning

Введение

Развитие технологии искусственного интеллекта (ИИ) высокого уровня порождает необходимость получения и обработки огромного массива информации. Она используется для обучения искусственного интеллекта как в ручном, так и в автономном режиме. При этом образуемые нейросети функционируют не только на основе существующей информации, полученной разными способами и через различные источники, но и посредством создания новых данных, которые не имеют естественного (исходящего от человека) происхождения.

На современном этапе развития цифровых технологий именно генеративный искусственный интеллект считается искусственным интеллектом высокого уровня, то есть способным преобразовывать существующую информацию и создавать абсолютно новые данные. Эти данные (информация) наиболее приближены к реальным данным (информации),

создаваемым человеком (литературное произведение, служебный документ, картина, фотография, изображение и т. п.). При этом обеспечивается необходимый уровень достоверности новых данных, что свидетельствует об их приемлемости и допустимости в различных общественных процессах.

Речь идет об информации, созданной или преобразованной генеративным искусственным интеллектом. Такая информация (данные, сведения, цифровые объекты) получила наименование синтетических данных. В самом упрощенном виде под синтетическими данными обычно понимают информацию, сгенерированную компьютерами и по своим статистическим свойствам напоминающую реальные данные. Она создается с помощью алгоритмов без прямой связи с реальными сведениями [15].

Илон Маск в интервью газете «Гардиан» заявил, что у компаний, занимающихся искусственным интеллектом, закончились данные для обучения их моделей и что они «исчерпали» все человеческие

знания. Он предположил, что технологическим компаниям придется обратиться к синтетическим данным – или материалам, созданным моделями искусственного интеллекта, – чтобы создавать и настраивать новые системы [14]. Эндрю Дункан, директор по науке и инновациям (фундаментальные исследования в области DS и AI) в британском Институте Алана Тьюринга, подтвердил, что комментарий Маска согласуется с недавней научной работой, в которой говорится, что общедоступные данные для моделей ИИ могут закончиться уже в 2026 году [17]. Он добавил, что чрезмерная зависимость от синтетических данных способна привести к «краху модели» – так называют ухудшение качества результатов работы моделей [14]. Вместе с тем уже сейчас могут быть применены весьма эффективные решения для преодоления этой проблемы. Речь идет о цифровых озерах данных (Data Lake) как источнике данных для обучения генеративного искусственного интеллекта.

Озеро данных – это, как правило, единое хранилище данных, включающее необработанные копии данных исходной системы, данные датчиков, социальные данные и т. д., а также преобразованные данные, используемые для составления отчетов, визуализации, расширенной аналитики и машинного обучения и т. п.

Методологическая основа исследования

Исследование базируется на совокупности общенациональных (анализ, синтез, индукция, дедукция), частнонаучных (статистический, социологический) и специальных методов познания (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод правового моделирования). Поскольку тема исследования имеет правовую специфику, остановимся на характеристике лишь специальных методов познания, которые присущи исключительно юриспруденции. Формально-юридический метод применялся для уточнения содержания норм права: он позволил их истолковывать, определить структуру и терминологию законов. Кроме того, с его помощью были выявлены теоретические и практические проблемы применения синтетических данных и цифровых озер в деятельности публичных органов. Сравнительно-правовой метод использовался для соотнесения правового регулирования и практики применения синтетических данных и цифровых озер в публичном секторе в России, США, Европе и Китае. Он позволил выделить критерии для сравнения правового регулирования, выявить специфические и общие черты в практике применения публичными органами цифровых озер и синтетических данных. Поскольку в исследовании определены проблемы научного и правового характера, применение метода правового моделирования позволило сформулировать решение этих проблем, а также выводы по научному исследованию в целом.

Теоретическая основа исследования

Следует отметить, что исследования о правовом регулировании применения цифровых озер и синтетических данных в публичном секторе фактически отсутствуют. Это связано с тем, что данные технологии возникли в публичном секторе большинства государств лишь в 2022–2024 годах. Есть лишь исследования по некоторым аспектам применения цифровых озер и синтетических данных.

Теоретические основы цифровых озер описаны Джеймсом Диксоном как альтернатива «хранилищу данных» [8]. Структура цифровых озер и их технические принципы работы в публичном секторе рассмотрены в исследованиях Билла Инмана [10]. Роль цифровых озер в деятельности органов государственной власти изучена Робом Китчином [12], а также Инес Мергель, Ноэллой Эдельманн и Натали Хауг [13]. Имеются, кроме того, исследования, посвященные опыту применения цифровых озер в конкретных государствах [1; 6; 9; 18]. Вопросы неприкосновенности частной жизни и риски нарушения конфиденциальности тоже становились предметом исследования [7; 9; 18].

Настоящее исследование освещает не только вышеназванные аспекты. Его спецификой является рассмотрение вопроса через призму проблематики публичного управления с учетом правового опыта и практики применения цифровых озер и синтетических данных в Российской Федерации.

Международный опыт. Регулирование синтетических данных и озер данных. Искусственный интеллект

1. США

Использование озер данных государственными структурами в США имеет довольно давнюю историю. Реализованные инициативы и решения были направлены на создание или улучшение использования правительвенными агентствами больших массивов данных.

С учетом этого появляется все больше проектов, направленных на интеграцию разрозненных хранилищ данных в единые правительственные озера данных, а также привлечение к этому частных компаний для выполнения подрядных работ. Примером могут служить инициативы Министерства обороны США (US Department of Defense) и Бюро переписи населения США (US Census Bureau), которые в 2024 году объявили о серьезных планах интеграции структурированных, полуструктурированных и «сырых» озер данных [6]. Возрастает у федеральных агентств США интерес и к созданию публичных, то есть открытых, озер данных, которые являются своего рода продолжением уже давно осознанной тенденции обеспечения открытости данных. В частности, это подтверждает создание Public-Use Data Lake, инициированное Министерством труда США (US Department of Labour).

Современные потребности в применении технологий генеративного искусственного интеллекта в государственном управлении как на федеральном уровне, так и на уровне штатов диктуют необходимость крайне разборчиво подходить к выбору этих технологий по причине высоких рисков их влияния одновременно на интересы государственного управления и обеспечение прав граждан. Сегодня уже очевидно, что применение реальных данных грозит раскрытием чувствительной информации и незаконным ее использованием с учетом существующих ограничений в доступе [18]. Наиболее вероятным выходом из ситуации представляется использование для тестирования рассматриваемых к применению технологий генеративного ИИ искусственных данных и озер данных.

В частности, уже есть конкретные примеры сотрудничества локальных правительств с университетскими исследовательскими центрами и частными компаниями. Так, Центр системных данных Мэриленда (Maryland Longitudinal Data System Center) сотрудничает с несколькими исследовательскими центрами для формирования на основе образовательных данных по школьникам и студентам округа искусственных данных для последующего их использования в целях улучшения публичных услуг в этой сфере. Другим примером может служить сотрудничество Института городского развития (Urban Institute) с Департаментом социальных служб округа Аллегейни (Allegheny County Department of Human Services) и Региональным центром данных Западной Пенсильвании (Western Pennsylvania Regional Data Center) в рамках pilotного проекта по использованию синтетических данных для улучшения социальных услуг и программ [16].

На федеральном уровне также отмечен интерес к проблематике использования искусственных данных в различных целях. В январе 2024 года Федеральный совет руководителей служб обработки данных (Federal Chief Data Officers Council) опубликовал запрос на сотрудничество в проведении исследований в области искусственных данных, отметив, что современное понимание этого явления и подходы к нему не отвечают актуальным потребностям государства и бизнеса в развитии и регулировании искусственных данных, имеющих необходимый потенциал для экономики.

2. Европа

В Европейском союзе присутствует выраженный интерес к правовому регулированию вопросов использования технологий искусственного интеллекта и оборота данных в сфере публичного управления. В этой связи в дополнение к уже широко известному Общему регламенту по защите данных (General Data Protection Regulation)¹ были принятые Закон об искусственном интеллекте (Artificial Intelligence Act)² и Закон о данных (Data Act)³, которые в совокупности определяют общую стратегию для стран Европы как в части управления данными, так и в части использования технологий ИИ.

Так, Закон об искусственном интеллекте содержит упоминание о том, что не существует непреодолимых препятствий для развития, внедрения и использования технологий искусственного интеллекта в сфере государственного управления и предоставления публичных услуг. Однако при этом должны быть соблюдены все необходимые фундаментальные права и свободы личности. В частности, Европейский надзорный орган по защите данных (European Data Protection Supervisor) в 2023 году опубликовал первый набор рекомендаций (Guidelines) по использованию технологий генеративного искусственного интеллекта для органов и учреждений Евросоюза⁴. Несмотря на то что документ в принципе имеет рекомендательный характер, он содержит вполне четкие и конкретные правила, которые позволяют провести оценку потенциальных рисков применения указанных технологий.

Персонал органов Евросоюза должен придерживаться как минимум пяти важных принципов при использовании генеративного искусственного интеллекта:

- служащий не вправе разглашать и передавать для использования генеративным искусственным интеллектом информацию, которая не имеет статуса общедоступной или публичной;
- следует критично относиться к полученному результату в части его точности и релевантности, а также наличия в нем противоречий или ложной информации;
- следует критически подходить к использованию публичных генеративных технологий искусственного

¹ General Data Protection Regulation. URL: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/general-data-protection-regulation-gdpr.html>.

² Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32024R1689>.

³ Regulation (EU) 2023/2854 of the European Parliament and of the Council of 13 December 2023 on harmonised rules on fair access to and use of data and amending Regulation (EU) 2017/2394 and Directive (EU) 2020/1828 (Data Act). URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/2854>.

⁴ First EDPS Orientations for ensuring data protection compliance when using Generative AI systems, European Data Protection Supervisor. URL: https://www.edps.europa.eu/system/files/2024-06/24-06-03_genai_orientations_en.pdf.

интеллекта во избежание нарушения прав на интеллектуальную собственность;

– нельзя использовать генеративный искусственный интеллект для создания юридически значимых или обязывающих документов;

– нельзя использовать генеративный искусственный интеллект для критических и «чувствительных» процессов.

Сам по себе Закон об искусственном интеллекте содержит ряд важных правил использования искусственного интеллекта для целей публичного управления, а именно связанных с применением особой маркировки как для результатов, полученных с помощью искусственного интеллекта, так и для случаев взаимодействия гражданина и искусственного интеллекта при оказании публичных услуг.

Закон о данных также внес серьезные корректировки в регулирование оборота данных в рамках Европейского союза. С учетом целей и задач настоящего исследования необходимо отметить то, что данный документ предоставил органам власти право получать доступ к данным, используемым и накапливаемым субъектами частного сектора, при определенных условиях чрезвычайных ситуаций.

Еще одним документом, который активно влияет на создание рынка данных в Европейском союзе, является Директива об открытых данных (Open Data Directive)¹, которая четко закрепляет необходимость раскрытия информации, собираемой органами власти по шести тематическим областям (геопространственная; наблюдение за Землей и окружающей средой; метеорологическая; статистическая; компании и собственность компаний; мобильность). Наборы данных должны предоставляться бесплатно в машиночитаемых форматах и через API для облегчения их эффективного повторного использования. В целом реализация Директивы привела к появлению и развитию European Data Portal – общеевропейской многоязычной платформы для поиска информации государственного сектора, открытой для повторного использования.

В рамках рассматриваемой стратегии, в части построения рынка данных в Европейском союзе, синтетические данные все чаще рассматриваются как аналог анонимизированных данных для снижения риска нанесения ущерба правам и интересам физических лиц при обработке персональных данных [9], о чем более подробно изложено в разделе «Неприкосновенность частной жизни / риски нарушения конфиденциальности».

3. Китай

Китай известен как страна, которая в первую очередь опирается на концепцию суверенитета данных и рассматривает данные как стратегический ресурс своей национальной экономики данных. Правовое регулирование национальной системы данных включает в себя три основных документа: Закон о кибербезопасности (Cybersecurity Law)², Закон о защите данных (Data Security Law)³ и Закон о защите личной информации (Personal Information Protection Law)⁴.

С точки зрения регулирования вопросов обработа данных наибольший интерес представляют ключевые положения Закона о защите данных. Обратимся к наиболее важным среди них:

– *категоризация данных*. Данные классифицируются исходя из их значения для национальной безопасности, публичного интереса и развития экономики, что позволяет правительству использовать различные охранительные режимы в зависимости от их чувствительности и потенциального влияния;

– *доступ государства к данным*. В рамках сохранения контроля над данными резидентов страны правительство обладает существенными полномочиями по доступу к этим данным, в том числе и обрабатываемым в частном секторе;

– *локализация данных и ограничение трансграничной передачи*. Вся чувствительная и критическая информация должны генерироваться и обрабатываться под юрисдикцией государства. Трансграничная передача допускается только при условии получения на то специального разрешения компетентного органа;

– *эффективное использование данных*. В противовес ограничениям внедряются инструменты поддержки развития технологий по обработке данных при условии, что они соответствуют установленным правилам.

Безусловно, данный обзор не дает общего представления о возможности использования синтетических данных, как и об их регулировании и применении в целях государственного управления, однако позволяет сформировать общее понимание существующих тенденций в правовом регулировании и их направленности в данной сфере.

Стоит отметить и то, что такое направление государственной политики демонстрирует создание единого подхода к обработке правительственные данных и их интеграции в единые озера данных. В частности, в 2022 году было анонсировано создание Интегрированной государственной системы больших данных (Integrated Government Big Data

¹ Directive (EU) 2019/1024 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 on open data and the reuse of public sector information. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2019.172.01.0056.01.ENG.

² Cybersecurity Law of the People's Republic of China (unofficial translation). URL: https://www.dataguidance.com/sites/default/files/en_cybersecurity_law_of_the_peoples_republic_of_china_1.pdf.

³ Data Security Law of the People's Republic of China. URL: http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/2021-06/10/c_689311.htm.

⁴ Personal Information Protection Law of the People's Republic of China (Adopted at the 30th Meeting of the Standing Committee of the Thirteenth National People's Congress on August 20, 2021). URL: http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/2021-12/29/c_694559.htm.

System)¹. Эта система включает три типа платформ: национальную платформу больших данных для государственных вопросов (главный центр управления данными для правительственные операций в Китае), платформу на уровне провинций (охватывает 31 провинцию, автономный район и муниципалитет) и платформу данных для государственных вопросов соответствующих департаментов Госсовета.

Публичные озера данных (цифровые озера) в России

1. Цифровая аналитическая платформа

В 2019 году было отмечено, что многие используемые государственными органами инструменты для статистических исследований несовершены, в связи с чем в методиках, форматах и показателях наблюдаются разнотечения, которые ведут к разнице в интерпретациях. Эту проблему можно решить, переведя статистический учет в цифровой формат².

Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» включает в себя федеральный проект «Цифровое государственное управление», предусматривающий создание национальной системы управления данными, одним из компонентов которой должна стать платформа данных. Предполагается, что платформа будет содержать такие элементы, как: национальная система управления данными; единый государственный реестр записей актов гражданского состояния; единый федеральный информационный ресурс, включающий сведения о населении Российской Федерации; федеральная государственная информационная система «Единая система нормативной справочной информации».

Создание платформы будет осуществляться на базе Федеральной службы государственной статистики, которой предстоит выполнять функции ее оператора. В 2022 году вступило в силу соответствующее Постановление о государственной информационной системе «Цифровая аналитическая платформа предоставления статистических данных»³.

Система обеспечивает выполнение следующих функций:

– централизованный сбор, хранение, обработка и предоставление информации системы;

- формирование и ведение единого реестра объектов статистического наблюдения;
- формирование и ведение единого реестра форм статистического наблюдения и статистических показателей;
- формирование, ведение и мониторинг выполнения Федерального плана статистических работ;
- защита информации системы, обеспечение целостности и доступности обрабатываемой в ней информации;
- доступ к сведениям, содержащимся в системе, предоставление таких сведений в электронном виде, а также формирование аналитических отчетов на основе информации системы;
- информационное взаимодействие системы с информационными системами субъектов системы, пользователей системы, а также с иными информационными системами;
- разработка (корректировка), согласование и утверждение методик расчета показателей национальных проектов (программ), государственных программ Российской Федерации и их структурных элементов;
- расчет значений показателей национальных проектов (программ), государственных программ Российской Федерации и их структурных элементов, анализ достижения плановых значений указанных показателей.

Система является общедоступной, за исключением информации, доступ к которой ограничен законодательством Российской Федерации.

В 2024 году был принят Закон о цифровой платформе статистических данных⁴. Документ разработан в целях снижения отчетной нагрузки на субъекты малого предпринимательства, оптимизации форм и видов предоставляемой ими отчетности, а также предотвращения ее дублирования различными ведомствами.

2. Национальная система управления данными (НСУД)

Решением Правительства РФ в 2019 году были утверждены Концепция создания и функционирования национальной системы управления данными и План мероприятий («дорожная карта») по созданию национальной системы управления данными на 2019–2021 годы⁵.

¹ China to Build Integrated Govt Big Data System. URL: https://english.www.gov.cn/policies/latestreleases/202210/28/content_WS635b9af9c6d0a757729e1e00.html.

² Концепция создания цифровой аналитической платформы предоставления статистических данных: утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 17 дек. 2019 г. № 3074-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/4YeJv8mvcCSeG-WTg2kXprmtthNbWyfrU.pdf>.

³ О государственной информационной системе «Цифровая аналитическая платформа предоставления статистических данных»: Постановление Правительства Рос. Федерации от 22 июня 2021 г. № 956. URL: <http://government.ru/docs/all/135122/>.

⁴ О внесении изменений в статью 5 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» и Федеральный закон «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации»: Федер. закон от 22 июля 2024 г. № 206-ФЗ (ред. от 23 мая 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 31, ст. 4466.

⁵ Концепция создания и функционирования национальной системы управления данными и План мероприятий («дорожная карта») по созданию национальной системы управления данными на 2019–2021 годы: утв. распоряжением Правительства

Под национальной системой управления данными понимается система, состоящая из взаимосвязанных элементов информационно-технологического, организационного, методологического, кадрового и нормативно-правового характера и обеспечивающая достижение целей и выполнение задач, обозначенных в Концепции. При этом государственными данными являются сведения, содержащиеся в информационных ресурсах органов и организаций государственного сектора, а также в информационных ресурсах, созданных в целях реализации полномочий органов и организаций государственного сектора.

Положения Концепции также распространяются на информацию, не являющуюся государственными данными, при ее предоставлении для включения в информационные ресурсы органов и организаций государственного сектора, а также при ее участии в информационном обмене между органами и организациями государственного сектора с учетом требований законодательства Российской Федерации в части соблюдения прав и законных интересов владельцев данных, не являющихся государственными данными, а также соблюдения принципов невмешательства в их хозяйственную деятельность.

В систему входят следующие взаимосвязанные элементы:

1) совокупность нормативных правовых, организационных, методологических правил и процедур, регулирующих отношения органов и организаций государственного сектора, юридических и физических лиц в сфере управления государственными данными, а также обеспечивающих деятельность участников системы;

2) федеральная государственная информационная система «Единая информационная платформа национальной системы управления данными» и иные информационно-технологические элементы системы;

3) цифровая аналитическая платформа представления статистических данных.

Обработка сведений, составляющих государственную тайну, в единой информационной платформе не допускается. Исчерпывающий перечень сведений ограниченного доступа, доступ к которым предоставляется посредством единой информационной платформы, определяется в соответствии с законодательством Российской Федерации.

В 2021 году Постановлением Правительства РФ утверждено Положение о федеральной государственной информационной системе «Единая информационная платформа национальной системы управления

данными» (далее – НСУД)¹. НСУД «входит в инфраструктуру, обеспечивающую информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг и исполнения государственных и муниципальных функций в электронной форме, и создается в целях повышения эффективности обмена и использования государственных данных для предоставления государственных и муниципальных услуг и исполнения государственных и муниципальных функций в электронной форме и иных данных» (п. 3).

НСУД предназначена для решения следующих задач:

- систематизация государственных данных;
- формирование и ведение моделей государственных данных;
- формирование и ведение реестра информационных ресурсов;
- автоматизация процессов управления государственными данными;
- обеспечение контроля качества государственных данных;
- обеспечение сбора, обработки, хранения, предоставления, визуализации и анализа государственных данных из информационных систем органов и организаций государственного сектора и иных данных;
- формирование матрицы доступа.

Участниками НСУД являются органы и организации государственного сектора, а также иные организации, чьи информационные системы участвуют в информационном обмене посредством системы взаимодействия. Органы и организации государственного сектора выступают в роли обладателей государственных данных и пользователей государственных данных. Иные организации, использующие систему взаимодействия, выступают в качестве пользователей государственных данных.

Важно отметить, что уже сейчас НСУД предоставляет по запросу наборы данных для искусственного интеллекта (распознавание такси на изображениях, автотранспортных средств на основе данных БПЛА-съемки; детекция износа и повреждений поверхности дорожного покрытия; распознавание различных транспортных средств для целей определения выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух от передвижных источников для проведения сводных расчетов загрязнения атмосферного воздуха; распознавание общественного транспорта на изображениях (автобусы, трамваи, троллейбусы) и многое другое).

Рос. Федерации от 3 июня 2019 г. № 1189-р (ред. от 14 мая 2021 г.). URL: <http://static.government.ru/media/files/jYh27Vlwizs44qa0IXJlZCa3uu7qqLzl.pdf>.

¹ Об утверждении Положения о федеральной государственной информационной системе «Единая информационная платформа национальной системы управления данными»: Постановление Правительства Рос. Федерации от 14 мая 2021 г. № 733 (в ред. от 28 ноября 2024 г.). URL: <http://static.government.ru/media/files/UN7KKWcK3TgpjAmRcaTzRWUzezbIQQWf.pdf>.

3. Цифровое озеро обезличенных персональных данных

В 2024 году Федеральным законом от 8 августа 2024 г. № 233-ФЗ были внесены изменения в Федеральный закон «О персональных данных» и Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»¹. Закон направлен на обеспечение благоприятных правовых условий для сбора, хранения и обработки данных с использованием новых технологий и вступил в силу 1 сентября 2025 г. Принятие закона призвано существенно повысить эффективность системы защиты прав субъектов персональных данных, а также предоставить им право на использование методологической базы по обезличиванию персональных данных и их передачу в специальную государственную информационную систему (ГИС) для последующего использования.

Закон о персональных данных² дополнен новыми положениями, предусматривающими представление операторами персональных данных (ПДн) по требованию Минцифры обезличенных персональных данных в государственную информационную систему министерства, которую определит Правительство РФ. В соответствующем требовании будет указываться перечень данных, которые необходимо передать, а также сроки их предоставления. Минцифры будет формировать из обезличенных данных, сгруппированных по определенному признаку, наборы персональных данных.

При этом установлено, что:

- формирование наборов данных будет осуществляться Минцифры исключительно в случаях, которые определит Правительство РФ;
- формирование наборов данных из специальных категорий персональных данных (есть исключение) и биометрических персональных данных не допускается;
- доступ к дата-сетам будет происходить исключительно в рамках закрытого контура государственной

информационной системы, «вынести» их из нее будет невозможно;

– доступ к сформированным дата-сетам пользователей ГИС – государственных и муниципальных органов и подведомственных им организаций, органов государственных внебюджетных фондов; граждан РФ и российских юридических лиц, сведения о которых внесены в реестр операторов персональных данных и которые соответствуют ряду требований, – будет иметь определенные особенности;

– предоставление результатов обработки составов данных иностранным юридическим лицам, иностранным организациям, не являющимся юридическими лицами, иностранным гражданам и лицам без гражданства по общему правилу запрещается.

Департамент информационных технологий города Москвы будет наделен аналогичными правами по созданию регионального (локального) хранилища обезличенных данных, полученных из государственных и муниципальных информационных систем. Минцифры, в свою очередь, будет иметь право запрашивать обезличенные данные из регионального хранилища (озера данных)³. Закон предусматривает, и это важно отметить, что набор данных, полученных в результате обезличивания, формируется при условии, что последующая обработка этих данных не позволит установить их принадлежность конкретному физическому лицу⁴.

Использование синтетических данных в целях государственного управления

1. Неприкосновенность частной жизни / риски нарушения конфиденциальности

На сегодняшний день этот вопрос является чрезвычайно важным как с точки зрения правового регулирования, так и с точки зрения практической, в части выбора соответствующих технологий и алгоритмов, которые бы обеспечили необходимый уровень анонимности, то есть деперсонализации данных. Современное законодательство о персональных данных называет таковыми любую информацию, которая может быть отнесена к «определенному или определяемому на основании такой информации индивиду»⁵.

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных» и Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: Федер. закон от 8 авг. 2024 г. № 233-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 33 (ч. 1), ст. 4929.

² О персональных данных: Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (в ред. от 28 февраля 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (ч. 1), ст. 3451.

³ С 1 сентября 2025 года компании начнут передавать обезличенные сведения в ГИС. URL: <https://www.garant.ru/news/1749290/>.

⁴ Directive (EU) 2019/1024 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 on open data and the re-use of public sector information. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2019.172.01.0056.01.ENG.

⁵ Например: О персональных данных: Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ; General Data Protection Regulation. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=legisum:310401_2.

Отсюда возникает вполне закономерный вопрос об алгоритмах и технологиях преобразования реальных данных при создании из них синтетических. Сама технология производства синтетических данных подразумевает как относительно «легкое» преобразование реальных данных (а следовательно, такая информация может содержать отдельные элементы синтетических данных или в дальнейшем приводить к ситуации, когда риск соотнесения ее с тем или иным индивидом объективно сохраняется), так и «полную» их трансформацию (когда полностью синтетические данные повторяют лишь общие шаблоны, рисунки реальных данных) [5].

Эта проблематика относительно давно известна исследователям в области приватности в европейских странах, где также сформировались два процесса преобразования персональных данных для снижения риска их последующего использования: псевдонимизация и анонимизация¹. Первая предполагает в целом сохранение реальных данных, заменяя часть из них псевдонимами и (или) идентификаторами, и допускает обратное преобразование; вторая трансформирует данные более глубоко, в результате чего в идеале утрачивается связь между набором данных и индивидом. Отчасти это напоминает создание синтетических данных. «Легкие» синтетические данные по своему правовому режиму вполне могут рассматриваться как данные, подвергнутые псевдонимизации, и требовать соблюдения общих правил для защиты персональных данных, пусть и на относительно низком уровне с учетом потенциальных рисков для прав индивида. Полностью синтетические данные, с другой стороны, вполне можно рассматривать как анонимированные данные, то есть как способ полной анонимизации данных [9].

Такая проблематика активно обсуждается и в России, где, как и в других странах, существует реальная потребность бизнеса в получении доступа к большим массивам данных и в выработке условий, при которых данные утрачивают признаки персональных, то есть становятся анонимными. Однако российское законодательство в этой сфере противоречиво, поскольку использует только один вариант описания таких действий – «обезличивание», которое в нормативных документах представляет собой аналог псевдонимизации, или относительно легкую модификацию данных, сохраняющую возможность их обратного преобразования. Этой же позиции придерживается российский регулятор Роском-

надзор, представители которого считают, что обезличенные персональные данные являются по-прежнему персональными данными с сопутствующими рисками необходимости их защиты [9; 2]. Российская практика и исследователи за последнее время неоднократно обосновывали необходимость разработки алгоритмов (правил) гарантированного обезличивания, которое, по сути, является аналогом анонимизации, то есть такого преобразования данных, которое исключает возможность идентификации индивида или установления связи между ним и данными [3].

Аналогичная ситуация и с иной конфиденциальной информацией в части сохранения рисков раскрытия чувствительной информации при использовании «легких» синтетических данных.

2. Риски принятия решений

Использование синтетических данных несет в себе определенные риски в принятии решений на основе указанных данных. Учеными давно отмечается, что сфера государственного управления относительно консервативна к инновациям и требует тщательного выбора средств для своей реализации. Это в особенности касается выбора технологий искусственного интеллекта. В данном случае стоит признать справедливым мнение сторонников установления четкой и последовательной политики в части ограничений на использование и применение технологий генеративного искусственного интеллекта в области публичного управления [7].

С учетом этого вполне очевидной становится проблема проведения испытаний (тестирования), а также оценки применимости технологий искусственного интеллекта для целей публичного управления, вплоть до проведения оценки результатов и алгоритмов искусственного интеллекта экспертами, обладающими необходимыми навыками и компетенциями [18].

Именно в таком случае синтетические данные имеют массу преимуществ, поскольку несут меньшие риски для раскрытия чувствительной информации, но при этом позволяют получить результаты работы алгоритмов генеративного искусственного интеллекта и оценить перспективы и возможности его использования для целей публичного управления. Таким образом, можно привлечь к разработке или оценке искусственного интеллекта частные компании без риска раскрытия конфиденциальной информации или нанесения иного вреда деятельности по публичному управлению.

¹ Pseudonymization according to the GDPR [definitions and examples] // Data Privacy Manager. 2021. Nov. 2. URL: <https://dataprivacymanager.net/pseudonymization-according-to-the-gdpr/>.

Однако следует понимать, что и при использовании синтетических данных присутствуют риски ошибочного принятия решений. Основной проблемой является дилемма между степенью преобразования данных и, как следствие, их точностью, относимостью и рисками раскрытия чувствительной информации. Слишком глубокое и полное преобразование данных при получении полностью синтетических данных несет риски искажения данных, в том числе паттернов данных. В итоге это может отразиться и на процессах принятия решений, которые будут реализовываться с использованием технологий искусственного интеллекта, обученных или построенных на основе таких искаженных искусственных данных. Единственным решением видится достижение определенного баланса между степенью раскрытия чувствительной информации и целями разработки качественных и надежных решений искусственного интеллекта для целей публичного управления, а также проведение тщательной оценки применяемых генеративным искусственным интеллектом синтетических данных [11].

3. Риски технологического суверенитета / риски суверенитета данных

При выстраивании правового регулирования применения синтетических данных важным аспектом могут стать и вопросы обеспечения технологического суверенитета и суверенитета данных. Основная идея создания синтетических данных – обеспечение современной экономики данных важным и необходимым ресурсом. С этой стороны синтетические данные являются ответом на проблематику доступа к чувствительным данным, позволяя получить данные со сходными характеристиками без риска нанесения ущерба правам личности или государства.

Однако современное политическое противостояние государств на международной арене все чаще ставит вопросы обеспечения безопасности и сохранения технологического лидерства, равно как и необходимости основываться на собственных разработках. С учетом этого формируемые государством озера данных и в потенциале полученные на их основе синтетические данные становятся стратегическим ресурсом национальной экономики, доступ к которому требует тщательного извешенного подхода.

В сложившейся ситуации стоит обратить внимание на формирующийся подход в отношении предоставления доступа к цифровому озеру обезличенных персональных данных, о котором говорилось в одноименном разделе выше. Согласно правилам, доступ к нему предполагается только для аккредитованных компаний, то есть для российских

компаний, которым государство может доверить работу с такими данными, ожидая определенных позитивных результатов для экономики. Видится вполне объяснимым расширение указанного подхода при обеспечении доступа или использовании национальных озер данных для создания на их основе синтетических данных, а также их последующего реиспользования. Более того, современные российские исследования демонстрируют, что определенную опасность может нести использование данных о характеристиках социальных групп, для которых был предложен термин «данные о человеке». По сути, эта тенденция имеет рациональное обоснование, поскольку данные о характеристиках социальных групп могут быть потенциально использованы для осуществления недружественных действий в отношении государства и (или) указанных социальных групп, что предполагает создание соответствующего охранительного режима.

Синтетические данные с учетом их потенциальных свойств вполне могут характеризовать паттерны социальных групп и категорий индивидов, а также ситуацию в тех или иных отраслях экономики, что, безусловно, ставит вопрос если не об ограничительном режиме, то о необходимости управления и контроля за доступом к таким данным во избежание неблагоприятных последствий для государства [4].

Заключение. Перспективные направления развития

Цифровое озеро может быть источником информации для обучения генеративного искусственного интеллекта. При этом цифровые озера могут создаваться как коммерческими организациями, так и государственными структурами, которые могут наполнять эти базы данных определенной информацией. Правовой режим использования искусственным интеллектом информации из цифрового озера может быть установлен владельцем цифрового озера либо соответствующим нормативным правовым актом (национальное законодательство), в том числе путем применения экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций.

В этом случае важнейшими условиями получения доступа к такой информации будут являться:

- обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина и защита их персональных данных;
- обеспечение конфиденциальности полученных сведений;
- создание особого доступа к информации иностранных субъектов;
- наличие возможности быстрого прекращения доступа к информации.

Цифровое озеро может заполняться синтетическими данными, когда информация в цифровое озеро поступает от генеративного искусственного интеллекта, который создает новую или преобразует имеющуюся информацию. Важно предусмотреть способы и технические средства, позволяющие идентифицировать реальную и синтетическую информацию, содержащуюся в цифровом озере.

Цифровое озеро может содержать информацию, имеющую побочный характер, – например, изображение автобуса (исходная информация), в котором находятся люди, или человека, переходящего дорогу перед автобусом (побочная информация). Таким образом, искусственный интеллект получает доступ не только к разрешенной информации, но и к сопутствующей информации, что является не совсем корректным.

Наконец, цифровое озеро может быть создано полностью из синтетических данных.

На основании изложенного можно также сделать определенные выводы о перспективах использования формируемых в России озер данных с целью создания синтетических данных для нужд публичного управления и правового регулирования в этой сфере:

1. Использование синтетических данных открывает перспективы для поиска, разработки и оценки применимости технологий искусственного интеллекта в сфере публичного управления. С учетом общей тенденции на повышение «вооруженности» государства технологиями генеративного искусственного интеллекта, обеспечивающими его эффективность, синтетические данные на основе государственных данных способны стать относительно безопасной базой для разработки технологических решений и научных исследований в этой сфере.

2. Правовой режим синтетических данных требует дальнейшего исследования и разработки правовых конструкций. Необходимо как минимум:

- разграничение/соотнесение режимов псевдонимизации, анонимизации и обезличивания (гарантированного обезличивания) данных с алгоритмами и инструментами создания синтетических данных;

- определение параметров охранительного режима синтетических данных, когда их использование может нести риски нанесения ущерба личности или государству;

- разграничение доступа к национальным озерам данных для создания синтетических данных и правил последующего реиспользования синтетических данных.

3. Важным аспектом внедрения синтетических данных в систему публичного управления должна стать процедура и правила оценки и применимости алгоритмов создания синтетических данных для нужд публичного управления в части их точности и соответствия заявленным целям и исключения возможных ошибок и противоречий.

Библиографический список

1. Филющенко Л. И. Цифровой профиль работника: проблемы защиты персональных данных // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 11. С. 93–97.
2. Кинякина Е. Обезличенные данные привяжут к персональным // Ведомости. 2021. 12 марта. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2021/03/11/861164-obezlichennie-dannie>.
3. Сазонова М. Обезличивание данных: сохранение баланса между правами граждан и развитием инноваций // Гарант.ру. 2021. 24 мая. URL: <https://www.garant.ru/news/1464529/>.
4. Соловкин С. В. Публично-правовое регулирование процессов автоматизированного сбора данных о человеке в контексте цифровой трансформации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025. 278 с.
5. Abramov M. Synthetic Data Definition: Pros and Cons. URL: <https://keymakr.com/blog/synthetic-data-definition-pros-and-cons/>.
6. Bullman H. The DoD and U.S. Census Bureau Turn to Data Lakes for Modernization and Greater Insights // Government Technology Insider. 2020. Aug. 6. URL: <https://governmenttechnologyinsider.com/the-dod-and-u-s-census-bureau-turn-to-data-lakes-for-modernization-and-greater-insights/>.
7. Bundin M., Martynov A., Aliev Y., Kutuev E. Legal Aspects of the Use of AI of Public Sector // Digital Transformation and Global Society (Series: Communications in Computer and Information Science). Vol. 858. Springer Cham, 2018. Pp. 171–180. DOI: 10.1007/978-3-030-02843-5_14.
8. Dixon J. Pentaho, Hadoop, and Data Lakes. URL: <https://jamesdixon.wordpress.com/2010/10/14/pentaho-hadoop-and-data-lakes/>.
9. Farrell E. et al. European Data Spaces – Scientific Insights into Data Sharing and Utilisation at Scale. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2023. 78 p. DOI: 10.2760/400188.
10. Inmon W. H. Data Lake Architecture: Designing the Data Lake and Avoiding the Garbage Dump. N.J.: Technics Publications, 2016. 166 p.
11. Jälmby M., Elvander F., Waterschoot T. Multi-Channel Low-Rank Convolution of Jointly Compressed Room Impulse Responses // IEEE Open Journal of Signal Processing. 2024. Vol. 5. Pp. 850–857. DOI: 10.1109/OJSP.2024.3410089.
12. Kitchin R. The Data Revolution: Big Data, Open Data, Data Infrastructures and Their Consequences. London: SAGE Publications Ltd., 2014. 240 p. DOI: 10.4135/9781473909472.
13. Mergel I., Edelmann N., Haug N. Defining Digital Transformation: Results from Expert Interviews // Government Information Quarterly. 2019. Vol. 36. Issue 4. Article 101385. DOI: 10.1016/j.giq.2019.06.002.
14. Milmo D. Elon Musk says all human data for AI training “exhausted” // The Gardian. 2025. Jan 9. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2025/jan/09/elon-musk-data-ai-training-artificial-intelligence>.

15. Pokotylo P. Ethical and Legal Considerations of Synthetic Data Usage. URL: <https://keymakr.com/blog/ethical-and-legal-considerations-of-synthetic-data-usage/>.
16. Stone A. Synthetic Data Supports State and Local Government AI Initiatives // StateTech. 2024. Jul 18. URL: <https://statetechmagazine.com/article/2024/07/synthetic-data-supports-ai-initiatives-for-municipalities-perfcon>.
17. Villalobos P. et al. Will we run out of data? Limits of LLM scaling based on human-generated data // ArXiv. Available at: <https://arxiv.org/abs/2211.04325>. DOI: 10.48550/arXiv.2211.04325
18. Weerts S. Generative AI in public administration in light of the regulatory awakening in the US and EU // Cambridge Forum on AI: Law and Governance. 2025. Vol. 1. Pp. 1–19. DOI: 10.1017/cfl.2024.10.

References

1. Filyushchenko L. I. *Tsifrovoy profil' rabotnika: problemy zashchity personal'nykh dannykh* [Digital Employee Profiling: Problems of Personal Data Protection]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2024. Issue 11. Pp. 93–97. (In Russ.).
2. Kinyakina E. *Obezlichennye dannyye priravnyayut k personal'nym* [Depersonalized Data to Be Equated to Personal Data]. *Vedomosti*. 2021, March 12. Available at: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2021/03/11/861164-obezlichennie-dannie>. (In Russ.).
3. Sazonova M. *Obezlichivanie dannykh: sokhranenie balansa mezhdu pravami grazhdan i razvitiem innovatsiy* [Depersonalization of Data: Maintaining a Balance between the Rights of Citizens and the Development of Innovation]. *Garant*. 2021, May 24. Available at: <https://www.garant.ru/news/1464529/>. (In Russ.).
4. Solovkin S. *Pubлично-правовое регулирование процессов автоматизированного сбора данных о членах семьи в контексте цифровой трансформации: дис. ... канд. юрид. наук* [Public Law Regulation of Automated Collection of Data on a Person in the Context of Digital Transformation: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2024. 278 p. (In Russ.).
5. Abramov M. Synthetic Data Definition: Pros and Cons. *KeyMakr*. 2024. Available at: <https://keymakr.com/blog/synthetic-data-definition-pros-and-cons/>. (In Eng.).
6. Bullman H. The DoD and U.S. Census Bureau Turn to Data Lakes for Modernization and Greater Insights. *The Government Technology Insider*. 2020. Available at: <https://governmenttechnologyinsider.com/the-dod-and-u-s-census-bureau-turn-to-data-lakes-for-modernization-and-greater-insights/>. (In Eng.).
7. Bundin M., Martynov A., Aliev Y., Kutuev E. Legal Aspects of the Use of AI in Public Sector. *Digital Transformation and Global Society*. Springer, Cham, 2018. Vol. 858. Pp. 171–180. (Series: Communications in Computer and Information Science). DOI: 10.1007/978-3-030-02843-5_14. (In Eng.)
8. Dixon J. Pentaho, Hadoop, and Data Lakes. *WordPress.com*. 2010. Available at: <https://jamesdixon.wordpress.com/2010/10/14/pentaho-hadoop-and-data-lakes>. (In Eng.).
9. Farrell E., Minghini M. et al. *European Data Spaces – Scientific Insights into Data Sharing and Utilisation at Scale*. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2023. 78 p. DOI: 10.2760/400188. (In Eng.).
10. Inmon W. H. *Data Lake Architecture: Designing the Data Lake and Avoiding the Garbage Dump*. New Jersey: Technics Publications, 2016. 166 p. (In Eng.).
11. Jälmby M., Elvander F., Waterschoot T. Multi-Channel Low-Rank Convolution of Jointly Compressed Room Impulse Responses. *IEEE Open Journal of Signal Processing*. 2024. Vol. 5. Pp. 850–857. DOI: 10.1109/OJSP.2024.3410089. (In Eng.).
12. Kitchin R. *The Data Revolution: Big Data, Open Data, Data Infrastructures and Their Consequences*. London: SAGE Publications Ltd., 2014. 240 p. DOI: 10.4135/9781473909472. (In Eng.).
13. Mergel I., Edelmann N., Haug N. Defining Digital Transformation: Results from Expert Interviews. *Government Information Quarterly*. 2019. Vol. 36. Issue 4. Article 101385. DOI: 10.1016/j.giq.2019.06.002. (In Eng.).
14. Milmo D. Elon Musk Says All Human Data for AI Training ‘Exhausted’. *The Guardian*. 2025. Available at: <https://www.theguardian.com/technology/2025/jan/09/elon-musk-data-ai-training-artificial-intelligence>. (In Eng.).
15. Pokotylo P. Ethical and Legal Considerations of Synthetic Data Usage. *KeyMakr*. 2024. Available at: <https://keymakr.com/blog/ethical-and-legal-considerations-of-synthetic-data-usage>. (In Eng.).
16. Stone A. Synthetic Data Supports State and Local Government AI Initiatives. *The Statetechmagazine*. 2024. Available at: <https://statetechmagazine.com/article/2024/07/synthetic-data-supports-ai-initiatives-for-municipalities-perfcon>. (In Eng.).
17. Villalobos P., Ho A., Sevilla J., Besiroglu T., Heim L., Hobbahn M. Will We Run out of Data? Limits of LLM Scaling Based on Human-Generated Data. 2022. ArXiv. Available at: <https://arxiv.org/abs/2211.04325>. DOI: 10.48550/arXiv.2211.04325. (In Eng.).
18. Weerts S. Generative AI in Public Administration in Light of the Regulatory Awakening in the US and EU. *Cambridge Forum on AI: Law and Governance*. 2025. Vol. 1. Pp. 1–19. DOI: 10.1017/cfl.2024.10. (In Eng.).

Информация об авторах:

A. В. Мартынов

Доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник, заведующий кафедрой
административного и финансового права
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н. И. Лобачевского
603022, Россия, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, 23

ORCID: 0000-0002-6322-818X
ResearcherID: U-7632-2017

Статьи в БД Scopus / Web of Science:

DOI: 10.1007/978-3-319-62530-0_11
DOI: 10.1145/3463677.3463758
DOI: 10.1007/978-3-030-39296-3_21
DOI: 10.1145/3428502.3428531
DOI: 10.1145/3396956.3397866
DOI: 10.1007/978-3-030-13283-5_15
DOI: 10.1109/ICEDEG.2019.8734367
DOI: 10.1007/978-3-030-02843-5_14
DOI: 10.1145/3047273.3047337
DOI: 10.1007/978-3-319-69784-0_20
DOI: 10.1007/978-3-319-49700-6_17
DOI: 10.1145/2912160.2912211
DOI: 10.1145/2910019.2910068
DOI: 10.1145/2757401.2757454
DOI: 10.1145/2691195.2691222
DOI: 10.1007/978-3-030-67238-6_7
DOI: 10.1145/3209415.3209448
DOI: 10.1007/978-3-319-69784-0_12
DOI: 10.1007/978-3-031-04238-6_7
DOI: 10.1109/ICEDEG58167.2023.10121979

Е. В. Ширеева

Кандидат юридических наук, доцент,
старший научный сотрудник, доцент кафедры
административного и финансового права
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н. И. Лобачевского
603022, Россия, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, 23

ORCID: 0000-0002-0373-438X
ResearcherID: U-8242-2017

Статьи в БД Scopus / Web of Science:

DOI: 10.1007/978-3-030-67238-6_7
DOI: 10.1145/3209415.3209448
DOI: 10.1007/978-3-319-69784-0_12
DOI: 10.1007/978-3-031-04238-6_7
DOI: 10.1109/ICEDEG58167.2023.10121979

About the authors:

A. V. Martynov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
23, prospekt Gagarina, Nizhny Novgorod, 603022, Russia

ORCID: 0000-0002-6322-818X
ResearcherID: U-7632-2017

Articles in Scopus / Web of Science:

DOI: 10.1007/978-3-319-62530-0_11
DOI: 10.1145/3463677.3463758
DOI: 10.1007/978-3-030-39296-3_21
DOI: 10.1145/3428502.3428531
DOI: 10.1145/3396956.3397866
DOI: 10.1007/978-3-030-13283-5_15
DOI: 10.1109/ICEDEG.2019.8734367
DOI: 10.1007/978-3-030-02843-5_14
DOI: 10.1145/3047273.3047337
DOI: 10.1007/978-3-319-69784-0_20
DOI: 10.1007/978-3-319-49700-6_17
DOI: 10.1145/2912160.2912211
DOI: 10.1145/2910019.2910068
DOI: 10.1145/2757401.2757454
DOI: 10.1145/2691195.2691222
DOI: 10.1007/978-3-030-67238-6_7
DOI: 10.1145/3209415.3209448
DOI: 10.1007/978-3-319-69784-0_12
DOI: 10.1007/978-3-031-04238-6_7
DOI: 10.1109/ICEDEG58167.2023.10121979

E. V. Shireeva

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
23, prospekt Gagarina, Nizhny Novgorod, 603022, Russia

ORCID: 0000-0002-0373-438X
ResearcherID: U-8242-2017

Articles in Scopus/Web of Science:

DOI: 10.1007/978-3-030-67238-6_7
DOI: 10.1145/3209415.3209448
DOI: 10.1007/978-3-319-69784-0_12
DOI: 10.1007/978-3-031-04238-6_7
DOI: 10.1109/ICEDEG58167.2023.10121979

II. ЧАСТНОПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Информация для цитирования:

Берг Л. Н., Голубцов В. Г. Потребительское генетическое тестирование: проблемы правового регулирования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 4(70). С. 539–548. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-539-548.

Berg L. N., Golubtsov V. G. *Potrebitel'skoe geneticheskoe testirovaniye: problemy pravovogo regulirovaniya* [Direct-to-Consumer Genetic Testing: Legal Issues of Regulation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2025. Issue 4(70). Pp. 539–548. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-539-548.

УДК 34.01

DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-539-548

Потребительское генетическое тестирование: проблемы правового регулирования

Л. Н. Берг

Уральский государственный
юридический университет имени В. Ф. Яковлева
E-mail: mila-berg@mail.ru

В. Г. Голубцов

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
E-mail: predprim.pravo@gmail.com

Статья поступила в редакцию 22.07.2025

Введение: в статье дан обзор правовых аспектов развития потребительского генетического тестирования (*Direct-to-Consumer genetic tests, DTC*), которое приобретает все большее распространение на рынке медицинских услуг. Авторы обращают внимание на специфику DTC, предполагающую, что любое заинтересованное лицо может пройти генетическое тестирование без назначения врача, а также использовать полученные результаты в личных целях. **Цель:** исследовать проблемные аспекты осуществления DTC, связанные с рисками неконсентуального использования генетической информации, доступа несовершеннолетних к подобному тестированию, генетической дискриминации, с проблематичностью реализации права на отказ от получения какой-либо информации о здоровье. **Методы:** традиционные теоретические и эмпирические методы. **Результаты:** определены несомненные преимущества DTC, которое позволяет выявлять широкий круг сведений о генетическом профиле. Вместе с тем обосновываются негативные факторы, связанные с DTC: нарушение режима конфиденциальности генетической информации; ограниченная прогностическая ценность подобных тестов; отсутствие генетического консультирования, без которого потребитель вынужден самостоятельно интерпретировать генетическую информацию. Последнее может привести к принятию неверных решений относительно необходимости обращения за медицинской помощью. **Выводы:** DTC представляет собой перспективную модель генетического тестирования. Между тем для получения максимальной пользы от внедрения DTC и минимизации возможного вреда необходимо специфическое правовое регулирование этой отрасли, обеспечивающее повышенные гарантии правовой охраны интересов потребителей.

Ключевые слова: правовое регулирование; потребительское генетическое тестирование; генетическая информация; принцип автономии; конфиденциальность; персонализированная медицина

© Берг Л. Н., Голубцов В. Г., 2025

Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Direct-to-Consumer Genetic Testing: Legal Issues of Regulation

L. N. Berg

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
E-mail: mila-berg@mail.ru

V. G. Golubtsov

Perm State University
E-mail: predprim.pravo@gmail.com

Received 22 Jul 2025

Introduction: the article provides an overview of the legal aspects of the development of consumer genetic testing (known as direct-to-consumer (DTC) genetic testing), which is becoming increasingly widespread in the medical services market. The authors draw attention to the fact that any interested person can undergo genetic testing without a doctor's prescription and use the obtained results for personal purposes. **Purpose:** to study the problematic aspects of DTC genetic testing associated with the risks of non-consensual use of genetic information, access of minors to such testing, genetic discrimination, and the problematic implementation of the right to refuse to receive any health information. **Methods:** traditional theoretical and empirical methods. **Results:** the paper reveals the undoubted advantages of DTC genetic testing as it provides a wide range of information about the genetic profile. At the same time, negative factors associated with such testing are demonstrated: violation of the confidentiality of genetic information; limited prognostic value of such tests; a lack of genetic counseling, without which consumers are forced to independently interpret genetic information, which can lead to incorrect decisions regarding the need to seek medical care. **Conclusions:** DTC is a promising model of genetic testing. Meanwhile, in order to ensure maximum benefit from the introduction of DTC testing and minimize possible harm, specific legal regulation of this industry is needed, providing increased guarantees of legal protection of consumer interests.

Keywords: legal regulation; direct-to-consumer genetic testing; genetic information; principle of autonomy; confidentiality; personalized medicine

I. Потребительское генетическое тестирование: понятие, виды

В контексте расцвета рынка потребительской генетики и возросшего интереса общественности к генетическим исследованиям особого внимания заслуживает потребительское генетическое тестирование (далее – DTC, от англ. Direct-to-Consumer genetic tests). С момента своего появления в начале 2000-х годов DTC становится все более распространенным и доступным инструментом оценки состояния здоровья. Первой компанией, специализирующейся на DTC, стала американская 23andMe. В настоящее время подобные компании существуют во всем мире. В России рынок DTC активно развивается с 2010 года и за последние пять лет вырос в 4,4 раза в денежном эквиваленте¹. Потребительское генетическое тестирование – это услуга, предоставляемая частными компаниями потребителю, как правило, напрямую, без посредничества медучреждения. В отличие от медицинского генетического тестирования, цель

которого клиническая диагностика, для прохождения DTC не требуется медицинское направление, нередко данное тестирование проводится дистанционно и не сопровождается медицинским консультированием.

Дальнейшему развитию DTC в России также способствует инициативная политика государства по продвижению и популяризации генетических исследований. На сегодняшний день в этом направлении предприняты важные шаги:

- утверждена Федеральная научно-техническая программа развития генетических технологий на 2019–2030 годы²;
- анонсировано создание пяти центров геномных исследований мирового уровня³;
- поэтапно расширяются программы неонатального скрининга⁴.

DTC обладает существенной спецификой, касающейся его дистрибуции, маркетинга, содержания генетических тестов и степени автономности тестируемых лиц. Стандартная схема распространения DTC имеет следующий вид:

¹ Генетическое тестирование в России: выход в массовый сегмент // РБК. 2024. 20 авг. URL: <https://marketing.rbc.ru/articles/15058/>.

² Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019–2030 годы: Постановление Правительства РФ от 22 апр. 2019 г. № 479 // Собр. законодательства Российской Федерации. 2019. № 17, ст. 2108.

³ В 2025 году будет создано 5 центров геномных исследований мирового уровня. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/97395/>.

⁴ Корочкина А. Путин поручил ввести генетическое тестирование для будущих родителей. URL: <https://www.forbes.ru/society/529550-putin-porucil-vvesti-geneticskoe-testirovanie-dla-budusih-roditelej>.

1. Соответствующей компанией запускается реклама на телевидении, радио или в ином СМИ.
2. Потребитель заказывает необходимый тест, который доставляется на дом.

3. Потребитель возвращает тестовый набор с личным генетическим образцом по почте в лабораторию.

По содержанию DTC довольно обширно: вместо стандартного теста на определение наличия единичных генетических мутаций или признаков проверяется сразу множество подобных показателей. Это достигается благодаря особой технологии микрочипового исследования ДНК, посредством которой анализируются десятки тысяч генетических вариантов и нуклеотидных позиций одновременно [6, р. 1351]. Потребитель обладает полной самостоятельностью и автономностью как при выборе теста, так и при дальнейшем использовании его результатов. Более того, в рамках DTC потребителю, как правило, недоступны какие-либо консультации медицинского работника или генетического консультанта, то есть расшифровка результатов тестирования интерпретируется потребителем исходя из собственных представлений о генетике и биологии. В этой связи надо учитывать, что нынешние знания и понимание генома далеки от полноты. Многие генетические маркеры до сих пор не обнаружены, так же как неясны их взаимодействие друг с другом и роль в генезисе заболеваний, что существенно ограничивает применение генетической информации в профилактических и клинических целях. Сообразно этому ключевой задачей интерпретации результатов DTC становится определение обоснованности связи между одним геном или группой генов и конкретным заболеванием.

Несмотря на указанную фрагментарность знания о геноме, гражданам предлагается широчайший спектр генетических тестов, включая тесты на предрасположенность к распространенным заболеваниям, тесты на склонность к зависимостям, нутригенетические тесты, связывающие личную генетику с диетическими привычками и образом жизни, тесты на определение этнического происхождения и родословной и многие иные. При этом можно выделить три типа DTC. К первому относятся программы самотестирования, не предусматривающие участия медицинских работников или генетических консультантов. Напротив, для второго типа их привлечение обязательно на одной из стадий DTC (либо на всех): при заказе теста, при взятии образцов, при анализе результатов теста. Наконец, третий тип DTC предполагает, что потребитель самостоятельно загружает полученные результаты на сторонние веб-сайты, специализирующиеся на генетическом онлайн-консультировании. В то время как некоторые авторы рассматривают DTC в качестве инструмента, позволяющего заинтересованным лицам самостоятельно получать сведения о собственном генетическом профиле [13,

р. 849], другие видят в распространении DTC тревожную тенденцию из-за отсутствия необходимых стандартов качества, недостаточности клинической и аналитической достоверности, потенциального введения потребителей в заблуждение [10, р. 401].

Параллельно с развитием DTC нарастают и правовые вызовы. Генетическая информация – одна из наиболее чувствительных категорий персональных данных. Закономерно, что она является предметом междисциплинарного регулирования, находящегося на пересечении права, биоэтики, медицины, информационных технологий и коммерции. И поскольку такие тесты не всегда соответствуют клиническим стандартам точности, это особенно важно с точки зрения привлечения к юридической ответственности за вред вследствие недостоверных результатов тестирования.

II. Особенности DTC

Если говорить о специфике DTC, в первую очередь обращает на себя внимание его дистрибуция и маркетинг. Рассчитанные на привлечение как можно большего числа потребителей, на телевидении и в Интернете появляются многочисленные рекламные ролики с эмоциональным и развлекательным содержанием без указания на то, что неправильная интерпретация результатов теста может стать причиной принятия неверного решения относительно совершения медицинского вмешательства – например, профилактической мастэктомии или прерывания беременности, прекращения применения предписанных лекарств. Более того, реклама DTC практически не упоминает о возможной клинической недостоверности тестов и о том, что выявленные при их проведении связи между генетической мутацией и каким-либо заболеванием не свидетельствуют о причинности. Так, в 2006 году в США было проведено масштабное исследование нутригенетических тестов, предназначенных для адаптации диеты и образа жизни потребителя к личным генетическим особенностям и предлагавшихся на рынке DTC¹. Выяснилось, что результаты тестов недостоверны и не основаны на уникальном генетическом профиле потребителя. Более того, в них указывались несуществующие риски возникновения заболеваний. Повторим, до сих пор не выяснено, как именно гены связаны с распространенными заболеваниями. Некоторые из них, например диабет и сердечно-сосудистые заболевания, связаны не с одним геном, а с их группой [6, р. 1352]. Соответственно, мутация только одного из генов может и существенно повлиять на здоровье человека, и едва затронуть его. Например, риск болезни Альцгеймера при мутации гена APOE4 реализуется только в 60 % случаев [8, р. 7]. Стоит учитывать и отсутствие в сообществе ученых-генетиков единообразия в интерпретации и оценке полиморфизмов². Ска-

¹ Nutrigenetic Testing: Tests Purchased from Four Web Sites Mislead Consumers. URL: <https://www.gao.gov/assets/gao-06-977t.pdf>.

² Very rare pathogenic genetic variants detected by SNP-chips are usually false positives: implications for direct-to-consumer genetic testing / M. N. Weedon, L. Jackson, J. W. Harrison et al. URL: bioRxiv. URL: <https://www.biorxiv.org/content/10.1101/696799v1.full.pdf>.

занное свидетельствует о том, что большинство продуктов DTC описывают данные о предрасположенности, вероятность проявления которых невысока.

Между тем маркетинговая тактика компаний, специализирующихся на DTC, довольно успешна в части побуждения использования их услуг. Подтверждением может служить реклама, запущенная лабораторией Myriad Genetics в США в 2002 году [5, р. 51]. Рекламный слоган о необходимости прохождения всеми женщинами с семейной историей онкологических заболеваний генетических тестов и их успешности в плане ранней диагностики рака молочной железы привел к значительному увеличению количества заказываемых тестов. При этом повышение данного показателя было зафиксировано даже среди женщин, у которых отсутствовала предрасположенность к развитию онкологических заболеваний. Реклама Myriad Genetics вызвала широкий общественный резонанс и критиковалась за чрезмерное давление на женщин и создание у них чувства излишней тревоги по поводу здоровья. Ярким примером некорректности рекламы DTC также служит дело по коллективному иску против компании Acu-Gen Biolabs, которая, по мнению истцов, вела ненадлежащую деловую практику и вводила в заблуждение потребителей утверждениями о 99%-ной точности

генетических тестов [7, р. 91]. В судебном процессе была доказана необоснованность подобных заявлений Acu-Gen Biolabs.

Примечательно исследование веб-сайтов трех разных компаний, предлагающих DTC (по одной из США, Европы и Азии) [16, р. 8]. В нем, в частности, анализировались их маркетинговые тактики, нацеленные на создание образа DTC как некоего развлечения, а не медицинской услуги. Вместе с тем ни один сайт не содержал важной правовой информации относительно защиты конфиденциальности генетической информации, условий ее использования третьими лицами без согласия потребителя, последующего хранения и утилизации полученных биообразцов.

Аналогичным образом сайты российских компаний-поставщиков DTC привлекают внимание потребителей развлекательным контентом. Например, на странице компании Genotek размещены положительные отзывы известных телеведущих и певцов об опыте DTC. Компания Atlas с той же целью использует истории людей, нашедших благодаря генетическому тестированию родственников. Между тем, как видно из приведенной ниже таблицы, сайты российских компаний-поставщиков DTC в некоторых случаях лишены важной информации о правовых аспектах генетического тестирования.

**Сравнительная таблица российских компаний-поставщиков DTC
о правовых аспектах генетического тестирования**

Критерий анализа	Genotek	Atlas	Medical Genomics	MyGenetics
Ограничение доступа к тестированию для несовершеннолетних	Не предусмотрено	Не предусмотрено	Не предусмотрено	Не предусмотрено
Информация о порядке хранения и утилизации биообразцов	Отсутствует	Отсутствует	Отсутствует	Отсутствует
Предупреждение о возможном использовании биообразцов в научных целях	Отсутствует	Отсутствует	Отсутствует	Отсутствует
Указание на конфиденциальность генетической информации	Имеется	Имеется	Отсутствует	Отсутствует
Реализация права на отказ от получения какой-либо информации о здоровье	Не предусмотрено	Не предусмотрено	Не предусмотрено	Не предусмотрено

Перечисленные особенности дистрибуции и маркетинга DTC создают сразу несколько поводов для беспокойства. Во-первых, потенциальная ценность генетических тестов DTC в смысле повышения осведомленности населения о собственном генетическом профиле нивелируется «генетической» неграмотностью [14, р. 34]. Основным ее выражением выступает низкая информированность населения о современных достижениях в сфере генетики и их прикладном значении, особенно в плане персонализированной медицины [2, р. 374]. С этой точки зрения тесты DTC фактически являются продуктом развлекательного характера для нишевой, а не массовой аудитории. Придание DTC практико-ориентированного уклона

(например, посредством включения в услугу консультаций профильных врачей, рекомендаций касательно сдачи дополнительных анализов или изменения образа жизни) должно способствовать повышению качества подобного самотестирования, в рамках которого потребитель вынужден принимать сугубо профессиональные клинические решения, снимая бремя ответственности с медицинских работников. Во-вторых, большинство медработников не применяют достижения генетики в терапевтической практике и не могут интерпретировать генетическую информацию протестированным пациентам, а число обученных этому генетических консультантов до сих пор незначительно¹. В-третьих, следствием фрагментарного

¹ Эксперт заявил, что в некоторых регионах нет ни одного врача-генетика. URL: <https://tass.ru/obschestvo/14747965>.

правового регулирования рынка DTC стала деятельность множества компаний и лабораторий, которые не могут гарантировать качество и точность тестирования, его клиническую и аналитическую достоверность. Так, в России сфера оказания услуг по генетическому тестированию не охватывается действием Постановления Правительства РФ от 1 июня 2021 г. № 852¹ и не требует получения лицензии. Это ставит потребителя, не защищенного от множества юридических проблем, связанных с практикой DTC, в уязвимое положение. Некоторые из наиболее явных проблем обсуждаются далее.

Таким образом, DTC является собой относительно новый, но юридически значимый вид отношений, в которых субъект предоставляет биологический материал частной компании с целью получения информации о своем генетическом коде. В отличие от медицинского генетического анализа, DTC инициируется самим субъектом, не требует врачебного назначения и не предполагает медицинского наблюдения. С юридической точки зрения персональное генетическое тестирование имеет признаки гражданского договора, например соглашения об обработке персональных данных и (в ряде случаев) лицензионной передачи прав на использование обезличенной информации. Однако данная юридическая конструкция характеризуется существенным дисбалансом сторон, поскольку потребитель практически не способен влиять на условия договора. Так, в соглашениях компаний 23andMe² и MyHeritage³ указывается, что потребитель предоставляет компании неисключительное право на использование своих обезличенных данных в исследовательских и коммерческих целях. Фактически же речь идет о бессрочном распоряжении биоинформацией без адекватного механизма контроля со стороны субъекта.

Договорная модель, используемая в Российской Федерации, также не является исчерпывающей. Генетическая информация не относится к самостоятельным объектам гражданских прав, однако может быть элементом других объектов гражданских прав, поименованных в статье 128 ГК РФ⁴, таких как нематериальные блага (тайна частной жизни) и результаты интеллектуальной деятельности (база данных) [3, с. 118]. Следовательно, требуется установление режима правовой охраны: лицензирование компаний, введение запретов, а также юридической ответственности за утечку и неправомерное использование генетических данных.

¹ О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляющей медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково») и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 1 июня 2021 г. № 852 // Собр. законодательства Российской Федерации. 2021. № 23, ст. 4091.

² Privacy Statement. URL: <https://www.23andme.com/legal/privacy/>.

³ Terms and Conditions. URL: <https://www.myheritage.com/terms-and-conditions>.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.

III. Неконсенсуальное использование генетической информации

Сбор образцов ДНК при проведении DTC максимально прост, и у соответствующих компаний имеется обширный массив биообразцов, которые фактически формируют частные банки генетической информации. При этом режим ее конфиденциальности неясен ввиду отсутствия правил, определяющих, что именно разрешено делать с предоставленными биообразцами. Они могут навсегда остаться для хранения в лаборатории, быть переданы третьим лицам, утилизированы, использоваться в научных исследованиях и т. д. [11, р. 515].

Часто предупреждение о дальнейшем использовании биообразцов прямо не заявлено на интернет-сайте компании и не включено в содержание информированного согласия [11, р. 516]. То есть клиент не знает о том, что его биообразцы могут использоваться компаниями в иных целях. Ситуация усугубляется тем, что образцы, собранные в рамках DTC и затем передаваемые для исследований научным или фармацевтическим организациям, остаются идентифицируемыми. Соответственно, конфиденциальность генетической информации может нарушаться. Одновременно с этим компании-поставщики DTC не уведомляют о сопутствующих рисках, оставляя потребителя в полном неведении.

Помимо этого, вполне возможны ситуации, когда субъект неконсенсуально получает биообразец другого субъекта (например, образец слюны может быть взят из любой посуды) и предоставляет для анализа в соответствующую компанию. Этому способствует специфика DTC: доступность, анонимность, отсутствие контроля со стороны системы здравоохранения. При заказе теста и отправлении биообразцов потребитель может передать ложные персональные данные компании-поставщику DTC, у которой нет эффективных средств аутентификации личности клиента, обращающегося за услугой самостоятельно, без направления компетентного медицинского работника. Указанные случаи неконсенсуального использования биообразцов в рамках DTC представляют собой нарушение права человека на неприкосновенность его личности и достоинства и запрета медицинских и научных экспериментов без добровольного согласия, а также могут повлечь за собой причинение морального вреда в связи с потерей конфиденциальности генетической информации. В настоящее время в России не предусмотрена юридическая ответственность за действия по неконсенсуальному использованию

биообразцов. Вместе с тем без соответствующего законодательного регулирования нельзя полноценным образом обеспечить защиту конфиденциальности при реализации практики DTC.

IV. DTC с участием несовершеннолетних

Генетическое тестирование несовершеннолетних является вопросом на стыке права и этики, особенно в части так называемого прогностического тестирования, которое проводится в отношении бессимптомного субъекта для выявления риска заболевания в будущем. Многие авторы указывают на значительный вред подобного тестирования, поскольку оно способно вызвать у несовершеннолетних сильный эмоциональный стресс, исказить самооценку и самовосприятие, привести к апатии [12, р. 275]. Напротив, ряд авторов утверждает, что преимущества тестирования перевешивают его потенциальный вред, так как выяснение генетической информации (даже негативного характера, с подтверждением предрасположенности к заболеванию) может облегчить процесс адаптации несовершеннолетнего к будущей самостоятельной жизни [20, р. 642]. Представляется, что подобный взгляд в целом коррелирует с нынешним восприятием генетики в качестве эффективного инструмента превентивной медицины.

Сравнивая DTC и «традиционное» генетическое тестирование несовершеннолетних, отметим, что для последнего ключевое значение имеют согласие родителей и мнение медицинского работника, которое призвано гарантировать, что решение о проведении тестирования наиболее полно соответствует интересам несовершеннолетнего, а не направлено на снижение тревожности родителей или удовлетворение их любопытства. Таким образом, уместность генетического тестирования конкретного несовершеннолетнего оценивается профессионально, исходя из предположительных преимуществ и рисков. Напротив, коммерческая доступность DTC и отсутствие стороннего контроля позволяют родителям и самим несовершеннолетним беспрепятственно проверить генетический профиль, даже «в обход» возражений врача против тестирования. Подобный неконтролируемый доступ к DTC ставит несовершеннолетних в уязвимое положение, подвергая их воздействию потенциально неблагоприятных результатов генетического тестирования.

В связи со сказанным закономерно встает вопрос: следует ли полностью ограничить доступ несовершеннолетних к DTC? Ответ необходимо искать с учетом международно-правовых стандартов прав несовершеннолетних, закрепленных в Конвенции о

правах ребенка¹ (далее – Конвенция) и отражающих идею о том, что дети вправе иметь и высказывать собственное мнение о каждом аспекте их жизни, в том числе об использовании медицинской помощи для поддержания физического здоровья. Более того, статья 24 Конвенции предусматривает право детей на участие в принятии решений, касающихся их здоровья, и обязанность государства гарантировать доступность наиболее передовых услуг системы здравоохранения и средств восстановления здоровья. В целях обеспечения прав детей на охрану здоровья в порядке, установленном статьей 10 ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»², в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения осуществляются мероприятия по оказанию детям бесплатной медицинской помощи, предусматривающей их оздоровление, профилактику, диагностику и лечение заболеваний.

Рассматривая проблему доступа несовершеннолетних к DTC именно в этом контексте, можно прийти к выводу о несостоятельности доводов, поддерживающих отказ от генетического тестирования несовершеннолетних как неспособных, в силу возраста, принимать взвешенные решения относительно собственного физического здоровья. Напротив, знание собственного генетического профиля будет способствовать поддержанию физического и психического здоровья несовершеннолетних. Исходя из заложенной в Конвенции концепции учета мнения и уважения их взглядов видится допустимым разрешить несовершеннолетним доступ к DTC, но лишь при обязательном участии законных представителей и генетического консультанта.

V. Генетическая дискриминация

Генетическая дискриминация касается ситуаций принятия тех или иных решений исключительно на основании информации о генетическом профиле (как правило, об имеющихся заболеваниях или о предрасположенности к ним) того или иного человека [17, р. 191]. Примеры подобной дискриминации часто обнаруживаются в контексте вопросов труда-устройства и медицинского страхования. Например, генетическая информация о здоровье конкретного человека может быть использована страховыми компаниями при принятии решения о повышении страховых взносов или заключении договора страхования. В свою очередь генетическая дискриминация в трудовых правоотношениях обусловлена наличием у работодателя доступа к значительному массиву персональных данных физических лиц (не только работников, но и лиц, желающих заключить трудовой договор), в том числе касающихся состояния здоровья.

¹ Конвенция о правах ребенка (принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 нояб. 1989 г.). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml.

² Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: Федер. закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 1998. № 31, ст. 3802.

По мнению некоторых авторов, именно распространение DTC явилось причиной увеличения числа случаев генетической дискриминации [9, р. 53]. Указанная точка зрения видится вполне обоснованной с учетом специфики DTC: доступность, анонимность, отсутствие контроля со стороны системы здравоохранения.

Проявления генетической дискриминации запрещены в законодательстве некоторых государств. Например, в США действует Закон о неразглашении генетической информации (Genetic Information Nondiscrimination Act, GINA), устанавливающий ответственность за акты генетической дискриминации в сфере медицинского страхования и трудоустройства. Примечательно, что в GINA предусмотрены меры защиты и для близких родственников лица, прошедшего генетическое тестирование, поскольку генетическая информация последнего может быть использована для идентификации членов семьи.

В России пока не принят нормативный правовой акт, непосредственно запрещающий проявления генетической дискриминации и злоупотребление доступом к генетической информации. Вместе с тем отдельные положения о ее получении, обработке, использовании и хранении предусмотрены в Федеральном законе от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации»¹ и в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»², по смыслу пункта 1 статьи 11 которого генетическая информация относится к биометрическим персональным данным – сведениям, характеризующим физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность. Представляется, что существующий в российском законодательстве пробел относительно генетической дискриминации усугубит ее негативное влияние на научно-медицинский прогресс и продвижение генетического мониторинга, поскольку боязнь подвергнуться дискриминационному отношению может стать причиной отказа от участия в клинических испытаниях и генетическом тестировании.

VI. DTC и право на отказ от получения какой-либо информации о здоровье

Право пациента на отказ от получения какой-либо информации о своем здоровье вытекает из фундаментального биоэтического принципа автономии [1, р. 52], содержание которого образуют следующие элементы [4, р. 437]:

– участие пациента в процессе принятия решений относительно любых вопросов оказания медицинской помощи (право пациента на самоопределение);

– способность пациента осознанно определять характер и объем медицинского вмешательства согласно информации, исчерпывающие и в доступной форме изложенной врачом;

– врачебная тайна, предполагающая конфиденциальность всей известной врачу информации о состоянии здоровья пациента;

– информированность пациента о потенциальных рисках и негативных последствиях медицинских вмешательств.

С одной стороны, автономия предполагает передачу врачом пациенту полной, актуальной и точной информации о состоянии здоровья и вариантах медицинского лечения. С другой стороны, врач не вправе заставить пациента получать сведения, которые тот не желает знать. Ознакомление с информацией медицинского характера может быть крайне стрессовой ситуацией для пациента, особенно если учесть, что некоторые диагнозы ведут к социальной стигматизации и дискриминации. Более того, отказ пациента от получения медицинской информации может быть обусловлен отсутствием препаратов для лечения диагностируемого заболевания.

Вместе с тем право пациента на отказ от получения какой-либо информации о своем здоровье неоднократно подвергалось критике. По мнению ряда авторов, право на отказ от информации о собственном здоровье находится в противоречии с принципом автономии, так как последний требует обладания пациентом всей полнотой сведений для принятия самостоятельных решений [18, р. 476]. Аналогичным образом актуальные знания о физическом состоянии необходимы для получения от лица информированного согласия, без которого нельзя реализовать большую часть медицинских процедур. Применительно к генетике право пациента на отказ от получения информации о своем здоровье вступает в еще более острый «конфликт» с принципом автономии. С одной стороны, врач обязан проинформировать пациента обо всех наследственных рисках, выявленных в рамках генетического тестирования [15, р. 18]. С другой – у пациента имеется право не знать о последних, закрепленное в Конвенции о правах человека и биомедицине³. Налицо, таким образом, невозможность одновременной и полной реализации обязанности сообщения генетической информации и права ее непринятия. Это положение усугубляется тем, что генетическая информация характеризует не только одного человека, но и членов его семьи. Например, выявление генетических мутаций у одного из родителей с высокой долей вероятности свидетельствует об их наличии у детей. В связи с названной особенностью генетической информации право

¹ О государственной геномной регистрации в Российской Федерации: Федер. закон от 3 дек. 2008 г. № 242-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 2008. № 49, ст. 5740.

² О персональных данных: Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 2006. № 31, ст. 3451.

³ Конвенция о правах человека и биомедицине (принята Комитетом министров Совета Европы 19 нояб. 1996 г.). URL: <https://rm.coe.int/168007d004>.

на отказ от ее получения может быть оспорено на том основании, что подобное решение касается и близких родственников пациента, которым может быть причинен вред незнанием соответствующих сведений. Между тем обозначенный аргумент опровергается в литературе тем, что право на отказ от получения генетической информации толкуется как право на генетическое «невежество», предполагающее абсолютный запрет «навязывания» пациенту информации о собственном генетическом профиле [19, р. 291].

Продолжая анализ права на отказ от получения сведений о собственном здоровье, следует конкретизировать, что оно реализуется в рамках правоотношения между врачом и пациентом, явно выражившим соответствующую волю. При реализации права на отказ от получения информации о здоровье в условиях DTC возникает несколько трудностей. Во-первых, потребителям, как правило, не сообщается о потенциале воздействия генетической информации, которая может стать причиной сильного стресса и тревоги по поводу собственного состояния и здоровья родственников, а также чувства беспомощности в силу неизлечимого характера некоторых наследственных заболеваний. Таким образом, отсутствие предупреждения о вероятных рисках получения генетической информации делает невозможной реализацию права на отказ от получения сведений о собственном здоровье. Второй проблемный аспект осуществления данного права в условиях DTC связан с отсутствием генетического консультирования. Напротив, в рамках «традиционного» медицинского генетического тестирования всегда существует медицинский работник, который должен удостовериться в осознанности и взвешенности отказа от генетической информации, а также объяснить его потенциальные риски. Как видится, полная реализация права на отказ от получения информации о здоровье в условиях DTC неосуществима без адекватного правового регулирования, предусматривающего обязанность соответствующей компании по информированию потребителя о последствиях получения генетической информации как для него самого, так и для его близких родственников.

Заключение

В нынешнюю эпоху небывалого интереса к генетике вполне объясним растущий спрос на DTC, которое является доступным и информативным инструментом удовлетворения генетического «любопытства». Тем не менее у DTC существуют и серьезные недостатки, несущие правовые риски, включая функционирование неаккредитованных лабораторий, отсутствие стандартов качества, риск введения в заблуждение потребителей и их ненадлежащее информирование, недостаточную клиническую и аналитическую достоверность результатов тестирования, фрагментарность правового регулирования. Кроме того, без адекватного генетического

консультирования, являющегося важнейшим компонентом медицинского генетического тестирования, информация, полученная в ходе DTC, может быть потенциально вредной для не подготовленного к ее восприятию потребителя. Практически неконтролируемый доступ к DTC высвечивает и вопрос об ограничении доступа несовершеннолетних к подобным тестам. Названные негативные факторы препятствуют превращению DTC в адекватную замену «традиционного» медицинского генетического тестирования, ключевыми чертами которого являются участие медицинского специалиста, высокая точность результатов, надлежащий процесс оценки генетических рисков. Ситуация может измениться в том случае, если на правовые проблемы, связанные с распространением практики DTC, будет обращено внимание законодателя.

На сегодняшний день в российском законодательстве отсутствуют нормы, регламентирующие непосредственно деятельность компаний-поставщиков DTC, которая не требует наличия лицензии, необходимой при оказании медицинской помощи. Вместе с тем специфика DTC явно нуждается в разработке специальных норм, особенно в части лицензирования и стандартов качества. Без установления таких норм нельзя гарантировать даже минимальный уровень клинической достоверности и безопасности тестов, предлагаемых потребителям, которых важно оградить от последствий недостаточной правовой регламентации потребительского генетического тестирования.

Библиографический список

1. Берг Л. Н., Болков М. А. Владимирова Д. С. [и др.]. Правовая геномика: учебник. М.: Русайнс, 2024. 259 с.
2. Берг Л. Н., Голубцов В. Г. Правовые аспекты использования эпигенетической информации: вопросы конфиденциальности, дискриминации и личной ответственности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. № 3(65). С. 373–381. DOI: 10.17072/1995-4190-2024-65-373-381.
3. Болтанова Е. С., Имекова М. П. Генетическая информация в системе объектов гражданских прав // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 6. С. 110–121. DOI:10.17803/1729-5920.2019.151.6.110-121.
4. Andorno R. The Right not to Know: an Autonomy Based Approach // Journal of Medical Ethics. 2004. Vol. 30. Issue 5. Pp. 435–439. DOI: 10.1136/jme.2002.001578.
5. Gold E. R., Carbone J. Myriad Genetics: In the Eye of the Policy Storm // Genetics in Medicine. 2010. Vol. 12. Issue 4. Pp. 39–70. DOI: 10.1097/GIM.0b013e3181d72661.
6. Feero W. G., Guttmacher A. E. Collins F. S. The Genome Gets Personal – Almost // Journal of the American Medical Association. 2008. Vol. 299. Issue 11. Pp. 1351–1352. DOI:10.1001/jama.299.11.1351.

7. Drabiak-Syed K. Baby Gender Mentor: Class Action Litigation Calls Attention to a Deficient Federal Regulatory Framework for DTC Genetic Tests, Politicized State Statutory Construction, and a Lack of Informed Consent // *Journal of Medicine and Law*. 2010. Vol. 14. Pp. 71–92.
8. APOE4 and risk of Alzheimer's disease – time to move forward / I. Lefterov, N. F. Fitz, Y. Lu, R. Koldamova // *Frontiers in Neuroscience*. 2023. Vol. 17. DOI: 10.3389/fnins.2023.1195724.
9. Genomic Contextualism: Shifting the Rhetoric of Genetic Exceptionalism / N. Garrison, A. Goldenberg, J. Lynch, K. B. Brothers // *The American Journal of Bioethics*. 2019. Vol. 19. Issue 1. Pp. 51–63. DOI: 10.1080/15265161.2018.1544304.
10. Levitt M. Let the Consumer Decide? The Regulation of Commercial Genetic Testing // *Journal of Medical Ethics*. 2001. Vol. 27. Issue 6. Pp. 398–403. DOI: 10.1136/jme.27.6.398.
11. Laestadius L. I., Rich J. R., Auer P. L. All Your Data (Effectively) Belong to Us: Data Practices among Direct-to-consumer Genetic Testing Firms // *Genetics in Medicine*. 2017. Vol. 19. Pp. 513–520. DOI: 10.1038/gim.2016.136.
12. Malpas P. Predictive Genetic Testing of Children for Adult-Onset Diseases and Psychological Harm // *Journal of Medical Ethics*. 2008. Vol. 34. Issue 4. Pp. 275–278. DOI: 10.1136/jme.2006.019802.
13. Pushkarev D., Neff N. F., Quake S. R. Single-molecule Sequencing of an Individual Human Genome // *Nature Biotechnology*. 2009. Vol. 27. Issue 9. Pp. 847–850. DOI: 10.1038/nbt.1561.
14. Personal Genomes: Misdirected Precaution / B. Prainsack, J. Reardon, R. Hindmarsh et al. // *Nature*. 2008. Vol. 456. Pp. 34–35. DOI: 10.1038/456034a.
15. Rhodes R. Genetic Links, Family Ties, and Social Bonds: Rights and Responsibilities in the Face of Genetic Knowledge // *Journal of Medicine and Philosophy*. 1998. Vol. 23. Issue 1. Pp. 10–30. DOI: 10.1076/jmep.23.1.10.2594.
16. Schaper M., Schicktanz S. Medicine, Market and Communication: Ethical Considerations regarding Persuasive Communication in Direct-to-consumer Genetic Testing Services // *BMC Medical Ethics*. 2018. Vol. 19. Issue 1. Article 56. DOI: 10.1186/s12910-018-0292-3.
17. Shevchenko S., Zhavoronkov A. The Role of Exceptionalism in the Evolution of Bioethical Regulation // *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics*. 2024. Vol. 33. Issue 2. Pp. 185–197. DOI: 10.1017/S0963180123000336.
18. May T., Spelley R. Autonomy, Full Information and Genetic Ignorance in Reproductive Medicine // *The Monist*. 2006. Vol. 89. Issue 4. Pp. 466–481. DOI: 10.2307/27904002.
19. Takala T. The Right to Genetic Ignorance Confirmed // *Bioethics*. 1999. Vol. 13. Issue 3–4. Pp. 288–293. DOI: 10.1111/1467-8519.00157.
20. Wilfond B., Ross L. F. From Genetics to Genomics: Ethics, Policy and Parental Decision-making // *Journal of Pediatric Psychology*. 2009. Vol. 34. Issue 6. Pp. 639–647. DOI: 10.1093/jpepsy/jsn075.

References

1. Berg L. N., Bolkov M. A. et al. *Pravovaya genomika* [Legal Genomics]. Moscow, 2024. 259 p. (In Russ.).
2. Berg L. N., Golubtsov V. G. *Pravovye aspekty ispol'zovaniya epigeneticheskoy informatsii: voprosy konfidentsial'nosti, diskriminatsii i lichnoy otvetstvennosti* [Legal Aspects of Using Epigenetic Information: Issues of Confidentiality, Discrimination and Personal Responsibility]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2024. Issue 3(65). Pp. 373–381. DOI: 10.17072/1995-4190-2024-65-373-381. (In Russ.).
3. Boltanova E. S., Imekova M. P. *Geneticheskaya informatsiya v sisteme ob'ektov grazhdanskikh prav* [Genetic Information in the System of Objects of Civil Rights]. *Lex Russica*. 2019. Issue 6. Pp. 110–121. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.151.6.110-121. (In Russ.).
4. Andorno R. The Right Not to Know: An Autonomy Based Approach. *Journal of Medical Ethics*. 2004. Vol. 30. Issue 5. Pp. 435–439. DOI: 10.1136/jme.2002.001578. (In Eng.).
5. Gold E. R., Carbone J. Myriad Genetics: In the Eye of the Policy Storm. *Genetics in Medicine*. 2010. Vol. 12. Issue 4. Pp. 39–70. DOI: 10.1097/GIM.0b013e3181d72661. (In Eng.).
6. Feero W. G., Guttmacher A. E., Collins F. S. The Genome Gets Personal – Almost. *Journal of the American Medical Association*. 2008. Vol. 299. Issue 11. Pp. 1351–1352. DOI: 10.1001/jama.299.11.1351. (In Eng.).
7. Drabiak-Syed K. Baby Gender Mentor: Class Action Litigation Calls Attention to a Deficient Federal Regulatory Framework for DTC Genetic Tests, Politicized State Statutory Construction, and a Lack of Informed Consent. *Journal of Medicine and Law*. 2010. Vol. 14. Pp. 71–92. (In Eng.).
8. Lefterov I., Fitz N. F., Lu Y., Koldamova R. APOE4 and Risk of Alzheimer's Disease – Time to Move Forward. *Frontiers in Neuroscience*. 2023. Vol. 17. DOI: 10.3389/fnins.2023.1195724. (In Eng.).
9. Garrison N. A., Brothers K. B., Goldenberg A. J., Lynch J. A. Genomic Contextualism: Shifting the Rhetoric of Genetic Exceptionalism. *The American Journal of Bioethics*. 2019. Vol. 19. Issue 1. Pp. 51–63. DOI: 10.1080/15265161.2018.1544304. (In Eng.).
10. Levitt M. Let the Consumer Decide? The Regulation of Commercial Genetic Testing. *Journal of Medical Ethics*. 2001. Vol. 27. Issue 6. Pp. 398–403. DOI: 10.1136/jme.27.6.398. (In Eng.).
11. Laestadius L. I., Rich J. R., Auer P. L. All Your Data (Effectively) Belong to Us: Data Practices among Direct-to-Consumer Genetic Testing Firms. *Genetics in Medicine*. 2017. Vol. 19. Pp. 513–520. (In Eng.).
12. Malpas P. Predictive Genetic Testing of Children for Adult-Onset Diseases and Psychological Harm. *Journal of Medical Ethics*. 2008. Vol. 34. Issue 4. Pp. 275–278. DOI: 10.1136/jme.2006.019802. (In Eng.).
13. Pushkarev D., Neff N. F., Quake S. R. Single-Molecule Sequencing of an Individual Human Genome.

Nature Biotechnology. 2009. Vol. 27. Issue 9. Pp. 847–850. DOI: 10.1038/nbt.1561. (In Eng.).

14. Prainsack B., Reardon J., Hindmarsh R. et al. Personal Genomes: Misdirected Precaution. *Nature*. 2008. Vol. 456. Pp. 34–35. DOI: 10.1038/456034a. (In Eng.).

15. Rhodes R. Genetic Links, Family Ties, and Social Bonds; Rights and Responsibilities in the Face of Genetic Knowledge. *Journal of Medicine and Philosophy*. 1998. Vol. 23. Issue 1. Pp. 10–30. DOI: 10.1076/jmp.23.1.10.2594. (In Eng.).

16. Schaper M., Schicktanz S. Medicine, Market and Communication: Ethical Considerations Regarding Persuasive Communication in Direct-to-Consumer Genetic Testing Services. *BMC Medical Ethics*. 2018. Vol. 19. Issue 1. Article 56. DOI: 10.1186/s12910-018-0292-3. (In Eng.).

Информация об авторах:

Л. Н. Берг

Доктор юридических наук,
доцент кафедры теории государства и права
Уральский государственный юридический
университет имени В. Ф. Яковлева
620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21

ORCID: 0000-0001-8852-7971

ResearcherID: G-7034-2019

Статьи в БД Scopus / Web of Science:

DOI: 10.21684/2412-2343-2018-5-3-114-134
DOI: 10.2991/ISMGE-19.2019.65
DOI: 10.17223/18572685/64/4
DOI: 10.17072/1995-4190-2020-50-638-649
DOI: 10.17072/1995-4190-2024-65-373-381

В. Г. Голубцов

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0003-3505-2348

Researcher ID: H-4690-2015

Статьи в БД Scopus / Web of Science:

DOI: 10.17072/1995-4190-2017-38-474-483
DOI: 10.17072/1995-4190-2018-40-158-166
DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-396-419
DOI: 10.17072/1995-4190-2019-45-490-518
DOI: 10.24031/2226-0781-2019-9-1-170-188
DOI: 10.17072/1995-4190-2020-48-248-273
DOI: 10.17072/1995-4190-2020-50-638-649
DOI: 10.17072/1995-4190-2022-57-348-371
DOI: 10.17072/1995-4190-2024-65-373-381

17. Shevchenko S., Zhavoronkov A. The Role of Exceptionalism in the Evolution of Bioethical Regulation. *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics*. 2024. Vol. 33. Issue 2. Pp. 185–197. DOI: 10.1017/S0963180123000336. (In Eng.).

18. May T., Spelley R. Autonomy, Full Information and Genetic Ignorance in Reproductive Medicine. *The Monist*. 2006. Vol. 89. Issue 4. Pp. 466–481. DOI: 10.2307/27904002. (In Eng.).

19. Takala T. The Right to Genetic Ignorance Confirmed. *Bioethics*. 1999. Vol. 13. Issue 3-4. Pp. 288–293. DOI: 10.1111/1467-8519.00157. (In Eng.).

20. Wilfond B., Ross L. F. From Genetics to Genomics: Ethics, Policy and Parental Decision-Making. *Journal of Pediatric Psychology*. 2009. Vol. 34. Issue 6. Pp. 639–647. DOI: 10.1093/jpepsy/jsn075. (In Eng.).

About the authors:

L. N. Berg

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
21, Komsomolskaya st., Yekaterinburg, 620137, Russia

ORCID: 0000-0001-8852-7971

ResearcherID: G-7034-2019

Articles in Scopus / Web of Science:

DOI: 10.21684/2412-2343-2018-5-3-114-134
DOI: 10.2991/ISMGE-19.2019.65
DOI: 10.17223/18572685/64/4
DOI: 10.17072/1995-4190-2020-50-638-649
DOI: 10.17072/1995-4190-2024-65-373-381

V. G. Golubtsov

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

ORCID: 0000-0003-3505-2348

ResearcherID: H-4690-2015

Articles in Scopus / Web of Science:

DOI: 10.17072/1995-4190-2017-38-474-483
DOI: 10.17072/1995-4190-2018-40-158-166
DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-396-419
DOI: 10.17072/1995-4190-2019-45-490-518
DOI: 10.24031/2226-0781-2019-9-1-170-188
DOI: 10.17072/1995-4190-2020-48-248-273
DOI: 10.17072/1995-4190-2020-50-638-649
DOI: 10.17072/1995-4190-2022-57-348-371
DOI: 10.17072/1995-4190-2024-65-373-381

Информация для цитирования:

Богданова Е. Е., Сойфер Т. В. Социально ориентированные некоммерческие организации: некоторые особенности правового положения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 4(70). С. 549–579. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-549-579.

Bogdanova E. E., Soyfer T. V. *Sotsial'no orientirovannye nekommercheskie organizatsii: nekotorye osobennosti pravovogo polozheniya* [Socially Oriented Non-Profit Organizations: Some Features of the Legal Status]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2025. Issue 4(70). Pp. 549–579. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-549-579.

УДК 347.19

DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-549-579

Социально ориентированные некоммерческие организации: некоторые особенности правового положения

Е. Е. Богданова

Московский государственный юридический
университет имени О. Е. Кутафина
E-mail: eebogdanova@msal.ru

Т. В. Сойфер

Московский государственный юридический
университет имени О. Е. Кутафина
E-mail: tvsojfer@msal.ru

Статья поступила в редакцию 22.07.2025

Введение: выделение на нормативном уровне особой категории социально ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО) обусловлено необходимостью создания оптимального режима для их эффективной работы и предоставления им всемерной поддержки. Вместе с тем СОНКО, несмотря на их значение и особые возможности в социальной сфере, в отечественной юридической доктрине пока не получили достаточного научного исследования; законодательная регламентация СОНКО и отдельных отношений с их участием имеет ряд недостатков, что снижает эффективность их общественно полезной деятельности и способно создавать условия для злоупотреблений. **Цель:** выявить особенности правовой конструкции СОНКО, действующих в публичных и частных интересах и сочетающих выполнение социальных государственных функций с участием в гражданском обороте, а также определить направления дальнейшего совершенствования правового обеспечения их деятельности. **Методы:** эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики; частнонаучные методы, включая юридико-догматический и метод толкования правовых норм. **Результаты:** на основе исследования установлено, что ключевое предназначение СОНКО состоит в реализации социальных государственных функций, что влияет на частноправовые аспекты статуса этих организаций и требует специальных подходов при регламентации гражданско-правовых отношений с их участием. **Выводы:** критерии отграничения СОНКО от иных некоммерческих организаций не обладают необходимой ясностью, в связи с чем требуется уточнение понятия СОНКО на нормативном уровне с четким определением допустимых для них правовых форм. Адекватного решения требует вопрос о месте СОНКО в модели социального предпринимательства посредством выделения среди них особой группы организаций, обладающих спецификой правового статуса и признаваемых субъектами социального предпринимательства.

© Богданова Е. Е., Сойфер Т. В., 2025

Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Деятельность СОНКО по реализации государственных социальных функций оказывает влияние на их гражданско-правовой статус, что требует создания и закрепления особых механизмов регламентации отношений с их участием. В частности, обосновывается необходимость применения к СОНКО повышенного стандарта добросовестности и осмотрительности, а также целесообразность внедрения конструкции надзорной ответственности государства за действия СОНКО.

Ключевые слова: социально ориентированные некоммерческие организации; некоммерческая организация; юридическое лицо; частный и публичный интерес; социальное предпринимательство; социальные функции государства; поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций; ответственность; принцип добросовестности

Socially Oriented Non-Profit Organizations: Some Features of the Legal Status

E. E. Bogdanova

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

E-mail: eebogdanova@msal.ru

T. V. Soyfer

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

E-mail: tvsojfer@msal.ru

Received 22 Jun May 2025

***Introduction:** the establishment of the special category of socially oriented non-profit organizations (SONPOs) at the regulatory level was necessitated by the need to create an optimal regime for their effective operation and to provide them with comprehensive support. Despite their significance and unique possibilities in the social sphere, SONPOs have not yet received sufficient scholarly attention in Russian legal doctrine. Moreover, legislative regulation of SONPOs and certain relationships with their participation has several shortcomings, which diminishes the effectiveness of their socially beneficial activities and may create conditions for abuses. **Purpose:** to identify the features of the legal framework of SONPOs, which operate in public and private interests, combining the performance of social functions of the state with the participation in civil turnover, as well as to determine directions for further improvement of legal support for their activities. **Methods:** empirical methods of comparison, description, and interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; special scientific methods, including the legal-dogmatic method and the interpretation of legal norms. **Results:** it has been established that the key purpose of SONPOs lies in the implementation of state social functions, which influences the private-law aspects of their status and requires special approaches in regulating civil law relations involving them. **Conclusions:** the criteria for distinguishing SONPOs from other non-profit organizations lack necessary clarity. The concept of SONPO requires clarification at the regulatory level, with the legal forms acceptable for them clearly stated. The question of the place of SONPOs in the model of social entrepreneurship can be solved by distinguishing among them a special group of organizations that possess a specific legal status and are recognized as social entrepreneurship entities. The activities of SONPOs in implementing state social functions influence their civil-law status, which necessitates the creation and legal formalization of special mechanisms for regulating relationships with their participation. In particular, the paper justifies the need to apply an increased standard of good faith and caution to SONPOs and also substantiates the feasibility of introducing a framework for state supervisory liability for the activities of SONPOs.*

Keywords: socially oriented non-profit organizations; non-profit organization; legal entity; private and public interest; social entrepreneurship; social functions of the state; support for socially oriented non-profit organizations; liability; principle of good faith

Введение

Институт социально ориентированных некоммерческих организаций (далее – СОНКО) был введен в отечественный правопорядок в 2010 году¹ в целях создания условий для оказания особой поддержки некоммерческим юридическим лицам, обеспечивающим решение наиболее сложных социальных проблем². Хотя осуществление деятельности, направленной на достижение общественных благ, характерно для некоммерческих организаций в целом, законодатель счел необходимым выделить среди них действующие, с позиции государства, в самых значимых и приоритетных в сложившихся социально-экономических условиях сферах. По состоянию на 1 июля 2025 г. в России зарегистрировано 608 287 некоммерческих юридических лиц³, из которых на 16 июля 2025 г. в реестр социально ориентированных внесены 49 652 некоммерческие организации⁴. Между тем в связи с отсутствием единого методологического подхода к способам сбора и анализа сведений о СОНКО установление их реального количества является проблематичным. Так, по данным Росстата, в России действует 130 000 СОНКО, Фонд президентских грантов и рейтинговое агентство RAEX оперируют иными данными⁵.

Согласно пункту 2.1 Федерального закона «О некоммерческих организациях»⁶ (далее – Закон об НКО) социально ориентированными могут называться некоммерческие организации, которые созданы в одной из предусмотренных данным законом форм (за исключением государственных корпораций, государственных компаний, общественных объединений, являющихся политическими партиями, государственных и муниципальных учреждений) и осуществляют

деятельность, направленную на решение социальных проблем, развитие гражданского общества в Российской Федерации, а также конкретные, нормативно определенные виды деятельности. Общий перечень таких видов деятельности, включающий двадцать основных направлений, предусмотрен в пункте 1 статьи 31.1 Закона об НКО. В их числе социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан; деятельность в сфере поддержки семьи, материнства, отцовства и детства; подготовка населения к преодолению последствий стихийных бедствий, экологических, техногенных или иных катастроф, к предотвращению несчастных случаев; охрана окружающей среды и защита животных; благотворительная деятельность и т. п. Следует отметить, что указанный круг видов деятельности, направленных на решение социальных проблем и развитие гражданского общества, не является закрытым и может дополняться иными федеральными законами, а также, с учетом локальных потребностей, законами субъектов РФ и нормативными правовыми актами представительных органов муниципальных образований. Эти возможности активно реализуются как на региональном, так и на местном уровне путем существенного расширения видов социально ориентированной деятельности⁷.

В рамках группы СОНКО законодателем особо выделяются те, которые признаются исполнителями общественно полезных услуг и в связи с этим наделяются правом на приоритетное получение мер поддержки со стороны публично-правовых образований на срок не менее двух лет. Соответствующий статус может приобрести СОНКО, которая не является иностранным агентом, не имеет задолженностей по налогам и сборам, иным обязательным платежам и соответствует одному из требований: на протяжении

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций: Федер. закон от 5 апр. 2010 г. № 40-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 2010. № 15, ст. 1736.

² Письмо Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 нояб. 2009 г. // Российская газета. 2009. 13 нояб. С. 1.

³ Сведения о работе по государственной регистрации юридических лиц по состоянию на 1 июля 2025 г. // Официальный сайт Федеральной налоговой службы. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/15764462/.

⁴ Реестр социально ориентированных некоммерческих организаций, сформированный в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июля 2021 г. № 1290 // Официальный сайт Министерства экономического развития РФ. URL: <https://data.economy.gov.ru/analytics/sonko>.

⁵ См.: Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2024 год, подготовленный Общественной палатой РФ. URL: <https://report2024.oprf.ru/>.

⁶ О некоммерческих организациях: Федер. закон от 12 янв. 1996 г. № 7-ФЗ (ред. от 24 июня 2025 г.) // Собр. законодательства Российской Федерации. 1996. № 3, ст. 145.

⁷ См., например: О видах деятельности некоммерческих организаций для признания их социально ориентированными в Московской области: Закон Московской области от 7 апр. 2017 г. № 45/2017-ОЗ (ст. 2) // Ежедневные новости. Подмосковье. 2017. 18 апр.; О поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций на территории городского округа Пущино: Решение Совета депутатов г. Пущино Московской области от 25 авг. 2011 г. № 349/49 (ред. от 19.03.2015) // Пущинская среда. 2011. 1 сент.; О видах деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций, пользующихся государственной поддержкой во Владимирской области: Закон Владимирской области от 6 окт. 2010 г. № 81-ОЗ (ред. от 8 авг. 2016 г.) (ч. 1 ст. 2). URL: <https://docs.cntd.ru/document/965013837>; Об областной государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций: Закон Иркутской области от 8 июня 2011 г. № 37-ОЗ (ред. от 5 нояб. 2020 г.) (ч. 2 ст. 7). URL: <https://docs.cntd.ru/document/469413309>.

не менее чем одного года оказывает общественно полезные услуги надлежащего качества; надлежащим образом реализует проекты, предусматривающие осуществление деятельности по одному или нескольким приоритетным направлениям в сфере оказания общественно полезных услуг с использованием грантов Президента РФ, предоставляемых на развитие гражданского общества. При этом перечень услуг, относимых к категории общественно полезных, установлен нормативно и является весьма обширным, включая деятельность в самых разных социальных областях (предоставление социального обслуживания, содействие в вопросах трудоустройства, реабилитация и социальная адаптация инвалидов и детей-инвалидов и т. п.)¹.

Пунктом 3 статьи 31.1 Закона об НКО предусмотрено предоставление СОНКО особых форм поддержки, среди которых финансовая, имущественная, информационная, консультационная, поддержка в области подготовки, дополнительного профессионального образования работников и добровольцев (волонтеров); предоставление льгот по уплате налогов и сборов; осуществление закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных

нужд у СОНКО. Субъекты РФ наделены правом оказывать СОНКО поддержку в различных формах, в том числе не предусмотренных на федеральном уровне, за счет бюджетных ассигнований региональных бюджетов. Анализ законов и иных нормативных правовых актов, принимаемых субъектами РФ в соответствующих целях, свидетельствует о достаточном многообразии моделей предоставляемой поддержки, а также условий ее оказания². В одних регионах действуют единые акты, положения которых касаются всех возможных форм поддержки³, причем часто соответствующие вопросы регламентируются детально⁴. В других субъектах РФ принятые отдельные нормативные правовые акты, подробно регулирующие оказание СОНКО конкретных форм поддержки⁵. Кроме того, на региональном уровне принимаются акты в целях урегулирования отношений, возникающих в рамках отдельных форм помощи организациям, осуществляющим общественно полезную деятельность конкретной социальной направленности⁶. Вопросы поддержки СОНКО также регламентируются органами местного самоуправления, которыми принимаются общие акты, направленные на обеспечение всех допускаемых на соответствующей территории форм поддержки⁷.

¹ См.: Об утверждении перечня общественно полезных услуг и критериев оценки качества их оказания: Постановление Правительства РФ от 27 окт. 2016 г. № 1096 (ред. от 29 июня 2019 г.) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2016. № 45 (ч. 2), ст. 6261.

² См., например: О поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций в Санкт-Петербурге: Закон Санкт-Петербурга от 11 апр. 2011 г. № 153-41 (ред. от 7 июня 2022 г.) // Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. 2013. № 25; О поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций: Закон Ивановской области от 6 мая 2011 г. № 37-ОЗ (ред. от 2 марта 2021 г.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/895297422>.

³ См., например: О государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций в Красноярском крае: Закон Красноярского края от 7 февр. 2013 г. № 4-1041 (ред. от 8 окт. 2020 г.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/465801455>; О государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций в Пермском крае: Закон Пермского края от 7 марта 2013 г. № 174-ПК (ред. от 5 марта 2021 г.) URL: <https://docs.cntd.ru/document/911540601>.

⁴ См., например: О поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций в Ямало-Ненецком автономном округе: Постановление Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа от 14 февр. 2012 г. № 69-П (ред. от 22 сент. 2022 г.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/473411502>.

⁵ См., например: Об имущественной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций: Постановление Правительства Кемеровской области – Кузбасса от 15 апр. 2021 г. № 192. URL: <https://docs.cntd.ru/document/574701848>; Об имущественной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций в Чувашской Республике: Постановление Кабинета Министров Чувашской Республики от 28 февр. 2018 г. № 70 (ред. от 13 мая 2020 г.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/446634375>; О финансовой поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций в Нижегородской области: Постановление Правительства Нижегородской области от 21 янв. 2010 г. № 20 (ред. от 19 июля 2019 г.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/944943927>.

⁶ См., например: Об утверждении Порядка предоставления субсидий из бюджета города Москвы социально ориентированным некоммерческим организациям в целях возмещения затрат, связанных с сохранением занятости и использованием информационных технологий: Постановление Правительства Москвы от 19 апр. 2022 г. № 618-ПП // Вестник Москвы. 2022. № 23. С. 21–24; Об утверждении Порядка предоставления грантов социально ориентированным некоммерческим организациям на реализацию проектов, направленных на расширение оказания услуг в социальной сфере в городе Москве: Постановление Правительства Москвы от 3 сент. 2019 г. № 1128 (ред. от 19 авг. 2022 г.). URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/41985220>; Об утверждении Порядка предоставления субсидий из бюджета города Москвы юридическим лицам в связи с осуществлением деятельности в сфере социальной защиты населения города Москвы: Постановление Правительства Москвы от 28 дек. 2011 г. № 656-ПП (ред. от 22 июня 2021 г.) // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2011. № 7 (спецвыпуск). С. 34–41.

⁷ См., например: О муниципальной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций: Решение Совета депутатов городского округа Чехов Московской области от 28 дек. 2020 г. № 179/21-2020 // Чехов сегодня. 2021. 30 янв.; О поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций в муниципальном образовании город Салехард: Постановление Администрации МО город Салехард Ямало-Ненецкого автономного округа от 27 февр. 2018 г. № 436 (ред. от 8 февр. 2022 г.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/543544472>.

или их отдельных категорий – финансовой¹, имущественной² и др.

Следует отметить, что аналогичный подход, предполагающий выделение среди некоммерческих организаций особых категорий в зависимости от характера осуществляющей общественно полезной деятельности и, как следствие, источников их финансирования, уровня их обеспеченности со стороны государства, используется и зарубежными правопорядками. При этом признается наличие определенной специфики в частноправовом статусе таких организаций [68, с. 54–55], а фундаментальные исследования свидетельствуют, что негосударственные (неправительственные) некоммерческие организации в целом имеют различные источники финансирования, однако отдельные источники доступны только для организаций определенного типа [76, с. 304].

Значительное внимание со стороны законодателя к правовому регулированию вопросов обеспечения эффективной деятельности СОНКО объясняется возложением на них особой миссии по реализации социальных функций государства.

Роль СОНКО в реализации социальных функций государства

Социальное государство и присущие ему функции весьма детально исследуются в отечественной и зарубежной юридической науке, в том числе с учетом их возможной трансформации под влиянием конкретных экономических, социальных, политических условий. В целом общепризнано, что функции государства связаны с реализацией общественных интересов [53]. Тем не менее понятие функций государства остается спорным, столь же неоднозначны позиции относительно сущности и видов социальных государственных функций [22]. Согласно широкому подходу, в современных условиях социальные функции государства направлены на решение множества задач, в числе которых интеграция общества, установление и обеспечение единых минимальных стандартов жизни, повышение авторитета государства среди населения, согласование интересов классов и страт [33]. В узком смысле социальные функции государства рассматриваются как государственная политика в социальной сфере, выражаясь в системе мероприятий, проводимых государством в области образования, здравоохранения и социального

обеспечения [46]. Существует и еще более ограниченное понимание, сводящее содержание социальных функций исключительно к созданию и поддержанию системы социальной защиты и социального обеспечения населения, то есть к предоставлению человеку достаточных средств к существованию и обеспечению надлежащих условий его жизнедеятельности [3]. Так же неоднозначны взгляды на правовую природу социальных функций. Одни полагают, что деятельность государственных органов и должностных лиц по осуществлению социальной функции государства в области здравоохранения, образования, науки, социального обеспечения и т. д. является социальной услугой, оказываемой населению. Другие рассматривают деятельность публичных органов по осуществлению социальной функции как обязанность государства, корреспондирующую социально-экономическим правам граждан [38].

Как следствие, различны взгляды на виды социальных функций и критерии их разграничения. Предлагается выделять компенсаторную, инвестиционную, эмансипаторскую функции и функцию распределения и перераспределения доходов, которая признается ключевой. Кроме того, обосновывается наличие таких социальных функций государства, как защитная, регулирующая, стабилизирующая, контрольно-охранительная [5].

Однако независимо от избираемой научной точки зрения на сущность и виды социальных функций государства единодушно признается особая роль некоммерческих организаций в деле их реализации. Доказывается, что некоммерческие организации, признаваемые субъектами социальной политики, обладают весомым потенциалом в создании условий для повышения качества жизни населения, в приращении социального капитала общества, в развитии общественных институтов [47]. В экономической литературе, главным образом зарубежными учеными, сформулированы и различные научные теории, объясняющие объективную необходимость функционирования негосударственных некоммерческих организаций (теории провалов государства, производства общественных благ, общественного контроля, новой политической культуры, сервисная концепция и др.) [88]. В частности, согласно доктрине провалов (недостаточности) государства некоммерческие организации осуществляют свою деятельность прежде всего в тех областях, в которых

¹ См., например: Об утверждении Порядка предоставления грантов в форме субсидий из бюджета Одинцовского городского округа Московской области социально ориентированным некоммерческим организациям, осуществляющим свою деятельность на территории Одинцовского городского округа Московской области: Постановление администрации Одинцовского городского округа Московской области от 6 мая 2022 г. № 1872. URL: <https://odin.ru/news/?id=66071>; Об оказании финансовой поддержки социально ориентированным некоммерческим организациям Дмитровского городского округа Московской области: Постановление администрации Дмитровского городского округа Московской области от 9 июля 2021 г. № 1438-П (ред. от 4 авг. 2021 г.). URL: <https://dmitrov-reg.ru/files/2025/07/01/60f191ca51b98postanovlenie1438.pdf>.

² См., например: Об имущественной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций в городе Абакане: Постановление Администрации г. Абакана Республики Хакасия от 13 мая 2022 г. № 949. URL: <https://docs.cntd.ru/document/406041448>; Об имущественной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций: Решение Красноярского городского Совета депутатов от 16 июня 2021 г. № 12-171. URL: <https://docs.cntd.ru/document/574778340>.

государство не может удовлетворить возросший спрос населения на коллективные блага. Тем самым именно они устраняют имеющиеся пробелы в актуальных сферах, дополняя недостаток государственной помощи [97, с. 39–40]. Обосновывается, что организации, действующие в рамках гражданского общества, призваны и способны выполнять множество функций: поддерживать рынки, предоставлять общественные блага и услуги, укреплять демократию и равенство, содействовать участию гражданского населения в политике и развивать социальное предпринимательство [51; 62]. Неоспорима способность некоммерческих организаций при решении основной задачи социального государства, состоящей в обеспечении достойного уровня жизни каждому члену общества, гарантировать адресный подход, максимально учитывая потребности и интересы различных социальных групп населения [31]. Эти научные мнения подтверждаются обширной позитивной практикой и значимыми результатами работы некоммерческих организаций в различных социальных сферах¹. Зарубежными социологами также аргументируется эффективность распределения деятельности по реализации ряда социальных функций между государственным сектором и частным, причем при любом типе государства [60, с. 36].

Указанное свидетельствует, что основное предназначение СОНКО состоит в реализации социальных государственных функций, то есть ведении определенной деятельности в целях обеспечения публичных интересов и потребностей особого рода. Между тем СОНКО создаются в качестве юридических лиц, субъектов гражданско-правовых отношений, в рамках которых обычно предполагается реализация частных интересов организации и ее учредителей (участников). При этом, как отмечалось, законодателем прямо исключается возможность признания социально ориентированными тех некоммерческих организаций, которые созданы публично-правовыми образованиями и могли бы рассматриваться как опосредованно реализующие волю и публичные интересы своих учредителей. Очевидно, что возлагаемые на СОНКО задачи не могут не влиять на частноправовые аспекты их статуса и обуславливают наличие специфики СОНКО как юридических лиц и субъектов имущественного оборота. В литературе подчеркивается, что с экономической точки зрения для достижения поставленных перед некоммерческими организациями целей требуется особый механизм распределения ресурсов, отличный от существующего

рыночного механизма, основанный на особых правилах и предполагающий в значительной степени участие в безвозмездных отношениях [61].

Следует отметить, что в целом в отечественной правовой доктрине институт СОНКО пока исследован недостаточно, в том числе с позиций выявления специфики реализации публичных интересов юридическим лицом как субъектом частного права, а также возможного влияния осуществляющей юридическим лицом социально полезной деятельности на его гражданско-правовой статус. В большей степени вопросы функционирования и приоритетных трендов развития СОНКО, роль этих организаций в реализации социальной политики и совершенствовании гражданского общества, направления поиска результивных и адекватных форм взаимодействия СОНКО с государством рассматриваются с позиций экономики, социологии, политологии. В юридической литературе правовым аспектам СОНКО уделяется лишь эпизодическое внимание, причем в целом существующие законодательные подходы к определению понятия СОНКО и регламентации их правового положения оцениваются негативно, как снижающие эффективность деятельности некоммерческих организаций и препятствующие дальнейшему развитию их социально ориентированной деятельности. В частности, обсуждаются проблемы недостаточно четкой законодательной дефиниции СОНКО и, как следствие, отсутствия необходимой взаимосвязи между правовыми актами и отдельными нормами, регулирующими статус некоммерческих организаций, указывается на необходимость их систематизации и корреляции [27; 1]. Критике подвергаются существующие подходы к определению круга возможных для СОНКО организационно-правовых форм, в том числе в связи с приспособленностью некоторых из них для решения исключительно узкогрупповых, а не общих социальных проблем или, напротив, необоснованным отказом законодателя от использования потенциала отдельных правовых конструкций [15].

Обращается внимание и на то, что в российском законодательстве, в отличие от зарубежных правопорядков, размыта как целевая, так и функционально-деятельностная составляющая некоммерческих юридических лиц – в частности, отсутствует их четкое нормативное разделение по типам взаимной и общественной выгоды; в отечественном публичном пространстве и государственном регулировании доминирует представление о единой совокупности некоммерческих организаций, хотя этому сектору присуща глубокая сегментация [32].

¹ См.: О поддержке и развитии СОНКО в Российской Федерации за 2020–2023 гг.: доклад / С. О. Сорокин, Е. А. Иваницкая, О. И. Терно [и др.]; под ред. Т. А. Илюшниковой. М., 2024. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/d8eefc448afa1c69c22da1c646b2c5ec/doklad-o-podderzhke-i-razvitiu-sonko-v-rf-za-2020-2023-gg.pdf>; Сборник лучших практик: СО НКО – поставщики услуг и получатели поддержки: рабочие материалы / Центр гражданского анализа и независимых исследований «ГРАНИ», Минэкономразвития России. М., 2014. 247 с. URL: http://www.nko.economy.gov.ru/upload/old_docs/132752_130947_sbownik_luchshih_praktik_so_nko.pdf.

К примеру, в 80-х годах прошлого века в США сформировалась централизованная и иерархическая модель системы некоммерческих организаций, основополагающими чертами которой являются преобладание грантового финансирования организаций, получение работниками организаций заработной платы, уменьшение роли членства в некоммерческих организациях, осуществление управления организациями советами директоров. Наличие этих черт во многом обусловлено существующей в США в сфере деятельности некоммерческих организаций тенденцией к предоставлению потребителям конкретных услуг или участию в защите их интересов, лobbировании и общественном просвещении по конкретным социальным или политическим вопросам, а не к широкой пропаганде общения, взаимной поддержки и заботы [59; 90, с. 30–40]. Доминирование такой профессионализированной модели в некоммерческом секторе США привело к резкому росту числа создаваемых некоммерческих организаций в целом при одновременном сокращении количества организаций, основанных на членстве. Вместе с тем к началу 2000-х годов эта модель подверглась общественной критике из-за иерархической структуры некоммерческих организаций (включая корпоративный порядок управления ими), отсутствия активного участия общества в их деятельности и даже получила название «некоммерческий промышленный комплекс» [87; 91]. По сути, профессиональные некоммерческие организации были оценены как недостаточно открытые, какими они должны быть исходя из цели своего создания.

Сегодня субъекты гражданского общества в США все чаще стремятся избегать осуществления социально полезной деятельности через иерархические, профессионально управляемые некоммерческие корпорации. При этом общественные институты конструируют новые инновационные структуры некоммерческих организаций, с тем чтобы найти опимальные условия для достижения соответствия таких организаций их ценностям. В частности, на данный момент используются четыре модели инновационных некоммерческих организаций: социократические некоммерческие организации, рабочие самоуправляемые некоммерческие организации, центральные континституты и роевые организации [67, с. 871].

В свете задач настоящего исследования особый интерес представляет структура некоммерческой организации по модели роя, которая, в силу имеющихся особенностей, достаточно эффективна для реализации социальных функций. Она строится вокруг небольших общественных групп, где нет формальных, скординированных связей между конкретными группами участников. В каждой части этих отдельных групп должно быть не более семи лидеров,

каждый из которых может иметь множество заместителей. Например, лицо, координирующее работу организации на городском уровне, может иметь одного или двух заместителей и четырех «функциональных сотрудников» (по связям с общественностью или СМИ, по поддержанию связей с участниками роя и др.). При этом сам рой должен быть децентрализованным, с полномочиями, делегированными «до такой степени, что любой может принять практически любое решение для всей организации» [58, с. 414]. Такая организация открыта для всех, ее операции прозрачны, а ее финансовое состояние, стратегия и тактика транспарентны для всех участников. Кроме того, роевая модель некоммерческих организаций создает условия для сотрудничества и необходимого взаимодействия участников, поскольку принятие решений в группах обычно осуществляется через так называемый «круг консенсуса», требующий достижения согласия всех присутствующих. В то же время участники роевой организации свободны в выборе вариантов своих действий для формирования собственных проектов и достижения общих поставленных целей.

Как известно, некоммерческие организации, включая социально ориентированные, являются юридическими лицами, а следовательно, обладают гражданской правосубъектностью, наличие которой во многом необходимо для реализации их основных целей, которые не должны быть связаны с извлечением прибыли (п. 1 ст. 50 Гражданского кодекса (далее – ГК РФ)¹). В целом в цивилистической доктрине сформировалось мнение, что основная деятельность некоммерческих организаций осуществляется за рамками гражданско-правового регулирования, тем не менее признание их юридическими лицами означает необходимость применения к ним унифицированных правил, общих для всех субъектов, обладающих соответствующим статусом [40, с. 166].

Вместе с тем выражается и позиция о необходимости отнести некоммерческие организации, действующие в целях общего блага путем сотрудничества с публичной властью, к особой категории юридических лиц публичного права и рассматривать их не только как частноправовые, но и как публичноправовые образования, основное назначение которых состоит отнюдь не в участии в гражданском обороте [43, с. 14, 76–94]. В связи с этим отмечается, что главные проблемы нормативной регламентации деятельности СОНКО, в том числе в области предоставления им отдельных форм государственной и муниципальной поддержки, обусловлены именно отсутствием четкого понимания публично-правовой природы СОНКО органами государственной власти и места СОНКО в правовой системе [2]. В зарубежных странах также выделяется весьма спорная по своей сущности и признакам категория квазиавтономных

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.

неправительственных организаций (*quango*), на которые в качестве их основной задачи возложена реализация одной или нескольких государственных стратегий и которые финансируются государством, но действуют относительно самостоятельно от него («на расстоянии вытянутой руки от правительства, без непосредственных иерархических отношений с министром или вышестоящим ведомством»). При этом единство ученых в понимании, какие типы организаций следует относить к соответствующей категории, отсутствует [94, с. 176].

Согласно пункту 6 статьи 50 ГК РФ «к отношениям по осуществлению некоммерческими организациями своей основной деятельности, а также к другим отношениям с их участием, не относящимся к предмету гражданского законодательства, правила настоящего Кодекса не применяются, если законом или уставом некоммерческой организации не предусмотрено иное». Данная норма учитывает, что в процессе деятельности некоммерческих организаций, прежде всего имеющих социально ориентированные цели, возникают общественные отношения неоднородного содержания и направленности, и призвана разграничить сферы действия правовых норм различной отраслевой принадлежности при их регламентации. Вместе с тем категория основной деятельности некоммерческих организаций является весьма размытой и может пониматься неоднозначно, поскольку, какой бы ни была основная цель деятельности некоммерческой организации, она не связана с извлечением прибыли и в той или иной степени всегда может рассматриваться как направленная на решение каких-то социальных проблем.

Следует отметить, что некоммерческие организации наделены возможностью осуществлять приносящую доход деятельность, если это предусмотрено их уставами, служит достижению целей, ради которых они созданы, и соответствует таким целям (п. 4 ст. 50 ГК РФ). Поступления от подобной деятельности, приравниваемой судебной практикой по правовому режиму к предпринимательской¹, не могут распределяться среди участников организации и направляются на достижение ее основных целей. В ряде иностранных государств законодатель придерживается аналогичного подхода: некоммерческие организации, в частности предоставляющие общественно полезные услуги, могут заниматься бизнесом при условии более эффективного использования своих активов, а также качества, объема и доступности услуг, ради которых они были созданы. Доходы от соответствующей деятельности должны

направляться на финансирование основной цели некоммерческой организации [85, с. 4]. При этом зарубежными учеными отмечается, что некоммерческие организации, предоставляющие социально ориентированные услуги на благо общества в сферах, где государство не в состоянии предоставить эти услуги или не справляется с поставленной задачей, и обеспечивающие непрерывность этих услуг, не должны стремиться к получению прибыли при их оказании. Вместе с тем с точки зрения устойчивого развития эти организации осуществляют и деятельность, которая приносит прибыль [79].

Приносящая доход деятельность некоммерческих юридических лиц обычно расценивается как вспомогательная, призванная обеспечить формирование имущества, необходимого для реализации ими основных общественно полезных целей. Эта мысль была выражена в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации² (п. 1.4 раздела III) и последовательно проведена при обновлении норм главы 4 ГК РФ. Однако для СОНКО в зависимости от конкретных целей их создания и используемых методов работы приносящая доход деятельность, осуществляемая исключительно в частноправовых рамках, может иметь характер основной общественно полезной, быть одним из ее видов, создавать условия для ее осуществления. В связи с этим в доктрине весьма активно обсуждается вопрос о возможности отнесения СОНКО к категории социальных предпринимателей с предоставлением им соответствующих льгот и преимуществ.

СОНКО и социальное предпринимательство

Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»³ рассматривает социальное предпринимательство исключительно как предпринимательскую деятельность, направленную на достижение общественно полезных целей, способствующую решению социальных проблем граждан и общества и осуществляющую в соответствии с определенными условиями, предусмотренными частью 1 статьи 24.1 Закона. При этом к числу осуществляющих ее лиц, помимо профессиональных предпринимателей – коммерческих юридических лиц определенных правовых форм и индивидуальных предпринимателей, отнесены потребительские кооперативы. Хотя потребительские кооперативы признаются некоммерческими юридическими лицами, они не могут быть

¹ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 (п. 21) // Бюллетень Верховного Совета Российской Федерации. 2015. № 8.

² Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Фед. закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ (ред. от 28 июня 2022 г.) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2007. № 31, ст. 4006.

отнесены к категории СОНКО ввиду того, что нормы Закона об НКО на них не распространяются.

Исследование особенностей функционирования социально значимых рынков, в том числе рынка социальных услуг, свойственных социальному предпринимательству признаков, а также осуществляемых в его границах и направленных на решение социальных проблем видов деятельности приводит ученых к выводам, что четко разграничить характер этой деятельности (комерческий или некоммерческий) во многих ситуациях затруднительно. Как следствие, отмечается, что в зависимости от выбранного направления деятельности субъектами социального предпринимательства должны признаваться как коммерческие, так и некоммерческие организации [36]. Аналогичные позиции выражены и в зарубежной доктрине, где концепция социального предпринимательства рассматривается в контексте некоммерческих организаций, а именно целевых объединений, предоставляющих какое-либо социальное благо или услугу без участия в какой-либо форме обмена, то есть без осуществления деятельности, приносящей «заработанный доход» [83]. При этом одной из основных причин, мотивирующих предпринимательское поведение некоммерческих организаций, является их желание действовать более эффективно с использованием существующих организационных ресурсов, удовлетворять наиболее важные социальные потребности [75]. Более того, высказываются мнения, что социальное предпринимательство, имеющее огромный потенциал, должно быть исключительно некоммерческим [50]. Вместе с тем зарубежные авторы отмечают, что некоммерческие организации, управляющие социальными предпринимательскими проектами, сталкиваются с многочисленными проблемами, порождаемыми изначальным конфликтом между несовместимыми логиками целей некоммерческой организации – основной и предпринимательской. Несмотря на то что в последнее время вопрос противоречий между конкурирующими логиками внутри таких организаций обсуждается все более активно, сохраняется пробел в понимании того, как некоммерческие организации адаптируются к таким различным логикам при ведении своей деятельности [78]. На наличие дуализма в целях некоммерческих организаций, осуществляющих функции социального предпринимательства, указывается многими авторами [80; 52].

В отечественной доктрине формулируются выводы о возможности классификации социального предпринимательства исходя из способа организации социально направленной деятельности, одним из элементов которой признаются некоммерческие организации с социальной миссией [11]. Указывается, что деятельность некоммерческих организаций в экономическом смысле является классическим примером социального предпринимательства [45]. Все это может свидетельствовать о реализации

СОНКО своего предназначения через участие главным образом в гражданских правоотношениях.

Однако более убедительным представляется мнение С. С. Занковского, обосновывающего, что с позиций социального предпринимательства целесообразно подразделение СОНКО на две категории. К первой следует относить организации, которые осуществляют свою основную социально направленную деятельность за счет получаемых доходов, если они управомочены на это учредительными документами. Такая приносящая доход деятельность наиболее близка к предпринимательской, хотя ГК РФ не устанавливает для нее правового режима. Во вторую категорию должны включаться СОНКО, которые решают социальные задачи вне занятых бизнесом и не могут быть отнесены к субъектам социального предпринимательства. При этом автор высказывает справедливые сомнения в возможности установления единого правового режима для профессиональных предпринимателей и СОНКО, получающих доход от своей деятельности, в связи с различием стоящих перед ними основных задач, несмотря на то что меры государственной поддержки СОНКО и социальных предпринимателей во многом идентичны [16]. По сути, такой подход предполагает разграничение СОНКО в зависимости от способа достижения поставленных целей, определяющего круг и отраслевой характер возникающих при этом правоотношений. Для первой группы СОНКО характерна реализация поставленных задач посредством вступления в гражданско-правовые отношения, для второй – путем участия в основном в отношениях публично-правового характера.

Расхождение во взглядах относительно возможности и целесообразности признания СОНКО социальными предпринимателями, а также иные сопровождающие их деятельность дискуссионные вопросы во многом обусловлены спецификой их правового положения. Признание СОНКО субъектами гражданского права, по сути, означает наличие у них собственных, частных интересов, реализуемых в рамках гражданских правоотношений. Очевидно, что общая направленность деятельности некоммерческих организаций на реализацию социальных государственных функций и достижение общественных благ придает их частным интересам, служащим основой для вступления в гражданско-правовые отношения, специфические черты. При этом данные интересы имеют определенные особенности, которые отличают их от тех, что характерны как для иных некоммерческих организаций, не обладающих качеством социально ориентированных и нацеленных на удовлетворение потребностей своих участников (потребительских кооперативов, товариществ собственников недвижимости и др.), так и для коммерческих юридических лиц, создаваемых исключительно с частноправовой целью извлечения прибыли.

Интересы СОНКО: проблемы квалификации

Интересы, реализуемые некоммерческими юридическими лицами, обусловлены целями их деятельности. В общем виде цели, свойственные каждой из форм некоммерческих юридических лиц, предусмотрены в их легальных дефинициях, содержащихся в ГК РФ. Именно эти цели, конкретизируемые и закрепляемые в учредительных документах, предопределяют объем имеющейся у СОНКО гражданской правоспособности (п. 1 ст. 49 ГК РФ), необходимой для получения финансовой поддержки и ее последующего расходования, получения имущественной и иных мер поддержки, предполагающих установление гражданско-правовых, в том числе договорных, отношений. Вместе с тем характер lawально определенных целей, свойственных конкретной форме юридического лица, способен повлечь возникновение проблем при квалификации отношений, складывающихся в связи с осуществлением некоммерческими организациями социально ориентированной деятельности, выборе норм, подлежащих применению к отношениям с их участием, а также установлении принципов взаимосвязи и соподчинения этих норм. Если в одних случаях гражданско-правовой характер отношений с участием СОНКО, возникающих в рамках осуществляющей ими деятельности, очевиден, то в других их отраслевая принадлежность и, соответственно, правовой режим неоднозначны.

Необходимо обратить внимание, что в силу указания закона определяющим моментом для отнесения некоммерческого юридического лица к СОНКО является направленность его деятельности, при этом внутреннее устройство организации и принадлежность ее к корпоративному или унитарному типу юридически безразличны. Исключение некоторых правовых форм из числа возможных для СОНКО (государственные учреждения и т. п.) продиктовано не их внутренним устройством, а спецификой статуса юридического лица соответствующей формы в целом.

Согласно исторически сформированному подходу к пониманию правовой природы основанных на членстве корпораций и унитарных организаций, членства не имеющих [12, с. 18–24], устройство юридического лица обуславливает его сущность и предопределяет особый круг отношений с его участием [39, с. 31]. С. Н. Братусь отмечал, что корпорация характеризуется направленностью на удовлетворение личных потребностей участников, а учреждение – это «общественное образование, действующее в интересах пользователей (дестинаторов), не связанных непосредственно между собой и с учреждением в качестве его членов» [9, с. 46]. Д. В. Ломакин также указывает, что создание учреждения преследует цель реализации общественно полезных интересов, которые напрямую не связаны с интересами его учредителя. Напротив, создавая корпоративную организацию, участники объединяются для реализации

своих частных интересов. Это достигается благодаря появлению общего интереса, выразителем которого выступает корпорация [25, с. 56]. Корпоративные интересы определяются в доктрине как осознанные имущественные и неимущественные потребности участника компании, удовлетворение которых происходит посредством участия в деятельности компании, а интересы компании – как ее имущественные и неимущественные потребности, обусловленные целями деятельности, закрепленными в ее учредительных документах, и удовлетворяемые посредством осуществления такой деятельности. Реализация интересов компании (общего корпоративного интереса) в конечном счете ведет к реализации частных интересов участников (членов) корпорации [24, с. 143–145].

Данные выводы не могут в полной мере применяться к СОНКО, действующим в форме корпоративного юридического лица, поскольку очевидна направленность их деятельности на удовлетворение не только собственных частных интересов, а также частных интересов своих участников, сколько интересов публичных. Заметим, что в литературе признается существование смешанных форм юридических лиц – учреждений с корпоративным устройством и корпораций, которые по своему устройству близки к учреждениям [19, с. 220]. С. Н. Братусь определял сферу их функционирования следующим образом: «Тип корпоративного учреждения или корпорации, близкой по своему устройству к учреждению, возникает главным образом из корпораций, преследующих так называемые идеальные, то есть культурные, научные, воспитательные и тому подобные цели, сходные с целями, осуществлямыми учреждениями» [8, с. 46]. Однако СОНКО не является формой юридического лица. Таковыми при определенных условиях могут признаваться некоммерческие организации, имеющие различные формы. Соответственно, характер интересов, реализуемых некоммерческими организациями корпоративного типа, имеющими одну форму, к примеру общественной организации или ассоциации (союза), непосредственно зависит от того, будут ли они признаны СОНКО. В случае такого признания посредством деятельности некоммерческого корпоративного юридического лица наряду с частными будут обеспечиваться и публичные интересы.

Таким образом, СОНКО характеризуются двойственным положением. С одной стороны, это имеющие статус юридических лиц субъекты частного права, которые осуществляют свою деятельность под влиянием собственных частных интересов и призваны удовлетворять интересы своих учредителей (участников), тоже носящие частный характер. Соответственно, они должны подчиняться общим для всех участников гражданского оборота положениям и правилам. С другой – факт деятельности СОНКО в целях решения социальных проблем предопределяет формирование и реализацию их частных

интересов под влиянием публичных потребностей. По сути, это означает, что в случае признания некоммерческого юридического лица социально ориентированной некоммерческой организацией, действующей в публичных интересах, происходит существенная трансформация его гражданско-правового статуса. Очевидно, что условия и правовой режим участия такого юридического лица в отношениях, составляющих предмет гражданского права, приобретают особые качества.

В связи с этим интерес представляет опыт США, где также существуют подобные противоречия, в частности юридические и структурные препятствия, ограничивающие возможности социальных структур в достижении общественно полезных целей [74, с. 162]. Для их устранения в ряде штатов (Мэриленд, Вермонт, Калифорния, Гавайи, Нью-Джерси и др.) приняты специальные законы, предусматривающие создание благотворительных корпораций и регламентирующие их статус [57]. Благотворительная корпорация объединяет в себе черты классической корпорации, однако в своей деятельности обязана способствовать общественным интересам. Для обеспечения соблюдения «общественно полезных» обязательств корпораций, работающих в сфере благотворительности, законодательно предусматривается вместо схемы мониторинга, ориентированной на соблюдение фиксированных результатов или процедур и осуществляющей исключительно универсальным органом сертификации и широкой общественностью, использование особой структуры подотчетности, которая дополняет внешнюю подотчетность организации перед надзорными органами внутренней подотчетностью, а также подотчетностью перед профессиональным сообществом и заинтересованными сторонами [70].

Общепринятым считается мнение, что частный интерес опосредуется частноправовыми отношениями, а публичный интерес – публичными, хотя столь жесткое дихотомическое деление интересов нередко подвергается критике. Эмпирические исследования также приводят ученых к выводу, что различие между частным и публичным систематически остается неясным из-за размытых формальных границ, поэтому регулирование взаимодействия частных и публичных интересов является центральной и постоянно возникающей проблемой современного права [72]. Отмечается, что публичный интерес имеет множество значений и не может быть определен априори [69, с. 121–122]. Также аргументируется мнение об отсутствии основания для самого выделения и использования понятия публичного интереса в связи с его нечеткостью и декларативностью, а также отсутствием обладающего им субъекта [26]. Согласно радикальной позиции, отрицающей само существование общественного интереса как объективной категории, он представляет собой не автономное социальное явление, а скорее результат определенных конституционных механизмов и преобладающей политической культуры [84].

В юридической науке под частным интересом традиционно понимается индивидуализированный интерес, который характеризует особенности конкретной личности и выражается в совокупности ее интересов имущественного и личного неимущественного свойства [21, с. 69]. Что касается публичного интереса, то взгляды на его сущность весьма многообразны. Одни авторы раскрывают понятие публичного интереса, исходя из его широкой территориальной распространенности и массовости носителей [37, с. 227]. Иная точка зрения сводится к отождествлению публичных интересов с интересами государственными, которые, в свою очередь, признаются проявлением интересов общественных, поскольку государство призвано выражать волю народа и не может иметь особых интересов, не совпадающих с интересами всего общества [23, с. 94]. Соответственно, публичный интерес определяется как обезличенная потребность общества (как единого субъекта) и отдельных общественных коллективов в достижении общего для всех членов блага, реализуемая и обеспечивающаяся от имени общества государством как его представителем [20, с. 73].

Довольно многочисленная группа ученых занимает промежуточную позицию, называя публичными не все общественные интересы, а лишь их часть – общественные интересы, осознанные и признанные государством, а потому получившие правовое закрепление [17, с. 37; 42, с. 23]. По мнению Ю. А. Тихомирова, публичный интерес – это «признанный государством и обеспеченный правом интерес социальной общности, удовлетворение которого служит условием и гарантией ее осуществления и развития» [41, с. 55]. Ряд авторов рассматривает в качестве публичных совокупность всех общественных и государственных интересов [10, с. 64]. Также предлагается определять публичный интерес через его направленность и значение [30, с. 7].

Однако в последнее время все чаще высказывается позиция о нецелесообразности противопоставления публичного и частного интересов, поскольку каждый из них юридически значим. Отмечается, что, получив правовую формализацию, частный интерес неизбежно приобретает публичный отпечаток, то есть всегда выступает проявлением публичных интересов. Соответственно, предлагается рассматривать публичные и частные интересы как целое и часть, общее и особенное. При этом под частным интересом следует понимать конкретизированный публичный интерес, определяемый в отношении отдельного индивида или группы [18, с. 8]. Также указывается на отсутствие четких границ между частными и публичными интересами и, как следствие, очевидность смешанного характера частного и публичного права [29, с. 205]. При этом зарубежными исследователями указывается, что в большинстве случаев личные интересы индивида не обязательно противоречат общим интересам группы и, соответственно, конфликты между ними не являются неизбежными,

особенно в контексте государственного сектора, и что организационная структура и управленические стратегии должны учитывать тот факт, что многие субъекты хотят приносить больше пользы [86].

Наличие столь разнородных мнений относительно сущности частного интереса и интереса публичного во многом обусловлено различиями контекстов, в которых они рассматриваются. Правовые формы и статус СОНКО свидетельствуют об их возможности и необходимости реализовывать как собственные частные интересы (а также частные интересы своих учредителей при вступлении в гражданско-правовые отношения в качестве юридических лиц), так и публичные (общественные, государственные) интересы, преследуя свои основные цели, связанные с выполнением государственных социальных функций и достижением общественных благ. В литературе совершенно справедливо отмечается, что интересы частных, в том числе юридических, лиц могут являться как публичными, так и частными в зависимости от конкретной ситуации [44, с. 171].

Обладателям частных интересов обычно предоставляется возможность самостоятельно и автономно определять характер своих действий, направленных на их реализацию. Государство посредством издания норм права придает юридическую силу тем решениям, которые принимаются обладателями частных интересов, предоставляет гарантии их обеспечения и защиты, если такие интересы имеют правомерный характер, то есть находятся в установленных границах. Частный характер интересов некоммерческой организации как самостоятельного субъекта обуславливает характер и содержание правоотношений, в которых она может или должна участвовать, как внешних – между самой некоммерческой организацией и другими участниками оборота, так и внутренних – между организацией и ее учредителями (участниками). Как правило, такие отношения имеют признаки, свидетельствующие об их гражданско-правовой природе (юридическое равенство, автономия воли, имущественная самостоятельность участников). Следовательно, основными правовыми регуляторами при реализации некоммерческими организациями частных интересов являются нормы гражданского законодательства.

Государственные интересы предполагают прежде всего удовлетворение потребностей государства как самостоятельного субъекта,званного выполнять определенные внешние и внутренние функции. При условии совпадения с ними общественные интересы, признаваемые и поддерживаемые государством особыми средствами, могут признаваться публичными. Тем самым публичный интерес воплощает общественный и государственный интересы, является плоскостью их пересечения. Возвведение общественных интересов в ранг публичных означает утверждение их приоритета по отношению к иным общественным интересам и существенное

увеличение вариантов их практической реализации. Значимым свидетельством трансформации общественного интереса в публичный может являться закрепление предоставляемых государством преференций, установление особых норм, регулирующих процедуру реализации интереса, предусматривающих для этого льготные условия и т. д.

Общественные потребности, ставшие публичными, могут быть удовлетворены посредством создания некоммерческих организаций. При этом подобный вариант осуществления публичных потребностей предполагает использование норм частного права, поскольку категория юридического лица является прежде всего цивилистической, и представляет собой пример взаимосвязи норм частного права с реализацией публичных интересов, на существование которой неоднократно обращалось внимание в литературе [34, с. 37].

В процессе реализации публичных интересов через создание и деятельность некоммерческой организации во всех случаях участвует государство. Такое участие может выражаться в различных формах, среди которых наиболее значимой является создание приоритетных условий для деятельности организаций и оказание им особой помощи. В принципе экономическая поддержка может быть оказана большинству некоммерческих организаций, однако ее возможные формы, определенные в пункте 2 статьи 31 Закона об НКО, не предполагают непосредственной передачи некоммерческим организациям каких-то материальных благ на безвозмездной основе и прямого влияния на их статус, в том числе как участников имущественных отношений, не оказывают. Государство лишь способствует самостоятельной деятельности некоммерческих организаций (сбору ими пожертвований и пр.), не вмешиваясь в нее; соответственно, некоммерческие организации, получающие подобную государственную помощь, остаются независимыми и функционируют как структуры гражданского общества, реализующие частные интересы. Приоритетным в данном случае является применение гражданско-правового метода регулирования возникающих отношений, характеризуемого сочетанием двух начал: дозволительной направленности регулирования, призванного обеспечить субъектов юридическими средствами удовлетворения их потребностей, и правовой самостоятельности субъектов, которая должна предоставить им возможность выбора путей и средств удовлетворения интересов [48, с. 69].

Иная ситуация складывается с некоммерческими организациями, подпадающими под понятие СОНКО. Направленность их деятельности, с учетом получаемой ими финансовой, имущественной и иных форм поддержки, означает признание реализуемых ими интересов публичными, что оказывает влияние на их правовой статус. Приобретая материальные блага в виде денежных средств и имущественных прав непосредственно от государства,

такие некоммерческие организации автоматически попадают под его особый контроль, уже не могут рассматриваться как независимые от государства и, соответственно, утрачивают признаки, характерные для структур гражданского общества. Что касается их гражданско-правового положения, то оно также подвергается изменениям. Особый источник формирования материальной основы их деятельности обуславливает установление для них специального режима, предполагающего введение существенных ограничений на направления использования и распоряжения имуществом. Кроме того, некоммерческое юридическое лицо лишается возможности корректировать свои цели, направления, виды и принципы деятельности, ибо это может повлечь утрату им статуса СОНКО. Тем самым его гражданская правоспособность в определенной степени сужается и требует особых условий реализации по сравнению с некоммерческими юридическими лицами, имеющими аналогичные организационно-правовые формы и осуществляющими деятельность в сходных сферах.

Организационно-правовые формы СОНКО: проблемы определения

Как отмечалось, согласно пункту 2.1 статьи 2 Закона об НКО социально ориентированными могут быть признаны некоммерческие организации, функционирующие в одной из форм, предусмотренных Законом об НКО. Однако данное положение фактически неприменимо, поскольку соответствующие нормы Закона о НКО, определяющие формы некоммерческих организаций, до сих пор не синхронизированы с положениями ГК РФ о юридических лицах, обновленными в рамках общего процесса реформирования гражданского законодательства в 2014 году¹. Поскольку правовые формы некоммерческих организаций в настоящее время закреплены в ГК РФ, круг тех из них, что способны получить статус социально ориентированных, остается неопределенным. В таких условиях, при отсутствии специальных нормативных указаний, претендовать на признание социально ориентированной и, как следствие, получение поддержки со стороны органов государственной власти и местного самоуправления в принципе способна некоммерческая организация любой допускаемой ГК РФ формы, если она осуществляет те виды деятельности, которые предусмотрены статьей 31.1 Закона об НКО: решение социальных проблем, развитие гражданского общества в Российской Федерации и т. д. Тем

более что, какой бы ни была основная цель деятельности некоммерческой организации, она не связана с извлечением прибыли и в той или иной степени всегда может рассматриваться как направленная на решение каких-то социальных проблем.

Эта мысль подтверждается при обращении к данным Реестра СОНКО, который ведется Минэкономразвития РФ. По состоянию на 16 июля 2025 г. в нем, помимо традиционных для СОНКО форм, имеющих общественно полезную направленность (общественная организация, общественное движение, общественно полезный фонд и др.), присутствуют товарищества собственников недвижимости, жилищно-строительные кооперативы, ревизионные союзы сельскохозяйственных кооперативов, торгово-промышленные палаты, саморегулируемые организации в форме ассоциаций, коллегии адвокатов, адвокатские палаты и т. п.

Между тем нормативно установленная направленность целей деятельности всех этих некоммерческих юридических лиц вызывает серьезные сомнения относительно принципиальной возможности признания их социально ориентированными и целесообразности предоставления им государственной или муниципальной поддержки. Думается, во многом поэтому законодатель изначально ограничил действие Закона об НКО по кругу лиц, исключив из этого круга некоммерческие организации тех правовых форм, основные цели которых заранее не связаны с достижением общественных благ в рассматриваемом им и закрепленном в законе смысле.

Так, товарищество собственников недвижимости, представляющее собой добровольное объединение собственников недвижимого имущества, создается ими «для совместного владения, пользования и в установленных законом пределах распоряжения имуществом (вещами), в силу закона находящимся в их общей собственности или в общем пользовании, а также для достижения иных целей, предусмотренных законами» (п. 1 ст. 123.12 ГК РФ). Целью жилищно-строительного кооператива является удовлетворение потребностей граждан в жилье, а также управление многоквартирным домом (ч. 1 ст. 110 ЖК РФ²).

Нормативно установленные цели и задачи торгово-промышленных палат, в настоящее время имеющих организационно-правовую форму ассоциации (союза), также непосредственно не связаны с решением социальных проблем и формированием гражданского общества. Согласно пункту 1 статьи 3

¹ О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Федер. закон от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ (ред. от 24 июля 2016 г.) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2014. № 19, ст. 2304.

² Жилищный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 29 дек. 2004 г. № 188-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 2005. № 1, ст. 14.

Закона РФ «О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации»¹ «торгово-промышленные палаты создаются в целях содействия развитию экономики Российской Федерации, ее интегрированию в мировую хозяйственную систему, формированию современной промышленной, финансовой и торговой инфраструктуры, созданию благоприятных условий для предпринимательской деятельности, урегулированию отношений предпринимателей с их социальными партнерами, всемерному развитию всех видов предпринимательства, торгово-экономических и научно-технических связей предпринимателей Российской Федерации с предпринимателями зарубежных стран».

В соответствии с частью 1 статьи 3 Федерального закона «О саморегулируемых организациях»² «саморегулируемыми организациями признаются некоммерческие организации... основанные на членстве, объединяющие субъектов предпринимательской деятельности исходя из единства отрасли производства товаров (работ, услуг) или рынка произведенных товаров (работ, услуг) либо объединяющие субъектов профессиональной деятельности определенного вида». В настоящее время они, обладая организационно-правовой формой ассоциации (союза), разрабатывают и устанавливают стандарты и правила соответствующей предпринимательской или профессиональной деятельности, а также осуществляют контроль за их соблюдением. Подобная деятельность позволяет реализовывать интересы участников организации, способствует их более эффективной работе, однако основное предназначение саморегулируемых организаций заключается в удовлетворении публичных потребностей, состоящих в обеспечении необходимых профессиональных качеств, квалификационного уровня у лиц, осуществляющих деятельность в наиболее значимых, по мнению государства, сферах. В связи с этим Конституционным Судом РФ отмечался публично-правовой статус саморегулируемых организаций³.

Также сомнительным представляется признание в качестве СОНКО адвокатских палат субъектов РФ, которые основаны на обязательном членстве всех адвокатов одного субъекта РФ (п. 1, 2 ст. 123.16-1

ГК РФ). Согласно пункту 4 статьи 29 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре»⁴ адвокатская палата субъекта РФ «создается в целях обеспечения оказания квалифицированной юридической помощи, ее доступности для населения... представительства и защиты интересов адвокатов в органах государственной власти, органах местного самоуправления, общественных объединениях и иных организациях, контроля за профессиональной подготовкой лиц, допускаемых к осуществлению адвокатской деятельности, и соблюдением адвокатами кодекса профессиональной этики адвоката». Адвокатская палата субъекта РФ также осуществляет возложенные на нее законом полномочия (принимает решение о присвоении статуса адвоката и пр.). В связи с этим Конституционным Судом РФ подчеркивалось публично-правовое предназначение адвокатских палат, обуславливающее их отличия от других объединений граждан, создаваемых в целях удовлетворения их духовных и иных нематериальных потребностей на основе общности их интересов⁵.

Сложившаяся ситуация не является адекватной и требует правового решения. Нормативно установленные цели деятельности и специфика статуса некоммерческих организаций отдельных форм могут стать причиной недостаточной эффективности их социально значимой деятельности и нецелевого использования получаемой финансовой и имущественной поддержки. В связи с этим представляется необходимым законодательное ограничение и четкое определение в Законе об НКО тех организационно-правовых форм юридических лиц, которые допустимы для СОНКО исходя из их нормативно установленного статуса. Пока эта задача не реализована, целесообразным является учет организационно-правовой формы СОНКО при определении государственными (муниципальными) органами возможных моделей партнерства с ней, а также при выборе форм предоставляемой ей поддержки. Положительным примером подхода, дифференцирующего некоммерческие организации при предоставлении им финансовой поддержки, является определение круга лиц, которые не допускаются к участию в

¹ О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 7 июля 1993 г. № 5340-1 (ред. от 12 дек. 2023 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 33, ст. 1309.

² О саморегулируемых организациях: Федер. закон от 1 дек. 2007 г. № 315-ФЗ (ред. от 2 июля 2021 г.) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2007. № 49, ст. 6076.

³ О проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А. Г. Меженцева: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 дек. 2005 г. № 12-П // Собр. законодательства Российской Федерации. 2006. № 3, ст. 335.

⁴ Об адвокатской деятельности и адвокатуре: Федер. закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 22 апр. 2024 г.) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2002. № 23, ст. 2102.

⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лазарева Николая Сергеевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 29 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»: Определение Конституционного Суда РФ от 1 июня 2010 г. № 782-О-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

конкурсах на получение грантов, проводимых Фондом-оператором президентских грантов¹. Гранты Президента РФ предоставляются в качестве государственной поддержки некоммерческим неправительственным организациям, участвующим в развитии институтов гражданского общества, что соответствует целям деятельности СОНКО. Лишение некоммерческих юридических лиц, имеющих указанные выше и некоторые другие конкретные организационно-правовые формы, права на участие в конкурсах и получение президентских грантов может означать прямое признание, что их деятельность осуществляется в иных плоскостях и они априори не способны решать задачи, поставленные перед СОНКО.

В перспективе необходимо нормативное ограничение перечня допустимых для СОНКО организационно-правовых форм, в том числе на уровне ГК РФ, признание их относительно самостоятельной категорией некоммерческих юридических лиц, законодательное закрепление особенностей их правового положения и внутренней структуры. Также целесообразно установление правила о возможности признания социально ориентированными только тех некоммерческих организаций, в наименование которых включено соответствующее указание на направление их деятельности.

Особенности содержания и проявления принципа добросовестности при регулировании отношений с участием СОНКО

Общая направленность деятельности СОНКО на реализацию социальных государственных функций и достижение общественных благ обуславливает определенную трансформацию принципов гражданско-правового регулирования отношений с их участием, возникающих в связи с приобретением и осуществлением СОНКО прав и обязанностей в рамках взаимодействия как с иными участниками оборота, так и с органами государственной власти, органами местного самоуправления, в частности при предоставлении СОНКО имущественной поддержки путем передачи им во владение и (или) пользование государственного и муниципального имущества (п. 6 ст. 31.1 Закона об НКО). При этом наибольший интерес представляет рассмотрение специфики проявления

принципов справедливости и добросовестности при регулировании соответствующих отношений.

Следует отметить, что в Постановлении Конституционного Суда РФ от 28 декабря 2022 г. № 59-П приводится положение о повышенном стандарте добросовестности и осмотрительности в отношении субъектов, выступающих в интересах публичной власти и при этом являющихся более сильной стороной гражданских правоотношений в силу предоставляемых особым статусом публичной организации возможностей². В свою очередь в более раннем Постановлении Конституционного Суда РФ от 2 июля 2020 г. № 32-П указывается, что при разрешении споров с участием публично-правовых образований следует принимать во внимание оценку действий (бездействия) органов, уполномоченных действовать в их интересах, в частности ненадлежащее исполнение ими своих обязанностей, совершение ошибок, разумность и осмотрительность в реализации ими своих правомочий, притом что негативные последствия недобросовестного выполнения своих функций этими органами не должны переноситься на частных лиц³. Необходимость такого подхода обусловлена тем, что государство и его органы являются доверенными лицами общества и в этом качестве обязаны относиться к гражданам справедливо и добросовестно, а также воздерживаться от произвольного поведения по отношению к ним. В литературе отмечается, что обязанность действовать добросовестно распространяется на государственные органы в любое время, в любом месте, в любом качестве, в котором они действуют, и во всех сферах их деятельности, будь то частная или государственная. Вместе с тем, несмотря на отсутствие сомнений в наличии у власти обязанности действовать добросовестно, возникают вопросы о характере, сфере применения и источнике этой обязанности [89].

Повышенный стандарт добросовестности и осмотрительности как органов публичной власти, так и субъектов, выступающих в их интересах, обусловлен действием принципа поддержания доверия к закону и действиям государства, «который также вытекает из конституционных принципов юридического равенства и справедливости... поскольку они требуют не только правовой определенности, но и предсказуемости правового регулирования»⁴. Принцип поддержания доверия к закону и действиям государ-

¹ Официальный сайт Фонда президентских грантов. URL: <https://xn--80ahaefyxhn.xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/>.

² По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 19, статьи 21 Федерального закона «О почтовой связи» и пункта 2 статьи 62 Федерального закона «О связи» в связи с жалобой гражданина М. Д. Малинина: Постановление Конституционного Суда РФ от 28 дек. 2022 г. № 59-П // Собр. законодательства Российской Федерации. 2023. № 2, ст. 547.

³ По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 15 и статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации и части первой статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. С. Машукова: Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2020 г. № 32-П // Собр. законодательства Российской Федерации. 2020. № 28, ст. 4498.

⁴ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 19, статьи 21 Федерального закона «О почтовой связи» и пункта 2 статьи 62 Федерального закона «О связи» в связи с жалобой гражданина М. Д. Малинина: Постановление Конституционного Суда РФ от 28 дек. 2022 г. № 59-П.

ства имеет сходные черты с распространенной в государствах англо-американской системы права доктрины законных ожиданий, которая направлена на защиту прав и законных интересов граждан от возможных злоупотреблений, возникающих в том числе при противоречивом поведении органов государственной власти. В частности, профессор М. Гровс выделяет следующие основания законных ожиданий: правовая норма или проводимая политика органа власти подвергается изменениям; правовая норма или проводимая политика не была применена в конкретном случае; лицо получило индивидуальное обещание, на которое оно опирается, но представители государства пытаются его изменить или стремятся не выполнять; лицо получило определенное обещание, но в дальнейшем власти изменяют свое отношение к сделанному обещанию и действуют в противоречии с первоначальной позицией [66, с. 282].

Наиболее тесно с доктриной законных ожиданий связана концепция справедливости. По словам лорда Бингема, доктрина законных ожиданий «корениится в справедливости». Другой судья, лорд Стайн, отметил, что справедливость «является руководящим принципом публичного права». Законные ожидания нередко защищаются во имя предотвращения злоупотреблений властью. Частью доктрины законных ожиданий является то, что при определенных обстоятельствах государственный орган имеет юридическое обязательство следовать определенной политике или продолжать конкретные практики. В этом случае возникает юридическое обязательство, налагаемое правовой нормой [49].

По общему правилу, ожидание лица, основанное на обещании органа государственной власти действовать определенным образом, признается законным. В то же время суд может признать изменение или отмену ранее данного органом публичной власти обещания действовать определенным образом правомерными, если такое изменение или отмена были обусловлены общественными интересами.

Доктрина законных ожиданий нашла свое отражение в известном деле Кофлан (Coughlan). В результате дорожно-транспортного происшествия П. Кофлан получила серьезные травмы и нуждалась в ежедневной помощи и уходе, которые предоставлялись в Мардон-хаусе, доме престарелых, находящемся в ведении местного управления здравоохранения, которое гарантировало ей, что там у нее будет «дом на всю жизнь». Однако в 1990-х годах это же управление решило, что дом престарелых является финансово несостоятельным, и попыталось закрыть его и передать ответственность за оказание П. Кофлан медицинской помощи местным властям. П. Кофлан подала заявление о пересмотре дела в судебном порядке на том основании, что управление здравоохранения не законно нарушило свое обещание. В 1999 году апелляционный суд постановил, что выселение ее из Мардон-хауса было бы незаконным, несправедливым и представляло собой злоупотребление властью [71].

Описанный спор показателен тем, что это первый случай в Англии, когда суд потребовал от государственного органа выполнить данное существенное обещание. Ранее суды требовали соблюдения определенных процедур при отказе от существенных ожиданий, но не приводили в исполнение сами ожидания. Таким образом, данный спор явился вершиной реализации концепции законных ожиданий.

Система общего права относится к доктрине законных ожиданий как к элементу публичного права. Аналогичные положения можно найти во французском и в немецком праве. Так, французская доктрина содержит *protection de la confiance legitimate* – концепцию, направленную на «защиту законного доверия», в силу которой государственные органы должны возмещать физическим и юридическим лицам убытки, возникшие вследствие заверений со стороны государства о совершении конкретных действий, из-за чего участники оборота выстраивали свою деятельность определенным образом [55].

Под принципом защиты доверия (*Vertrauensschutz*) в Германии понимается защита правомерных ожиданий, означающая право лиц при принятии решений опираться на действующее законодательство, устоявшуюся практику, прямые обещания государственных органов, и запрет обратной силы действия законов с учетом ряда национальных особенностей [63]. Защита законных ожиданий, возникающих у одной стороны в результате поведения другой стороны, основывается на применении принципа добросовестности. Тем самым предотвращение злоупотребления правом также выступает проявлением принципа добросовестности, направленного на обеспечение справедливого баланса интересов участников общественных отношений [13]. Соответственно, сформулированная Конституционным Судом РФ позиция о повышенном стандарте добросовестности и осмотрительности в отношении субъектов, выступающих в интересах публичной власти, продиктована тенденциями развития не только отечественного, но и зарубежного права.

В связи с этим следует отметить, что повышенный стандарт добросовестности органов публичной власти и субъектов, выступающих в интересах публичной власти, включая СОНКО, обуславливает взаимосвязь между добросовестным исполнением ими обязательств и свободой договора – принципом, в соответствии с которым обязанность действовать добросовестно служит основным доктринальным выражением свободы договора. Добросовестность позволяет договаривающимся сторонам оставаться такими же заинтересованными в рамках контракта, какими они были и без него, за исключением того, что они должны принять в качестве дополнительного ограничения наилучшее толкование того, о чем они договорились при заключении контракта [73]. Таким образом, действие принципа добросовестности не отрицает существования свободы договора и реализации стороной собственных интересов.

Отмеченное особенно актуально при оказании СОНКО имущественной поддержки, предполагающей, во-первых, формирование, ведение и обязательное опубликование перечней государственного и муниципального имущества, которое может быть предоставлено СОНКО во владение и (или) пользование на долгосрочной основе; во-вторых, установление порядка и условий предоставления СОНКО соответствующего имущества; в-третьих, правовое оформление возникающих отношений путем заключения договора безвозмездного пользования или договора аренды (п. 6–11 ст. 31.1 Закона об НКО)¹.

Рассматривая правовой режим имущественной поддержки СОНКО, О. А. Беляева формулирует вывод о том, что получающие поддержку СОНКО действуют публичным образованием в реализации их полномочий в ряде социальных сфер, однако действительного делегирования государственных и муниципальных задач частным субъектам не происходит, что представляет значимую проблему. По сути, имеет место «приватизация публичных функций», которая может выражаться в различных конструкциях, однако любая из них предполагает выработку эффективного механизма взаимодействия публичного образования с частными субъектами и обязательного контроля за их деятельность, поскольку ответственным перед конечными потребителями должно оставаться публичное образование. Автор отмечает, что действующее российское законодательство предлагает совершенно иную модель, предусматривая в качестве формы имущественной поддержки СОНКО передачу им во владение и (или) пользование государственного или муниципального имущества, которое должно использоваться по целевому назначению. Если исходить из публичной значимости деятельности таких организаций и целевого характера государственного и муниципального имущества, возникает вопрос: чем является оказание публично-правовым образованием имущественной поддержки СОНКО – правом или обязанностью? С одной стороны, имущественная поддержка СОНКО гарантируется, поскольку передача им имущества осуществляется без проведения торгов, однако соответствующая обязанность за публично-правовыми образованиями прямо нормативно не закрепляется. Такая ситуация оценивается как половинчатость регламентации и обманчивость регламентации, ибо отсутствие торгов не имеет своим следствием обязательную передачу имущества СОНКО [4].

В связи с этим И. С. Богданова высказывает мнение, что, поскольку находящееся в государственной и муниципальной собственности имущество всегда имеет определенное публичное назначение, в том числе предполагающее его передачу в пользование и (или) владение СОНКО, оно должно им передаваться в обязательном порядке. При этом автор подчеркивает, что действующее законодательство не закрепляет эффективных механизмов контроля публичных собственников за деятельность получающих имущественную поддержку СОНКО и не предусматривает ответственности публичных образований за выбор некоммерческих организаций, фактически осуществляющих деятельность, направленную на достижение публичных задач [7]. Соответственно, при осуществлении СОНКО деятельности, предполагающей объединение их частноправовых целей с публичными, крайне важным является создание системы, которая либо запрещает, либо делает экономически невыгодной деятельность, противоречащую публичным интересам, на что обращают внимание зарубежные ученые [93].

При нецелевом использовании СОНКО полученного имущества или нарушении ими иных законодательных запретов публично-правовые образования вправе требовать прекращения прав владения и (или) пользования этим имуществом, то есть могут реагировать лишь при констатации допущенного нарушения. Правом же на проверку самой деятельности организаций (ее соответствия уставным целям, наличия необходимых качественных показателей и пр.) они не обладают, хотя получающие поддержку некоммерческие организации фактически выполняют публичные функции Российской Федерации, ее субъектов, муниципальных образований. На основании этого И. С. Богдановой формулируется вывод о необходимости на законодательном уровне предусмотреть не только особые возможности контроля за деятельностью СОНКО, получивших имущественную поддержку, но и возможность привлечения государства к субсидиарной ответственности по обязательствам этих субъектов [7].

Анализ судебной практики свидетельствует о многочисленности дел, связанных с уклонением органов публичной власти от взаимодействия с СОНКО², а также с отказами от предоставления СОНКО субсидий на возмещение расходов, связанных с осуществлением их уставной деятельности³, и затрат, понесенных при предоставлении социальных услуг

¹ См.: Об имущественной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций: Постановление Правительства Российской Федерации от 30 дек. 2012 г. № 1478 (ред. от 3 июля 2025 г.) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2013. № 2, ст. 85.

² См., например: Решение Ленинского районного суда города Смоленска от 7 июля 2021 г. по делу № 2а-2348/2021; Решение Черкесского городского суда Карачаево-Черкесской Республики от 29 дек. 2020 г. по делу № 2а-3087/2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См., например: Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 31 янв. 2023 г. № 88-999/2023 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

населению¹. Кроме того, имеются судебные споры, обусловленные требованиями некоммерческих организаций предоставить им имущественную поддержку ввиду наличия у них цели деятельности, направленной на решение социальных проблем, развитие гражданского общества². Осуществление подобного рода деятельности является достаточным для признания некоммерческой организации социально ориентированной, исходя из легальной дефиниции СОНКО. Получение поддержки, в свою очередь, служит основанием для включения некоммерческой организации в реестр СОНКО. В этих условиях, когда характерная для СОНКО деятельность определяется весьма аморфно, органы государственной власти и органы местного самоуправления, решая вопрос о предоставлении имущественной поддержки, по сути, самостоятельно оценивают деятельность конкретных некоммерческих организаций на предмет ее направленности на решение социальных проблем, развитие гражданского общества. Такая ситуация создает почву для злоупотреблений³, поскольку в ряде случаев некоммерческие организации, признанные социально ориентированными, соответствующую деятельность фактически не осуществляют и даже не обладают необходимыми для этого качествами и ресурсами⁴.

Сложившаяся судебная практика исходит из того, что предоставление имущественной поддержки, то есть передача во владение и (или) пользование СОНКО государственного или муниципального имущества безвозмездно или на льготных условиях, осуществляется добровольно, является не обязанностью, а правом соответствующих органов исполнительной власти⁵. При этом публично-правовые образования могут разрабатывать нормативные акты, определяющие порядок и условия оказания

имущественной поддержки СОНКО, в том числе без проведения торгов или на конкурентной основе⁶. Однако реализация таких полномочий нередко вступает в противоречие с публичными интересами. К примеру, суд признал недействительным договор, предусматривающий передачу благотворительному фонду в безвозмездное пользование сроком на сорок девять лет нескольких недвижимых объектов, являющихся государственной собственностью. При этом имущество было передано без создания конкурентной среды, поскольку у иных заинтересованных лиц отсутствовал доступ к информации о возможности его приобретения. По мнению суда, СОНКО были предоставлены необоснованные преимущества, обеспечивающие более выгодные условия деятельности по сравнению с другими лицами, в том числе другими СОНКО, заинтересованными в приобретении объектов государственного недвижимого имущества на безвозмездной основе. В связи с этим в решении суда указывалось, что заключенный договор нарушает права и охраняемые законом интересы неопределенного круга лиц ввиду предоставления фонду преференций⁷.

Исследование правоприменительной практики также показывает, что СОНКО, получившие во владение и (или) пользование государственное или муниципальное недвижимое имущество, нередко допускают нарушение нормативного требования о необходимости его использования только по целевому назначению⁸. В ряде случаев было выявлено использование модели имущественной поддержки СОНКО исключительно для неправомерной передачи государственного и муниципального имущества в пользование коммерческим организациям или для извлечения некоммерческими организациями прибыли в нарушение нормативно установленных требований (в частности, без проведения конкурса или

¹ См., например: Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 29 июля 2022 г. № Ф06-20303/2022 по делу № А06-9865/2021; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 13 янв. 2022 г. № Ф07-17809/2021 по делу № А21-6705/2020; Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 18 марта 2022 г. № 02АП-1066/2022 по делу № А28-11727/2021 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См., например: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 13 июня 2024 г. № Ф04-2403/2024 по делу № А70-16270/2023; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 29 авг. 2022 г. № Ф08-7763/2022 по делу № А15-109/2021 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См., например: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 15 мая 2019 г. № Ф09-1150/19 по делу № А50-15933/2018; Решение Арбитражного суда Камчатского края от 17 апр. 2019 г. по делу № А24-7112/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Решение Арбитражного суда Курганской области от 29 апр. 2022 г. по делу № А34-2403/2022 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ См., например: Постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 25 апр. 2022 г. по делу № А84-948/2021; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 5 окт. 2020 г. № Ф03-3239/2020 по делу № А51-20256/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ См., например: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 25 дек. 2019 г. № Ф04-6291/2019 по делу № А75-6108/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Решение Арбитражного суда Забайкальского края от 15 июня 2020 г. по делу № А78-2648/2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ См., например: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 30 мая 2024 г. № Ф09-2747/24 по делу № А60-33088/2023; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 19 нояб. 2021 г. по делу № А71-16677/2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

аукциона, на безвозмездной основе или с предоставлением льгот по арендной плате)¹.

При получении финансовой поддержки весьма распространенным нарушением является нецелевое использование СОНКО предоставленных субсидий², а также непредставление СОНКО, получившими субсидии, отчетных документов. Подобное поведение фактически свидетельствует, что цель и результат предоставления субсидии не достигнуты, и, как следствие, подтверждает нецелевое использование денежных средств³.

Таким образом, правоприменительная практика свидетельствует об определенных правонарушениях со стороны как СОНКО, так и органов публичной власти. Нередко некоммерческие организации, позиционирующие себя как СОНКО и получающие поддержку на федеральном, региональном и местном уровнях, фактически не занимаются ни социальной работой, ни какой-то иной общественно полезной деятельностью, а ориентируются исключительно на получение доходов либо допускают существенные нарушения при ведении общественно полезной деятельности. Такая ситуация вызывает сомнения в адекватности существующих законодательных решений в части оснований для выделения СОНКО в общей системе некоммерческих организаций, предоставляемых им экономических преимуществ, эффективности контроля за их деятельностью.

В этой связи особую актуальность приобретают вопросы гражданско-правовой ответственности за допускаемые СОНКО нарушения. Получаемые ими имущественные блага служат необходимой материальной основой для их деятельности и позволяют обеспечивать ее общественно полезные результаты. Соответственно, эффективность механизмов взаимодействия публичной власти и СОНКО в части оказания им своевременной и достаточной поддержки, а также создания режима, обеспечивающего ее использование исключительно для реализации социальных функций государства, имеет особое значение.

Очевидно, что немалое число случаев нецелевого использования бюджетных денежных средств в форме субсидий (грантов), получаемых СОНКО в порядке финансовой поддержки на безвозмездной и безвозвратной основе для финансирования затрат на организацию и проведение мероприятий, указывают на объективную необходимость создания правового механизма, обеспечивающего повышение контроля за деятельностью СОНКО, а также усиление

ответственности за совершенные ими правонарушения. При этом такого рода контроль должен быть регулярным, позволяющим оперативно выявлять правонарушения в процессе использования субсидий (грантов) и реагировать еще до того, как все полученные из бюджета средства будут израсходованы нецелевым образом.

Проблемы ответственности при выполнении СОНКО социальных государственных функций

В свете обозначенных правонарушений свое временной видится постановка вопроса об особенности ответственности самих публично-правовых образований перед участниками гражданского оборота за ненадлежащий выбор СОНКО – получателей бюджетных средств. Иностранными авторами отмечается очевидность того, что граждане и организации обоснованно доверяют уполномоченным органам, ожидая, что они будут осуществлять надзор с должной осмотрительностью и надлежащим образом в целях предотвращения определенного вида вреда, и разумно сообразуют свою деятельность с указанными ожиданиями [95; 64, с. 16]. Вместе с тем использование некоммерческих организаций государственными структурами для предоставления социальных услуг может привести к тому, что государство не будет нести прямую ответственность за финансируемые услуги [77].

Задача органов публичной власти сводится к поиску справедливого баланса между конфликтующими интересами, состоящими, с одной стороны, в поддержке устойчивой и эффективной деятельности СОНКО, с другой – в защите благополучателей данных организаций, в том числе относящихся к уязвимым группам населения России.

Представляется, что для обеспечения баланса между публичными и частными интересами в данном случае может быть принят во внимание подход, сформулированный Конституционным Судом РФ по спору между собственником выморочного имущества и его добросовестным приобретателем: «В правовом демократическом государстве, каковым является Российская Федерация, пренебрежение требованиями разумности и осмотрительности при контроле над выморочным имуществом со стороны собственника – публично-правового образования в лице компетентных органов не должно влиять на имущественные и

¹ См., например: Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 5 авг. 2021 г. № Ф06-5773/2021 по делу № А57-12205/2020; Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 5 авг. 2019 г. № Ф02-3262/2019 по делу № А78-12593/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См., например: Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 23 мая 2023 г. № Ф10-1932/2023 по делу № А36-4526/2022; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 21 апр. 2022 г. № Ф01-1429/2022 по делу № А11-14569/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См., например: Решение Арбитражного суда Амурской области от 26 апр. 2022 г. по делу № А04-826/2022. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/aXmf0o3RMUHt/>; Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27 окт. 2021 г. по делу № А53-8924/2021. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/e3o3UO90oGQx/>; Решение Арбитражного суда Хабаровского края от 22 июня 2021 г. по делу № А73-20429/2020. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/Q4ATVgvD0eJv/>.

неимущественные права граждан, в частности добросовестных приобретателей жилых помещений»¹.

Таким образом, интересы граждан, в пользу которых СОНКО осуществляют свою деятельность, должны быть реализованы и защищены в приоритетном порядке, в том числе исходя из содержания публичного интереса. Поэтому осуществление СОНКО деятельности в противоречии со своими уставными целями, с несоблюдением режима получаемой финансовой и имущественной поддержки может рассматриваться как нарушение не только публичных интересов, но и интересов тех лиц, кому эта деятельность адресована. К примеру, Управление Минюста РФ по Саратовской области в ходе документарной проверки деятельности общественного объединения и его структурных подразделений, в том числе расходования денежных средств и использования иного имущества, выявило следующие нарушения: организация, созданная с целью реализации социально-экономических программ, направленных на защиту прав и интересов, улучшение жизненного уровня, повышение социальной активности инвалидов, хронических больных, других лиц с пониженной трудоспособностью, для их интеграции в общественную жизнь, фактически уставную деятельность не вела; с 2002 года она занималась исключительно добычей строительного камня на основании лицензии, выданной Комитетом природных ресурсов Саратовской области, а также его реализацией². То есть некоммерческая организация, контролируемая органами публичной власти, более двадцати лет осуществляла предпринимательскую деятельность по добыче и реализации строительного камня, что прямо противоречило ее целям и нарушило нормативные предписания.

Наличие у государства обязанности по осуществлению надзора за соблюдением условий использования бюджетных средств, выделяемых на реализацию социальных проектов, ставит проблему ответственности за ее невыполнение. В этой связи представляет интерес конструкция надзорной ответственности, известная ряду зарубежных правопорядков. При такой ответственности «на государстве лежит обязанность по предотвращению возникшего вреда, и ее ненадлежащее осуществление приводит к тому, что вред причиняется поднадзорным субъектом» [35].

Правила привлечения к ответственности надзорных органов в государствах – членах ЕС не являются однородными. В первой группе стран отсутствуют особые правила ответственности в части осуществления пруденциального надзора и применяются общие нормы об ответственности за правонарушения. Во

второй группе приняты и действуют специальные правовые нормы в отношении ответственности надзорных органов, устанавливающие ее условия и ограничения: ответственность наступает при грубой неосторожности или при недобросовестности со стороны надзорных органов; либо предусматриваются отдельные основания освобождения от такой ответственности.

Следует отметить, что европейское законодательство в некоторых случаях допускает вмешательство парламента для предоставления иммунитета (частичного), ограничивающего возможность привлечения надзорного органа к ответственности, которое следует за судебными решениями, признавшими этот орган ответственным перед клиентами поднадзорного субъекта. Режим иммунитета направлен в том числе на нейтрализацию возможных исков о надзорной ответственности в будущем.

В третьей группе европейских государств известное ограничение ответственности надзорных органов вытекает из общих положений деликтного права, которые обеспечивают защиту государственных органов от чрезмерных исков о возмещении ущерба. При этом разнообразие подходов в сфере деликтного права к регламентации рассматриваемого вопроса усиливает фрагментацию режимов надзорной ответственности. Так, интерес вызывает правовая концепция «родственности» или «близости», которая существует в отдельных странах (Германия, Великобритания, Нидерланды), но отсутствует в других (Бельгия). Согласно этой концепции нарушение правовой нормы приводит к ответственности перед лицами, заявляющими об ущербе, причиненном вследствие этого нарушения, только если указанная норма направлена на защиту интересов таких лиц. Применительно к надзорной ответственности данный тезис означает, что ответственность перед клиентами поднадзорного лица возникает лишь в том случае, если пруденциальное регулирование будет считаться защищающим интересы (индивидуальных) клиентов, а не (только) интересы поднадзорных организаций и их системы в целом [96].

Полагаем, что концепция надзорной ответственности государства строится на принципе справедливости. Как утверждает Д. Е. Богданов, «под категорией “справедливость”... следует понимать исторически сложившиеся в обществе представления о соответствии социальным идеалам (параметрам) распределения между участниками правоотношения убытков, потерь, иных неблагоприятных последствий в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением договора, причинением вреда, недобросовестным поведением и др., а также

¹ По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. Н. Дубовца: Постановление Конституционного Суда РФ от 22 июня 2017 г. № 16-П // Собр. законодательства Российской Федерации. 2017. № 27, ст. 4075.

² Решение Красноармейского городского суда Саратовской области от 28 июня 2024 г. по делу № 2а-331/2024 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

необходимого применения к ответственным лицам неблагоприятных последствий с целью корректировки их поведения» [6, с. 35].

Принцип справедливости реализуется через требование добросовестного осуществления прав участниками правоотношений. Так, ответственность в сфере государственного управления формируется во всех случаях, когда государственные органы, заключающие сделки или вступающие в иные отношения с третьими лицами, совершают действия или бездействие, противоречащие требованиям разумности и добросовестности. Исходя из принципов государственного управления, государственный орган должен действовать добросовестно. И при оценке поведения субъекта государственного управления анализируется не столько то, действовал ли он в пользу общественного интереса, а скорее то, действовал ли он как добросовестно договаривающаяся сторона во время совершения сделки [56]. Степень реализации публичного интереса в таком случае определяется разумным возложением на частных субъектов заботливого и осторожного (добросовестного) поведения, делегируемого им от публичных властей, которые занимают гарантийную позицию по отношению к данным субъектам, вступающим с ними в отношения.

В приведенном выше примере целью СОНКО, согласно уставу, являлась реализация социально-экономических программ, направленных на защиту прав и интересов, улучшение жизненного уровня, повышение социальной активности инвалидов, хронических больных, других лиц с пониженной трудоспособностью, для их интеграции в общественную жизнь. Именно для этого организации могло представляться бюджетное финансирование, однако фактически ею велась предпринимательская деятельность по добыче и реализации строительного камня. В такой ситуации неизбежна постановка вопроса об ответственности государственного органа за выбор адресата поддержки, причинившего ущерб публичным интересам. Был ли данный выбор разумным и действовал ли субъект при его осуществлении добросовестно?

В зарубежной литературе существуют две точки зрения на соотношение требований разумности и добросовестности. Одни авторы отождествляют добросовестность с разумностью [65, с. 96]. В частности, Е. Педен отмечает, что австралийские суды не разграничивают требования разумности и добросовестности [81, с. 8]. Ряд датских ученых также полагает, что принципы добросовестности, разумности и справедливости следует считать синонимами [54, с. 33]. Другие авторы, напротив, считают, что названные категории не являются тождественными и «необходимость вести себя честно не означает необходимости вести себя разумно» [82; 92].

На наш взгляд, можно признать, что непроявление субъектом (государственным органом)кой заботливости и осмотрительности в отношении своих интересов, которые одновременно являются публичными, и совершение действий в ущерб им – это неразумность; осуществление же лицом действий исключительно в своих интересах, к своей выгоде за счет другого лица можно характеризовать как недобросовестность.

В соответствии с пунктом 5 статьи 10 ГК РФ «добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются». В то же время недобросовестное поведение участника гражданского правоотношения выступает основанием для отказа в защите его права (п. 2 ст. 10 ГК РФ). Но является ли основанием для отказа в защите права неразумное поведение субъекта? В судебной практике выражена позиция, согласно которой возмещение убытков возможно даже при несоответствии поведения пострадавшей стороны требованиям разумности, предъявляемым исходя из особенностей правоотношения, поэтому само по себе неразумное поведение не может являться основанием для освобождения недобросовестного контрагента от ответственности перед кредитором за причиненные ему убытки, если не будет доказано, что пострадавшая сторона действовала согласованно с недобросовестной стороной. Кроме того, возможность взыскания убытков с неисправного должника обусловлена наличием правомерной цели заключенного договора¹. В связи с этим представляется, что отсутствие разумности может выступить основанием для отказа в защите права только тогда, когда субъект демонстрирует явную неспособность к разумному ведению дел и отсутствие опыта в осуществлении своей деятельности, что является как неразумным, так и недобросовестным по отношению к своим контрагентам, иным лицам, то есть когда неразумность в действиях лица фактически означает его недобросовестность.

В то же время, обладая правами юридического лица, СОНКО по общему правилу несут самостоятельную имущественную ответственность по обязательствам всем своим имуществом. Однако вследствие особых целей и видов деятельности, а также специфики источников формирования имущества СОНКО высока вероятность ситуаций, когда их имущество окажется недостаточно для погашения долгов. В связи с этим в литературе высказывается мнение, что ответственность некоммерческой организации по ее обязательствам, не связанным с осуществлением приносящей доход деятельности, при недостаточности у нее средств в какой-то мере может быть возложена на ее учредителей. По этому поводу О. В. Гутников отмечает, что учредители (члены, участники) некоммерческой организации должны

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 9 сент. 2021 г. № 302-ЭС21-5294 по делу № А33-3832/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

обеспечивать, в том числе финансировать, ее позитивную деятельность в определенных ими целях, а значит, не следует ограничивать ответственность некоммерческой организации по ее обязательствам только имуществом самой организации, на учредителей может быть возложена обязанность отвечать по ее отдельным долгам – к примеру, в случае причинения вреда участникам гражданского оборота [14]. Высказываются и более радикальные мнения. Так, Н. Г. Манжинская и А. С. Казанская предлагают внести в нормы ГК РФ, регламентирующие статус каждой из правовых форм некоммерческих организаций, императивные правила, обязывающие закреплять в уставах субсидиарную ответственность их учредителя, руководителя органа управления и членов организаций [28]. Однако данные предложения нуждаются в дополнительном исследовании с учетом положений статьи 53.1 ГК РФ, допускающей возможность ответственности лица, уполномоченного выступать от имени юридического лица, членов его коллегиальных органов и лиц, определяющих его действия, которая применима и к некоммерческим организациям.

Выводы

Специфика СОНКО, являющихся юридическими лицами и обладающими гражданской правосубъектностью, обусловлена содержанием и особыми принципами их общественно полезной деятельности, нацеленной на решение актуальных социальных проблем и осуществляющейся в порядке реализации государственных функций. Правовой институт СОНКО, несмотря на их важнейшее предназначение и особые возможности в социальной сфере, в отечественной юридической доктрине пока не получил достаточного концептуального развития, фрагментарно исследуются лишь отдельные аспекты их статуса и деятельности. Наиболее существенными на сегодняшний день являются проблемы нечеткой нормативной дефиниции СОНКО и критериев их ограничения от иных некоммерческих организаций, усугубляемые отсутствием необходимой корреляции между нормами Закона об НКО и ГК РФ.

Определение СОНКО через указание на направленность их деятельности в условиях недостаточности законодательных ориентиров относительно возможных для СОНКО организационно-правовых форм не заслуживает положительной оценки. Решению социальных проблем и развитию гражданского общества, по сути, может способствовать деятельность всех некоммерческих, а в определенной степени и коммерческих, организаций. Соответственно, к категории СОНКО сегодня могут быть отнесены и претендовать на получение финансовой и имущественной поддержки со стороны органов государственной власти и органов местного самоуправления различные организации, в том числе фактически не реализующие социальные функции. В первую очередь это касается тех юридических лиц, чьи легально закрепленные

цели изначально предполагают направленность осуществляющейся деятельности на удовлетворение потребностей своих участников. Уточнение понятия СОНКО на нормативном уровне с четким определением допустимых для них правовых форм позволит обеспечить адресность предоставляемой государственной и муниципальной поддержки, а также исключить возможность злоупотреблений.

Дополнительного анализа и адекватного решения, в том числе с учетом зарубежного опыта, требует вопрос о месте СОНКО в юридической модели социального предпринимательства. При этом наиболее обоснованным в аспекте возможной последовательной законодательной реализации является подход, предполагающий выделение двух групп СОНКО с установлением некоторых различий в их правовом положении: СОНКО, имеющие право на осуществление приносящей доход деятельности и признаваемые субъектами социального предпринимательства, а также СОНКО, решаящие социальные задачи и не относимые к социальным предпринимателям. Очевидно, что условия и формы их государственной и муниципальной поддержки должны отличаться.

Определенного внимания требуют механизмы взаимодействия государства и СОНКО в части их привлечения к реализации социальных функций. Повышению эффективности этих механизмов может способствовать использование модели делегирования СОНКО государственных и муниципальных задач с введением более серьезного контроля за деятельность СОНКО, а также ответственности государства за ее последствия. Актуальным характером с точки зрения охраны публичных интересов и субъективных прав, а также осмысливания с позиций потенциального внедрения в законодательство обладают научные предложения об усилении ответственности учредителей, участников и членов органов управления СОНКО за последствия ее деятельности, с учетом особой направленности этой деятельности и специфики имущественного режима СОНКО.

С очевидностью прослеживается тесная взаимосвязь между публичным характером удовлетворяемых СОНКО интересов и особенностями их гражданско-правового статуса. Деятельность СОНКО по реализации государственных социальных функций оказывает влияние на их цивилистические качества – определяет объем гражданской правоспособности, условия формирования имущества и распоряжения им, специфику участия в гражданском обороте и ответственности по долгам и др. Соответственно, итогом дальнейших научных и нормативных разработок должно стать создание и закрепление эффективного механизма правового регулирования отношений, связанных с деятельностью социально ориентированных некоммерческих юридических лиц, действующих в публичных интересах, учитывающего комплексную природу подобных образований.

Прежде всего, следует иметь в виду, что направленность деятельности СОНКО на удовлетворение

публичных интересов и реализацию социальных государственных функций обуславливает модификацию принципов правового регулирования отношений с их участием как координационного характера, так и субординационного плана, включая отношения с иными участниками оборота, потребителями социальных услуг, органами государственной власти и органами местного самоуправления – в частности, при предоставлении СОНКО финансовой и имущественной поддержки. При этом наибольшее значение имеет реализация принципов справедливости и добросовестности при регулировании соответствующих отношений. Проведенное исследование свидетельствует о необходимости применения повышенного стандарта добросовестности и осмотрительности как к органам публичной власти, так и к субъектам, выступающим в их интересах. Необходимость повышения такого стандарта продиктована реализацией правила поддержания доверия к действиям государства и закону, которое вытекает из конституционных принципов юридического равенства и справедливости и требует не только правовой определенности, но и предсказуемости правового регулирования. Такой подход обусловлен тем, что государство и его органы являются доверенными лицами общества и в этом качестве обязаны относиться к гражданам, в том числе получающим социальную помощь, справедливо и добросовестно, а также воздерживаться от произвольного поведения по отношению к ним.

Принцип поддержания доверия к закону и действиям государства предопределяет целесообразность возложения на государство ответственности за убытки, причиненные физическим и юридическим лицам и возникшие вследствие заявлений со стороны государственных органов о совершении конкретных действий, из-за чего участники оборота выстраивали свою деятельность определенным образом.

Очевидно, что интересы граждан, на удовлетворение которых нацелена общественно полезная деятельность СОНКО, должны быть реализованы и защищены в приоритетном порядке. Поэтому осуществление СОНКО каких-либо действий в противоречии со своими уставными целями, при несоблюдении режима получаемой финансовой и имущественной поддержки, с нарушением целевого характера ее использования может рассматриваться как посягательство не только на публичные интересы, но и на интересы тех лиц, кому эта деятельность адресована. С другой стороны, наличие у государства обязанности по осуществлению надзора за соблюдением условий использования бюджетных средств, выделяемых на реализацию социальных проектов, а также предоставляемого во владение и пользование СОНКО недвижимого имущества ставит вопрос об ответственности за ее невыполнение. С учетом специфики условий и характера возникающих с участием СОНКО отношений в данном случае вполне приемлема конструкция надзорной ответственности, известная ряду зарубежных правопорядков. Юридическая концепция

надзорной ответственности государства базируется на принципе справедливости, который, в свою очередь, реализуется через требование добросовестного осуществления прав участниками складывающихся отношений. В связи с этим ответственность в сфере государственного управления формируется во всех случаях, когда государственные органы, а также иные реализующие государственные функции субъекты, заключающие сделки или вступающие в иные отношения с третьими лицами, совершают действия или допускают бездействие, противоречащие требованиям добросовестности.

Практическая реализация сформулированных при проведении исследования выводов и рекомендаций требует дальнейшего научного осмысливания с целью определения наиболее адекватных современным потребностям законодательных конструкций и норм, способных обеспечить необходимую эффективность института СОНКО.

Библиографический список

1. Андриенко А. И. О соотношении понятий «общественные объединения», «некоммерческие организации» и «социально ориентированные некоммерческие организации» // Вестник Сургутского государственного университета. 2020. № 3 (29). С. 64–69. DOI: 10.34822/2312-3419-2020-3-64-69.
2. Андриенко А. И. Сравнительно-правовая характеристика форм поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций в субъектах Российской Федерации // Вестник Сургутского государственного университета. 2019. № 3 (25). С. 24–29.
3. Антонова Н. В., Еремина О. Ю. Социальные функции государства: новые векторы развития // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 89–102. DOI: 10.12737/jrl.2020.150.
4. Беляева О. А. Порядок предоставления муниципального имущества в безвозмездное пользование социально ориентированным некоммерческим организациям // Комментарий судебной практики. Вып. 25 / отв. ред. К. Б. Ярошенко. М.: ИЗИСП: Контракт, 2019. С. 4–12.
5. Беляева Ю. Н. О социальных функциях государства // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 99–106. DOI: 10.12737/17235.
6. Богданов Д. Е. Эволюция гражданско-правовой ответственности с позиции справедливости: сравнительно-правовой аспект: монография. М.: Проспект, 2016. 304 с.
7. Богданова И. С. Правовой режим публичного имущества, предоставляемого социально ориентированным некоммерческим организациям // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 5. С. 31–35.
8. Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1950. 368 с.
9. Братусь С. Н. Юридические лица в советском гражданском праве (понятие, виды, государст-

- венные юридические лица). М.: Юрид. изд-во М-ва юстиции СССР, 1947. 364 с.
10. Васильева М. И. Публичные интересы в экологическом праве. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. 423 с.
 11. Газизуллин Р. И. Социальное предпринимательство: понятие, признаки, перспектива // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 12. С. 46–49. DOI: 10.18572/1813-1247-2020-12-46-49.
 12. Герваген Л. Л. Развитие учения о юридическом лице. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1888. XV, 91 с.
 13. Гинзбург И. В. Применение судами принципа добросовестности: сравнительно-правовое исследование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2024. Т. 20, № 4. С. 83–91. DOI: 10.61205/S199132220030637-6.
 14. Гутников О. В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография. М.: ИЗИСП, 2019. 488 с.
 15. Долинская В. В. Социально ориентированные НКО: проблемы законодательного оформления и правоприменения // Законы России: опыт, анализ, практика, 2020. № 5. С. 3–13.
 16. Занковский С. С. Социальное предпринимательство как институт предпринимательского права // Modern Science. 2020. № 12-1. С. 260–265.
 17. Ильина О. Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2007. 192 с.
 18. Иншакова А. О., Понька В. Ф. Публично-правовые и частноправовые интересы в контексте отраслевого деления системы права // Современное право. 2022. № 6. С. 5–10. DOI: 10.25799/NI.2022.27.86.001.
 19. Козлова Н. В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: учеб. пособие / науч. ред. В. С. Ем. М.: Статут, 2003. 316 с.
 20. Конаневич Ю. Г. Политико-коммуникативная деятельность как вид публичной хозяйственной деятельности, обеспечивающий реализацию внутренней и внешней политики государства и защиту национальных интересов // Актуальные проблемы гражданского права. 2020. № 1 (15). С. 62–77.
 21. Конаневич Ю. Г. Хозяйственная деятельность в системе общественных отношений // Труд. Профсоюзы. Общество. 2021. № 1 (71). С. 68–72.
 22. Кочкалова Л. И. Социальная функция Российского государства: теоретико-правовой аспект // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 12. С. 14–19. DOI: 10.18572/1813-1247-2017-12-14-19.
 23. Кряжков А. В. Публичный интерес: понятие, виды и защита // Государство и право. 1999. № 10. С. 91–99.
 24. Ломакин Д. В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М.: Статут, 2008. 509 с.
 25. Ломакин Д. В. Теория корпоративных отношений: от мифа к реальности // Хозяйство и право. 2009. № 7. С. 48–69.
 26. Малинова А. Г. Публичные интересы: история, теория и аргументы против использования этого термина в российском законодательстве // Российский юридический журнал. 2023. № 1. С. 65–84. DOI: 10.34076/20713797_2023_1_65.
 27. Мандрыкина В. Ю. Проблемы толкования понятия социально ориентированных некоммерческих организаций и пути их решения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 1 (144). С. 96–102. DOI: 10.24412/2227-7315-2022-1-96-102.
 28. Мажинская Н. Г., Казанская А. С. Проблемы привлечения учредителей некоммерческой организации к субсидиарной ответственности // Право и экономика. 2021. № 5. С. 14–17.
 29. Милосердов Н. А. Публичные интересы в праве: понятие и содержание // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 10. С. 202–211. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.131.10.202-211.
 30. Нерсесянц В. С. Проблема общего блага в постсоциалистической России // Российское право-судие. 2006. № 4. С. 4–13.
 31. Олейникова Е. Г. Функции социально ориентированных некоммерческих организаций в условиях становления российского социального государства (на материалах Волгоградской области) // Вестник экспертного совета. 2019. № 1 (16). С. 81–85.
 32. Парфенов К. Б. Современное состояние и основные направления совершенствования законодательства о некоммерческих организациях // Право и государство: теория и практика. 2021. № 3 (195). С. 31–34. DOI: 10.47643/1815-1337_2021_3_31.
 33. Пашенцев Д. А. Социальная функция государства в современных условиях // Вестник Академии права и управления. 2017. № 3 (48). С. 89–93.
 34. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. 353 с.
 35. Савиных В. А. Феномен надзорной ответственности государства как особая разновидность субсидиарной ответственности // Вестник гражданского права. 2014. Т. 14, № 5. С. 25–57.
 36. Серова О. А. Социальное предпринимательство: выбор организационно-правовой формы // Гражданское право. 2019. № 2. С. 11–15. DOI: 10.18572/2070-2140-2019-2-11-15.
 37. Сколовский К. И. Собственность в гражданском праве. 5-е изд., перераб. М.: Статут, 2010. 893 с.
 38. Солдатова А. В., Солдатов Я. В. Теория социального государства о правовой природе социальной функции государства // Образование и право. 2021. № 3. С. 77–80. DOI: 10.24412/2076-1503-2021-3-77-80.
 39. Суворов Н. С. Об юридических лицах по римскому праву. М.: Статут, 2000. 299 с.
 40. Суханов Е. А. Комментарии к статьям 48, 50 Гражданского кодекса РФ // Вестник гражданского права. 2022. Т. 22, № 1. С. 136–166. DOI: 10.24031/1992-2043-2022-22-1-136-166.
 41. Тихомиров Ю. А. Публичное право: учебник. М.: БЕК, 1995. 496 с.

42. Туманова Л. В. Состояние и перспективы развития законодательства о защите публично-правовых отношений: монография / под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2001. 464 с.
43. Чиркин В. Е. Юридическое лицо публичного права. М.: Норма, 2007. 352 с.
44. Шайхеев Т. И. Сочетание публичных и частных начал в судебной практике // Арбитражные споры. 2024. № 2. С. 171–211.
45. Шапсугова М. Д. НКО забыли? Комментарий к Закону о социальном предпринимательстве // Социальное и пенсионное право. 2019. № 4. С. 53–56.
46. Шарков А. В. Сущность и антропологические основания социальной функции государства // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 3. С. 358–367. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-358-367.
47. Якимец В. Н. Некоммерческие организации России: динамика роста, проблемы развития, место и роль в реформе социальной сферы. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Yakimez_N_org_R.pdf.
48. Яковлев В. Ф. Общая часть гражданского права в современном законодательстве и юридической практике // Избр. труды. Т. 2: Гражданское право: История и современность. Кн. 2. М.: Статут, 2012. С. 59–126.
49. Ahmed F., Perry A. The Coherence of the Doctrine of Legitimate Expectations // Cambridge Law Journal. 2014. Vol. 73. Issue 1. Pp. 61–85. DOI: 10.1017/S0008197314000026.
50. Akash R., Boopathy S. Social Entrepreneurship: An Effective and Responsible Business Solution for the Public. URL: https://www.researchgate.net/publication/337414052_social_entrepreneurship_an_effective_and_responsible_business_solution_for_the_public.
51. Anheier H. K. Nonprofit Organizations: Theory, Management, Policy. L.; N.Y.: Routledge, 2005. XIV, 450 p.
52. Battilana J., Dorado S. Building Sustainable Hybrid Organizations: The Case of Commercial Micro-finance Organizations // Academy of Management Journal. 2010. Vol. 53. Issue 6. Pp. 1419–1440. DOI: 10.5465/AMJ.2010.57318391.
53. Berisha F., Matoshi Sh. The Relation between Society, State and Law // SSRN Electronic Journal. 2020. DOI: 10.2139/ssrn.3521143.
54. The Principles of European Contract Law and Dutch Law. A Commentary / ed. by D. Busch et al. Kluwer Law International, 2002. 471 p.
55. Cartier G. La théorie des attentes légitimes en droit administrative. Revue de droit de l'Université de Sherbrooke. 1992. Vol. 23. Issue 1. Pp. 75–109. DOI: 10.17118/11143/13379.
56. Chiarella M. L. Legitimate Expectation and Good Faith in Public Contracts // Athens Journal of Law. 2017. Vol. 3. Issue 4. Pp. 307–320. DOI: 10.30958/ajl.3-4-4.
57. Cummings B. Benefit Corporations: How to Enforce a Mandate to Protect the Public Interest // Columbia Law Review. 2012. Vol. 112. Issue 3. Pp. 578–627.
58. Dimitrov V. Swarm-Like Dynamics and their Use in Organization and Management // Complex Systems. 2000. Vol. 12. Issue 4. Pp. 413–421.
59. Hall P. D. A History of Nonprofit Boards in the United States. Washington: National Center for Nonprofit Boards, 1997. 24 p.
60. Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1990. XI, 248 p.
61. Frumkin P. The Idea of a Nonprofit and Voluntary Sector // The Nature of the Nonprofit Sector / ed. by J. S. Ott, L. Dicke. Chapter 3. N. Y.: Routledge, 2021. Pp. 51–61.
62. Garton J. The Regulation of Organized Civil Society. Oxford; Portland, Or.: Hart Pub., 2009. 264 p.
63. Geurts P. Der Grundsatz des Vertrauenschutzes bei der Aufhebung von Verwaltungsakten im deutschen, französischen und europäischen Recht. Wechselwirkung zwischen europ. u. nationalem Recht, Inaug.-Diss. Bonn, 1997. 414 p.
64. Giesen I. Regulating Regulators Through Liability. The Case For Applying Normal Tort Rules to Supervisors // Utrecht Law Review. 2006. Vol. 2. Issue 1. Pp. 8–31. DOI: 10.18352/ulr.15.
65. Goode R. M. Commercial Law. 3th ed. London: Penguin Books, 2004. 1408 p.
66. Groves M., Lee H. P. Australian Administrative Law: Fundamentals, Principles and Doctrine. Cambridge University Press, 2007. 524 p. DOI: 10.1017/CBO9781139168618.
67. Haber M. The New Activist Non-Profits: Four Models Breaking from the Non-Profit Industrial Complex // University of Miami Law Review. 2019. Vol. 73. Issue 3. Pp. 862–954.
68. Holubarova-Nevceralova N. Financing of a Non-governmental Non-profit Organization from the State Budget // Financial Law Review. 2020. Issue 20 (4). Pp. 54–63. DOI: 10.4467/22996834FLR.20.020.13092.
69. Jerinić N., Vujičić Vukićević S. Defining Public Interest: Criteria for Legal Implementation // Science International Journal. 2025. Vol. 4. Issue 2. Pp. 121–126. DOI: 10.35120/sciencej0402121j.
70. Kelley T. A. Rediscovering Vulgar Charity: A Historical Analysis of America's Tangled Nonprofit Law // SSRN Electronic Journal. 2004. Vol. 73(6). Pp. 1–86. DOI: 10.2139/ssrn.626862.
71. Kirsty H. Coughlan and the Development of Public Law // University of Cambridge Faculty of Law Research Paper. 2016. № 36. URL: <https://ssrn.com/abstract=2823706>.
72. Kjaer P. F. Five Variations of Transformative Law: Beyond Private and Public Interests // Erasmus Law Review. 2023. Vol. 16. Issue 2. Pp. 140–146. DOI: 10.5553/ELR.000254.
73. Markovits D. Good Faith as Contract's Core Value // Philosophical Foundations of Contract Law / ed.

by G. Klass, G. Letsas, P. Saprai. Oxford: Oxford University Press, 2014. Pp. 272–293. URL: <https://www.law.nyu.edu/sites/default/files/Markovits%20Good%20Faith%20as%20Contracts%20Core%20Value.pdf>.

74. Mayer L. H. Creating a Tax Space for Social Enterprise // The Cambridge Handbook of Social Enterprise Law. Cambridge University Press, 2019. Pp. 157–172. DOI: 10.1017/9781316890714.010.

75. Morris M., Webb J., Franklin R. Understanding the Manifestation of Entrepreneurial Orientation in the Nonprofit Context // Entrepreneurship Theory and Practice. 2011. Vol. 35. Issue 5. Pp. 947–971. DOI: 10.1111/j.1540-6520.2011.00453.x.

76. Nagy (Ambrus) Z.-H., Rus L., Bogdan V. Diversity of Financing Sources of Non-Profit Organizations in Romania and the Eu – An Overview // Annals of Faculty of Economics, University of Oradea, Faculty of Economic. 2024. Vol. 33. Issue 1. Pp. 304–313. DOI: 10.47535/1991AUOES33(1)034.

77. Nonprofits and Government: Collaboration and Conflict / ed. by E. T. Boris, C. E. Steuerle. 3rd ed. Rowman & Littlefield Publishers, 2016. 372 p.

78. Ouimette M., Chowdhury I., Kickul J. Social Entrepreneurship and Nonprofit Management: Negotiating Institutional Complexity // Social Entrepreneurship / ed. by D. Wasieleski, J. Weber. Emerald Publishing Limited, 2021. Pp. 53–76. DOI: 10.1108/S2514-175920220000005003.

79. Özcan I. A Proposed Framework for Financial Reporting on Income and Expenses in Non-Profit Organizations. URL: https://www.researchgate.net/publication/390271592_a_proposed_framework_for_financial_reporting_on_income_and_expenses_in_non-profit_organizations.

80. Pache A.-C., Santos F. Inside the Hybrid Organization: Selective Coupling as a Response to Competing Institutional Logics // Academy of Management Journal. 2012. Vol. 56. Issue 4. Pp. 972–1001. DOI: 10.5465/amj.2011.0405.

81. Peden E. 'Implicit Good Faith' – or Do We Still Need an Implied Term of Good Faith? // Journal of Contract Law. 2009. Vol. 25, Sydney Law School Research Paper No. 09/01. 16 p. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1326690.

82. Peden E. When Common Law Trumps Equity: The Rise of Good Faith and Reasonableness and the Demise of Unconscionability // Journal of Contract Law. 2005. Vol. 21. Pp. 226–248.

83. Peredo A. M., McLean M. Social Entrepreneurship: A Critical Review of the Concept // Journal of World Business. 2006. Vol. 41. Issue 1. Pp. 56–65. DOI: 10.1016/j.jwb.2005.10.007.

84. Posavec Z. Političke stranke i javno dobro // Politička misao. 2003. Vol. 40. № 2. Pp. 21–31. URL: <https://hrcak.srce.hr/23127>.

85. Rebetak F., Bartosova V. Non-profit organizations in the conditions of Slovakia // SHS Web of Conferences. 2020. Vol. 74. Pp. 1–6. DOI: 10.1051/shsconf/20207405020.

86. Robertson P. J., Wang F., Trivisvavet S. Self and Collective Interests in Public Organizations: An Empirical

Investigation // Public Performance & Management Review. Vol. 31. Issue 1. Pp. 54–84. DOI: 10.2753/PMR1530-9576310103.

87. From the Bottom Up: Strategies and Practice for Membership-Based Organizations / S. Rodriguez, E. Berkley Nepon, E. Redfield [et al.]; ed. by E. Berkley Nepon, E. Redfield, D. Spade, A. West. 2013. 51 p. URL: https://srlp.org/wp-content/uploads/2013/05/SRLP_From_The_Bottom_Up.pdf.

88. Salamon L. M., Anheier H. K. Social Origins of Civil Society: Explaining the Nonprofit Sector Cross-Nationally // Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 1998. Vol. 9. Issue 3. Pp. 213–248. DOI: 10.1023/A:1022058200985.

89. Shalev G. Good Faith in Public Law: A Critical Note on the Supreme Court Judgment in *Lugasi v. Minister of Communication* // Israel Law Review. 1983. Vol. 18. Issue 1. Pp. 127–134. DOI: 10.1017/S0021223700007895.

90. Skocpol T. Diminished Democracy: from Membership to Management in American Civil Life. Norman: University of Oklahoma Press, 2003. 366 p.

91. Smith A. Introduction: The Revolution Will Not Be Funded // The Revolution will not be Funded: Beyond the Non-Profit Industrial Complex / ed. by INCITE! Women of Color Against Violence. Cambridge: South End Press, 2007. Pp. 9–13.

92. Stapleton J. Good Faith in Private Law // Current Legal Problems. 1999. Vol. 52. Issue 1. Pp. 7–8.

93. Stevenson D. Privatization of Welfare Services: Delegation by Commercial Contract // Arizona Law Review. 2003. Vol. 45. Pp. 83–131.

94. van Thiel S. Trends in the Public Sector: Why Politicians Prefer Quasi-Autonomous Organizations // Journal of Theoretical Politics. 2004. Vol. 16. Issue 2. Pp. 175–201. DOI: 10.1177/0951629804041120.

95. Tison M. Challenging the Prudential Supervisor: Liability Versus (Regulatory) Immunity Financial Law Institute Working Paper № 2003-04. DOI: 10.2139/ssrn.414901.

96. Tison M. Harmonization and Legal Transplantation of EU Banking Supervisory Rules to Transitional Economies: A Legal Approach // University of Ghent, Financial Law Institute, Working Paper No. WP 1999-12. 29 p. DOI: 10.2139/ssrn.173769.

97. Wang Y. The Rationale for Nonprofit Organizations // Forthcoming: University of Pennsylvania Journal of Business Law. 2024. Vol. 27. Issue 1. DOI: 10.2139/ssrn.4958435.

References

1. Andrienko A. I. *O sootnoshenii ponyatiy «obshchestvennye ob"edineniya», «nekommerscheskie organizatsii» i «sotsial'no orientirovannye nekommerscheskie organizatsii»* [Relation of Concepts 'Public Associations', 'Non-Profit Organizations' and 'Socially Oriented Non-Profit Organizations']. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta* – Surgut State University

- Journal. 2020. Issue 3 (29). Pp. 64–69. DOI: 10.24412/2227-7315-2022-1-96-102. (In Russ.).
2. Andrienko A. I. *Sravnitel'no-pravovaya kharakteristika form podderzhki sotsial'no-orientirovannykh nekommercheskikh organizatsiy v sub"ektakh Rossiyskoy Federatsii* [Comparative Legal Characteristics of Support Forms for Socially Oriented Non-Profit Organizations in Subjects of the Russian Federation]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta* – Surgut State University Journal. 2019. Issue 3 (25). Pp. 24–29. (In Russ.).
 3. Antonova N. V., Eremina O. Yu. *Sotsial'nye funktsii gosudarstva: novye vektorы razvitiya* [Social Functions of the State: New Vectors of Development]. *Zhurnal rossiyskogo prava* – Journal of Russian Law. 2020. Issue 12. Pp. 89–102. DOI: 10.12737/jrl.2020.150. (In Russ.).
 4. Belyaeva O. A. *Poryadok predostavleniya munitsipal'nogo imushchestva v bezvozmezdnoe pol'zovanie sotsial'no orientirovannym nekommercheskim organizatsiyam* [Procedure for Providing Municipal Property for Free Use to Socially Oriented Non-Profit Organizations]. *Kommentariy sudebnoy praktiki* [Commentary on Judicial Practice]. Moscow, 2019. Issue 25. Pp. 4–12. (In Russ.).
 5. Belyaeva Yu. N. *O sotsial'nykh funktsiyakh gosudarstva* [The Social Functions of the State]. *Zhurnal rossiyskogo prava* – Journal of Russian Law. 2016. Issue 1. Pp. 99–106. DOI: 10.12737/17235. (In Russ.).
 6. Bogdanov D. E. *Evolyutsiya grazhdanskopravovoy otvetstvennosti s pozitsii spravedlivosti: sravnitel'no-pravovoy aspekt* [Evolution of Civil Liability from the Standpoint of Justice: Comparative Legal Aspect]. Moscow, 2015. 303 p. (In Russ.).
 7. Bogdanova I. S. *Pravovoy rezhim publichnogo imushchestva, predostavlyаемого sotsial'no orientirovannym nekommercheskim organizatsiyam* [Legal Regime of Public Property Provided to Socially Oriented Non-Profit Organizations]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2020. Issue 5. Pp. 31–35. (In Russ.).
 8. Bratus' S. N. *Sub"ekty grazhdanskogo prava* [Subjects of Civil Law]. Moscow, 1950. 368 p. (In Russ.).
 9. Bratus S. N. *Yuridicheskie litsa v sovetskem grazhdanskom prave* [Legal Entities in Soviet Civil Law]. Moscow, 1947. 364 p. (In Russ.).
 10. Vasil'eva M. I. *Publichnye interesy v ekologicheskem prave* [Public Interests in Environmental Law]. Moscow, 2003. 423 p. (In Russ.).
 11. Gazizullin R. I. *Sotsial'noe predprinimatel'stvo: ponyatie, priznaki, perspektiva* [Social Entrepreneurship: Concept, Features, Prospects]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* – State Power and Local Self-Government. 2020. Issue 12. Pp. 46–49. DOI: 10.18572/1813-1247-2020-12-46-49. (In Russ.).
 12. Gervagen L. L. *Razvitie ucheniya o yuridicheskem litsse* [Development of the Doctrine of a Legal Entity]. St. Petersburg, 1888. XV, 91 p. (In Russ.).
 13. Ginzburg I. V. *Primenenie sudami printsipa dobrosovestnosti: sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [Application of the Principle of Good Faith by Courts: A Comparative Legal Study]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* – Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2024. Vol. 20. Issue 4. Pp. 83–91. DOI: 10.61205/S199132220030637-6. (In Russ.).
 14. Gutnikov O. V. *Korporativnaya otvetstvennost' v grazhdanskem prave* [Corporate Liability in Civil Law]. Moscow, 2019. 488 p. (In Russ.).
 15. Dolinskaya V. V. *Sotsial'no orientirovannye NKO: problemy zakonodatel'nogo oformleniya i pravoprimeneniya* [Socially Oriented NPO: Problems of Legislative Registration and Law Enforcement]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2020. Issue 5. Pp. 3–13. (In Russ.).
 16. Zankovskiy S. S. *Sotsial'noe predprinimatel'stvo kak institut predprinimatel'skogo prava* [Social Entrepreneurship as an Institution of Entrepreneurial Law]. *Modern Science*. 2020. Issue. 12-1. Pp. 260–265. (In Russ.).
 17. Il'ina O. Yu. *Problemy interesa v semeynom prave Rossiyskoy Federatsii* [Problems of Interest in Family Law of the Russian Federation]. Moscow, 2007. 192 p. (In Russ.).
 18. Inshakova A. O., Pon'ka V. F. *Publichno-pravovye i chastnopravovye interesy v kontekste otrslevogo deleniya sistemy prava* [Public-Law and Private-Law Interests in the Context of Branch Division of the Legal System]. *Sovremennoe pravo* – Modern Law. 2022. Issue 6. Pp. 5–10. DOI: 10.25799/NI.2022.27.86.001. (In Russ.).
 19. Kozlova N. V. *Ponyatie i sushchnost' yuridicheskogo litsa. Ocherk istorii i teorii* [Concept and Essence of a Legal Entity. Essay on History and Theory]. Moscow, 2003. 316 p. (In Russ.).
 20. Konanevich Yu. G. *Khozyaystvennaya deyatelnost' v sisteme obshchestvennykh otnosheniy* [Economic Activity in the System of Public Relations]. *Trud. Profsoyuz. Obshchestvo* – Labour. Trade Union. Society. 2021. Issue 1 (71). Pp. 68–72. (In Russ.).
 21. Konanevich Yu. G. *Politiko-kommunikativnaya deyatelnost' kak vid publichnoy khozyaystvennoy deyatelnosti, obespechivayushchiy realizatsiyu vnutrennyy i vneshney politiki gosudarstva i zashchitu natsional'nykh interesov* [Political-Communicative Activity as Public Economic Activity, Ensuring the Realization of Internal and Foreign Policy and Protecting National Interests]. *Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava* – Current Problems of Civil Law. 2020. Issue 1 (15). Pp. 62–77. (In Russ.).
 22. Kochkalova L. I. *Sotsial'naya funktsiya rossiyskogo gosudarstva: teoretiko-pravovoy aspekt* [Social Function of the Russian State: Theoretical and Legal Aspect]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* – State Power and Local Self-Government. 2017. Issue 12. Pp. 14–19. DOI: 10.18572/1813-1247-2017-12-14-19. (In Russ.).
 23. Kryazhkov A. V. *Publichnyy interes: ponyatie, vidy i zashchita* [Public Interest: Notion, Aspects and Defence]. *Gosudarstvo i pravo* – State and Law. 1999. Issue 10. Pp. 91–99. (In Russ.).

24. Lomakin D. V. *Korporativnye pravootnosheniya: obshchaya teoriya i praktika ee primeneniya v khozyaystvennykh obshchestvakh* [Corporate Legal Relations: General Theory and Practice of Its Application in Business Entities]. Moscow, 2008. 509 p. (In Russ.).
25. Lomakin D. V. *Teoriya korporativnykh otnosheniy: ot mifa k real'nosti* [Theory of Corporate Relations: From Myth to Reality]. *Khozyaystvo i pravo – Economy and Law*. 2009. Issue 7. Pp. 48–69. (In Russ.).
26. Malinova A. G. *Publichnye interesy: istoriya, teoriya i argumenty protiv ispol'zovaniya etogo termina v rossiyskom zakonodatel'stve* [Public Interests: History, Theory and Arguments against the Use of This Term in Russian Legislation]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Russian Juridical Journal*. 2023. Issue 1. Pp. 65–84. DOI: 10.34076/20713797_2023_1_65. (In Russ.).
27. Mandrykina V. Yu. *Problemy tolkovaniya po-nyatiya sotsial'no orientirovannykh nekommercheskikh organizatsiy i puti ikh resheniya* [Problems of Interpretation of the Concept of Socially Oriented Non-Profit Organizations and Ways to Solve Them]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii – Saratov State Law Academy Bulletin*. 2022. Issue 1 (144). Pp. 96–102. DOI: 10.24412/2227-7315-2022-1-96-102. (In Russ.).
28. Mazhinskaya N. G., Kazanskaya A. S. *Problemy privlecheniya uchrediteley nekommercheskoy organizatsii k subsidiarnoy otvetstvennosti* [Problems of Bringing the Founders of a Non-Profit Organization to Subsidiary Liability]. *Pravo i ekonomika – Law and Economics*. 2021. Issue 5. Pp. 14–17. (In Russ.).
29. Miloserdov N. A. *Publichnye interesy v prave: ponyatie i soderzhanie* [Public Interests in Law: Concept and Content]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of Russian Law*. 2021. Vol. 16. Issue 10 (131). Pp. 202–211. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.131.10.202-211. (In Russ.).
30. Nersesants V. S. *Problema obshchego blaga v postsootsialisticheskoy Rossii* [Problem of General Welfare in Postsocialist Russia]. *Rossiyskoe pravosudie – Russian Justice*. 2006. Issue 4. Pp. 4–13. (In Russ.).
31. Oleynikova E. G. *Funktsii sotsial'no orientirovannykh nekommercheskikh organizatsiy v usloviyah stanovleniya rossiyskogo sotsial'nogo gosudarstva (na materialakh Volgogradskoy oblasti)* [Functions of Socially Oriented Non-Profit Organizations in the Conditions of Formation of the Russian Social State (by the Materials of the Volgograd Region)]. *Vestnik ekspertnogo soveta – Bulletin of the Expert Council*. 2019. Issue 1 (16). Pp. 81–85. (In Russ.).
32. Parfenov K. B. *Sovremennoe sostoyanie i osnovnye napravleniya sovershenstvovaniya zakonodatel'stva o nekommercheskikh organizatsiyakh* [Current Status and Main Directions for Improving Legislation on Non-Profit Organizations]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika – Law and State: Theory and Practice*. 2021. Issue 3 (195). Pp. 31–34. DOI: 10.47643/1815-1337_2021_3_31. (In Russ.).
33. Pashentsev D. A. *Sotsial'naya funktsiya gosudarstva v sovremennykh usloviyakh* [The State Social Function Under Current Conditions]. *Vestnik Akademii prava i upravleniya – Bulletin of Academy of Law and Management*. 2017. Issue 3 (48). Pp. 89–93. (In Russ.).
34. Pokrovskiy I. A. *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [Basic Problems of Civil Law]. Moscow, 1998. 353 p. (In Russ.).
35. Savinykh V. A. *Fenomen nadzornoy otvetstvennosti gosudarstva kak osobaya raznovidnost' subsidiarnoy otvetstvennosti* [State Supervisory Liability Phenomenon as a Special Kind of Vicarious Liability]. *Vestnik grazhdanskogo prava – Civil Law Review*. 2014. Vol. 14. Issue 5. Pp. 25–57. (In Russ.).
36. Serova O. A. *Sotsial'noe predprinimatel'stvo: vybor organizatsionno-pravovoy formy* [Social Entrepreneurship: Selection of a Form of Incorporation]. *Grazhdanskoe pravo – Civil Law*. 2019. Issue 2. Pp. 11–15. DOI: 10.18572/2070-2140-2019-2-11-15. (In Russ.).
37. Sklovskiy K. I. *Sobstvennost' v grazhdanskom prave* [Property in Civil Law]. Moscow, 2010. 893 p. (In Russ.).
38. Soldatova A. V., Soldatov Ya. V. *Teoriya sotsial'nogo gosudarstva o pravovoy prirode sotsial'noy funktsii gosudarstva* [Theory of a Social State About the Legal Nature of the Social Function of the State]. *Obrazovanie i pravo – Education and Law*. 2021. Issue 3. Pp. 77–80. DOI: 10.24412/2076-1503-2021-3-77-80. (In Russ.).
39. Suvorov N. S. *Ob yuridicheskikh litsakh po rimskomu pravu* [On Legal Entities under Roman Law]. Moscow, 2000. 302 p. (In Russ.).
40. Sukhanov E. A. *Komentarii k stat'yam 48, 50 Grazhdanskogo kodeksa RF* [Comments on Articles 48, 50 of the Civil Code of the Russian Federation]. *Vestnik grazhdanskogo prava – Civil Law Review*. 2022. Vol. 22. Issue 1. Pp. 136–166. DOI: 10.24031/1992-2043-2022-22-1-136-166. (In Russ.).
41. Tikhomirov Yu. A. *Publichnoe pravo* [Public Law]. Moscow, 1995. 496 p. (In Russ.).
42. Tumanova L. V. *Sostoyanie i perspektivy razvitiya zakonodatel'stva o zashchite publichno-pravovykh otnosheniy* [Status and Prospects of Development of Legislation on the Protection of Public Law Relations]. St. Petersburg, 2001. 464 p. (In Russ.).
43. Chirkov V. E. *Yuridicheskoe lito publichnogo prava* [Legal Entity of Public Law]. Moscow, 2007. 352 p. (In Russ.).
44. Shaykheev T. I. *Sochetanie publichnykh i chastnykh nachal v sudebnoy praktike* [Combination of Public and Private Principles in Judicial Practice]. *Arbitrazhnye spory – Arbitration Disputes*. 2024. Issue 2. Pp. 171–211. (In Russ.).
45. Shapsugova M. D. *NKO zabyli? Kommentarij k Zakonu o sotsial'nom predprinimatel'stve* [Non-Profit Organizations Forgotten? A Commentary on the Law on Social Entrepreneurship]. *Sotsial'noe i pensionnoe pravo – Social and Pension Law*. 2019. Issue 4. Pp. 53–56. (In Russ.).
46. Sharkov A. V. *Sushchnost' i antropologicheskie osnovaniya sotsial'noy funktsii gosudarstva* [Essence

- and Anthropological Foundations of the State's Social Function]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psichologiya. Sotsiologiya* – Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology. 2017. Issue 3. Pp. 358–367. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-358-367. (In Russ.).
47. Yakimets V. N. *Nekommercheskie organizatsii Rossii: dinamika rosta, problemy razvitiya, mesto i rol' v reforme sotsial'noy sfery* [Non-Profit Organizations of Russia: Growth Dynamics, Development Problems, Place and Role in the Reform of the Social Sphere]. Available at: http://www.civisbook.ru/files/File/Yakimez_N_org_R.pdf. (In Russ.).
48. Yakovlev V. F. *Obshchaya chast' grazhdanskogo prava v sovremenном zakonodatel'stve i yuridicheskoy praktike* [General Part of Civil Law in Current Legislation and Legal Practice]. *Izbrannye Trudy. Tom 2: Grazhdanskoе pravo: Iстoriya i sovremennost'* [Selected Works. Vol. 2: Civil Law: History and Modernity]. Book 2. Moscow, 2012. Pp. 59-126. (In Russ.).
49. Ahmed F., Perry A. The Coherence of the Doctrine of Legitimate Expectations. *Cambridge Law Journal*. 2014. Vol. 73. Issue 1. Pp. 61–85. DOI:10.1017/S0008197314000026. (In Eng.).
50. Akash R., Boopathy, S. *Social Entrepreneurship: An Effective and Responsible Business Solution for the Public*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/337414052_social_entrepreneurship_an_effective_and_responsible_business_solution_for_the_public. (In Eng.).
51. Anheier H. K. *Nonprofit Organizations: Theory, Management, Policy*. London; New York: Routledge, 2005. 450 p. (In Eng.).
52. Battilana J., Dorado S. Building Sustainable Hybrid Organizations: The Case of Commercial Micro-finance Organizations. *Academy of Management Journal*. 2010. Vol. 53. Issue 6. Pp. 1419–1440. DOI: 10.5465/AMJ.2010.57318391. (In Eng.).
53. Berisha F., Matoshi Sh. The Relation between Society, State and Law. *SSRN Electronic Journal*. 2020. DOI: 10.2139/ssrn.3521143. (In Eng.).
54. Busch D., Hondius E. H., Van Kooten H. J., Schelhaas H. N., Schrama W. M. (eds.) *The Principles of European Contract Law and Dutch Law. A Commentary*. Kluwer Law International, 2002. 471 p. (In Eng.).
55. Cartier G. La Théorie des Attentes Légitimes en Droit Administratif. *Revue de droit de l'Université de Sherbrooke*. 1992. Vol. 23. Issue 1. Pp. 75–109. Available at: <https://www.erudit.org/en/journals/rdus/1992-v23-n1-rdus08988/1108295ar.pdf>. (In Fr.).
56. Chiarella M. L. Legitimate Expectation and Good Faith in Public Contracts. *Athens Journal of Law*. 2017. Vol. 3. Issue 4. Pp. 307–320. DOI: 10.30958/ajl.3-4-4. (In Eng.).
57. Cummings B. Benefit Corporations: How to Enforce a Mandate to Protect the Public Interest. *Columbia Law Review*. 2012. Vol. 112. Issue 3. Pp. 578–627. (In Eng.).
58. Dimitrov V. Swarm-Like Dynamics and Their Use in Organization and Management. *Complex Systems*. 2000. Vol. 12. Issue 4. Pp. 413–421. (In Eng.).
59. Hall P. D. *A History of Nonprofit Boards in the United States*. Washington: National Center for Non-profit Boards, 1997. 32 p. (In Eng.).
60. Esping-Andersen G. *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Princeton: Princeton University Press, 1990. 248 p. (In Eng.).
61. Frumkin P. The Idea of a Nonprofit and Voluntary Sector. In Ott J. S., Dicke L. (eds.) *The Nature of the Nonprofit Sector*. Chapter 3. 4th ed. New York: Routledge, 2021. Pp. 51-61. DOI: 10.4324/9780367696559. (In Eng.).
62. Garton J. *The Regulation of Organized Civil Society*. Hart Publishing, 2009. 288 p. (In Eng.).
63. Geurts P. Der Grundsatz des Vertrauensschutzes bei der Aufhebung von Verwaltungsakten im deutschen, französischen und europäischen Recht Wechselwirkung zwischen europ. u. nationalem Recht. Diss. Bonn, 1997. 414 p. (In Germ.).
64. Giesen I. Regulating Regulators through Liability. The Case for Applying Normal Tort Rules to Supervisors. *Utrecht Law Review*. 2006. Vol. 2. Issue 1. Pp. 8–31. DOI: 10.18352/ulr.15. (In Eng.).
65. Goode R. *Commercial Law*. London: Penguin Books, 2004. 1408 p. (In Eng.).
66. Groves M. *Australian Administrative Law: Fundamentals, Principles and Doctrine*. New York: Cambridge University Press, 2007. 524 p. DOI: 10.1017/CBO9781139168618. (In Eng.).
67. Haber M. The New Activist Non-Profits: Four Models Breaking from the Non-Profit Industrial Complex. *University of Miami Law Review*. 2019. Vol. 73. Issue 3. Pp. 862–954. (In Eng.).
68. Holubarova-Neveceralova N. Financing of a Non-Governmental Non-Profit Organization from the State Budget. *Financial Law Review*. 2020. Issue 20 (4). Pp. 54–63. DOI: 10.4467/22996834FLR.20.020.13092. (In Eng.).
69. Jerinić N., Vujičić Vukićević S. Defining Public Interest: Criteria for Legal Implementation. *Science International Journal*. 2025. Vol. 4. Issue 2. Pp. 121–126. DOI: 10.35120/sciencej0402121j. (In Eng.).
70. Kelley T. A. Rediscovering Vulgar Charity: A Historical Analysis of America's Tangled Nonprofit Law. *SSRN Electronic Journal*. 2004. Vol. 73 (6). Pp. 1–86. DOI: 10.2139/ssrn.626862. (In Eng.).
71. Kirsty H. Coughlan and the Development of Public Law. *University of Cambridge Faculty of Law Research Paper*. 2016. Issue 36. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2823706>. (In Eng.).
72. Kjaer P.F. Five Variations of Transformative Law: Beyond Private and Public Interests. *Erasmus Law Review*. 2023. Vol. 16. Issue 2. Pp. 140–146. DOI: 10.5553/ELR.000254. (In Eng.).
73. Markovits D. Good Faith as Contract's Core Value. In Klass G., Letsas G., Saprai P. (eds.) *Philosophical Foundations of Contract Law*. Oxford University Press,

2014. Pp. 272–293. Available at: <https://www.law.nyu.edu/sites/default/files/Markovits%20Good%20Faith%20as%20Contracts%20Core%20Value.pdf>. (In Eng.).
74. Mayer L. H. Creating a Tax Space for Social Enterprise. *The Cambridge Handbook of Social Enterprise Law*. Chapter 9. Pp. 157–172. Cambridge University Press, 2019. DOI: 10.1017/9781316890714.010. (In Eng.).
75. Morris M., Webb J., Franklin R. Understanding the Manifestation of Entrepreneurial Orientation in the Nonprofit Context. *Entrepreneurship Theory and Practice*. 2011. Vol. 35. Issue 5. DOI: 10.1111/j.1540-6520.2011.00453.x. (In Eng.).
76. Nagy (Ambrus) Z. H., Rus L., Bogdan V. Diversity of Financing Sources of Non-Profit Organizations in Romania and the EU – an Overview. *Annals of Faculty of Economics, University of Oradea, Faculty of Economic*. 2024. Vol. 33 (1). Pp. 304–313. (In Eng.).
77. Boris E. T., Steuerle C. E. (eds.) *Nonprofits and Government: Collaboration and Conflict*. 3rd ed. Rowman & Littlefield Publishers, 2016. 372 p. (In Eng.).
78. Ouimette M., Chowdhury I., Kickul J. Social Entrepreneurship and Nonprofit Management: Negotiating Institutional Complexity. In Wasieleski D., Weber J. (eds.) *Social Entrepreneurship* (Business and Society 360, Vol. 5). Emerald Publishing Limited, 2021. Pp. 53–76. DOI: 10.1108/S2514-17592022000005003. (In Eng.).
79. Özcan I. *A Proposed Framework for Financial Reporting on Income and Expenses in Non-Profit Organizations*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/390271592_a_proposed_framework_for_financial_reporting_on_income_and_expenses_in_non-profit_organizations. (In Eng.).
80. Pache A.-C., Santos F. Inside the Hybrid Organization: Selective Coupling as a Response to Competing Institutional Logics. *Academy of Management Journal*. 2012. Vol. 56. Issue 4. Pp. 972–1001. DOI: 10.5465/amj.2011.0405. (In Eng.).
81. Peden E. ‘Implicit Good Faith’ – Or Do We Still Need an Implied Term of Good Faith? *Journal of Contract Law*. 2009. Vol. 25, Sydney Law School Research Paper No. 09/01. 16 p. (In Eng.). Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1326690.
82. Peden E. When Common Law Trumps Equity: The Rise of Good Faith and Reasonableness and the Demise of Unconscionability. *Journal of Contract Law*. 2005. Vol. 21. Pp. 226–248. (In Eng.).
83. Peredo A. M., McLean M. Social Entrepreneurship: A Critical Review of the Concept. *Journal of World Business*. 2006. Vol. 41. Issue 1. Pp. 56–65. DOI: 10.1016/j.jwb.2005.10.007. (In Eng.).
84. Posavec Z. Političke stranke i javno dobro. *Politička misao*. 2003. Vol. 40. Issue 2. Pp. 21–31. Available at: <https://hrcak.srce.hr/23127>. (In Cr.).
85. Rebetak, F., Bartosova, V. Non-Profit Organizations in the Conditions of Slovakia. *SHS Web of Conferences*. 2020. Vol. 74. Pp. 1–6. DOI: 10.1051/shsconf/20207405020. (In Eng.).
86. Robertson P. J., Wang F., Trivisvavet S. Self and Collective Interests in Public Organizations: An Empirical Investigation. *Public Performance & Management Review*. Vol. 31. Issue 1. Pp. 54–84. DOI: 10.2753/PMR1530-9576310103. (In Eng.).
87. Rodriguez S., Berkley Nepon E., Redfield E., Spade D., Lenz C. *From the Bottom up: Strategies and Practice for Membership-Based Organizations*. 2013. 51 p. Available at: https://srlp.org/wp-content/uploads/2013/05/SRLP_From_The_Bottom_Up.pdf. (In Eng.).
88. Salamon L. M., Anheier H. K. Social Origins of Civil Society: Explaining the Nonprofit Sector Cross-Nationally. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 1998. Vol. 9. Issue 3. Pp. 213–248. DOI: 10.1023/A:1022058200985. (In Eng.).
89. Shalev G. Good Faith in Public Law: A Critical Note on the Supreme Court Judgment in *Lugasi v. Minister of Communication*. *Israel Law Review*. 1983. Vol. 18. Issue 1. Pp. 127–134. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2618048>. (In Eng.).
90. Skocpol T. *Diminished Democracy: from Membership to Management in American Civil Life*. Norman: University of Oklahoma Press, 2003. 366 p. (In Eng.).
91. Smith A. Introduction. In INCITE! Women of Color Against Violence (ed.) *The Revolution Will Not Be Funded: Beyond the Non-Profit Industrial Complex*. Cambridge: South End Press, 2007. Pp. 9–13. (In Eng.).
92. Stapleton J. Good Faith in Private Law. *Current Legal Problems*. 1999. Vol. 52. Issue 1. Pp. 7–8. (In Eng.).
93. Stevenson D. Privatization of Welfare Services: Delegation by Commercial Contract. *Arizona Law Review*. 2003. Vol. 45. 2003. Pp. 83–131. Available at: https://intheinterest.org/wp-content/uploads/Privatized-Welfare_Stevenson.pdf. (In Eng.).
94. van Thiel S. Trends in the Public Sector: Why Politicians Prefer Quasi-Autonomous Organizations. *Journal of Theoretical Politics*. 2004. Vol. 16. Issue 2. Pp. 175–201. DOI: 10.1177/0951629804041120. (In Eng.).
95. Tison M. Challenging the Prudential Supervisor: Liability Versus (Regulatory) Immunity. *Financial Law Institute Working Paper*. Issue 2003-04. 31 p. DOI: 10.2139/ssrn.414901. (In Eng.).
96. Tison M. Harmonisation and Legal Transplantation of EU Banking Supervisory Rules to Transitional Economies: A Legal Approach. *Financial Law Institute, University of Ghent, Working Paper* No. WP 1999-12. 29 p. DOI: 10.2139/ssrn.173769. (In Eng.).
97. Wang Y. The Rationale for Nonprofit Organizations. *Forthcoming: University of Pennsylvania Journal of Business Law*. 2024. Vol. 27. Issue 1. Pp. 1–65. DOI: 10.2139/ssrn.4958435. (In Eng.).

Информация об авторах:

Е. Е. Богданова

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры интеллектуальных прав
Московский государственный юридический
университет имени О. Е. Кутафина
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9

ORCID: 0000-0001-6181-9018
ResearcherID: I-7586-2018

Статьи в БД Scopus / Web of Science:

DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(2).370-379
DOI: 10.32014/2021.2518-1467.179
DOI: 10.17072/1995-4190-2021-51-30-56

Т. В. Сойфер

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права
Московский государственный юридический
университет имени О. Е. Кутафина
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9

ORCID: 0000-0002-4095-9860
ResearcherID: NUQ-2321-2025

Статьи в БД Scopus / Web of Science:

DOI: 10.22277/rgo.v15i2.6299

About the authors:

E. E. Bogdanova

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow, 125993, Russia

ORCID: 0000-0001-6181-9018
ResearcherID: I-7586-2018

Articles in Scopus / Web of Science:

DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(2).370-379
DOI: 10.32014/2021.2518-1467.179
DOI: 10.17072/1995-4190-2021-51-30-56

T. V. Soyfer

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow, 125993, Russia

ORCID: 0000-0002-4095-9860
ResearcherID: NUQ-2321-2025

Articles in Scopus / Web of Science:

DOI: 10.22277/rgo.v15i2.6299

Информация для цитирования:

Кратенко М. В., Ербахаев Е. А. Штрафные (карательные) убытки: зарубежный опыт и перспективы имплементации в российское право // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 4(70). С. 580–602. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-580-602.

Kratenko M. V., Erbakhaev E. A. *Shtrafnye (karatel'nye) ubytki: zarubezhnyy opyt i perspektivy implementatsii v rosiyskoe pravo* [Exemplary (Punitive) Damages: Foreign Experience and Prospects in Russian Law]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2025. Issue 4(70). Pp. 580–602. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-580-602.

УДК 347.2

DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-580-602

Штрафные (карательные) убытки: зарубежный опыт и перспективы имплементации в российское право

М. В. КратенкоСанкт-Петербургский государственный университет
E-mail: maxkrat@yandex.ru**Е. А. Ербахаев**Китайский политико-правовой университет
E-mail: erbakhaev@mail.ru**Статья поступила в редакцию 26.08.2025**

Введение: исследуются хорошо известный странам общего права институт штрафных убытков (*exemplary / punitive damages*), история его формирования, выполняемые функции и тенденции в правовом регулировании. **Цель:** соотнести штрафные убытки с другими формами гражданско-правовой ответственности, в том числе имеющими сверхкомпенсационный характер; определить условия присуждения штрафных убытков; оценить перспективы имплементации исследуемого института в гражданское законодательство России и обозначить возможные сферы его применения. **Методы:** используются формально-логический, исторический и сравнительно-правовой методы исследования. **Выводы:** реформы деликтной ответственности в США и других странах общего права превратили штрафные убытки из так называемых легких денег (*windfall*) в социально полезный инструмент, который позволяет избирательно воздействовать на субъектов, осознанно пренебрегающих правами и законными интересами других лиц. Этим объясняется включение норм о штрафных убытках в гражданское законодательство некоторых стран Азии (Китай, Южная Корея), обсуждение в доктрине стран континентальной Европы (Франция). Оценивая перспективы появления исследуемого института в России, авторы отмечают наличие в гражданском законодательстве санкций, выполняющих сходные функции, а также их избыточность применительно к регулированию потребительских отношений. Предлагается скорректировать существующую модель потребительского штрафа (ч. 6 ст. 13 Закона о защите прав потребителей) в части условий его взыскания и «выгодополучателей» присужденной суммы.

Ключевые слова: возмутительное поведение; грубая неосторожность; штрафные убытки; наказание; права потребителя; ответственность изготовителя

© Кратенко М. В., Ербахаев Е. А., 2025

Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Exemplary (Punitive) Damages: Foreign Experience and Prospects in Russian Law

M. V. Kratenko

St. Petersburg State University
E-mail: maxkrat@yandex.ru

E. A. Erbakhaev

China University of Political Science and Law
E-mail: erbakhaev@mail.ru

Received 28 Aug 2025

***Introduction:** the authors examine the concept of exemplary (punitive) damages, well known to common law countries, including the history of the emergence of this institution, its functions, and trends in legal regulation. **Purpose:** to compare punitive damages with other forms of civil liability, including those of over-compensatory (punitive) nature; to formulate the preconditions for awarding them; to assess the prospects of the implementation of this institution in Russian legislation and to outline possible areas of its application. **Methods:** dogmatic method, historical method, comparative legal analysis. **Conclusions:** tort law reforms in the United States and other common law countries have transformed punitive damages from so-called windfall into a socially useful tool that makes it possible to punish selectively and to deter wrongdoing by persons who consciously disregard the rights and legitimate interests of others. This explains the inclusion of norms on punitive damages in the civil legislation of some Asian countries (PRC, South Korea) as well as the discussion held in the doctrine of continental Europe. Assessing the prospects of the introduction of punitive damages in Russian law, the authors note the presence in Russian civil legislation of sanctions that fulfil similar functions, highlighting the excessiveness of these sanctions in the regulation of relations under consumer law. It is proposed to adjust the existing model of consumer fine (part 6 of Article 13 of the Consumer Protection Law) in terms of the prerequisites for its collection and the 'beneficiaries' of the awarded amount.*

Keywords: outrageous act; gross negligence; exemplary damages; punitive damages; punishment; consumer rights; product liability

Введение

Характерной чертой гражданско-правовой ответственности, отличающей ее от мер уголовного и административного наказания, является компенсационная направленность – возмещение потерпевшему причиненного вреда (убытков) ровно в том объеме, в котором он что-либо утратил, не меньше и не больше¹. Штрафные, или сверхкомпенсационные, санкции присутствуют в гражданском праве, но, скорее, как исключение из этого общего правила.

Однако в современном мире деятельность одних субъектов может создавать риски для широкого круга других: выпуск недоброкачественной продукции, раскрытие персональных данных, загрязнение окружающей среды. Нормы публичного права не всегда справляются с этими глобальными угрозами, и «эстафету» предсказуемо принимает частное право. Оправданием использования штрафных санкций может быть, с одной стороны, высокая социальная значимость охраняемых с их помощью интересов, а с другой – такое поведение делинквента, которое свидетельствует о явном пренебрежении к правам других лиц. В единичных случаях соответствующие действия могут и не представлять повышенной общественной

опасности, поэтому не образуют состав административного правонарушения или преступления, однако «в промышленных масштабах» даже мелкое зло заслуживает порицания и требует принятия превентивных мер, в том числе в рамках гражданского права.

В англо-американской правовой доктрине традиционно проводится деление убытков на компенсаторные (*compensatory*) и штрафные (*exemplary, punitive*). Первые, как и в российской правовой системе (ст. 15 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)), рассчитаны на возмещение потерпевшему понесенных расходов и упущенной выгоды. В свою очередь штрафные убытки присуждаются дополнительно к компенсаторным – за совершение ответчиком особо возмутительных действий, чтобы удержать его и других лиц от подобного поведения в будущем. Размер штрафных убытков определяется жюри присяжных / судьей с учетом характера поведения ответчика, его материального положения и прочих факторов. Наибольшее распространение вердикты о присуждении штрафных убытков получили в следующих сферах: причинение вреда личности, защита прав потребителей, охрана интеллектуальной собственности и пресечение недобросовестной конкуренции [32, с. 1260; 36, с. 359].

¹ ‘Ni perte, ni profit pour la victim’ (фр.).

Долгое время штрафные убытки были атрибутом исключительно законодательства и судебной практики в странах Содружества (Commonwealth). Однако в последние годы наблюдается интерес к данному институту в странах континентальной Европы и Азии. Для российского гражданского права штрафные, или сверхкомпенсационные, санкции также не являются *terra incognita*, активно обсуждаются в современной доктрине. Следует согласиться с коллегами в том, что существующий режим применения штрафных санкций не является оптимальным [9, с. 68; 12, с. 59]. Разъяснения Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ обеспечивают дополнительную «настройку» данных санкций, исключающую как избыточное финансовое давление на ответчика, так и чрезмерное обогащение на стороне истца¹. Однако проблема до конца не решена. Наиболее острую критику вызывает штраф за отказ удовлетворить требования потребителя в добровольном порядке (п. 6 ст. 13 Закона о защите прав потребителей²). Правовая природа этой санкции в законе не определена, как и фигура «выгодополучателя» [10, с. 247–253]. Штраф присуждается во всех случаях удовлетворения иска потребителя, то есть неизбирательно, мало кого и к чему-либо стимулирует, воспринимается предпринимателями исключительно как средство обогащения потребителей и их юристов. Вместе с тем исключение из законодательства о защите прав потребителей данной санкции было бы поспешным решением. В заключительной части статьи сформулированы предложения, позволяющие сохранить потребительский штраф в качестве гражданско-правовой санкции, обеспечив при этом его более разумное и справедливое применение.

1. Концепция штрафных убытков в странах общего права

1.1. История появления института и функции

Прообразы штрафных убытков находят в древнейших источниках права, в частности в Кодексе Хаммурапи (1772 г. до н. э.), книге Моисея (около 1200 г. до н. э.) и пр. Как правило, речь идет о наложении взыскания в кратном размере к стоимости украденных вещей³. Считается, что соответствующие санкции были разработаны, с одной стороны, для более адекватного компенсирования ущерба пострадавшему, а

с другой – для наказания и устрашения делинквента, предотвращения аналогичного поведения в будущем [36, с. 351–352]. Эта гибридная концепция «компенсации-наказания» в общих чертах была впоследствии воспринята судами Англии и США.

В Англии появление термина *exemplary damages* связывают с двумя судебными процессами 1763 года, состоявшимися на фоне политических волнений. В деле *Huckle v. Money* (1763) истец-типограф был подвергнут незаконному аресту⁴ и в течение 6 часов находился под стражей. И хотя с задержанным обращались вполне уважительно, присяжные присудили истцу штрафные убытки в размере 300 фунтов, что многократно превышало стоимость его рабочего времени. Лорд судья Кэмден поддержал жюри и отметил, что присяжные имели полное право взыскать штрафные убытки в подобных обстоятельствах, когда ответчик грубо нарушил Magna Carta и действовал в тиранической манере. Жалоба представителей Короны на соровость вердикта была отклонена. Еще более четко суть штрафных убытков была определена в деле *Wilkes v. Wood* (1763), где истец также подвергся незаконному принуждению со стороны чиновников⁵. Давая напутствие присяжным, Лорд судья отметил, что денежная компенсация предназначена не только для удовлетворения интересов потерпевшего, но и, подобно наказанию, для предотвращения аналогичных действий в будущем, а также служит доказательством порицания присяжными соответствующего поведения⁶.

В дальнейшем штрафные убытки стали относительно распространенным явлением. Помимо случаев незаконного ареста и незаконного проникновения в жилое помещение, штрафные убытки присуждались в случаях нанесения побоев, клеветы, подстрекательства к совершению преступления [19, с. 391, 402]. Их обоснование (*rationale*) в рамках конкретного дела могло иметь нюансы: показать реакцию суда на вызывающий проступок⁷; удержать мужчину от поведения, не подобающего джентльмену⁸; предотвратить дуэль как способ восстановления испорченной репутации; сгладить общественное недовольство поступком ответчика и исключить вероятность расправы [37, с. 772]. Но имплицитно взыскание штрафных убытков всегда преследовало три цели: наказание (*punishment*), сдерживание (*deterrance*) и возмездие (*retribution*). Соответственно, основное

¹ См.: По делу о проверке конституционности подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда: Постановление Конституционного Суда РФ от 24 июля 2020 г. № 40-П.

² О защите прав потребителей: Закон РФ от 7 фев. 1992 г. № 2300-1 (в ред. от 07.07.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Далее по тексту – Закон о защите прав потребителей.

³ См., например: Библия. Вторая книга Моисеева. Исх. 22:1.

⁴ В ордере, выданном именем короля Георга III, содержалось общее указание обыскать и задержать издателей подрывной литературы, без указания конкретных имен и адресов.

⁵ Производство незаконного обыска в жилом помещении.

⁶ Протокол судебного заседания. URL: <http://www.commonlii.org/uk/cases/EngR/1763/103.pdf>.

⁷ *Tullidge v. Wade* (1769).

⁸ *Merest v. Harvey* (1814).

внимание уделялось не столько потерям потерпевшего, сколько поведению ответчика.

В 1964 году Палатой лордов было рассмотрено дело *Rookes v. Barnard*¹, в котором Лорд судья Девлин поставил под сомнение возможность присуждения штрафных убытков в неограниченном числе случаев, поскольку это приводит к смешению функций гражданского и уголовного права. Он также обратил внимание на то, что ни в одном из своих прежних решений Палата лордов не одобряла и не поощряла взыскание штрафных убытков. Из уважения к традициям и существующему прецедентному праву Девлин предложил ограничить взыскание штрафных убытков тремя категориями дел: 1) тиранические, произвольные или неконституционные действия государственных служащих²; 2) нарушение прав другого лица в расчете на получение прибыли, превосходящей нанесенный потерпевшему вред; 3) прямо предусмотренные законом основания для взыскания штрафных убытков. Позиция Девлина была поддержана другими членами Палаты лордов, что нашло отражение в последующей судебной практике. В частности, в деле *AB v. South West Water Services Ltd.* (1993) Апелляционный суд отказал во взыскании штрафных убытков с государственной водопроводной компании за загрязнение питьевой воды и утаивание соответствующей информации от населения, поскольку до 1964 года по аналогичным искам штрафные убытки не назначались. Однако позже, в деле *Kuddus v. Chief Constable of Leicestershire Constabulary* (2001), Палата лордов отклонила ограничения, установленные в деле AB, допустив присуждение штрафных убытков и по другим категориям споров (например, в случае расовой дискриминации). В целом судебная практика и доктрина по вопросу взыскания штрафных убытков оставались противоречивыми [14, с. 369–372], что в итоге стало поводом для обсуждения штрафных убытков и смежных категорий в специальном докладе Комиссии по реформированию права (Law Reform Commission)³ и комментариях к указанному докладу [20, с. 860–869].

В США появление термина *punitive damages* связывают с делом *Genay v. Norris* (1784). Ответчик, врач по профессии, решил подшутить над своим приятелем-иностранцем и подсыпал ему в вино большую порцию афродизиака. В результате истец в течение нескольких недель испытывал острые боли. Этот хулиганский поступок, по словам председательствующего судьи, был настолько беспринципным и возмутительным, особенно для врача, что заслуживал порицания и присуждения значительной суммы убытков. Присяжные восприняли напутственное слово и взыскивали в пользу истца 400 фунтов [15, с. 2].

Одна из гипотез объясняет популярность штрафных убытков в США тем, что они обеспечивали защиту бесцелесных благ (изображения, репутации, приватности и т. п.), которые вплоть до начала XIX века не признавались самостоятельным объектом правовой охраны [17, с. 5–7]. Показательным является дело *Coryell v. Colbough* (1791). Во время беременности истцы ответчик умышленно и без всякого повода нарушил условия брачного договора. Присяжные пришли к выводу, что поведение ответчика было крайне неподобающим и нанесло серьезный ущерб репутации истицы. В результате с ответчика были взысканы штрафные убытки. Впоследствии вердикты присяжных о присуждении штрафных убытков вышли далеко за пределы возмещения немущественного ущерба (*non-pecuniary damage*), а в 70-х годах прошлого века получили наибольшее распространение в делах об ответственности за вред, причиненный недоброкачественной продукцией. Американские ученые назвали этот период взрывом судебных разбирательств (*litigation explosion*). Увеличилось количество деликтных исков, равно как и суммы присуждаемых потерпевшим штрафных убытков [31, с. 338; 18, с. 4–5]. Наиболее заметным стало дело *Liebeck v. McDonald's* (1994). Истице, которая обожглась горячим кофе, присяжные присудили 160 тыс. долл. в качестве компенсаторных убытков и 2,7 млн долл. в качестве штрафных. Причиной взыскания штрафных убытков в столь значительном размере стал тот факт, что руководству компании McDonald's было давно известно о рисках для потребителей, однако необходимые предупредительные меры не предпринимались. Предупреждающая надпись о высокой температуре напитка была выполнена мелким шрифтом.

Подобно английскому прецедентному праву, доктрина и судебная практика в США выделяют следующие функции штрафных убытков: наказание ответчика за его возмутительное поведение и порицание, особенно в тех случаях, когда отсутствуют или неэффективны уголовно-правовые санкции; сдерживание ответчика и других от совершения аналогичных действий в будущем; стимулирование правоохранительной деятельности за счет усилий частных лиц [37, с. 775–776]. Наказание и превенция включены в определение штрафных убытков в параграфе 908 Второго свода деликтного права США (в оригинале "...Punitive damages are awarded to punish the defendant for his or her outrageous conduct and to deter such conduct in the future")⁴. Отмечается также, что штрафные убытки могут выполнять и компенсационную функцию (в качестве побочной), обеспечивая истцу возмещение расходов на оплату услуг

¹ URL: <https://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/1964/1.html>.

² Девлин подчеркнул, что речь идет о тирании именно со стороны лиц, наделенных государственной властью.

³ Law Reform Commission. Consultation Paper on Aggravated, Exemplary and Restitutionary Damages (April, 1998). URL: https://www.lawreform.ie/_fileupload/consultation%20papers/cpAggravatedDamages.html.

⁴ American Law Institute. Restatement (Second) of Torts (1979).

представителя¹; возмещение вреда/убытков, доказывание которых или расчет по правилам компенсаторных убытков затруднительны (моральный вред, убытки в случае нарушения интеллектуальных прав или вследствие недобросовестной конкуренции) [43, с. 123–124].

В Австралии присуждение штрафных убытков стало сложившейся практикой после рассмотрения Высоким Судом дела *Whitfield v. De Lauret & Co Ltd* (1920) [16, с. 89]. В этом деле была озвучена формула, согласно которой штрафные убытки могут присуждаться в ситуациях, когда ответчик сознательно совершает противоправные действия с явным пренебрежением к правам других лиц (в оригинале "...Exemplary damages will be awarded in cases of conscious wrongdoing in contumelious disregard of another's rights"). В последующих прецедентах формула лишь незначительно уточнялась. Так, в деле *Gray v. Motor Accident Commission* (1998) суды Высокого Суда отметили, что штрафные убытки взыскиваются редко и необходимо установить нечто большее, чем просто виновное правонарушение. В установлении этого отягчающего обстоятельства австралийские судьи имеют дискрецию, в целом придерживаясь позиции Высокого Суда по делу *Whitfield*.

В отличие от британских коллег, австралийские судьи не ограничены лишь тремя категориями споров, где допускается назначение штрафных убытков. При рассмотрении дела *Uren v. John Fairfax & Sons Pty Ltd.* (1966) Высокий Суд указал, что сформированный в английском праве ограничительный подход² не применяется в Австралии, достаточно лишь соответствия требованиям критериям из дела *Whitfield*. Штрафные убытки возможны в контексте практически любого правонарушения за изъятиями, прямо предусмотренными федеральным законодательством и законами отдельных штатов (территорий). Законодательная интервенция в части исключения штрафных убытков ведется по трем основным направлениям – диффамация³, неосторожное причинение смерти или вреда здоровью (в результате ДТП, несчастного случая на рабочем месте и т. д.)⁴, ответственность государства за незаконные действия сотрудников полиции (в отдельных штатах⁵). В соответствии со сложившейся практикой штрафные убытки также не взыскиваются за нарушение договорных обязательств [28, с. 700–703].

1.2. Вопросы терминологии:

штрафные убытки и смежные категории

Для общего права характерны различные конструкции убытков (*damages*), при этом основания их присуждения нередко пересекаются.

Так, особо циничное или иное вызывающее поведение делинквента, которое усилило страдания потерпевшего, может повлечь взыскание как увеличенных убытков (*aggravated damages*⁶), так и штрафных. В свою очередь наличие у ответчика мотива извлечь выгоду за счет нарушения прав другого лица дает возможность выбора для истца – потребовать штрафные убытки или так называемые реституционные (*restitutionary damages*)⁷. В последнем случае возмещение потерпевшему выплачивается исходя из полученной ответчиком прибыли, даже если по фактическим обстоятельствам сам истец не смог бы извлечь такую прибыль⁸. Иными словами, подобно штрафным убыткам, некоторые санкции также могут выполнять функцию наказания, возмездия, превенции.

Комиссия по реформированию права в своем итоговом докладе (1998)⁹ пришла к выводу, что перечисленные выше три категории убытков необходимо разграничивать. Увеличенные и реституционные убытки направлены в первую очередь на возмещение ущерба потерпевшему, поэтому являются новизнностью компенсации (*remedy*¹⁰), а не наказания (*punishment*).

В частности, увеличенные убытки направлены на компенсацию определенного типа вреда, а именно психических страданий (*mental distress*) или какой-то их части. Предпосылкой для их взыскания является способ совершения ответчиком противоправных действий (например, особая жестокость) или его последующее поведение (равнодушие, насмешки), которые причиняют истцу дополнительные страдания. В конечном счете, по мнению Комиссии, увеличенные убытки будут ассилированы в общих правилах о компенсации морального вреда.

Применительно к реституционным убыткам Комиссия отметила их сходство с исками о возврате неосновательного обогащения, где характер поведения или форма вины ответчика юридически безразличны. Даже если реституционные убытки в каких-то случаях выполняют превентивную функцию, это не

¹ Особенностью процессуального права США является то, что каждая сторона самостоятельно несет расходы на оплату услуг юриста (расходы не взыскиваются с проигравшей стороны).

² Имеется в виду позиция Палаты лордов в деле *Rookes v Barnard* (1964).

³ Defamation Act 2005 (New South Wales), section 37; Defamation Act 2006 (North Territory), section 35; Defamation Act 2005 (South Australia), section 35; Defamation Act 2005 (Tasmania), section 37, etc.

⁴ Accident Compensation Act 1985 (Victoria), section 134AB; Workers Compensation Act 1987 (New South Wales), section 151R.

⁵ Police Act 1892 (West Australia), section 137(6).

⁶ Термин также можно перевести как «убытки при отягчающих обстоятельствах».

⁷ Эксперты по общему праву отмечают сходство реституционных убытков с конструкцией *disgorgement of profits* (истребование доходов), популярной в доктрине и судебной практике континентальной Европы.

⁸ Соответственно, нарушение прав другого лица перестает быть экономически выгодным, что обеспечивает необходимый превентивный эффект.

⁹ Consultation Paper on Aggravated, Exemplary and Restitutionary Damages (April, 1998).

¹⁰ В переводе с англ. «возмещение, исправление, лекарство».

переводит их в разряд наказания. Их основная цель – обеспечить эффективную защиту в случае присвоения или иного посягательства на чужие права. Механизм реституционных убытков, по мнению Комиссии, является относительно новым и динамичным, поэтому не следует ограничивать его применение какими-либо конкретными категориями правонарушений и лучше довериться судебной практике.

Наконец, при выборе между терминами *exemplary damages* и *punitive damages* Комиссия отдала предпочтение первому, поскольку он акцентирует внимание на превентивном эффекте санкции и ее социальной значимости. В качестве аргумента Комиссия привела цитату из выступления Лорда Хэйлшема в деле *Cassell v. Broome* (1972) – о том, что термин *exemplary damages* более четко отражает политику права и намерение законодателя научить ответчика тому, что правонарушения не приносят доход.

1.3. Условия присуждения штрафных убытков

Штрафные убытки могут быть присуждены при условии, что требование истца к ответчику о взыскании компенсаторных убытков признано обоснованным [37, с. 772–773; 36, с. 365–366]. В этом смысле штрафные убытки носят производный от основного требования характер. Следовательно, истец должен доказать наличие соответствующих условий ответственности делинквента – в зависимости от характера деликта (диффамация, причинение вреда дефектной продукцией и пр.). Далее должно быть продемонстрировано, что в поведении ответчика было нечто большее, чем просто правонарушение.

В докладе, посвященном штрафным убыткам (1998), Комиссия по реформированию права пришла к выводу, что речь идет об определенном уровне неприемлемости поведения ответчика с точки зрения морали и принятых в обществе ценностей. Сформулировать точное определение через какую-то конкретную форму вины затруднительно. Суды, как правило, используют один из следующих критериев: злой умысел (*malice, deliberate*)¹; мстительность (*vindictiveness*); высокомерие (*arrogant*)²; аморальный или вопиющий характер поведения (*outrageous or fragrant*); существенное безразличие (*serious disregard of recklessness*) к правам истца³. Ранее, в докладе о гражданско-правовых аспектах диффамации (1991)⁴, уже был сформулирован необходимый стандарт вины для присуждения штрафных убытков: наглое, высокомерное и мстительное поведение ответчика либо грубое пренебрежение к правам

истца. Комиссия посчитала, что этот стандарт сохраняет свою актуальность и вполне может использоваться в качестве универсального. При этом не обязательно, чтобы действия ответчика были умышленными, достаточно безрассудства или грубой небрежности. В каком-либо законодательном уточнении стандарт вины, по мнению Комиссии, также не нуждается, поскольку желательно сохранить дискрецию присяжных и судей в данном вопросе.

В США для взыскания штрафных убытков истец должен доказать, что проступок ответчика является настолько вопиющим, что заслуживает более сурового денежного взыскания, чем одна лишь компенсация потерпевшему причиненного ущерба. Законодательство и суды штатов используют разные формулировки для описания необходимого стандарта виновности: в Калифорнии необходимо доказать наличие в действиях ответчика жестокости, обмана (*fraud*), прямого или косвенного умысла (*malice, expressed or implied*)⁵; в Мичигане – наличие злого умысла (*willful act*), грубой небрежности (*very grossly negligent act*) или явного пренебрежения к правам и безопасности других лиц (*wanton or reckless act*); в Миннесоте – умышленное безразличие ответчика к правам других лиц [37, с. 774; 32, с. 1265–1266]. Модельный закон США об ответственности за дефектную продукцию (Model Uniform Products Liability Act, 1979) в параграфе 129(A) определил основание взыскания штрафных убытков следующим образом: «Если потерпевший представит явные и убедительные доказательства того, что причиненный ему вред является следствием *сознательного пренебрежения* продавца или изготовителя к безопасности покупателей или иных пользователей товара». Авторы Второго Свода деликтного права США хотя и сделали упор на вопиющем поведении ответчика (*outrageous conduct*), однако также определили его через злой умысел (*evil motive*) и явное безразличие (*reckless indifference*) к правам других лиц⁶.

Резюмируя, можно сказать, что для взыскания штрафных убытков в странах общего права должна быть доказана серьезная степень вины ответчика – умысел или по меньшей мере грубая неосторожность.

1.4. Критика штрафных убытков в доктрине и законодательные реформы (опыт США)

Примерно в 1970-е, когда штрафные убытки стали настоящим «хитом» в делах об ответственности производителя в США, в прессе были высказаны следующие замечания в адрес данного института: непредсказуемость вердиктов присяжных в части

¹ *Vorvis v. Insurance Corporation of British Columbia* (1989).

² *Uren v. John Fairfax and Sons Pty Ltd.*

³ *Uren v. John Fairfax and Sons* (1966); *XL Petroleum (NSW) Pty Ltd v. Caltex Oil (Australia) Pty Ltd* (1985).

⁴ Law Reform Commission. Report on the Civil Law of Defamation (1991).

⁵ California Civil Code, § 3294 (1981).

⁶ Restatement (Second) of Torts (1979), § 908(2).

размера присуждаемых штрафных убытков; снижение шансов других потерпевших получить аналогичную компенсацию, что и первый истец (например, в случае массового распространения дефектной продукции и большого количества пострадавших); риск доведения до банкротства ответчика и негативные последствия для экономики в целом. Так, в деле *Pennzoil Co. v. Texaco (1987)* с ответчиком, в связи с неправомерным вмешательством в договорные отношения, были взысканы штрафные убытки в сумме 3 млрд долл., наряду с упущеной выгодой из-за несостоявшейся сделки в размере 7,53 млрд долл. После объявления вердикта ответчик инициировал процедуру собственного банкротства. Предприниматели называли штрафные убытки случайной удачей для потребителя (*smart money, windfall*¹), средством наживы для юристов и стимулом к сутяжничеству [30, с. 140–145].

В свою очередь в доктрине ключевыми стали вопросы о том, насколько совместимы штрафные убытки с общепринятым делением права на частное и публичное и корректно ли привлекать лицо к фактически публичной ответственности, не обеспечив ему должные гарантии судебной защиты (надлежащую процедуру, презумпцию невиновности, стандарт доказывания на уровне *beyond reasonable doubt*²). Ряд американских ученых и вовсе усматривают в штрафных убытках угрозу конституционному строю США [35, с. 1117, 1119].

Комиссия по реформированию права не могла проигнорировать данные замечания. Часть из них, по мнению Комиссии, не являлась бесспорной. Например, деление права на частное и публичное никогда и ни в какой правовой системе не было строгим (герметичным). Гораздо лучше признать эту реальность и определить четкие параметры применения публично-правовых средств в гражданском праве. В заключительной части доклада о штрафных убытках (1988) были сформулированы предложения, направленные на устранение или смягчение отрицательных аспектов данной санкции: 1) о необходимости учета совокупности факторов при определении размера штрафных убытков (степени вины ответчика, суммы взысканных компенсаторных убытков, включая увеличенные³; финансового положения ответчика); 2) о невозможности взыскания штрафных

убыток в случае, если ответчик уже был привлечен к административной или уголовной ответственности в форме штрафа за то же правонарушение (недопущение двойной ответственности); 3) о предпочтительности использования повышенного, в сравнении с обычным для гражданских дел, стандарта доказывания – *clear and convincing evidence*⁴, распространенного в практике судов США при рассмотрении исков о взыскании штрафных убытков⁵. В части риска избыточного обогащения одного потерпевшего и недоступности аналогичных выплат другим истцам Комиссия не пришла к единому выводу. С одной стороны, было справедливо замечено, что основной целью присуждения штрафных убытков является превенция, а не компенсация причиненного вреда, поэтому достаточно однократного взыскания значительной суммы с ответчика (в пользу первого истца). С другой стороны, Комиссия оставила открытым для обсуждения вариант сплит-системы, при которой присужденные штрафные убытки (либо их часть) направляются в бюджет или специальные компенсационные фонды для потерпевших.

В сравнении с другими странами Содружества, в США суммы взыскиваемых штрафных убытков были высокими, если не сказать катастрофическими для ответчиков⁶, поэтому потребность в реформировании данного института для многих была очевидной [27, с. 609–610]. В деле *Gore v. BMW of North America Inc. (1996)*⁷ присяжные вынесли вердикт о взыскании с ответчика в пользу истца 4 тыс. долл. компенсаторных убытков и еще 4 млн долл. в качестве штрафных. Основанием послужили недобросовестные действия ответчика, который перед продажей перекрасил автомобиль и предложил его истцу в качестве нового. Верховный Суд Алабамы снизил размер штрафных убытков до 2 млн долл. Верховный Суд США пересмотрел и это решение, указав на чрезмерность присужденной суммы, и сформулировал следующие критерии: 1) степень предосудительности поведения ответчика; 2) наличие разумной взаимосвязи между размером компенсаторных и штрафных убытков; 3) сравнение штрафных убытков с административными или уголовными штрафами, налагаемыми за сопоставимое поведение. При повторном слушании дела Верховный Суд Алабамы снизил

¹ В пер. с англ. «манна небесная, неожиданная удача».

² В пер. с англ. «вне всякого сомнения». Данный высокий стандарт доказывания применяется в странах общего права при рассмотрении уголовных дел. В свою очередь для разрешения гражданских дел используется пониженный стандарт доказывания – *preponderance of the evidence* (преобладающей вероятности).

³ В частности, если сумма присужденных потерпевшему компенсаторных убытков уже сама по себе достаточна, чтобы обеспечить превентивный эффект, нет необходимости в дополнительном взыскании штрафных убытков. Комиссия не усмотрела необходимости в законодательном ограничении верхней планки штрафных убытков (*statutory caps*), поскольку это станет препятствием для учета вышеуказанных факторов, а в случае с состоятельным ответчиком – не обеспечит достаточный превентивный эффект.

⁴ В пер. с англ. «ясные и убедительные доказательства».

⁵ По состоянию на 2014 г. в законодательстве 35 штатов США установлен именно этот стандарт доказывания для требований о взыскании штрафных убытков [23, с. 342–343].

⁶ Например, в 1985 г. средний размер штрафных убытков в делах об ответственности производителя составил около 1 млн долл. [18, с. 4–5].

⁷ *BMW, Inc. v. Gore, 701 So. 2d 507 (Ala. 1997)*.

штрафные убытки до 50 тыс. долл., что соответствовало размеру самого строгого уголовного штрафа за сходное правонарушение и соотносилось с ранее вынесенными вердиктами по аналогичным делам. Вопрос о чрезмерности штрафных убытков и поиске какого-либо критерия их соотношения (*ratio*) с компенсаторными убытками в последующем неоднократно поднимался в Верховном Суде США¹.

В конечном итоге инициативу проведения реформ взяли на себя законодательные органы штатов. Несколько штатов исключили взыскание штрафных убытков в принципе (Небраска, Нью-Гэмпшир) либо ограничили их случаями, прямо указанными в законе (Луизиана, Массачусетс, Вашингтон). В оставшихся – штрафные убытки подверглись определенной регламентации. Основные тренды законодательных реформ: переход от абсолютной дискреции присяжных/судей в определении размера штрафных убытков к установленным в законе параметрам; направление части присужденных штрафных убытков на общеполезные цели – в бюджет соответствующего штата, специальные фонды для потерпевших, благотворительные организации [43, с. 115].

Размер штрафных убытков, как правило, ограничивается через фиксированные максимумы, кратность по отношению к компенсаторным убыткам и необходимость учета совокупности факторов (степень вины ответчика, наличие других потерпевших и пр.). В решении по делу *Gore v. BMW of North America, Inc.* Верховный Суд США указал, что невозможно установить точную пропорцию между штрафными и компенсаторными убытками, однако превышение показателя 10:1 (10 – штрафные, 1 – компенсаторные) должно вызывать сомнение в конституционности присуждаемой суммы. Таким образом, показатель 10:1 является верхним порогом штрафных убытков и служит ориентиром как для судей, так и для законодательных органов штатов. Например, в штате Колорадо штрафные убытки не могут превышать трехкратной суммы компенсаторных убытков, в штате Алабама – трехкратной суммы компенсаторных, но в любом случае не более 500 тыс. долл.

В ответ на сравнение штрафных убытков с легкими деньгами для истца некоторые штаты предусмотрели сплит-системы, то есть перечисление части штрафных убытков в бюджет либо специально созданные фонды для защиты пострадавших (например, получивших отравление асбестом). В штате Иллинойс доля штрафных убытков, которые взыскиваются в бюджет штата, определяется судьей, в штате Миссури – во всех случаях составляет 50 %, а в штате Джорджия применительно к делам о дефектной продукции – составляет 75 %. В некоторых штатах эти удержания образуют общие доходы бюджета, то есть обезличиваются, в других направляются на пополнение специальных фондов – для выплаты компенсаций пострадавшим [23, с. 345].

2. Штрафные убытки в других правовых системах

2.1. Страны континентальной Европы

Критическое восприятие штрафных убытков в немецкой доктрине

В странах континентальной Европы, в частности в Германии и Австрии, институт штрафных убытков (*Strafschadensersatz*) оценивается по большей части критически. Считается, что он размывает границу между частным и публичным правом. Современное правовое регулирование договорной и деликтной ответственности направлено на возмещение вреда (убытков) потерпевшему, в то время как функцию наказания правонарушителя выполняет уголовное законодательство [21, с. 75–76; 39, с. 185, 203]. Гражданско-правовые санкции, включая возмещение убытков, не могут иметь в качестве своей цели наказание ответчика.

Такова общепринятая позиция немецкой доктрины, которая воспроизводится в ведущих комментариях к Германскому гражданскому уложению (ГГУ), учебной литературе [43, с. 106–107]. Норма параграфа 249 ГГУ о том, что при возмещении ущерба потерпевший должен быть поставлен в положение, в котором он находился бы, если бы соответствующее обстоятельство не наступило, не изменилась за прошедшие 100 с лишним лет и по-прежнему рассматривается как закрепляющая компенсаторную основу гражданско-правовой ответственности. По словам проф. Коциоля, предотвращение какого-либо нежелательного поведения должно обеспечиваться за счет совершенствования норм уголовного и административного права. В свою очередь частное право должно строго придерживаться этого принципа, что потерпевший не может рассчитывать на случайные деньги (*windfall*) [26, с. 741–742]. Вместе с тем проф. Коциоль не исключает возможность наделения некоторых общественных ассоциаций правом на предъявление исков в интересах потерпевших о взыскании штрафных убытков и перечислении взысканных сумм в пользу публично-правовых образований, социальных фондов и т. п. [26, с. 762].

В свою очередь сторонники штрафных убытков справедливо отмечают, что в законодательстве Германии есть примеры санкций, который могут иметь сверхкомпенсационный (штрафной) эффект. Во-первых, это всем известный институт компенсации морального вреда, при расчете которой учитываются не только причиненные потерпевшему страдания, но и характер поведения ответчика, кратность посягательств, степень вины и пр. В пояснениях (*Motive*) к ГГУ отмечалось, что денежная компенсация за боль и страдания является своеобразным исключением из общего правила (компенсаторного принципа гражданской ответственности)², применение

¹ См., например: Philip Morris USA v. Williams (2007); Exxon Shipping Co. v. Baker (2008).

² Motive zu dem Entwurfe eines Bürgerlichen Gesetzbuches für das Deutsche Reich (BGB 1896), § 728 at 799.

данного способа защиты ограничено прямо указанными в законе случаями (§ 253 ГГУ). Во-вторых, часто ссылаются на ранее действовавшее положение параграфа 611-а ГГУ, устанавливающее запрет дискриминации при приеме на работу и санкцию за его нарушение: если работник не был принят на работу вследствие дискриминационного поведения работодателя, последний обязан был выплатить возмещение в пределах трехмесячного заработка, который мог бы получить соискатель работы¹. В-третьих, немецкое законодательство об интеллектуальной собственности, как правило, наделяет правообладателя возможностью выбора способов защиты – взыскать убытки, либо извлеченный ответчиком за счет неправомерных действий доход, либо возможный лицензионный сбор (в случае гипотетического соглашения с правообладателем). В последних двух случаях санкции не являются чисто компенсаторными.

Федеральный Верховный Суд Германии (*Bundesgerichtshof, BGH*) в 1992 году при рассмотрении вопроса об исполнимости решения суда Калифорнии в части взыскания штрафных убытков подтвердил сложившийся в доктрине негативный подход: в принудительном исполнении решения было отказано со ссылкой на его противоречие публичному порядку и чрезмерный размер штрафных убытков². В то же время в решении было отмечено, что штрафные убытки не могут рассматриваться как наказание в узком смысле слова (публичная санкция), поскольку присуждаются частному лицу³. Некоторые эксперты предполагают, что в условиях всё большей интернационализации позиция *BGH* в отношении исполнимости решений судов США о взыскании штрафных убытков может смягчиться, по крайней мере в случаях, когда сумма штрафных убытков не является слишком высокой [43, с. 160–161]. Другие, напротив, делают пессимистические прогнозы на этот счет,

указывая в качестве одной из причин то обстоятельство, что США до настоящего времени не ратифицировали Гаагскую Конвенцию о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским и торговым спорам (2019)⁴ [40, с. 149–150].

Штрафные убытки в законопроектах Франции по вопросам деликтной ответственности

В законодательстве Франции встречаются примеры частноправовых штрафов⁵. Поэтому совсем не удивительно, что штрафные убытки (*réparation exemplaire*) неоднократно включались в законопроекты по реформированию деликтного права: проект о внесении изменений в статью 1371 ФГК (*Catala Draft, 2005*), проект дополнения ФГК статьей 1386-25 (*Béteille Proposal, 2010*), проект Закона о деликтной ответственности (*Terré Tort Draft, 2011*). Законопроекты имели отличия в части сферы применения штрафных убытков, фигуры выгодополучателя и необходимости верхних значений штрафа, однако их разработчики были солидарны в том, что потребность в данной санкции существует. В качестве возможных оснований для присуждения штрафных убытков рассматривались умышленные посягательства (*faute délictuelle volontaire*) на личные права, а также намерение извлечь выгоду из правонарушения (*fautes lucratives*) [29, с. 259–276]. И хотя ни один из законопроектов не был реализован в части положений о штрафных убытках⁶, исследуемый институт всё еще обсуждается в доктрине как перспективный.

В свою очередь Кассационный суд Франции, отказывая в 2010 году в принудительном исполнении решения Верховного Суда Калифорнии в части взыскания штрафных убытков в размере 1,46 млн долл. США (по делу *Cornelison v. Chaney & Jaguars Cars*), указал, что хотя подобные убытки и не противоречат публичному порядку Франции, однако их

¹ «Потолок» в виде трехмесячного заработка был исключен из текста ГГУ, но лишь по той причине, что Европейский суд правосудия (ЕСЈ) посчитал его недостаточным стимулом для недобросовестных работодателей.

² Решением суда штата Калифорния в пользу истцы, подвергшейся сексуальному домогательству, были взысканы убытки в общей сложности 750 тыс. долл., из которых 150 тыс. долл. – в счет возмещения медицинских расходов, 200 тыс. долл. – в качестве компенсации за боль и страдания, оставшиеся 400 тыс. – штрафные убытки. Немецкий суд 1-й инстанции признал исполнимость указанного решения в полном объеме, суд апелляционной инстанции ограничил взыскание штрафных убытков суммой в 55 тыс. долл., а *BGH* и вовсе отказал в исполнимости решения в части взыскания штрафных убытков.

³ *BGHZ* 118, 312.

⁴ Convention of 2 July 2019 on the Recognition and Enforcement of Foreign Judgments in Civil or Commercial Matters (Hague). Конвенцию ратифицировали 27 государств – членов Евросоюза, а также Великобритания (в отношении Англии и Уэльса).

⁵ Например, в соответствии со статьей L. 442-4 Торгового кодекса Франции (*Code de commerce*) лицо, которое использует запрещенные законом деловые практики в отношениях с контрагентами, может быть присуждено к уплате гражданского штрафа (*amende civile*) в размере до 5 млн евро или трехкратной суммы дохода, извлеченного неправомерным путем. Текст кодекса (фр.). URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000038414263.

⁶ Примечательно, что институт штрафных убытков оказался востребованным во франкоязычной провинции Квебек (Канада), правовая система которой близка континентальному праву. Нормы о штрафных убытках содержатся в Хартии основных прав и свобод (1975), Гражданском кодексе (1991), Законе о защите потребителей. В соответствии со ст. 1621 Гражданского кодекса штрафные убытки присуждаются в случаях, прямо предусмотренных законом, при этом они не должны превышать величину, достаточную для выполнения превентивной функции. Чаще всего штрафные убытки присуждаются в контексте исков о защите прав потребителей: *Karine, v. Audi Canada Inc.* (2021); *Dollarama, Rona inc. and Lowe's, Metro inc., Costco, Giant Tiger, etc.* (2022). На сайте Службы по защите прав потребителей (<https://www.opc.gouv.qc.ca/en/consumer/punitive-damages/>) приведены примеры соответствующих судебных решений; в среднем штрафные убытки составляют около 1–2 тыс. канадских долларов.

сумма явно не пропорциональна реальным потерям потерпевшего¹.

Суды еще ряда стран ЕС (Испания, Греция) также придерживаются тезиса о том, что сами по себе штрафные убытки не противоречат их публичному порядку [13], однако в принудительном исполнении решения может быть отказано в случае чрезмерности взыскиваемой суммы².

Штрафные убытки в законодательстве ЕС и модельных актах частного права

Законодательство ЕС и модельные акты частного права (DCFR, PETL) не содержат явно выраженного запрета³ на применение санкций типа *punitive damages*, более того, предоставляют судьям определенную дискрецию в данном вопросе. В частности, пункт 32 Директивы ЕС № 864/2007 (Rome II) о праве, применимом к внедоговорным обязательствам⁴, допускает возможность для суда со ссылкой на противоречие публичному порядку или императивным нормам отказать в применении норм другого государства, предусматривающих взыскание сверхкомпенсационных санкций (*non-compensatory exemplary or punitive damages*) в явно избыточном размере. Иными словами, судебные решения о взыскании штрафных убыток не являются автоматически противоречащими публичному порядку. Исключается принудительное взыскание чрезмерных сумм. Этот (избирательный) подход, по мнению некоторых ученых, может со временем распространиться за пределы собственно вопросов выбора применимого права [30, с. 10–11].

2.2. Страны Азии

В Китае понятия «возмещение» и «компенсация», обозначающие действия должника, которые обеспечиваются государственным принуждением, определяются с помощью термина “赔偿, péicháng”. Несмотря на использование единого термина, в конкретных случаях и в паре с дополнительными словами эти понятия приобретают принципиальные различия. Например, “损失赔偿, sǔnshí péicháng” и “损害赔偿, sǔnhài péicháng” означают соответственно «возмещение убытков» и «возмещение вреда».

Китайский институт штрафных убытков – “惩罚性赔偿, chéngfáxìng péicháng” – означает не их возмещение, а выплату «штрафной компенсации» [5, с. 46, 290, 296, 303]. Перевод указанного института

как компенсации обусловлен следующими причинами. В китайском праве убытки включают ущерб, ликвидация которого означает восстановление имущественной сферы потерпевшего (кредитора). Компенсация, в отличие от возмещения убытков, применяется в случаях, когда объект нарушенных прав невозможно подвергнуть денежной оценке либо трудно установить такую оценку. Компенсация также используется в иных случаях, в частности, когда гражданское право выполняет функцию защиты слабых участников правоотношений. Очевидно, что компенсация может как превысить сумму убытков, так и, наоборот, не достичь их действительного размера. В отличие от своих коллег из стран Содружества, китайские ученые, например проф. Ван Лимин [48, с. 112–113], подчеркивают не столько превентивную функцию штрафной компенсации, сколько ее компенсаторный характер. Указанное свойство штрафной компенсации в законодательстве КНР отмечают и иностранные исследователи [24, с. 529].

Штрафная компенсация имеет относительно долгую историю в законодательстве КНР. Впервые норма о такой компенсации появилась в статье 47 Закона КНР «О деликтной ответственности» (2009). На изготовителя или продавца, осведомленных о недостатках товара и тем не менее продолжающих их производство или реализацию, в случае если вследствие недостатков был причинен вред жизни или существенный вред здоровью гражданина, могло быть наложено соответствующее денежное взыскание. В 2013 году аналогичная норма, но имеющая в качестве адресата ответственности лишь продавца, появилась в части 2 статьи 55 Закона КНР «О защите прав и интересов потребителей» (1993).

В дальнейшем рассматриваемая норма была перенесена из Закона о деликтной ответственности в статью 1207 Гражданского кодекса КНР (2020)⁵. В раздел 7 Кодекса, посвященный деликтной ответственности, были включены еще две нормы о взыскании штрафной компенсации: при нанесении вреда окружающей среде, при нарушении интеллектуальных прав. В первом случае основанием для присуждения штрафной компенсации являются умышленные противоправные действия делинквента, повлекшие существенные негативные последствия для окружающей среды (ст. 1232). Во втором случае должно иметь место существенное умышленное нарушение интеллектуальных прав потерпевшего при отягчающих обстоятельствах (ст. 1185). Аналогичные нормы, направленные на защиту субъектов авторских и

¹ Cass. 1e civ., 1 décembre 2010, n° 09-13303, (Epoux X – Rejet pourvoi c/CA Poitiers, 26 février 2009). Текст (фр.). URL: www.legifrance.fr.

² См., напр.: *Miller Import Corp. v. Alabastres Alfredo, S.L.*, STS, 13 November 2001 (Exequátur No. 2039/1999) (Spain)

³ Косвенно на недопустимость *punitive damages* указывает определение убытков в ст. 10:101 PETL – денежная выплата, направленная на компенсацию потерь потерпевшего и восстановление его имущественной сферы в исходное состояние, существовавшее до нарушения права.

⁴ Regulation (EC) № 864/2007 of the European Parliament and of the Council of 11 July 2007 on the law applicable to non-contractual obligations (Rome II).

⁵ С 1 января 2021 г., в связи с введением в действие ГК КНР, Закон о деликтной ответственности утратил силу.

патентных прав, были включены в ноябре и октябре 2020 года соответственно в Закон КНР «Об авторском праве» от 07.09.1990 и Закон КНР «О патентах» от 12.03.1984, с той лишь оговоркой, что для описания формы гражданско-правовой ответственности законодатель использовал термин «компенсация» 赔偿 (*péicháng*), а не «штрафная компенсация» 惩罚性赔偿. Указанные законы уточняют размер компенсации за нарушение авторского, патентного права и смежных прав. Она может составлять от двукратной до пятикратной суммы убытков, понесенных вследствие нарушения исключительного права.

Такая же компенсация 赔偿 (*péicháng*) (без прилагательного «штрафная») и в таком же размере, от двукратной до пятикратной суммы убытков, предусмотрена Законом КНР «О товарных знаках» от 23.08.1982 и Законом КНР «О противодействии недобросовестной конкуренции» 02.09.1993 применительно к нарушениям исключительного права на товарный знак и режима коммерческой тайны соответственно. Условием взыскания компенсации 赔偿 (*péicháng*) в указанных случаях является необходимость доказывания потерпевшим злонамеренного нарушения со стороны делинквента. В то же время в соответствии с ГК КНР, Законом об авторском праве и Законом о патентах потерпевшему достаточно доказать лишь умышленный характер нарушения авторского, смежного или патентного права. Полагаем, что обозначенная коллизия должна разрешаться в пользу специальных законов. Злонамеренный характер нарушения, в отличие от умысла, проявляется, в частности, во множественности нарушений, в совершении нарушения после вынесенного предупреждения.

Компенсация 赔偿 (*péicháng*), повторяющая признаки штрафной компенсации 惩罚性赔偿, признается и в иных случаях, предусмотренных законом [22, с. 351–352]. Например, согласно статье 70 Закона КНР «О туризме» от 25.04.2013 компенсация в размере от двукратной до трехкратной стоимости туристического продукта может быть взыскана в следующих случаях: причинение вреда здоровью туриста; одностороннее, в отсутствие соответствующей договоренности, оставление туриста в месте временного пребывания; другие существенные негативные последствия для туриста. В юридической литературе [46] и в судебной практике¹ компенсация 赔偿 (*péicháng*), сходная со штрафной компенсацией, может именоваться законной компенсацией (法定赔偿, *fǎdìng péicháng*).

В случаях, предусмотренных законом, поведение делинквента может повлечь взыскание не

только штрафной компенсации, но и дополнительной компенсации “增加赔偿 · zēngjiā péicháng”. Некоторые авторы приравнивают дополнительную компенсацию к штрафной [49, с. 14]. Данная компенсация впервые была упомянута в первоначальной редакции Закона КНР «О защите прав и интересов потребителей» (ст. 49) с целью наказания хозяйствующих субъектов, допускающих обман потребителей при продаже товаров или оказании услуг, и могла взыскиваться в размере двукратной стоимости товаров или услуг. В 2013 году норма о дополнительной компенсации была перенесена в часть 1 статьи 55 Закона «О защите прав и интересов потребителей», при этом максимальный размер компенсации был поднят до трехкратной стоимости товаров, а минимум установлен в сумме 500 юаней. Хотя с 2013 года Закон упоминает штрафную компенсацию 惩罚性赔偿 и дополнительную компенсацию 增加赔偿, их одновременное взыскание не допускается.

Дополнительная компенсация 增加赔偿 также известна Закону КНР «О безопасности продуктов питания» от 28.02.2009. Потерпевшие вправе требовать ее выплаты в размере, не превышающем десятикратной стоимости товара либо не превышающем трехкратной суммы убытков. При этом ее минимальный размер составляет 1000 юаней. Основанием для выплаты компенсации является производство продуктов питания, не соответствующих стандартам качества, либо продажа такого товара, если продавцу заведомо известно о его несоответствии указанным стандартам.

Условием присуждения дополнительной компенсации является исключительно умышленная вина делинквента (в отличие от штрафной компенсации), что подтверждается судебной практикой КНР [47, с. 104]. Кроме того, круг бенефициаров штрафной компенсации шире и включает в себя не только потребителей, но и коммерсантов и правообладателей интеллектуальных прав.

Общими чертами штрафной и дополнительной компенсаций является совокупность критериев, которые учитывают китайские суды при определении размера присуждаемой суммы: форма и степень вины ответчика и его материальное положение (чтобы исключить риск банкротства); негативный эффект действий ответчика для соответствующей социальной группы; объем извлеченного ответчиком дохода; факт применения к ответчику за те же действия уголовного и административного наказаний [33, с. 47; 44, с. 8].

Сходство системы карательных компенсаций в Китае и штрафных убытков в странах общего права заключается в их производном от возмещения

¹ 参见2020年4月23日的《北京市高级人民法院关于侵害知识产权及不正当竞争案件确定损害赔偿的指导意见及法定赔偿的裁判标准（一）》.

компенсаторных убытков характере. Вместе с тем китайская цивилистическая доктрина и правоприменительная практика допускают взыскание штрафной компенсации и в качестве удовлетворения основного требования – в случае защиты общественных интересов. Так, в деле *Guangdong Provincial Consumer Association v. Shi Weiqing & Hong Shaowen* истец в интересах неопределенного круга лиц просил обязать ответчиков принести публичные извинения и выплатить штрафную компенсацию в связи с установленными в приговоре суда по другому делу фактами продажи поддельной соли и несоответствия содержания йода в соли требованиям национального стандарта. Суд согласился с исковыми требованиями. Однако при этом указал, что штрафная компенсация подлежит зачету в счет штрафа как уголовного наказания, который был назначен обоим ответчикам по приговору. Также суд отметил, что штрафная компенсация, заявляемая в общественных интересах, должна зачисляться в бюджет¹. В решении по делу *People's Procuratorate of Wuxi City v. Chen* суд указал, что взысканные с ответчика штрафные убытки подлежат перечислению в пользу соответствующего фонда социальной защиты потребителей, а при отсутствии такового – в бюджет [44, с. 11]. Практика присуждения штрафных убытков в пользу пострадавшей социальной группы, то есть обезличенно, – это своеобразный ответ на критику о том, что штрафные убытки приводят к обогащению потерпевших.

Суды КНР всё еще с осторожностью присуждают штрафную и дополнительную компенсацию [45, с. 144–145], однако статистика заявлений потерпевшими соответствующих требований растет из года в год: 98 в 2015, 172 в 2016, 479 в 2017 и т. д. [22, с. 353].

Концепция *punitive damages* была использована законодателем **Южной Кореи** при обновлении Закона об ответственности за дефектную продукцию. Основанием для взыскания штрафных убытков являются злонамеренные действия изготовителя дефектной продукции, например, осознанный выпуск в обращение продукции, не соответствующей требованиям безопасности. Размер штрафных убытков может составлять до трехкратной величины компенсаторных убытков, что, по мнению корейских ученых, явно недостаточно для обеспечения должного превентивного эффекта [25, с. 2]. Конструкция штрафных убытков используется и в других законах Южной Кореи.

Нельзя не упомянуть и Гражданский кодекс **Филиппин** (1949), который уже с момента своего принятия содержал подробную регламентацию штрафных убытков². Штрафные убытки (*exemplary or*

corrective damages) могут быть присуждены истцу дополнительно к компенсации морального вреда, ликвидационным или компенсаторным убыткам, при этом выполняют функции общественного порицания и превенции (ст. 2229). Штрафные убытки не являются способом реализации/защиты субъективного права истца, поскольку лишь суд определяет, имеются ли основания для их присуждения (ст. 2233). Условия взыскания штрафных убытков зависят от контекста спора: в случае преступления необходимы отягчающие обстоятельства (ст. 2230), в иных деликтах – грубая неосторожность со стороны ответчика (ст. 2231), в договорных и квазидоговорных спорах – обман, злонамеренное или явно безответственное поведение (ст. 2232)³. Практика присуждения штрафных убытков в Филиппинах достаточно обширна. Суды мотивируют вывод о взыскании штрафных убытков необходимостью пресечения распространенных правонарушений, поддержания социальной справедливости. Какие-либо максимальные значения штрафных убытков законом не установлены, однако в соответствии с практикой Верховного Суда Филиппин сумма должна быть разумной и достаточной для оказания превентивного эффекта⁴.

3. Перспективы имплементации штрафных убытков в российское право

3.1. Штрафные (сверхкомпенсационные) санкции в гражданском законодательстве РФ: общий обзор

В отечественной литературе штрафные (сверхкомпенсационные) санкции, а также их отрицательные аспекты стали предметом обсуждения относительно недавно [3, с. 19–52; 6, с. 128–139; 9, с. 68–110; 12, с. 59–64]. В целом российская доктрина, подобно немецкой и австрийской, также исходит из компенсационной направленности мер гражданско-правовой ответственности [2, с. 611; 7, с. 217; 11, с. 234], что находит соответствующее отражение в законодательстве (ст. 15, ст. 1064 ГК РФ). При этом наблюдается более гибкое отношение к тому, что гражданско-правовые санкции могут выполнять и другие функции – наказания, специальной и общей превенции [1, с. 56–58]. Появление в гражданском законодательстве штрафных санкций российские ученые объясняют теми же причинами, что и их зарубежные коллеги: затруднительностью доказывания убытков при нарушении некоторых прав (личных немущественных, исключительных), потребностью в повышенной защите слабой стороны (потребителя,

¹ (2017) 粤01 民初386号. Текст (кит.) URL: <https://wenshu.court.gov.cn/website/wenshu/181107ANFZ0BXSK4/index.html?doId=8yAVIAKarbLkHa9Uj/sbU7mkSRy0W1UqHZKbgZNO5i5is+LceKw5WI3IS1ZgB82m4zQDnQFtcK+mgR+UzO+N42FzZthLu10uOVRpiXfgxDvcFPcCEIGeOkvnVkuFd2S>.

² Наличие института штрафных убытков в Гражданском кодексе Филиппин можно объяснить значительным влиянием США на правовую систему данного государства.

³ Текст кодекса (англ.). URL: <https://www.pinayjurist.com/wp-content/uploads/2021/01/Civil-Code-of-the-Philippines.pdf>.

⁴ См., например: Решение Верховного Суда Филиппин от 5 окт. 2011 г. по делу № 178321 (*People of the Philippines v. Conrado Laog*). Текст (англ.). URL: https://lawphil.net/judjuris/juri2011/oct2011/gr_178321_2011.html.

работника), необходимостью пресечения систематических (массовых) правонарушений [8, с. 319–320].

К санкциям, которые потенциально могут привести к сверхвозмещению на стороне потерпевшего, относят: штрафную неустойку и штраф за нарушение прав потребителя (п. 2 и п. 6 ст. 13 Закона о защите прав потребителей, соответственно), судебную неустойку (п. 1 ст. 308.3 ГК РФ), компенсацию за нарушение исключительных прав (п. 3 ст. 1252, ст. 1301, ст. 1406.1, п. 4 ст. 1515 ГК РФ) [9, с. 68–70]. И это лишь те случаи, когда возможность сверхвозмещения очевидна. Гипотетически, эффект сверхвозмещения может иметь место и при взыскании компенсации за причинение вреда окружающей среде – если размер компенсации будет рассчитываться по таксам и методикам (при отсутствии у ответчика утвержденного проекта рекультивационных и иных восстановительных работ на момент разрешения спора)¹, которые не всегда позволяют учитывать нюансы природного объекта, например наличие накопленного вреда или истощенность биоресурсов. Компенсация морального вреда при нарушении имущественных прав потерпевшего² также вызывает вопросы о правовой природе данной санкции – не скрывается ли за ней российский аналог штрафных убытков³? Аналогичное замечание можно сделать в адрес судебных решений о взыскании компенсации морального вреда при утрате или повреждении вещей, неимущественная ценность которых для потерпевшего далеко не очевидна (например, квартира)⁴.

Штрафные санкции долгое время ассоциировались лишь с дополнительным бременем для ответчика, при этом упускалась из виду их гибридная (частно-публичная) природа. В современной литературе обоснованно поставлен вопрос о необходимости дифференциации условий применения компенсаторных и штрафных санкций. В частности, если речь идет о взыскании штрафной неустойки за нарушение прав потребителя, предлагается учитывать степень вины ответчика⁵, продолжительность правонарушения и частоту допускаемых нарушений прав

потребителя [12, с. 63–64]. Действительно, в случае применения наказания акцент переносится с фигуры и имущественного положения потерпевшего на поведение правонарушителя.

Применительно к компенсации за нарушение исключительных прав на результаты творческой деятельности и средства индивидуализации Конституционный Суд РФ формирует практику, направленную на предотвращение случаев взыскания чрезмерных сумм и неоправданного обогащения потерпевшего. Так, в Постановлении от 24.07.2020 № 40-П Конституционный Суд РФ разъяснил, что положения пункта 3 статьи 1252 и пункта 4 статьи 1515 ГК РФ не могут трактоваться как исключающие право суда с учетом фактических обстоятельств конкретного дела снизить общий размер компенсации, если он многократно превышает величину причиненных правообладателю убытков и обстоятельства дела свидетельствуют, в частности, о том, что правонарушение совершило ответчиком впервые, не носило грубый характер и т. д. Идею поиска разумного баланса Конституционный Суд РФ развил в Постановлении от 14.12.2023 № 57-П, указав на необходимость учета аффилированности потерпевших (владельцев сходных товарных знаков, которые были неправомерно использованы), предъявивших к ответчику требование о взыскании компенсации.

В применении некоторых сверхкомпенсационных санкций действительно есть перегибы, в том числе избыточное финансовое давление на ответчика. Однако это не повод для их упразднения или замены штрафными убытками. Скорее, речь идет об уточнении условий их применения, а также создании некоторых корректирующих механизмов – подобных статье 333 ГК РФ, но позволяющих учитывать более широкий спектр обстоятельств, характеризующих ответчика. Соответствующие вопросы могут быть разрешены посредством разъяснений высших судебных инстанций. Лишь в сфере защиты прав потребителей обилие штрафных санкций и отсутствие четкой концепции их применения указывают на необходимость законодательной реформы.

¹ Об охране окружающей среды [Электронный ресурс]: Федер. закон от 10 янв. 2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 26.12.2024), п. 3 ст. 77, ст. 78. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Далее по тексту – Закон об охране окружающей среды. См. также: п. 12, 16 Обзора судебной практики по вопросам применения законодательства об охране окружающей среды (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24 июня 2022).

² Допускается лишь в случаях, предусмотренных законом (п. 2 ст. 1099 ГК РФ), например, при нарушении прав потребителя, трудовых прав.

³ В европейской доктрине обсуждается возможность использования института компенсации морального вреда (*pecuniary damage*) в целях стимулирования более сильного контрагента к надлежащему исполнению договорных обязательств: работодателя перед работником, страховщика перед страхователем и т. д. Как правило, соответствующая компенсация присуждается в случаях злоупотреблений со стороны более сильного контрагента [42, с. 375–377]. В российской литературе к основным функциям компенсации морального вреда, вне зависимости от контекста ее присуждения (умаление нематериальных благ или нарушение имущественных прав), относят компенсаторную функцию и функцию морального удовлетворения [4, с. 48–51].

⁴ См., например: кассационное Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25 апр. 2023 г. по делу № 7У-2446/2023.

⁵ Несмотря на общее правило п. 3 ст. 401 ГК РФ об ответственности лица, не исполнившего обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, независимо от вины.

3.2. Штрафные санкции за нарушение прав потребителя

Правовая природа компенсации морального вреда и штрафа, предусмотренных законодательством о защите прав потребителей¹

Законодательство о защите прав потребителей предусматривает целый арсенал штрафных (сверхкомпенсационных) санкций: штрафная неустойка, компенсация морального вреда, штраф за отказ удовлетворить законные требования потребителя в добровольном порядке. Существует ли риск ничем не оправданного обогащения потребителя? Вероятно, да, особенно в тех случаях, когда потребитель предъявляет несколько исков к ответчику в связи с одной и той же спорной ситуацией (например, о возврате стоимости некачественного товара, выплате неустойки, взыскании убытков в виде разницы в цене аналогичных товаров и т. д.), рассчитывая на взыскание штрафа по каждому делу. Испытывает ли ответчик избыточное финансовое давление? Абсолютно точно. Во-первых, применение всех вышеперечисленных санкций (за исключением компенсации морального вреда) не обусловлено наличием вины в действиях ответчика. Во-вторых, размер санкций не зависит от того, было ли применено к ответчику какое-либо административное или уголовное наказание в форме штрафа за то же правонарушение. Вполне возможна ситуация, когда предприниматель был подвергнут административному наказанию в виде штрафа (например, на основании ст. 14.8 Кодекса об административных правонарушениях РФ²) или аналогичному уголовному наказанию (например, на основании ст. 238 Уголовного кодекса РФ³ (далее – УК РФ)), после чего был удовлетворен гражданский иск потребителя к указанному предпринимателю и, соответственно, взыскан штраф в порядке пункта 6 статьи 13 Закона о защите прав потребителей.

В то же время нельзя сказать, что эти сверхкомпенсационные санкции эффективны в пресечении массовых правонарушений. Если сумма требований потребителя невелика, то и исчисленный из нее штраф также будет небольшим и не обеспечит

нужный превентивный эффект. Одному из авторов данной статьи удалось привлечь к ответственности крупнейшего провайдера услуг связи за недобросовестную деловую практику (изменение тарифного плана со ссылкой на совершение потребителем конкуренчных действий): на ответчика была возложена обязанность произвести перерасчет стоимости услуг, выплатить компенсацию морального вреда в размере 500 руб. и штраф в размере 250 руб.⁴ Подобное «наказание» вряд ли повлияет на дальнейшую деятельность провайдера. Примеры легко продолжить – навязывание потребителю дополнительных услуг⁵, изменение цены товара (услуги) в одностороннем порядке, предоставление недостоверной или неполной информации о потребительских свойствах товара и пр.

В силу статьи 15 Закона о защите прав потребителей моральный вред, причиненный потребителю вследствие нарушения его прав, подлежит компенсации причинителем вреда при наличии его вины. Это одно из исключений, санкционированных законом (п. 2 ст. 1099 ГК РФ). Поскольку сумма компенсации не зависит от размера причиненного потребителю имущественного вреда и понесенных убытков⁶, данная санкция имеет сверхкомпенсационный характер, так или иначе выполняет функции наказания, превенции. Возникает закономерный вопрос: как обеспечить справедливость наказания, какие обстоятельства следует принять во внимание при определении размера компенсации? Перечисленные в статьях 151 и 1101 ГК РФ критерии (характер физических и нравственных страданий, индивидуальные особенности потерпевшего) уместны при взыскании компенсации морального вреда за умаление нематериальных благ, однако их применимость в случае нарушения имущественных прав потребителя вызывает большие сомнения. Фактически суд может опираться лишь на степень вины ответчика, а также требования разумности и справедливости.

Разъясняя практику применения норм о компенсации морального вреда, Верховный Суд указал, что для взыскания компенсации морального вреда в пользу потребителя достаточно установить сам

¹ Проблемные аспекты штрафной неустойки за нарушение прав потребителя намеренно не освещаются авторами, поскольку ранее уже были предметом подобных исследований [6, с. 128–139; 12, с. 59–64].

² Размер штрафа в отношении юридического лица может составлять до 500 тыс. руб.

³ Размер штрафа может составлять до 500 тыс. руб.

⁴ См.: Решение Советского районного суда г. Красноярска от 14 сент. 2020 г. по делу № 2-2480/2020 (по иску Кратенко М. В. к ПАО «Ростелеком»). URL: https://sovet-krk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=105913986&delo_id=1540005&new=0&text_number=1.

⁵ См., например: Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25 нояб. 2022 г. № 88-20658 по иску Управления Роспотребнадзора в интересах С. к АО «Мегафон Ритейл» (навязанное программное обеспечение при продаже смартфона; сумма штрафа составила 7 тыс. руб.); Апелляционное определение Ленинского районного суда г. Мурманска от 16 нояб. 2017 г. № 11-65/17 по иску С. к ООО «T2 Мобайл» (подключение платных услуг и контента без согласия абонента; сумма штрафа составила 600 руб.).

⁶ Абз. 2 ст. 15 Закона о защите прав потребителей.

факт нарушения его имущественных прав¹. Иными словами, наличие физических и нравственных страданий у потребителя предполагается. Также рекомендовано исходить из предположения о вине ответчика в причинении морального вреда, пока не доказано обратное². Складывается абсурдная ситуация – на ответчика налагается наказание, которое гипотетически должно иметь воспитательный и превентивный эффект, однако правоприменитель опирается на одни лишь предположения – вместо повышенного стандарта доказывания. Верховный Суд РФ уделил пристальное внимание критериям определения размера компенсации морального вреда, однако не дифференцировал их применительно к нарушению нематериальных благ и имущественных прав потерпевшего (в частности, потребителя)³. Такой поверхностный подход к регулированию компенсации морального вреда при нарушении имущественных прав (в частности, потребителя) позволяет говорить о том, что речь идет о некой юридической фикции: физических и нравственных страданий у потребителя может и не быть (например, в силу незначительной стоимости спорного товара), но взыскать компенсацию необходимо. Возможно, этим объясняется практика присуждения потребителю символической компенсации в ситуациях, когда не установлен факт причинения вреда его здоровью. Так, расторгая договор купли-продажи некачественной мебели (при изготовлении которой использовались опасные вещества), суд взыскал в пользу истца компенсацию морального вреда в размере 2 тыс. руб., несмотря на длительное нахождение «токсичного» шкафа в квартире потребителя, уклонение ответчика от его вывоза. Отменяя судебные акты по делу, ВС РФ указал на заниженный размер компенсации⁴.

«Потребительский штраф» не всегда присуждался самому потребителю. До 2012 года штраф взыскивался в бюджет соответствующего муниципального образования⁵ и рассматривался многими как аналог административной санкции. В 2012 году, несмотря на отсутствие каких-либо изменений в редакции пункта 6 статьи 13 Закона РФ «О защите прав

потребителей», Верховный Суд РФ кардинально поменял свою позицию и указал на необходимость взыскания штрафа в пользу самого потребителя⁶. Такая резкая смена координат вызвала в литературе дискуссию о правовой природе потребительского штрафа – является он частноправовой или публично-правовой санкцией. Некоторые ученые тут же провели параллель между потребительским штрафом и известным общему праву институтом штрафных убытков [3, с. 40–41]. До настоящего времени точки в этой дискуссии не поставлена, о чем свидетельствует различная трактовка потребительского штрафа в постановлениях Конституционного Суда РФ – как самостоятельного вида ответственности (существующего наряду с гражданско-правовой)⁷ либо в качестве сверхкомпенсационной меры, которая применяется дополнительно к мерам гражданско-правовой ответственности компенсаторного характера (возмещение убытков, неустойка и пр.)⁸. Верховный Суд РФ приравнивает потребительский штраф к законной неустойке из чисто практических соображений – для обоснования возможности снижения размера штрафа по правилам статьи 333 ГК РФ⁹.

К сожалению, предметом анализа высших судебных инстанций стал лишь вопрос о том, кому присуждать потребительский штраф. С учетом сверхкомпенсационной, то есть отчасти публично-правовой, природы данной санкции следовало бы оценить и условия ее применения. В настоящее время штраф взыскивается во всех случаях удовлетворения исковых требований потребителя, «автоматически» (даже если истцом-потребителем не заявлено соответствующее требование) и неизбирательно. Наличие вины в действиях ответчика и форма вины не являются детерминирующими ни для присуждения штрафа, ни для определения его размера. Такой подход выглядит примитивным в сравнении с условиями присуждения штрафных убытков в странах общего права или штрафной компенсации 惩罚性赔偿 / компенсации 增加赔偿 в Китае, хотя и более удобным для правоприменителя. С другой стороны, отсутствие у судьи дискреции в решении соответствующих вопросов (присуждать ли штраф и в каком размере) значительно снижает превентивный потенциал данной санкции, не говоря уже об отказе от принципа индивидуализации наказания.

¹ См.: О практике применения судами норм о компенсации морального вреда: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 нояб. 2022 г. № 33. П. 3, 55 (далее – Постановление № 33).

² См.: п. 12 Постановления № 33.

³ См.: п. 26–30 Постановления № 33.

⁴ См.: Определение Верховного Суда РФ от 12 дек. 2023 г. № 5-КГ23-137-К2.

⁵ С учетом разъяснений в Обзоре законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за 4-й квартал 2006 г. (утв. 7 марта 2007 г.), вопрос 29.

⁶ См.: О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17. П. 46.

⁷ См., например: Определения Конституционного Суда РФ от 16 дек. 2010 г. № 1721-О-О, от 14 июля 2011 г. № 946-О-О, от 19 июля 2016 г. № 1566-О.

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 26 дек. 2024 г. № 59-П.

⁹ См., например: разъяснение в пункте 11 Обзора судебной практики по делам о защите прав потребителей, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 23 окт. 2024 г.

Право потребителя на безопасность продукции и штрафные убытки: сравнительный опыт США и Китая

Проводя параллели между штрафными санкциями в зарубежном и российском праве, нельзя не упомянуть об институте ответственности изготовителя за вред, причиненный дефектной продукцией (*product liability*). Уместны ли подобные санкции в рамках режима строгой (безвиновной) ответственности изготовителя?

США

В 70–80-х годах прошлого века институт штрафных убытков стал активно применяться судами США при разрешении споров о возмещении вреда, причиненного дефектными товарами. Эксперты обратили внимание на тот факт, что строгая ответственность является адекватным механизмом распределения риска в ситуациях, когда вред причиняется дефектной продукцией, выпущенной на рынок по неосторожности, однако принципы ответственности не приспособлены для противодействия тем изготовителям, которые осознанно распространяют дефектные товары и безразлично относятся к безопасности потребителей. Одни изготовители, даже будучи осведомленными об опасных свойствах своих товаров, не готовы потратить и доллар на снижение рисков для конечного потребителя. Другие поступают еще хуже, когда представляют в уполномоченные государственные органы сфальсифицированные отчеты об испытаниях продукции (например, лекарственных средств), а затем рекламируют ее как абсолютно безопасную и одобренную к применению. По словам проф. Оуэна, такие недобросовестные предприниматели должны понимать, что их ответственность может не исчерпываться одним лишь возмещением причиненного вреда [32, с. 1259–1260].

На основе анализа практики судов США за более чем 30-летний период проф. Оуэн выделил как минимум 4 категории потребительских споров, при разрешении которых жюри обычно присуждает потерпевшему штрафные убытки:

1) поведение изготовителя содержит признаки обмана (*fraudulent-type misconduct*), например: фальсификация результатов испытаний лекарственных препаратов для получения разрешения; намеренное введение потребителей в заблуждение относительно безопасности продукции в ходе рекламных кампаний: *Toole v. Richardson-Merrell Inc.* (1967); *Squibb & Sons, Inc. v. Stickney* (1974);

2) осознанное отступление изготовителя от стандартов безопасности при разработке и изготовлении товара: *Rosendin v. Avco Lycoming Div.* (1972);

3) явно недостаточное тестирование продукции, поверхностный контроль качества: *Smith v. Cessna Aircraft Co.* (1972); *Deemer v. A.H. Robins Co.* (1976);

4) бездействие изготовителя или продавца в части исправления дефектов, о которых им стало известно уже после выпуска товара в обращение, включая несвоевременное проведение отзывной кампании: *Hoffman v. Sterling Drug, Inc.* (1975); *Gillham v. Admiral Corp.* (1975) [32, с. 1329].

Для всех перечисленных выше форм ненадлежащего поведения характерна серьезная степень вины – умысел или как минимум грубая неосторожность. Присяжные учитывают и другие факторы, в том числе тяжесть причиненного потерпевшему вреда, масштаб происшествий с участием дефектной продукции, но уже, скорее, для определения размера штрафных убытков.

В деле *Toole v. Richardson-Merrell Inc.* потерпевшим удалось доказать факт причинения вреда здоровью (развитие катаракты глаза) вследствие побочных эффектов производимого ответчиком препарата (MER/29). Выяснилось, что ответчик подделал результаты нескольких испытаний препарата на животных и обманом путем получил разрешение Службы по контролю за безопасностью пищевой продукции и лекарственных средств (Food and Drug Administration, FDA). Зная о серьезных рисках для потребителей, ответчик на протяжении нескольких лет рекламировал свой препарат как абсолютно безопасный и не прекращал его продажу вплоть до момента конфискации по распоряжению FDA. Присяжные взыскали в пользу истца в счет возмещения причиненного вреда 175 тыс. долл., а также штрафные убытки в размере 500 тыс. долл. Председательствующий судья уменьшил сумму штрафных убытков до 250 тыс. долл.¹

В деле *Gillham v. Admiral Corp.* иск был предъявлен к производителю цветных телевизоров в связи с возгоранием пульта и причинением серьезных ожогов 75-летнему пользователю. Телевизионные пульты имели производственные дефекты, о чем было известно ответчику из заключения его инженеров. В течение 4 лет, предшествовавших пожару в доме истца, было еще 90 аналогичных происшествий, однако ответчик не только не инициировал отзывную компанию, но и всячески старался скрыть причины возгораний. Присяжные вынесли вердикт о взыскании в пользу истца 125 тыс. долл. компенсаторных убытков и 100 тыс. долл. штрафных².

Китай

В соответствии со статьей 1207 ГК КНР и частью 2 статьи 55 Закона о защите прав и интересов потребителей штрафная компенсация присуждается лишь при определенном типе нарушения – в случае причинения вреда жизни или здоровью потребителя (инвалидность 1-й или 2-й степени) вследствие таких недостатков товара, о которых изготовитель (продавец) знал, но скрывал и не предпринимал меры

¹ 251 Cal. App. '2d 689, 60 Cal. Rptr. 398 (1967).

² 523 F.2d 102 (6th Cir. 1975).

к отзыву товара из оборота. Иными словами, штрафная компенсация обеспечивает право потребителя на безопасность продукции. Данная компенсация может быть взыскана в размере, не превышающем двукратной суммы убытков потребителя.

Учитывая экстраординарность последствий, к которым может привести использование дефектной продукции, и наличие в уголовном¹ и административном законодательстве Китая соответствующих санкций за производство и реализацию дефектной продукции, можно констатировать незначительное количество гражданских дел о взыскании штрафной компенсации по данному основанию². Дополнительным сдерживающим фактором является то, что потерпевший (истец) для взыскания штрафной компенсации должен доказать ряд обстоятельств: наличие в товаре дефектов и их связь с вредом жизни или здоровью, осведомленность ответчика об опасных свойствах товара.

Штрафные убытки / штрафная компенсация не являются элементом строгой ответственности изготовителя, поскольку условия возмещения вреда потребителю (независимо от вины) и условия применения указанных штрафных санкций (при наличии серьезной степени вины) отличаются. Более того, при взыскании штрафных убытков невозможно применение всех тех доказательственных приемов, которые направлены на усиление процессуальной позиции потерпевшего³; стандарт доказывания соответствующего правонарушения со стороны ответчика, напротив, должен быть выше обычного. По указанным причинам штрафные убытки / штрафную компенсацию следует рассматривать как полезное дополнение к строгой ответственности изготовителя или как часть более общего института – права потребителя на безопасность продукции.

3.3. К вопросу о корректировке потребительского штрафа

Российское законодательство о защите прав потребителей перегружено штрафными санкциями. Потребитель в случае нарушения его прав может потребовать от ответчика выплаты штрафной неустойки, компенсации морального вреда и вдобавок ко всему – штрафа в размере 50 % от суммы

удовлетворенных требований. Дополнение данного списка штрафными убытками в еще большей степени нарушило бы баланс интересов предпринимателей и потребителей, поэтому оно неприемлемо.

Однако штрафные убытки (в той концепции, которая сложилась в общем праве) могли бы заменить собой одну или несколько из вышеперечисленных санкций. Имеются в виду компенсация морального вреда и потребительский штраф⁴. Обе эти санкции фактически выполняют одну и ту же функцию – наказания ответчика и предотвращения аналогичного поведения в будущем. При этом компенсация морального вреда нередко выглядит как «пародия» на защиту гражданских прав – в случае присуждения потребителю 500 руб. или еще меньшей суммы.

Лучшим решением было бы отказаться от идеи взыскания компенсации морального вреда при любых нарушениях прав потребителя. Компенсация морального вреда должна быть доступна лишь в тех случаях, когда нарушение имущественных прав потребителя сопряжено с умалением принадлежащих ему нематериальных благ либо когда из содержания обязательства следует, что его ненадлежащее исполнение причинит физические или нравственные страдания контрагенту (потребителю)⁵. Например, медицинская организация ненадлежащим образом выполняет пластическую операцию, необходимый потребителю косметический эффект не достигнут, в то же время вред его здоровью не нанесен. В подобной ситуации разумно наделить потребителя правом на компенсацию морального вреда. Присуждение компенсации морального вреда в целях усиления позиции слабой стороны (в частности, потребителя) и, соответственно, стимулирования сильной стороны к надлежащему исполнению договорных обязательств, даже в европейской доктрине рассматривается как некая экзотика, не всегда имеющая твердое нормативное основание [42, с. 345].

В свою очередь потребительский штраф должен быть преобразован – по модели *exemplary damages*: его применение необходимо сделать избирательным; обязательным условием его присуждения должна стать вина ответчика; следует исключить

¹ См., например: ст. 140, 146 Уголовного закона КНР.

² Если не принимать во внимание иски прокуроров и общественных организаций в защиту прав неопределенного круга потребителей (см. раздел 2.2 настоящей статьи).

³ Например, опровергимых презумпций дефектности товара или наличия причинной связи между выявленными дефектами и причиненным потребителю вредом. Соответствующие презумпции получили закрепление в тексте новой Директивы ЕС об ответственности производителя. См.: Directive (EU) 2024/2853 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2024 on liability for defective products and repealing Council Directive 85/374/EEC (Art. 9, Art. 10).

⁴ Избыточное применение штрафной неустойки может быть скорректировано при помощи ст. 333 ГК РФ, к тому же она имеет ограниченную область применения (случаи просрочки со стороны предпринимателя).

⁵ Близкая по смыслу норма содержится в п. 1 ст. 134 Обязательственно-правового закона Эстонии (*Law of Obligations Act, 26.09.2001*): требование о возмещении неимущественного вреда в связи с нарушением договорного обязательства может быть предъявлено только в том случае, если обязательство было направлено на удовлетворение определенного неимущественного интереса, и должник из обстоятельств заключения договора или его содержания должен был понимать, что нарушение обязательства может причинить неимущественный вред контрагенту. Текст закона (эст.). URL: <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/506112013011/consolide>.

риск двойной ответственности, то есть одновременного взыскания потребительского штрафа и наложения административного/уголовного наказания в виде штрафа. Также имеет смысл отказаться от текущей формулы расчета штрафа (50 % от суммы удовлетворенных требований) и предоставить большую дискрецию суду, в том числе для пресечения мелких, но массовых нарушений прав потребителей.

Менее удачным выглядит такой вариант, при котором положения статьи 15 Закона РФ «О защите прав потребителей» остаются без изменений, и компенсация морального вреда продолжает выполнять компенсаторную, карательную и превентивную функции одновременно. В таком случае во избежание дублирования наказаний и избыточной сверхкомпенсации необходимо максимально ограничить применение потребительского штрафа, например, наиболее вопиющими формами поведения ответчика (обман и иные умышленные действия в отношении потребителя, явное безразличие к безопасности потребителя) – путем внесения соответствующей оговорки в пункт 6 статьи 13 Закона РФ о защите прав потребителей¹. По примеру китайских коллег можно специально указать в законе (в одной из статей параграфа 3 гл. 59 ГК, а также в ст. 14 Закона о защите прав потребителей) на возможность взыскания штрафа в ситуации, когда вред жизни и здоровью потребителя был причинен недостатками товара, о которых ответчику было заведомо известно, однако он не предпринял своевременных мер к отзыву товара из обращения или иным образом не предупредил пользователей. В подобных случаях вина ответчика в форме умысла или грубой неосторожности уже не может предполагаться (со ссылкой на правила п. 2 ст. 401 или п. 2 ст. 1064 ГК РФ), а подлежит доказыванию истцом. От текущей формулы для расчета штрафа, как и в первом случае, целесообразнее отказаться и указать в законе совокупность критериев, в частности: степень вины ответчика и его материальное положение, соразмерность с административными и уголовными штрафами за сходные правонарушения, факт возмещения потерпевшему вреда (убыток) третьими лицами.

Проблема избыточного обогащения потребителя как в первом, так и во втором случае может быть решена через установление предельных значений штрафа, а также посредством направления части штрафа в бюджет соответствующего муниципального образования или в специальные фонды (благотворительные организации и пр.) для потерпевших.

¹ Мыслим и третий вариант, когда компенсация морального вреда за нарушение имущественных прав потребителя рассматривается с позиции исключительно карательной (стимулирующей) санкции, размер которой зависит от степени вины ответчика, его имущественного положения и пр. Иными словами, моральный вред превращается в некий частноправовой штраф. При подобном подходе не имеется политico-правовых оснований для сохранения в Законе о защите прав потребителей конструкции потребительского штрафа (п. 6 ст. 13).

² См.: ст. 78.2 Закона об охране окружающей среды.

³ Законодательство отдельных штатов США не является показателем общей тенденции.

⁴ В частности, лишь физические лица (граждане) могут быть субъектами уголовной ответственности по российскому праву.

Подобная практика существовала в России до 2012 года и, возможно, нуждалась лишь в некоторых усовершенствованиях. В частности, при взыскании штрафа в местный бюджет можно предусмотреть целевое использование соответствующих средств – подобно тому, как это сделано в отношении сумм возмещения экологического вреда².

Заключение

Известный общему праву институт штрафных убытков имеет запутанное происхождение и даже политическую подоплеку (в делах *Huckle v. Money, Wilkes v. Wood*), однако выдержал проверку временем. Ни одна из стран Содружества не отказалась от его использования³, хотя и подвергла определенным ограничениям.

Сложно спорить с аргументами сторонников жесткого разделения публичного и частного права о том, что штрафные убытки являются карательной санкцией (наказанием) и с трудом вписываются в привычную концепцию гражданско-правовой ответственности. Однако справедливы и контраргументы другой стороны о том, что публичное право не всегда адекватно реагирует на массовые, но малозначительные правонарушения или ограничено в части адресатов ответственности⁴, поэтому в некоторых случаях гражданские иски потерпевших или правозащитных организаций могут обеспечить лучший превентивный эффект. Доступность частноправового механизма защиты стимулирует самих потерпевших, в частности потребителей, к выявлению и пресечению соответствующей недобросовестной деловой практики.

Проф. Коциоль прав в том, что проблема неэффективности публично-правовых санкций должна разрешаться прежде всего путем совершенствования норм административного и уголовного права. Но соответствующие законодательные инициативы могут занимать значительное время, в течение которого недобросовестные субъекты будут продолжать извлекать выгоду из нарушения прав других лиц, не опасаясь серьезных имущественных последствий: навязывать потребителям в агрессивной форме не нужные им товары, распространять продукцию, не отвечающую требованиям безопасности, осуществлять транспортировку нефтепродуктов в неисправных судах и т. д. Для примера обратимся к статье 238 УК РФ, устанавливающей ответственность за производство либо сбыт товаров, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям

безопасности. В качестве наказания может быть наложен штраф в размере от 100 до 500 тыс. руб., который, скажем честно, не выглядит устрашающим. Кроме того, уголовное наказание не может быть применено к юридическому лицу, что не исключает вероятность продолжения им реализации опасных товаров (работ, услуг) уже при новом менеджменте, но под контролем прежних бенефициаров. О недостаточной эффективности уголовно-правовых санкций может свидетельствовать срез судебной практики по делам, связанным с травмированием детей и взрослых в развлекательных центрах с батутными ямами. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» по состоянию на июнь 2025 года выдает порядка 20 кассационных постановлений и 40 апелляционных – по гражданским делам о возмещении вреда здоровью и компенсации морального вреда, и в то же время не более 3–4 приговоров по статье 238 УК РФ в отношении руководителей и иных сотрудников батутных центров. В большинстве случаев уголовное наказание в виде лишения свободы было условным, а штраф не превышал 200 тыс. руб.¹

В подобных обстоятельствах существование штрафных санкций в частном праве кажется вполне закономерным явлением. Однако их гибридная (частно-публичная) правовая природа требует соответствующих «настроек», по аналогии с другими публичными санкциями, – точного описания оснований ответственности, включая форму вины ответчика, повышения стандарта доказывания в сравнении с обычно принятым при разрешении гражданских дел.

В гражданском законодательстве России штрафные (сверхкомпенсационные) санкции не являются редкостью. Функции наказания и превенции выполняют: штрафная неустойка, компенсация морального вреда, компенсация за нарушение исключительных прав и пр. И здесь нет места для инородной конструкции штрафных убытков. Скорее, следует довериться судебной практике, которая со временем обеспечит необходимый баланс интересов истца и ответчика. Однако в сфере потребительских отношений штрафные санкции представлены бессистемно, выполняют дублирующие функции, при этом условия их применения фактически ничем не отличаются от условий применения компенсаторных санкций (за исключением компенсации морального вреда, для взыскания которой по общему правилу необходима вина предпринимателя). С опорой на зарубежный опыт предлагаются два варианта реформирования норм Закона о защите прав потребителей, каждый из которых позволяет сохранить штраф в системе средств защиты прав потребителей, сделав его применение более справедливым и социально ориентированным.

Библиографический список

1. Богданов Д. Е. Триединая сущность справедливости в сфере деликтной ответственности // Журнал российского права. 2013. № 7. С. 49–62.
2. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая. Общие положения. М.: Статут, 2000. 848 с.
3. Будылин С. Л. Штрафные убытки. Теперь и в России? // Вестник гражданского права. 2013. Т. 13, № 4. С. 19–52.
4. Евстигнеев Э. А. Научно-практический комментарий к ст. 1099–1101 ГК о компенсации морального вреда // Цивилистика. 2022. № 5. С. 15–142.
5. Гражданский кодекс Китайской Народной Республики. М.: Проспект, 2024. 368 с.
6. Зардов Р. С. Об оправданности сохранения механизма законной штрафной неустойки на современном этапе // Закон. 2018. № 6. С. 128–139.
7. Иоффе О. С. Избранные труды: в 4 т. Т. 1. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Ответственность по советскому гражданскому праву. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 574 с.
8. Карапетов А. Г. Экономический анализ права. М.: Статут, 2016. 528 с.
9. Краснова С. А. Сверхкомпенсационная защита в российском гражданском праве: формы и пределы // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 1. С. 68–110.
10. Кузнецова О. А. В пользу кого взыскивается штраф, или Роль запятой в гражданском праве // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 18–19 ноября 2016 г.): сб. науч. ст.; отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М.: Статут, 2017. С. 247–253.
11. Ровный В. В. Проблемы единства российского частного права. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1999. 310 с.
12. Слесарев В. Л., Кравец В. Д. Штрафная неустойка как «сверхкомпенсационная» санкция и особенности ее применения в делах с участием потребителей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 3. С. 59–64.
13. Cavalier G. Punitive Damages and French Public Policy. Lyon Symposium. France, Lyon. 2007. URL: <https://univ-lyon3.hal.science/hal-00325829/document>.
14. Cunningham R. Should punitive damages be part of the judicial arsenal in contract cases? // Legal Studies. 2006. Vol. 26. № 3. Pp. 369–393. DOI:10.1111/j.1748-121X.2006.00016.x.
15. Cotchett J. W., Molumphy M. C. Punitive Damages: How Much Is Enough? // Civil Litigation Reporter. 1998. Vol. 20. Issue 1. URL: https://www.cpmlegal.com/publication-Punitive_Damages_How_Much_IsEnough.
16. Doecke A. Exemplary Damages: Retribution and Condemnation – The Purpose Controlling the Scope of

¹ См., например: кассационное Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 1 фев. 2023 г. № 77-678/2023; кассационное Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 3 фев. 2021 г. № 77-187/2021.

- the Exemplary Damages Award // *Adelaide Law Review*. 2017. Vol. 38. Pp. 87–112.
17. *Freifeld S.* The Rationale of Punitive Damages // *Ohio St. L.J.* 1935. Vol. 1. Pp. 5–11.
 18. *Galanter M.* The Day after the Litigation Explosion // *Maryland Law Review*. 1986. Vol. 46. Issue 3. Pp. 3–39.
 19. *Gotanda J. Y.* Punitive Damages: A Comparative Analysis // *Columbia Journal of Transnational Law*. 2003. Vol. 42. Pp. 391–444.
 20. *Jaffey P.* The Law Commission Report on Aggravated, Exemplary and Restitutionary Damages // *Modern Law Review*. 1998. Vol. 61. Issue 6. Pp. 860–869.
 21. *Jansen N., Rademacher L.* Punitive Damages in Germany // *Punitive Damages: Common Law and Civil Law Perspectives* / Helmut Koziol and Vanessa Wilcox (eds.). Vienna, 2009. Pp. 75–86.
 22. *Janssen A. U., Wang J.* Punitive damages under the new Chinese Civil Code. A critical and comparative analysis // *Asia Pacific Law Review*. 2021. Vol. 29. Issue 2. Pp. 346–365. DOI: 10.1080/10192557.2022.2033087.
 23. *Jonson V. R.* Punitive Damages, Chinese Tort Law, and the American Experience // *Frontiers of Law in China*. 2014. Vol. 9. Issue 3. Pp. 321–358.
 24. *Kelley J. E.* Seeking Justice for Pollution Victims in China: Why China Should Amend the Tort Liability Law to Allow Punitive Damages in Environmental Tort Cases // *Seattle University Law Review*. 2012. Vol. 35. Pp. 527–557.
 25. *Kim M.* Improving the Effectiveness of South Korean Product Liability Including Punitive Damages: A Comparative Analysis Between the United States and South Korea (2017). Theses and Dissertations. 72 p.
 26. *Koziol H.* Punitive Damages – A European Perspective // *Louisiana Law Review*. 2008. Vol. 68. Issue 3. Pp. 741–764.
 27. *Lens J. W.* Punishing for the Injury: Tort Law's influence in Defining the Constitutional Limitations on Punitive Damage Awards // *Hofstra Law Review*. 2011. Vol. 39. Pp. 595–644.
 28. *Maher F.* An Empirical Study of Exemplary Damages in Australia // *Melbourne University Law Review*. 2019. Vol. 43. Issue 2. Pp. 694–747.
 29. *Mahé Ch. B. P.* Punitive Damages in the Competing Reform Drafts of the French Civil Code // *The Power of Punitive Damages. Is Europe Missing Out?* / L. Meurkens & E. Nordin (eds.). Intersentia, 2012. Pp. 259–282.
 30. *Nagy C. I.* Recognition and Enforcement of US Judgments Involving Punitive Damages in Continental Europe // *Nederlands Internationaal Privaatrecht*. 2012. Vol. 30. № 1. Pp. 1–11.
 31. *Olson W. K.* The Litigation Explosion: What Happened When America Unleashed the Lawsuit. Truman Talley Books, 1991. 388 p.
 32. *Owen D. G.* Punitive Damages in Products Liability Litigation // *Michigan Law Review*. 1976. Vol. 74. Issue 7. Pp. 1257–1371.
 33. *Qu H.* The Current Application and Optimization Suggestions of the Punitive Damages System in China // *Proceedings of ICILLP 2024 Workshop: Turkey's Current Corruption Situation: Laws, Economic Impact and Government Analysis*. 2024. Vol. 66. Pp. 43–52. DOI: 10.54254/2753-7048/66/2024MU0010.
 34. *Robinson M. P., Kane G. H. B.* Punitive Damages in Product Liability Cases // *PePP. L. Rev.* 1978. Vol. 6. Issue 1. Pp. 139–148.
 35. *Sales J. B., Cole K. B.* Punitive Damages: A Relic that Has Outlived Its Origins // *Vanderbilt Law Review*. 1984. Vol. 37. Pp. 1117–1172.
 36. *Sales J. B.* The Emergence of Punitive Damages in Product Liability Actions: A Further Assault on the Citadel // *ST. MARY'S L.J.* 1982. Vol. 14. Issue 2. Pp. 351–404.
 37. *Schuster R. D.* Punitive Damages Awards in Strict Products Liability Litigation: The Doctrine, the Debate, the Defenses // *Ohio State Law Journal*. 1981. Vol. 42. Issue 3. Pp. 771–796.
 38. *So J.-S., Song J.-E.* Product Liability in Korea // *Product Liability: Fundamental Questions in a Comparative Perspective*. Berlin; Boston: De Gruyter, 2018. Pp. 80–96.
 39. *Tolani M.* U.S. Punitive Damages before German Courts: Comparative Analysis with Respect to the Ordre Public // *Annual Survey of International and Comparative Law*. 2011. Vol. 17. Pp. 183–207.
 40. *Ungerer J.* German Law's Dilemma with Punitive Damages: German Federal Court of Justice, Judgment of 4 June 1992, Case IX ZR 149/91 (BGHZ 118, 312) // *J. Goudkamp; E. Katsampouka* (eds); *Landmark Cases in the Law of Punitive Damages* (Hart 2023). Pp. 129–150. DOI:10.5040/9781509967032.ch-007.
 41. *Vanleenhove C.* Punitive Damages and European Law: Quo Vademos? // *The Power of Punitive Damages. Is Europe Missing Out?* Intersentia, 2012. Pp. 337–353.
 42. *Verheij A. J.* Compensation for non-material damage. Academic dissertation to obtain the degree of doctor. Free University of Amsterdam. 2002. 622 p.
 43. *Volker B.* Punitive Damages in American and German Law – Tendencies towards Approximation of Apparently Irreconcilable Concepts // *Chicago-Kent Law Review*. 2003. Vol. 78. Issue 1. Pp. 105–161.
 44. *Zhang X., Wang Y.* Punitive damages in consumer public interest litigation in China: an empirical study // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2023. Vol. 10. Pp. 1–14. DOI: 10.1057/s41599-023-01985-4.
 45. 陈丽平：《外国惩罚性赔偿判决承认与执行问题研究》，博士学位论文，武汉，中南财经政法大学，2017，198页。
 46. 黄璞志：《民法典惩罚性赔偿条款在知识产权侵权领域的规范冲突与解决》。URL: <https://aiqicha.baidu.com/qifuknowledge/detail?id=10119409798>.
 47. 税兵：《惩罚性赔偿的规范构造——以最高人民法院第23号指导性案例为中心》，载《法学》2015年第4期，第98-108页。

48. 王利明: 《惩罚性赔偿制度研究》, 载《中国社会科学》2000年第4期, 第112-122页。
49. 吴心怡: 《<民法典>背景下惩罚性赔偿制度研究》, 硕士学位论文, 延安, 延安大学, 2024, 43页。

References

1. Bogdanov D. E. *Triedinaya sushchnost' spravedlivosti v sfere deliktnoy otvetstvennosti* [The True Essence of Justice in Tort Liability]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 2013. Issue 7. Pp. 49–62. (In Russ.).
2. Braginskiy M. I., Vitryanskiy V. V. *Dogovornee pravo. Kniga pervaya. Obshchie polozheniya* [Law of Contracts. Book One. General Provisions]. Moscow, 2000. 848 p. (In Russ.).
3. Budylin S. L. *Shtrafnye ubytki. Teper' i v Rossii?* [Punitive Damages. Now in Russia, too?]. *Vestnik grazhdanskogo prava – Civil Law Review*. 2013. Vol. 13. Issue 4. Pp. 19–52. (In Russ.).
4. Evstigneev E. A. *Nauchno-prakticheskiy kommentariy k st. 1099–1101 GK o kompensatsii moral'nogo vreda* [Scientific and Practical Commentary on Articles 1099–1101 of the Civil Code on Compensation for Moral Harm]. *Tsivilistika – Science of Civil Law*. 2022. Issue 5. Pp. 15–142. (In Russ.).
5. Grazhdanskiy kodeks Kitayskoy Narodnoy Respubliky [Civil Code of the People's Republic of China]. Moscow, 2024. 368 p. (In Russ.).
6. Zardov R. S. *Ob opravdannosti sokhraneniya mekhanizma zakonnoy shtrafnoy neustoyki na sovremennom etape* [On the Justification of Statutory Penalty Preservation at the Present Stage]. *Zakon – Law*. 2018. Issue 6. Pp. 128–139. (In Russ.).
7. Ioffe O. S. *Izbrannye trudy* [Selected Works: in 4 vols]. Vol. 1. *Pravootnoshenie po sovetskому grazhdanskому pravu. Otvetstvennost' po sovetskому grazhdanskому pravu* [Legal Relationship under Soviet Civil Law. Liability under Soviet Civil Law]. St. Petersburg, 2003. 574 p. (In Russ.).
8. Karapetov A. G. *Ekonomicheskiy analiz prava* [Economic Analysis of Law]. Moscow, 2016. 528 p. (In Russ.).
9. Krasnova S. A. *Sverkhkompensatsionnaya zashchita v rossiyskom grazhdanskom prave: formy i predely* [Overcompensatory Protection in Russian Civil Law: Forms and Limits]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii – Herald of Economic Justice*. 2020. Issue 1. Pp. 68–110. (In Russ.).
10. Kuznetsova O. A. *V pol'zu kogo vzyskivaetsya shtraf, ili rol' zapyatoy v grazhdanskom prave* [Who Is Awarded a Fine, or the Role of the Comma in Civil Law]. *Sed'moy Permskiy kongress uchenykh-yuristov* [The Seventh Perm Congress of Legal Scientists (Perm, 2016, November 18-19): a collection of scientific articles]. Ed. by V. G. Golubtsov, O. A. Kuznetsova. Moscow, 2017. Pp. 247–253. (In Russ.).
11. Rovnyy V. V. *Problemy edinstva rossiyskogo chastnogo prava* [Problems of the Unity of Russian Private Law]. Irkutsk, 1999. 310 p. (In Russ.).
12. Slesarev V. L., Kravets V. D. *Shtrafnaya neustoyka kak «sverkhkompensatsionnaya» sanktsiya i osobennosti ee primeneniya v delakh s uchastiem potrebitelyey* [Punitive Penalty as an 'Overcompensation' Sanction and Features of Its Application in Cases Involving Consumers]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2022. Issue 3. Pp. 59–64. (In Russ.).
13. Cavalier G. Punitive Damages and French Public Policy. Lyon Symposium. France, Lyon, October 4-5, 2007. Available at: <https://univ-lyon3.hal.science/hal-00325829/document>. (In Eng.).
14. Cunningham R. Should Punitive Damages Be Part of the Judicial Arsenal in Contract Cases? *Legal Studies*. 2006. Vol. 26. Issue 3. Pp. 369–393. DOI: 10.1111/j.1748-121X.2006.00016.x. (In Eng.).
15. Cotchett J. W., Molumphy M. C. Punitive Damages: How Much Is Enough? *Civil Litigation Reporter*. 1998. Vol. 20. Issue 1. Available at: https://www.cpm-legal.com/publication-Punitive_Damages_How_Much_IsEnough. (In Eng.).
16. Doecke A. Exemplary Damages: Retribution and Condemnation – The Purpose Controlling the Scope of the Exemplary Damages Award. *Adelaide Law Review*. 2017. Vol. 38. Pp. 87–112. (In Eng.).
17. Freifeld S. The Rationale of Punitive Damages. *Ohio St. L.J.* 1935. Vol. 1. Pp. 5–11. (In Eng.).
18. Galanter M. The Day after the Litigation Explosion. *Maryland Law Review*. 1986. Vol. 46. Issue 3. Pp. 3–39. (In Eng.).
19. Gotanda J. Y. Punitive Damages: A Comparative Analysis. *Columbia Journal of Transnational Law*. 2003. Vol. 42. Pp. 391–444. (In Eng.).
20. Jaffey P. The Law Commission Report on Aggravated, Exemplary and Restitutionary Damages. *Modern Law Review*. 1998. Vol. 61. Issue 6. Pp. 860–869. (In Eng.).
21. Jansen N., Rademacher L. Punitive Damages in Germany. In: Koziol H., Wilcox V. (eds.) *Punitive Damages: Common Law and Civil Law Perspectives*. Vienna, 2009. Pp. 75–86. (In Eng.).
22. Janssen A. U., Wang J. Punitive Damages under the New Chinese Civil Code. A Critical and Comparative Analysis. *Asia Pacific Law Review*. 2021. Vol. 29. Issue 2. Pp. 346–365. DOI: 10.1080/10192557.2022.2033087. (In Eng.).
23. Jonson V. R. Punitive Damages, Chinese Tort Law, and the American Experience. *Frontiers of Law in China*. 2014. Vol. 9. Issue 3. Pp. 321–358. (In Eng.).
24. Kelley J. E. Seeking Justice for Pollution Victims in China: Why China Should Amend the Tort Liability Law to Allow Punitive Damages in Environmental Tort Cases. *Seattle University Law Review*. 2012. Vol. 35. Pp. 527–557. (In Eng.).

25. Kim M. Improving the Effectiveness of South Korean Product Liability Including Punitive Damages: A Comparative Analysis Between the United States and South Korea. *Maurer Theses and Dissertations*. 2017. No. 47. 72 p. Available at: <https://www.repository.law.indiana.edu/etd/47/>. (In Eng.).
26. Koziol H. Punitive Damages – A European Perspective. *Louisiana Law Review*. 2008. Vol. 68. Issue 3. Pp. 741–764. (In Eng.).
27. Lens J. W. Punishing for the Injury: Tort Law's Influence in Defining the Constitutional Limitations on Punitive Damage Awards. *Hofstra Law Review*. 2011. Vol. 39. Pp. 595–644. (In Eng.).
28. Maher F. An Empirical Study of Exemplary Damages in Australia. *Melbourne University Law Review*. 2019. Vol. 43. Issue 2. Pp. 694–747. (In Eng.).
29. Mahé Ch. B. P. Punitive Damages in the Competing Reform Drafts of the French Civil Code. In Meurkens L., Nordin E. (eds.) *The Power of Punitive Damages. Is Europe Missing Out?* Intersentia, 2012. Pp. 259–282. (In Eng.).
30. Nagy C. I. Recognition and Enforcement of US Judgments Involving Punitive Damages in Continental Europe. *Nederlands Internationaal Privaatrecht*. 2012. Vol. 30. Issue 1. Pp. 1–11. (In Eng.).
31. Olson W. K. *The Litigation Explosion: What Happened When America Unleashed the Lawsuit*. Truman Talley Books, 1991. 388 p. (In Eng.).
32. Owen D. G. Punitive Damages in Products Liability Litigation. *Michigan Law Review*. 1976. Vol. 74. Pp. 1257–1371. (In Eng.).
33. Qu H. The Current Application and Optimization Suggestions of the Punitive Damages System in China. *Proceedings of ICILLP 2024 Workshop: Turkey's Current Corruption Situation: Laws, Economic Impact and Government Analysis*. 2024. Vol. 66. Pp. 43–52. DOI: 10.54254/2753-7048/66/2024MU0010. (In Eng.).
34. Robinson M. P., Kane G. H. B. Punitive Damages in Product Liability Cases. *PePP. L. Rev.* 1978. Vol. 6. Issue 1. Pp. 139–148. (In Eng.).
35. Sales J. B., Cole K. B. Punitive Damages: A Relic that Has Outlived Its Origins. *Vanderbilt Law Review*. 1984. Vol. 37. Pp. 1117–1172. (In Eng.).
36. Sales J. B. The Emergence of Punitive Damages in Product Liability Actions: A Further Assault on the Citadel. *ST. MARY'S L. J.* 1982. Vol. 14. Issue 2. Pp. 351–404. (In Eng.).
37. Schuster R. D. Punitive Damages Awards in Strict Products Liability Litigation: The Doctrine, the Debate, the Defenses. *Ohio State Law Journal*. 1981. Vol. 42. Issue 3. Pp. 771–796. (In Eng.).
38. So J.-S., Song J.-E. Product Liability in Korea. *Product Liability: Fundamental Questions in a Comparative Perspective*. Berlin; Boston: De Gruyter, 2018. Pp. 80–96. (In Eng.).
39. Tolani M. U.S. Punitive Damages before German Courts: Comparative Analysis with Respect to the Ordre Public. *Annual Survey of International and Comparative Law*. 2011. Vol. 17. Pp. 183–207. (In Eng.).
40. Ungerer J. German Law's Dilemma with Punitive Damages: German Federal Court of Justice, Judgment of 4 June 1992, Case IX ZR 149/91 (BGHZ 118, 312). In Goudkamp J., Katsampouka E. (eds.) *Landmark Cases in the Law of Punitive Damages*. Hart, 2023. Pp. 129–150. DOI:10.5040/9781509967032.ch-007. (In Eng.).
41. Vanleenhove C. Punitive Damages and European Law: Quo Vademus? In Meurkens L., Nordin E. (eds.) *The Power of Punitive Damages. Is Europe Missing Out?* Intersentia, 2012. Pp. 337–353. (In Eng.).
42. Verheij A. J. *Compensation for Non-Material Damage*. Academic dissertation to obtain the degree of doctor. Free University of Amsterdam, 2002. 622 p. (In Eng.).
43. Volker B. Punitive Damages in American and German Law – Tendencies towards Approximation of Apparently Irreconcilable Concepts. *Chicago-Kent Law Review*. 2003. Vol. 78. Issue 1. Pp. 105–161. (In Eng.).
44. Zhang X., Wang Y. Punitive Damages in Consumer Public Interest Litigation in China: An Empirical Study. *Humanities and Social Sciences Communications*. 2023. Vol. 10. Pp. 1–14. DOI: 10.1057/s41599-023-01985-4. (In Eng.).
45. Chen L. *Waiguo chengfaxing peichang panjue chengren yu zhixing wenti yanjiu* [A Study on the Recognition and Enforcement of Foreign Judgments on Punitive Damages]. Doctoral Thesis. Wuhan, Zhongnan University of Economics and Law, 2017. 198 p. (In Chin.).
46. Huang P. *Minfadian chengfaxing peichang tiaokuan zai zhishichanquan qinquan lingyu de guifan chongtu yu jie jue* [Legal Conflicts in the Provisions of the Civil Code on Punitive Damages Related to Intellectual Rights Violations and the Overcoming of Such Conflicts]. Available at: <https://aiqicha.baidu.com/qifuknowledge/detail?id=10119409798>. (In Chin.).
47. Shui B. *Chengfaxing peichang de guifan gouzao – yi zuigao renmin fayuan di 23 hao zhidaoxing anli wei zhongxin* [The Normative Structure of Punitive Compensation – Based on the Guiding Case No. 23 of the Supreme People's Court]. *Jurisprudence*. 2015. Vol. 2015. Pp. 98–108. (In Chin.).
48. Wang L. *Chengfaxing peichang zhidu yanjiu* [Research on the Punitive Damages System]. *Zhongguo shehui kexue – Chinese Social Sciences*. 2000. Issue 4. Pp. 112–122. (In Chin.).
49. Wu X. *Minfadian beijingxia chengfaxingpeichang zhidu yanjiu* [Research on the Punitive Compensation System From the Perspective of the Civil Code]. Master Thesis. Yan'an, Yan'an University, 2024. 43 p. (In Chin.).

Информация об авторах:

М. В. Кратенко

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права
Санкт-Петербургский государственный университет
199106, Россия, г. Санкт-Петербург, 22-я линия В.О., 7

ORCID: 0000-0002-6583-0588
ResearcherID AAS-7459-2020

Статьи в БД Scopus / Web of Science:

DOI: 10.17072/1995-4190-2020-50-762-786
DOI: 10.17072/1995-4190-2021-54-766-789
DOI: 10.21638/spbu14.2021.213
DOI: 10.21638/spbu14.2022.310
DOI: 10.4337/apjel.2022.01.01

Е. А. Ербахаев

Доктор права
Китайский политико-правовой университет
100088, КНР, г. Пекин, ул. Ситучен, 25

Адвокат, советник
Адвокатское бюро «Казаков и партнеры»
101000, Москва, Лялин переулок, 9, стр. 3

ORCID: 0000-0003-1332-6053
ResearcherID OCK-5386-2025

Статьи в БД Scopus / Web of Science:

DOI: 10.21638/spbu14.2019.213
DOI: 10.21638/spbu14.2021.213

About the authors:

M. V. Kratenko

St. Petersburg State University
7, 22 line, Vasilyevsky Ostrov, St. Petersburg, 199106,
Russia

ORCID: 0000-0002-6583-0588
ResearcherID AAS-7459-2020

Articles in Scopus / Web of Science:

DOI: 10.17072/1995-4190-2020-50-762-786
DOI: 10.17072/1995-4190-2021-54-766-789
DOI: 10.21638/spbu14.2021.213
DOI: 10.21638/spbu14.2022.310
DOI: 10.17116/sudmed20236601159
DOI: 10.17116/sudmed20226501162
DOI: 10.4337/apjel.2022.01.01

E. A. Erbakhaev

China University of Political Science and Law
25, Xitucneng st., Beijing, 100088, PRC

Kazakov & Partners Attorneys at Law
9, bld. 3, Lyalin pereulok, Moscow, 101000, Russia

ORCID: 0000-0003-1332-6053
ResearcherID OCK-5386-2025

Articles in Scopus / Web of Science:

DOI: 10.21638/spbu14.2019.213
DOI: 10.21638/spbu14.2021.213

IV. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Информация для цитирования:

Килина И. В. Прокурор в состязательном уголовном процессе: комбинаторика proceduralных функций // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 4(70). С. 603–617. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-603-617.

Kilina I. V. *Prokurator v sostyazatel'nom ugolovnom protsesse: kombinatorika protsessual'nykh funktsiy* [The Prosecutor in Adversarial Criminal Proceedings: A Combinatorics of Procedural Functions]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2025. Issue 4(70). Pp. 603–617. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-603-617.

УДК 343.123.5

DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-603-617

Прокурор в состязательном уголовном процессе: комбинаторика proceduralных функций

И. В. Килина

Пермский государственный национальный исследовательский университет

E-mail: kilinairinav@gmail.com

Статья поступила в редакцию 13.10.2025

Введение: исторически обусловленная полиморфия proceduralных функций прокурора требует разрешения вопроса об определении природы и набора полномочий прокурора, поддерживавшего государственное обвинение в суде. Системный анализ норм уголовно-proceduralного закона и их конституционного истолкования обнажает проблему синкремичности действующего регулирования влияния прокурора на формирование пределов судебного разбирательства. С одной стороны, Конституционным Судом РФ последовательно отстаивается независимость суда, самостоятельность в принятии решений, возможность инициативной проверки им доказательств. Такой подход заслуживает поддержки, однако proceduralные возможности суда нивелируются принадлежащим прокурору монопольным правом определения применимых норм уголовного закона для целей квалификации обстоятельств конкретного уголовного дела, а также отсутствием в законе условий, при которых отказ прокурора обязателен для суда.

Цель: предложить оптимальное определение proceduralной функции поддержания прокурором государственного обвинения с учетом системного толкования принципа состязательности в духе концепции сильного (активного суда) в уголовном процессе России. **Задачи:** обозначить proceduralную природу функции обвинения в судебном разбирательстве; сформулировать условия, при которых распоряжение прокурором государственным обвинением будет одновременно учитывать публичный и частный интерес при разрешении уголовного дела по существу.

Методы: для решения поставленной задачи использовались приемы формальной и диалектической логики, обобщение, сравнительно-правовой и формально-юридический методы, методы толкования правовых норм, изучение документальных источников, анализ судебной практики, правовое прогнозирование и др. В **результате** исследования автор приходит к **выводу**, что прокурор поддерживает государственное обвинение в интересах общества на основе профессиональной приверженности объективной оценке доказательств и принятию законных, справедливых и мотивированных решений, с учетом сквозного влияния на принятие любого решения

© Килина И. В., 2025

Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

функции надзора за законностью процесса. Обосновывается необходимость закрепления в законе условий мотивированности и своевременности отказа прокурора от обвинения, а также исключения определяющего значения мнения прокурора о применимом материальном законе.

Ключевые слова: состязательность; пределы судебного разбирательства; прокурор; уголовное преследование; обвинение; отказ от обвинения; изменение обвинения

The Prosecutor in Adversarial Criminal Proceedings: A Combinatorics of Procedural Functions

I. V. Kilina

Perm State University

E-mail: kilinairinav@gmail.com

Received 13 Oct 2025

Introduction: the historically determined polymorphism of the prosecutor's procedural functions requires resolving the issue of the nature and the powers of the prosecutor as the party supporting official prosecution in court. A systematic analysis of the provisions of the criminal procedure law and of their constitutional interpretation exposes the problem of syncretism in the current regulation of the prosecutor's influence on setting the limits of judicial proceedings. On the one hand, the Constitutional Court of the Russian Federation consistently defends the independence of the court, its autonomy in decision-making, the possibility to discretionally verify evidence. This approach deserves to be supported, however, the procedural capabilities of the court are nulled by the prosecutor's exclusive right to determine the applicable norms of the criminal law for qualifying the circumstances of a particular criminal case as well as by the absence of conditions in the law under which the prosecutor's refusal to charge is mandatory for the court.

Purpose: the study aims to propose an optimal definition of the procedural function of conducting public prosecution by the prosecutor, while taking into account the systemic interpretation of the adversariality principle in the spirit of the concept of strong (active) court in the criminal process of Russia. The **objectives** of the study are to identify the procedural nature of the prosecution function in court proceedings; to formulate the conditions under which the prosecutor's managing of public prosecution will simultaneously take into account public and private interests when resolving a criminal case on its merits. **Methods:** the author employed the methods of formal and dialectical logic, generalization, comparative legal and formal legal methods, methods of interpretation of legal norms, study of documentary sources, analysis of judicial practice, legal forecasting, etc. The author concludes that the prosecutor supports prosecution on behalf of the public on the basis of professional commitment to an objective assessment of evidence and to making legitimate, fair, and objective decisions in view of the pervasive influence on any decision of the function of supervising the legality of the process. The article substantiates the need to introduce into the law the conditions of the motivation and timeliness of the prosecutor's refusal to charge and to exclude the critical significance of the prosecutor's opinion on the substantive law to be applied.

Keywords: adversarial nature; limits of judicial proceedings; prosecutor; criminal prosecution; charge; refusal to charge; change of the charge

Введение

Вопрос о процессуальных функциях прокурора в уголовном судопроизводстве долгие годы остается одним из крайне дискуссионных.

Комбинаторика процессуальных функций прокурора как в российском, так и в зарубежных правопорядках обусловлена множеством факторов и условий. Многообразие направлений деятельности

прокурора в отдельных национальных юрисдикциях детерминирует, в частности, различное определение места прокуратуры в системе органов государственной власти. Одни государства структурно включают прокуратуру в систему органов исполнительной власти, другие – организационно относят ее к судебной власти; иные правопорядки отводят прокуратуре уникальное самостоятельное место, не относя ее ни к одной из ветвей государственной

власти, что служит теоретической основой для наделения прокурора полномочиями по поддержанию режима законности в целом¹.

Прокуратура как орган может иметь или не иметь закрепленный конституционный статус, быть аполитичной или встроенной в политическую повестку [20, с. 719–768], иметь централизованную или децентрализованную организацию. По меткому выражению Алана Склански, «прокуроры находятся на стыке ключевых концептуальных и организационных различий в уголовном правосудии: между состязательной и инквизиционной формами правосудия, между судами и полицией, между возмездием и милосердием, между законом и дискреционными полномочиями и, особенно в Соединенных Штатах, между политикой и правом» [23, с. 455].

Следствием перечисленных обстоятельств выступает отсутствие широко разделяемых взглядов на природу прокуратуры, хотя попытки выделения ее моделей и теорий предпринимаются [17]. Создание прокуратуры как органа, обеспечивающего государственную задачу по осуществлению уголовного судопроизводства, характерно для континентальной правовой традиции. Концептуальная особенность последней, как отмечает Л. В. Головко, заключается в том, что «при всем разнообразии национальных вариантов континентальная прокуратура представляет собой иерархически организованный профессиональный корпус магистратов, обладающих достаточной степенью институциональной независимости и принципиально чуждых какой-либо политизации, партийной принадлежности и т. д.» [2, с. 56].

Прокуратура здесь общепринято выступает органом, участвующим в решении государственной задачи по организации уголовной юстиции. Однако и применительно к выделению направлений деятельности прокурора исключительно в сфере уголовного судопроизводства единобразие не достигнуто.

Как резюмируют авторы сравнительно-правового исследования статуса прокуратур, «европейский прокурор всегда рассматривался не как юридический агент правительства, а как служитель закона, выступающий от имени всего общества. Если изначально его основной миссией было осуществление уголовного преследования, то в дальнейшем его роль расширилась до защитника законности в целом» [14, с. 137].

Вопрос о множественности процессуальных функций прокурора в российском уголовном процессе, их системе и наиболее разумном определении на различных этапах производства по уголовному делу имеет решающее значение для организации эффективного уголовного судопроизводства с

должным уровнем правовых гарантий и неизменно требует пристального внимания.

В отечественном уголовном судопроизводстве ни одному другому участнику процесса не принадлежит такое количество различных по природе полномочий: надзор за законностью, процессуальное руководство дознанием, уголовное преследование, поддержание государственного обвинения в суде. Вопрос об их природе и оптимальном сочетании остается одним из самых непростых.

Относительно набора полномочий прокурора в досудебном производстве высказывается справедливая критика. Обоснованные упреки вызваны ограничением властных полномочий прокурора по принятию решений, обеспечивающих движение уголовного дела (возбуждение уголовного дела (преследование) и определение судьбы обвинения в итоговых процессуальных документах стадии предварительного расследования). Примечательно, что при всем многообразии зарубежных подходов к организации направлений деятельности прокуроров Россия – практически единственная страна, в которой прокурор не наделен полномочием по возбуждению уголовного преследования. Как следствие, российский прокурор, в отличие от зарубежных коллег [18; 23; 24], остался и за бортом принятия решений о применении альтернатив уголовному преследованию (об освобождении от уголовной ответственности).

Проблема формирования обвинения в досудебном производстве

Прежде чем обоснованно рассуждать на тему поддержания обвинения в суде, следует определиться с тем, что есть обвинение, какой путь формирования оно проходит к моменту направления уголовного дела в суд и каково его правовое значение.

Легальное определение обвинения, сформулированное в пункте 22 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), явилось отражением доктринальных разработок советских ученых-процессуалистов. Так, Н. Н. Полянский, М. С. Строгович, П. С. Элькинд, А. Л. Ривлин определяли обвинение как утвердительное суждение о совершении лицом преступления [1, с. 22–23].

Основанное на достаточной совокупности доказательств обвинение формулируется в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого, в обвинительном акте, обвинительном постановлении и предъявляется последнему в целях обеспечения права знать об обвинении и защищаться от него всеми не запрещенными законом способами. Суще-

¹ Россия в различные исторические периоды придерживалась каждого из перечисленных подходов. В императорской России после 1864 года Министр юстиции одновременно по должности являлся Генерал-прокурором, а прокуроры и их товарищи состояли при судах (именно в тот период была реализована концепция полноты судебной власти). С 1923 года учреждалась Прокуратура Верховного суда СССР. С 1933 года прокуратура приобретает статус самостоятельного государственного органа и остается в этой парадигме по сегодняшний день с окончательным конституционным утверждением независимого от иных ветвей власти положения в ходе конституционной реформы 2020 года.

ствование автономного института предъявления обвинения при производстве расследования в форме предварительного следствия направлено на решение важных задач: исключение необоснованного применения наиболее строгих мер пресечения и предоставление возможности для стороны защиты уже в процессе расследования активно реализовывать право на защиту.

К моменту направления уголовного дела в суд обвинение формулируется лицом, ведущим расследование, доводится до сведения обвиняемого и его защитника, законного представителя и утверждается прокурором, оценивающим судебную перспективу дела. Утверждение обвинения прокурором,званное обеспечить законность и обоснованность обвинения, является второй (после отсутствия права возбуждения уголовного преследования) реперной точкой для неопределенности статуса прокурора в российском уголовном процессе. Так, нормы закона не обеспечивают возможность властного влияния прокурора на формулирование окончательного обвинения в уголовных делах, расследованных в форме предварительного следствия. В случае несогласия с существом или формулой обвинения прокурор наделен лишь возможностью возвращения уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков со своими письменными указаниями (п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ). Более того, в силу принципа процессуальной самостоятельности следователя последний вправе не согласиться с таким решением прокурора (ч. 4 ст. 221 УПК РФ). Таким образом, в случае несовпадения взглядов следователя и прокурора на обвинение могут возникнуть не разрешимые властью прокурора тупиковые ситуации на пути направления дела в суд, в котором именно на прокурора ложится обязанность по поддержанию обвинения. Современное регулирование этого вопроса сложно признать удовлетворительным.

В советском варианте и вплоть до реформы 2007 года¹ у прокурора имелась возможность привести в жизнь решение относительно окончательного варианта обвинения, не навязывая следователю своей точки зрения. Прокурор обладал полномочием отменить постановление следователя о прекращении дела и составить обвинительное заключение [11, с. 121]. В рамках же действующего регулирования, как было отмечено выше, в непростых (в случае расхождения позиций следователя и прокурора) обстоятельствах обвинение проходит свое формирование в досудебном производстве.

Очевидно, что оптимальное распределение государственных акторов досудебного производства

требует осознанного подхода законодателя к соотношению процессуальных функций расследования, уголовного преследования и надзора, при котором прокурор дает начало официальному уголовному преследованию, затем в процессе расследования обстоятельств уголовного дела осуществляет надзор за законностью производства по уголовному делу, а по завершении такого расследования, оценив его итоги, принимает или не принимает решение о передаче уголовного дела в состязательное судебное разбирательство. Иными словами, оптимальной для досудебного производства видится комбинация процессуальных полномочий прокурора, при которой именно он принимает решения, связанные с началом (возбуждение уголовного дела) и продолжением уголовного преследования (утверждение итогов расследования и направление дела в суд), осуществляя в промежутке между ними надзор за законностью деятельности дознавателя, следователя, на которых возложена обязанность полного, всестороннего и объективного установления обстоятельств произошедшего.

Такой подход в большей степени способствовал бы объективности расследования (дознаватель, следователь не несут ответственности за результат уголовного преследования), его законности (процедура расследования осуществляется под надзором прокурора) и эффективности (за формирование обвинения отвечает прокурор, который и будет в дальнейшем поддерживать его в суде).

Роль прокурора в состязательном судебном процессе

Одновременно с этим нельзя назвать разрешенными и проблемами, возникающие при определении процессуального положения прокурора в судебных стадиях.

В судебном разбирательстве на прокурора возложено полномочие по поддержанию государственного обвинения. Указанная процессуальная функция не случайно самостоятельно поименована в законе. Причина тому – состязательность, вступающая в права в судебном рассмотрении уголовного дела по существу. Поддержание обвинения есть составляющая функции обвинения в состязательной связке «обвинение – защита – разрешение дела». П. С. Элькинд справедливо отмечала, что «функция обвинения связана только со стадией судебного разбирательства и только с деятельностью обвинителя как процессуально равноправной стороны в судебном заседании. Обоснование обвинения в самостоятельную функцию процесса характеризуется появлением особого участника процесса – обвинителя, назначение которого состоит в поддержании перед судом

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Федер. закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

обвинения» [16, с. 61]. Схожей позиции сегодня придерживается М. М. Бондарь: «Сфера применения категории «обвинение» в смысле основной уголовно-процессуальной функции ограничена именно пределами реализации принципа состязательности сторон, и только в этой сфере применения данный термин означает основную уголовно-процессуальную функцию» [1, с. 33]. Такой подход абсолютно обоснован, поскольку, в отличие от досудебного производства, в судебном разбирательстве появляются равноправные стороны, состязающиеся перед судом.

Предъявленное лицу обвинение имеет важное правовое значение, поскольку именно его содержанием ограничиваются пределы судебного разбирательства. Однако очевидно, что сформулированное в досудебном производстве утверждение о совершении лицом преступления может измениться под воздействием исследованных непосредственно судом доказательств. К тому же в уголовном судопроизводстве не только стороны, но и суд наделены широкими процессуальными возможностями по выяснению всех фактических обстоятельств содеянного. Этот тезис требует подробного пояснения.

Концепция «сильного» суда в состязательном уголовном процессе как основа для решения вопроса о влиянии позиции прокурора на пределы судебного разбирательства

Специфику состязательности в уголовном процессе неизбежно предопределяет его публичность. Наделенные властными полномочиями должностные лица в уголовном процессе призваны обеспечить исполнение взятой на себя государством обязанности по обеспечению безопасности общества: восстанавливать права потерпевших и привлекать в рамках надлежащей процедуры к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление. Существование этой обязанности исключает возможность произвольного (по личному усмотрению) принятия тех

или иных решений и осуществления процессуальных действий. Одновременно с этим состязательность несовместима с сосредоточением в руках суда каких-либо иных процессуальных функций, кроме разрешения уголовного дела, а значит, активность суда допустима (и необходима), но лишь с единственной целью – разрешить дело.

В этой связи следует обратиться к многочисленным позициям Конституционного Суда РФ, направленным на исключение возможности построения уголовного процесса по модели чистой состязательности, в которой суд выступает молчаливым арбитром в споре сторон.

Конституционный Суд РФ как накануне принятия нового УПК РФ¹, так и после его принятия² настаивает на правомерности активного участия суда в доказывании: в том числе подтверждает его право по собственной инициативе собирать доказательства с целью проверки иных доказательств и принимать на их основе правосудные решения. Такой подход подчеркивает, что суд не может быть пассивным наблюдателем в процессе, недопустимо ставить его в условия, когда он обязан выносить заведомо для себя неправосудный приговор или иное решение.

Обратное, как отмечается в ряде определений Конституционного Суда РФ, не позволило бы суду при рассмотрении уголовных дел давать объективную оценку отстаиваемым сторонами позициям и устранять возникающие в ходе судебного разбирательства сомнения в их обоснованности, а следовательно, не обеспечивало бы независимость и беспристрастность суда при отправлении им правосудия³.

В рамках этого же дискурса Конституционный Суд РФ полагает совместимым с принципом состязательности право суда по собственной инициативе: 1) инициировать решение вопроса о мере пресечения⁴, 2) возвращать уголовное дело прокурору, в том числе для квалификации деяния как более тяжкого преступления, общественно опасного деяния⁵, 3) возвращаться из совещательной комнаты и возобновлять

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Якурина К. А. на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 276 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда РФ от 23 янв. 2001 г. № 21-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Решетникова Евгения Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 283 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда РФ от 15 июля 2008 г. № 442-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Будаева Ц. Н. на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 283 уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда РФ от 18 июня 2004 г. № 204-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ По делу о проверке конституционности ряда положений уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан [Электронный ресурс]: Постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда [Электронный ресурс]: Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шубина А. А. на нарушение его кон-

судебное следствие, 4) инициировать процедуры устранения препятствий для правильного рассмотрения уголовного дела¹. Приведенные позиции основаны на единой логике выстраивания процедуры рассмотрения уголовных дел, отвечающей требованиям, которые обеспечивают суду всесторонность и объективность в исследовании доказательств, самостоятельность и независимость в принятии решений.

При таких обстоятельствах закономерно возникает вопрос: совместима ли идея активного и независимого суда с правом прокурора распоряжаться государственным обвинением в стадии судебного разбирательства?

Итак, шаг за шагом законодатель движется в сторону наделения суда правомочием не только по установлению фактических обстоятельств дела, но и созданию условий для принятия решения на основе именно этих, выясненных судом фактов (иначе зачем суду столь широкие возможности по их установлению?).

Ярким свидетельством такого движения стало внесение изменений в статью 237 УПК РФ², наделяющих суд правом по собственной инициативе возвращать уголовное дело прокурору при необходимости усиления юридической квалификации или расширения фактической составляющей обвинения с учетом установленных в суде обстоятельств. Круг замкнулся: активность суда при выяснении обстоятельств дела при таком регулировании носит не декларативный, а реальный характер. Указанное обстоятельство не может воодушевить представителей стороны защиты, для которых, очевидно, наиболее благоприятна модель состязательности, при которой «недоработка» стороны обвинения сулит снижение ответственности. Однако модель чистой состязательности не может устоять в публичном уголовном процессе, поскольку всё те же просчеты стороны обвинения (в условиях невозможности исправления их последствий в суде) означали бы отказ в надежной защите для потерпевших и, как следствие, констатацию факта государством – «с обязанностью по организации уголовного судопроизводства неправляется».

Что же касается прокурора, то и его вывод относительно обвинения может меняться в процессе осуществления им функции по поддержанию обвинения.

Изменение обвинения может либо расширять обвинение (ухудшать положение подсудимого), либо сужать его (улучшать его положение), либо отражаться на праве обвиняемого на защиту. Каждая ситуация заслуживает отдельного внимания.

ституционных прав пунктом 1 части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда РФ от 21 мая 2015 г. № 1102-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сайгакова А. А. на нарушение его конституционных прав положениями частей первой и третьей статьи 50, частей первой и третьей статьи 51, части второй статьи 52, части второй статьи 248, части первой статьи 292, части первой статьи 293, статьи 294 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта «в» части третьей статьи 146 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда РФ от 19 дек. 2017 г. № 2873-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в статьи 236 и 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон от 21 июля 2014 г. № 269-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Усиление обвинения прокурором в стадии судебного разбирательства

В российском процессе действует правило: изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушаются его право на защиту (ст. 252 УПК РФ). Вопрос о перепредъявлении обвинения, если оно ухудшает положение подсудимого, принципиально может быть решен двумя путями: возврат в досудебное производство (именно этот вариант взят за основу российским законодателем) либо допущение возможности предъявления государственным обвинителем нового обвинения (если оно не выходит за пространственно-временные границы первоначально предъявленного обвинения) в ходе судебного разбирательства с предоставлением второй стороне времени для подготовки к защите от нового обвинения.

Нет оснований полагать, что первый вариант безоговорочно несет в себе преимущества для стороны защиты, поскольку он сопряжен с увеличением срока производства по делу, а вместе с ним – срока применения к лицу мер пресечения, увеличением процессуальных издержек и т. п. Представляется, что при неизменности конечного результата (усилении обвинения) возврат в досудебное производство оправдан лишь в тех случаях, когда у суда нет возможности продолжить рассмотрение дела ввиду необходимости производства следственных действий, существенно увеличивающих срок судебного разбирательства (как правило, назначение судебных экспертиз), что негативно отражается на непрерывности судебного разбирательства (пусть и не писаного в силу материально-ресурсных затрат принципа). Таким образом, закрепление процессуального механизма изменения обвинения в сторону его усиления (в одном из двух вариантов) является логичной гарантией реализации концепции активного суда в публичном состязательном уголовном процессе.

Отказ прокурора от обвинения

По настоящию законодателя прокурор обеспечивает законность и обоснованность обвинения, что, как следствие, предопределяет и функциональную возможность отказа от него. Правовые последствия такого отказа четко определены законодателем: полный или частичный отказ государственного

обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части по реабилитирующим основаниям (ч. 7 ст. 246 УПК РФ).

Прямое влияние отказа государственного обвинителя от обвинения, по мысли законодателя, следует из принципа состязательности сторон и вытекающей из его существа логики: нет притязания стороны – нет предмета судебного рассмотрения.

Последний советский УПК 1960 года содержал иное регулирование. В частности, статья 248 УПК РСФСР предусматривала обязанность прокурора отказаться от обвинения и изложить суду мотивы отказа, если в результате судебного разбирательства прокурор придет к убеждению, что данные судебного следствия не подтверждают предъявленного подсудимому обвинения. Вместе с тем отказ прокурора от обвинения не освобождал суд от обязанности продолжить разбирательство дела и разрешить на общих основаниях вопрос о виновности или невиновности подсудимого. Однако уже в тот период высказывалось мнение о неправильности такого подхода. Так, В. М. Савицкий полагал, что необходимым последствием отказа прокурора от обвинения в суде должен быть оправдательный приговор или постановление о прекращении уголовного дела [12, с. 70–79].

В советской уголовно-процессуальной доктрине было распространено и противоположное мнение, заключающееся в том, что обвинение некорректно отождествлять с уголовным иском, а отказ от поддержания обвинения обвинителем не аннулирует публичного обвинения, сформулированного в досудебном производстве. Так, М. П. Давыдов указывал, что «требование – это часть (элемент) гражданского иска и представляет ту отличительную черту, благодаря которой обвинение нельзя считать уголовным иском» [4, с. 40]. Аргументами в пользу разрешения судом уголовного дела, несмотря на отказ от обвинения, традиционно выступают и тезисы о том, что только при таком подходе суд не лишен возможности установления истины по уголовному делу [5, с. 137–140; 7, с. 33; 10, с. 77], а также о недопустимости ограничения самостоятельности и независимости суда [8, с. 50].

Сторонники такого подхода имеются и в современной доктрине. В частности, Л. В. Головко исследует данный вопрос через призму анализа оснований легитимации полномочия прокурора поддерживать обвинение в публичном процессе. В американском варианте легитимность прокурора может быть обоснована политической ответственностью перед избирателями – угрозой не быть переизбранным в случае ненадлежащего выполнения функции по поддержанию обвинения. В континентальном варианте, по мнению ученого, легитимность основана на выдаче доверенности (образно) прокурору обществом

поддерживать обвинение в совершении общественно опасных деяний без права распорядиться обвинением самостоятельно [2, с. 55–58].

Л. В. Головко также отмечает: «“Прокурор не вправе распоряжаться возбужденным перед судом публичным иском”, т. е. в его действиях нет и не может быть ни малейших признаков диспозитивности, поскольку он защищает не частные интересы, а интересы общества в целом, действуя в уголовном процессе от его имени» [2, с. 57]. Схожей позиции придерживалась П. С. Элькинд, которая в качестве задачи функции поддержания перед судом обвинения определяла обеспечение безусловного изобличения перед судом лиц, совершивших преступление, обеспечение неотвратимости их справедливого наказания [16, с. 61]. Однако если следовать указанной логике, то содержание интереса общества (что всегда умозрительно) сводится к единственно возможному – требовать осуждения каждого подсудимого. Представляется, что нельзя оставлять за скобками двух обстоятельств: 1) прокурор, поддерживающий обвинение, – это квалифицированный юрист, на которого к тому же возложена функция имманентно надзирать за законностью в уголовном судопроизводстве; 2) интерес любого гражданина выражается в том, чтобы ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности. Аналогичный тезис обозначен и самим государством в качестве назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ).

Социальный аспект этого непростого вопроса также не следует оставлять без внимания. В доктрине справедливо поднимается вопрос общественного доверия к уголовному судопроизводству. М. Б. Набатов определяет его в качестве «отношения общества как сложной социальной структуры индивидов к уголовному судопроизводству, его осуществлению в целом и деятельности его представителей, выражющееся в уверенности либо неуверенности в том, что уголовное судопроизводство осуществляется правильно, объективно и беспристрастно в интересах индивида и/или всего общества, а уголовное наказание является справедливым» [9, с. 445].

Думается, что правовой статус прокурора как имманентного надзирателя за законность несовместим с возложением на государственного обвинителя обязанности осуществлять уголовное преследование без оглядки на законность и мотивированность обвинения, убедительного обоснования его доказательствами. При ином подходе институт отказа от обвинения вовсе не был бы востребован в уголовном процессе (фантазийно запишем: прокурор не вправе отказаться от принятого на себя обвинения). Профессор В. М. Савицкий констатировал: «Поддержание обвинения либо отказ от обвинения, если оно не подтвердилось на судебном следствии, – вот что составляет основное содержание деятельности прокурора в суде, вот что определяет его процессуальное

положение как участника судебного разбирательства» [13, с. 32]. По справедливому утверждению А. Г. Халиулина, «в отличие от иных органов, осуществляющих уголовное преследование, прокуратура осуществляет эту уголовно-процессуальную функцию исходя из своей основной функции – надзора за исполнением законов» [15, с. 8].

Однако остановиться на этих суждениях также было бы неверным ввиду встречающихся в практике (пусть и немногочисленных) случаев необоснованных (ошибочных) отказов прокурора от обвинения.

Понять, насколько безоговорчен и принципиален современный законодательный подход, определяющий прямую зависимость пределов разбирательства от позиции государственного обвинителя, можно, обратившись к истолкованию института отказа прокурора от обвинения Конституционным Судом РФ, в котором применение части 7 статьи 246 УПК РФ приобретает некоторые условия. К ним относятся следующие оговорки: 1) отказ от обвинения должен быть мотивирован со ссылками на предусмотренные законом основания; 2) вынесение судом решения, обусловленного соответствующей позицией государственного обвинителя, допустимо лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты; 3) вышестоящий прокурор, если он установит, что нижестоящим прокурором соответствующие публичные интересы не были обеспечены, обязан исправить обнаруженные отступления от требований закона¹. Приведенные тезисы нашли свое отражение в пункте 20 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)».

Представляется, перечисленные условия вполне оправданы. Их формулирование, с одной стороны, удерживает от размывания действие принципа состязательности, с другой – обеспечивает возможность исправления допускаемых государственным обвинителем ошибок. Так, требование мотивированности отказа от обвинения выступает гарантией от злоупотребления властью прокурора, снижает коррупционные риски при разрешении уголовных дел, обеспечивает общеправовое требование обоснованности принимаемых в уголовном процессе решений, уменьшает вероятность занятия прокурором ошибочной позиции.

Условие, связанное с возможностью заявления об отказе от обвинения лишь по завершении судебного следствия, вытекает одновременно из публичности уголовного процесса и необходимости обеспечения интереса потерпевшего в уголовном процессе. Поддержание государственного обвинения есть обязанность, а не право прокурора. Последний не вправе распорядиться им по собственному усмотрению, поскольку поддержание обвинения осуществляется не в личных интересах конкретного обвинителя и даже не в интересах ведомства, к которому он принадлежит, а в интересах общества и государства в целом. Кроме того, в условиях отсутствия в отечественном процессе института субсидиарного обвинения (возможности потерпевшего самостоятельно поддерживать обвинение в случае отказа государственного обвинителя от обвинения) заявление прокурора об отказе от обвинения на более ранних этапах судебного разбирательства лишило бы потерпевшего возможности участвовать в исследовании доказательств, довести до суда и сторон свою позицию, представить доказательства.

В этой связи показателен следующий пример судебной практики, в котором представитель потерпевшего, дойдя до кассационной инстанции, добился признания немотивированным частичный отказ прокурора от обвинения, несмотря на позицию прокурора об оставлении состоявшегося решения без изменения.

Принятый судом частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 201 УК РФ, повлек прекращение уголовного преследования по оставшейся части обвинения в связи с истечением сроков давности уголовного преследования на основании пункта 3 части 1 статьи 24 УПК РФ. Потерпевшему потребовалось самостоятельное обжалование состоявшегося решения в двух инстанциях, прежде чем кассационный суд отменил его с передачей уголовного дела на новое апелляционное рассмотрение. Решение мотивировано тем, что отказ прокурора от обвинения имел место до окончания судебного следствия по уголовному делу, что повлекло нарушение права потерпевшего на состязательное судебное разбирательство в условиях равенства сторон². Прокуратура в данном деле во всех инстанциях настаивала на законности и обоснованности отказа прокурора от обвинения.

В практике нередко встречается несовпадение позиций прокуроров относительно мотивированности отказа от обвинения. Подобные ситуации,

¹ По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан [Электронный ресурс]: Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 16 янв. 2024 г. № 77-62/2024.

конечно, нежелательны, поскольку процессуально любой прокурор (независимо от персоналии) представляет прокуратуру в целом, что вытекает из принципа единства прокуратуры. Однако очевидно, что по объективным причинам полностью исключить ошибки невозможно.

Правомочие вышестоящего прокурора отреагировать на принесением апелляционного, кассационного, надзорного представления на необоснованный отказ нижестоящего прокурора от обвинения обусловлено общеправовой логикой, в силу которой в случаях, когда закон требует указания мотивов решения, предполагается и возможность их последующей проверки и оценки. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 8 декабря 2003 г. № 18-П, «...иначе решение нижестоящего прокурора об отказе от обвинения превращалось бы в окончательное решение, которое, вопреки принципам правового государства, не может быть исправлено ни в рамках централизованной системы органов прокуратуры, ни судом».

Вышеизложенное позволяет заключить, что логика регулирования вопроса о последствиях отказа прокурора от обвинения ясна лишь с учетом конституционного истолкования положений части 7 статьи 246 УПК РФ. Такой подход направлен на обеспечение баланса: между реализацией состязательности (суд постановляет приговор в рамках обвинения, которое предъявлено и поддержано стороной обвинения) и созданием условий для реагирования суда на необоснованное или ошибочное решение государственного обвинителя об отказе от обвинения. Представляется, что отражение в тексте закона обозначенных Конституционным Судом РФ условий о мотивированности и своевременности отказа прокурора от обвинения будет способствовать более системному правовому регулированию, снижению вероятности допускаемых правоприменителем ошибок.

Что касается процессуальных возможностей участников процесса, то сам суд правомочен уже в ходе судебного разбирательства обратиться к прокурору с просьбой мотивировать решение об отказе от обвинения. В случае несогласия с состоявшимся вследствие отказа от обвинения решением потерпевший, его законный представитель, представитель, прокурор и иные лица, чьи интересы затронуты таким решением, вправе обратиться с соответствующей жалобой, представлением в вышестоящий суд в инстанционном порядке. При наличии всех перечисленных условий обеспечиваются гарантии публичного интереса в уголовном судопроизводстве.

Сама возможность отказа прокурора от обвинения подчеркивает значение стадии судебного разбирательства как центральной стадии процесса, в которой непосредственно и с участием сторон исследуются доказательства. Десятилетия назад С. А. Голунский подчеркивал: «Необходимо решительно бороться с

той точкой зрения, что будто бы задача судебного заседания сводится только к оценке материалов, собранных предварительным следствием, что самостоятельное исследование фактического состояния дела не относится к ведению суда...» [3, с. 24]. Стоит ли упоминать, насколько актуальны эти слова в век «copy-paste» обвинительных документов в приговор.

Специфическая задача поддержать обвинение, которое найдет убедительное подтверждение доказательствами в состязательном судебном производстве, – вот что оправдывает возможность прокурорского усмотрения от имени общественности на основе профессиональной приверженности объективной оценке доказательств и принятию законных, справедливых и объективных решений. Уникальная историческая роль прокурора в государственной деятельности и уголовном процессе обусловлена направленностью на служение праву и справедливости, а не уголовной репрессии как таковой.

Справедливо в литературе обращается внимание на то, что специфика роли прокурора в любом правопорядке заключается в том, что он несет ответственность за имидж уголовного судопроизводства в целом, за оценку общественностью процедурной (в том числе) справедливости [21, с. 345–346]; обоснованно подчеркивается несовершенство традиционно принятой дилеммы интереса обвиняемого и публичного интереса (представителем которого выступает прокурор) [22, с. 249]. Российская практика наглядно иллюстрирует эти тезисы многочисленными примерами не только отказа от обвинения, но и внесения прокурорами представлений с требованием о смягчении положения осужденных.

Представляется, всё вышеизложенное позволяет прийти к выводу, что поддержание прокурором государственного обвинения есть выражение эксклюзивной для состязательного судебного разбирательства функции. Указанное не означает противопоставления поддержания обвинения и уголовного преследования. Согласимся с Ю. В. Козубенко в том, что «уголовное преследование – это движущая сила уголовного процесса. Оно “организует” весь процесс по конкретному уголовному делу, определяет содержание и направление производства по нему» [6, с. 109]. Лексическое обособление «поддержания обвинения», в свою очередь, подчеркивает необходимость поддержания лишь законного и обоснованного, то есть убедительно подтвержденного доказательствами в процессе судебного следствия, обвинения. Отказ же от обвинения лишает судебное разбирательство его предмета, обоснованно препятствует постановлению обвинительного приговора. Вместе с тем публичность уголовного процесса диктует необходимость выполнения условий обоснованности и своевременности отказа прокурором от поддержания государственного обвинения. Такой подход, как видится, согласуется и с разрабатываемой в доктрине теорией судебного преследования, осуществляемого прокурором, как общественного доверия [19, с. 157].

Изменение прокурором обвинения в сторону смягчения

Вместе с тем вопрос о пределах судебного разбирательства и роли прокурора в их определении не исчерпывается приведенным выше анализом.

Выстроенная процессуальная логика рушится введением законодателем института изменения обвинения государственным обвинителем. Если точнее, проблему образует нормативное определение изменения обвинения и сформулированные в актах Конституционного Суда правовые последствия такого изменения. Коль скоро усилить обвинение (изменить в судебной стадии обвинение в сторону, ухудшающую положение подсудимого) прокурор в силу закона не вправе, то обозначенный дискурс приобретает значение применительно к ситуациям, когда прокурор «изменяет обвинение» в сторону смягчения.

Так, исходя из части 8 статьи 246 УПК РФ государственный обвинитель до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора может также изменить обвинение в сторону смягчения путем: 1) исключения из юридической квалификации деяния признаков преступления, отягчающих наказание; 2) исключения из обвинения ссылки на какую-либо норму УК РФ, если деяние подсудимого предусматривается другой нормой УК РФ, нарушение которой вменялось ему в обвинительном заключении или обвинительном акте; 3) переквалификации деяния в соответствии с нормой УК РФ, предусматривающей более мягкое наказание.

При этом из данного Конституционным Судом РФ толкования следует, что «изменение государственным обвинителем обвинения в судебном заседании прекращает состязательность процесса в соответствующей части, в связи с чем суд первой инстанции связан таким заявлением, а его проверка возможна лишь в порядке апелляционного и кассационного обжалования» [1, с. 137]¹.

Подобное толкование никак не согласуется с иными утвердительными тезисами о том, что суд не должен ставиться в положение, когда он вынужден выносить заведомо для себя неправосудный акт.

Более того, указание на возможность проверки заявления об изменении обвинения вышестоящим судом уязвимой позиции суда не отменяет: в проверочных инстанциях действует запрет поворота к худ-

шему. В силу указанного принципа суд апелляционной инстанции вправе ухудшить положение осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено не иначе как по жалобе или представлению, содержащих требование о таком ухудшении.

Приведенные положения обостряют неопределенность в вопросе о правовом положении суда и прокурора в уголовном процессе. С одной стороны, Конституционным Судом РФ (а вслед за ним законодателем) последовательно отстаивается независимость суда, самостоятельность в принятии решений, возможность инициативной проверки им доказательств. С другой стороны, все эти возможности нивелируются принадлежащим прокурору монопольным правом определения применимых норм уголовного закона для целей квалификации обстоятельств конкретного уголовного дела. При таком подходе в российском уголовном процессе нет места классической правовой формуле «суд знает право» (*Jura novit curia*). Очевидно, введение института «изменения обвинения» и истолкование его последствий Конституционным Судом РФ явилось подменой понятий, когда изменение обвинения (что фактически представляет собой частичный отказ от обвинения) было подменено выражаемым прокурором мнением о применимом материальном законе.

Такая бессистемность в подходах влечет множество негативных последствий для организации уголовного судопроизводства. Так, суд по итогам проведенного судебного следствия, получив полное представление о фактической составляющей обвинения, на пороге разрешения уголовного дела по существу ставится в зависимость от мнения о юридической квалификации одной из сторон. Более того, Конституционный Суд РФ отверг возможность реагирования суда на заведомо ошибочное изменение гособвинителем квалификации в сторону смягчения посредством направления уголовного дела прокурору, указав, что «предусмотренное Постановлением от 02.07.2013 № 16-П (а следовательно, и п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ) полномочие суда первой инстанции по возвращению уголовного дела прокурору не распространяется на случаи изменения обвинения в суде государственным обвинителем в сторону смягчения (Определение Конституционного Суда РФ от 10.02.2016 № 226-О)».

¹ По запросу Курганского областного суда о проверке конституционности части восьмой статьи 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда РФ от 10 февр. 2016 г. № 226-О; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бержаниной Т. А., Васильева А. А. и Васильевой А. Л. на нарушение их конституционных прав частью третьей статьи 124, частями седьмой и восьмой статьи 246 и статьей 252 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда РФ от 10 марта 2016 г. № 457-О; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Голованюка С. М. и Шейнина Я. С. На нарушение их конституционных прав частью третьей статьи 15, пунктом 1 части первой статьи 237 и частью первой статьи 252 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда РФ от 7 апр. 2022 г. № 824-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Одновременно с этим в Определении от 10.03.2016 № 457-О указывается, что суд апелляционной инстанции, установив, что позиция государственного обвинителя, изменившего обвинение в сторону смягчения, очевидно ошибочна и что фактические обстоятельства, на которые он ссылается при изменении обвинения, равно как и обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении либо установленные в ходе судебного разбирательства, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления, и при наличии жалобы потерпевшего на приговор, которой инициирован апелляционный пересмотр уголовного дела и в которой поставлен вопрос об ухудшении положения обвиняемого, вправе отменить приговор и вернуть уголовное дело прокурору.

Последовательный анализ позиций Конституционного Суда РФ позволяет обнаружить их противоречивость. Так, если следовать тезисам Конституционного Суда РФ: 1) суд первой инстанции, усматривая очевидную ошибочность изменения обвинения прокурором в сторону смягчения, не вправе вернуть уголовное дело прокурору и, не обладая иными процессуальными возможностями, должен постановить заведомо для себя неправосудное решение и оставить проверку его законности и обоснованности вышестоящей инстанции (которой в отсутствие апелляционного повода может и не случиться); 2) в это же самое время в аналогичных обстоятельствах суд апелляционной инстанции вправе отменить приговор и вернуть уголовное дело прокурору (при наличии для того апелляционного повода).

В таком случае вместо надлежащего разрешения уголовного дела судом первой инстанции уголовное дело, прежде чем завершиться принятием итогового решения, пройдет стадию апелляционного обжалования, возвратится в досудебное производство (где прокурор убедится в том, что определенная им и органом расследования квалификация изначально была дана правильно), вновь направится в суд первой инстанции. Такая «циркуляция» уголовного дела непременно будет сопровождаться: 1) расходованием процессуального времени государственных служащих, а равно бюджетных средств; 2) увеличением размера процессуальных издержек обвиняемого (и потерпевшего – в случае обращения за помощью к представителю); 3) уменьшением вероятности соблюдения разумного срока уголовного судопроизводства; 4) снижением авторитета суда как органа правосудия.

Приведенные разъяснения Конституционного Суда РФ о правовых последствиях изменения прокурором обвинения в сторону смягчения путем

юридической переквалификации деяния входят в прямое противоречие с иными разъяснениями, общая суть которых сводится к недопустимости постановки суда в условия вынесения им заведомо неправосудного решения. Это объясняет наличие стихийно сложившейся судебной практики, когда суд апелляционной инстанции, установив ошибочность изменения государственным обвинителем обвинения в сторону смягчения, отменяет приговор и возвращает уголовное дело не прокурору, а в суд первой инстанции.

Так, например, кассационный суд принял решение об отмене приговора суда первой инстанции и апелляционного определения и передал уголовное дело на новое судебное рассмотрение в тот же суд первой инстанции иным составом суда со стадии судебного разбирательства. В обоснование принятого решения суд отметил, что в кассационных представлениях и жалобе прокурор и потерпевший правильно указали на то, что решение суда о переквалификации содеянного, несмотря на очевидную ошибочность позиции государственного обвинителя, изменившего обвинение в сторону смягчения, не отвечает требованиям части 4 статьи 7 УПК РФ, поскольку из его содержания не следует, что суд проверил обоснованность и законность высказанного государственным обвинителем мнения в части изменения обвинения в сторону смягчения путем переквалификации действий осужденного с части 1 статьи 111 УК РФ на часть 1 статьи 118 УК РФ¹.

В другом деле государственный обвинитель изменил обвинение Ю. путем переквалификации его действий с части 4 статьи 159 УК РФ на часть 1 статьи 330 УК РФ, что повлекло принятие судом решения о прекращении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования. Вышестоящий суд, рассмотрев доводы апелляционной жалобы потерпевшего, отменил состоявшийся судебный акт, мотивировав это тем, что ввиду ошибочности и противоречивости позиции государственного обвинителя, изменившего обвинение Ю. в сторону его смягчения, постановление не отвечает требованиям части 4 статьи 7 УПК РФ. Уголовное дело направлено на новое рассмотрение судом первой инстанции².

Очевидно, что обоснованно предоставленные суду возможности активного участия в выяснении всех обстоятельств дела должны, как следствие, обеспечивать и его возможности по юридической квалификации фактических обстоятельств обвинения. Такое правомочие должно принадлежать суду, а не прокурору. В прениях сторон прокурор как сторона может представить суду проект решения, содержащий формулировки по вопросам о том:

¹ Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 29 июня 2023 г. № 77-2415/2023.

² Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 4 сент. 2024 г. № 22-5518/2024.

1) доказано ли, что имело место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый; 2) доказано ли, что деяние совершил подсудимый; 3) является ли это деяние преступлением и какими пунктом, частью, статьей УК РФ оно предусмотрено; 4) виновен ли подсудимый в совершении этого преступления; 5) подлежит ли подсудимый наказанию за совершенное им преступление; 6) имеются ли обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание.

В силу части 7 статьи 292 УПК РФ предлагаемые формулировки не имеют для суда обязательной силы. Вместе с тем наличие в законе института изменения обвинения и истолкование Конституционным Судом РФ последствий такого изменения приводят к тому, что предлагаемые прокурором формулировки, напротив, приобретают обязательную силу. В этой связи суды раз за разом вынужденно указывают: «Пределы судебного разбирательства определяются высказанной государственным обвинителем позицией по рассмотренному уголовному делу, поскольку по делам публичного и частно-публичного обвинения, лишь прокурор определяет объем обвинения, подлежащий рассмотрению в судебном заседании»¹.

Текущее положение дел не позволяет судить о единстве и системности подхода к решению одного из центральных вопросов уголовного правосудия – содержания процессуальных функций обвинения и разрешения по существу уголовного дела в состязательном судебном разбирательстве.

Очевидно, вопрос об отказе прокурора от обвинения и об изменении обвинения должен решаться в единой процессуальной логике, учитывающей как особенности состязательности в публичном процессе, так и процессуальный статус государственного обвинителя.

Во всех перечисленных в части 8 статьи 246 УПК РФ случаях изменения прокурором обвинения в сторону смягчения речь идет о выражении им позиции относительно применимых норм уголовного права. Озвученная государственным обвинителем измененная формулировка обеспечивает возможность состязания сторон в новых условиях, однако, по итогам этого состязания суд должен получить возможность самостоятельно и независимо принимать решение о юридической квалификации деяния подсудимого в рамках фактической составляющей обвинения, исследованной в судебном разбирательстве с участием сторон, что требует исключения правила об обязательности для суда изменения прокурором обвинения в сторону смягчения.

Аналогичная логика должна действовать и для следующей ситуации.

Изменение прокурором обвинения, отражающееся на праве подсудимого на защиту от первоначально предъявленного обвинения

Изменение обвинения в судебном разбирательстве в российском уголовном процессе не допускается и в случаях, когда новое обвинение существенно отличается от первоначально предъявленного. Не выполнение этого требования влечет отмену состоявшегося решения².

В такой ситуации на первый план выходит не усиление обвинения (фактическая его составляющая остается прежней), а необходимость обеспечения права на защиту. Доведение государственным обвинителем новой позиции о юридической квалификации деяния до процессуального оппонента необходимо как гарантия обеспечения права на защиту. Однако адресатом этой информации является сторона защиты, с целью обеспечения ей возможности привести контрдоводы, поскольку, в сущности, и здесь речь идет о выборе применимого материального права.

В этой связи Верховным Судом РФ сформулирована обоснованная позиция: «Если в судебном заседании подсудимому вручена измененная государственным обвинителем формулировка обвинения со ст. 290 УК РФ на ст. 159 УК РФ, содержащая те же фактические данные, связанные с описанием преступного деяния, ему дано время на подготовку к защите от нового обвинения, решен вопрос об установлении потерпевшего, который также ознакомлен с формулировкой нового обвинения и допрошен судом, указанные обстоятельства не свидетельствуют о нарушении судом положений ст. 252 УПК РФ и права на защиту подсудимого»³. И в этой ситуации последнее слово о юридической квалификации деяния должно принадлежать суду как органу, несущему ответственность за правосудность итогового решения.

Выводы

Оптимальная модель решения проблемы видится в построении судебного состязания с учетом следующих фундаментальных положений.

Прокурор поддерживает государственное обвинение в интересах общества на основе профессиональной приверженности объективной оценке доказательств и принятию законных, справедливых и мотивированных решений, с учетом сквозного влияния на принятие любого решения функции надзора за законностью процесса.

Суд как орган, от решения которого зависит судьба сразу нескольких людей (как минимум подсудимого и потерпевшего), должен быть обеспечен процессуальными возможностями для постановления

¹ Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 19 янв. 2023 г. № 77-159/2023.

² Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 24 авг. 2022 г. № 77-4243/2022.

³ Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 41-П11ПР от 6 апр. 2011 г.

приговора, в условиях убежденности в его законности, обоснованности и справедливости. Такая цель достижима за счет наделения суда правом по собственной инициативе проводить следственные действия с целью проверки доказательств, представленных стороной, а также реагировать на допускаемые сторонами нарушения, способные повлечь отмену судебного решения. Вместе с тем указанные гарантии «сильного» суда могут быть реализованы исключительно в случаях, когда наличествует предмет судебного разбирательства. Предмет же такого разбирательства, в свою очередь, определяется поддержаным в судебном разбирательстве обвинением.

Отказ прокурора от обвинения предопределяет принятие судом реабилитирующего решения. Однако условия обязательности такого отказа, сформулированные в ходе конституционного контроля, должны найти отражение в тексте Уголовно-процессуального кодекса. К таким условиям относятся мотивированность и своевременность: если отказ прокурора от обвинения заявлен до завершения этапа судебного следствия или не мотивирован прокурором, суд вправе принять меры по устранению препятствий для правильного рассмотрения уголовного дела – указать на несвоевременность или необходимость мотивирования отказа от обвинения.

Наконец, вопрос об изменении прокурором обвинения в сторону смягчения должен решаться с учетом общеправового правила о том, что суд знает право и не может быть поставлен в условия, при которых он обязан постановить заведомо для себя неправосудный приговор. Доведение же позиции прокурора относительно юридической квалификации деяния до процессуального оппонента выступает гарантией обеспечения права подсудимого на защиту – предоставления стороне защиты права привести контрдоводы относительно всех обвинительных притязаний государственного обвинителя. При этом право выбора применимой материальной нормы принадлежит исключительно суду.

Библиографический список

1. Бондарь М. М. Уголовное преследование и обвинение в системе уголовно-процессуальных функций // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2024. № 2. С. 25–38.
2. Головко Л. В. Институты отказа прокурора от обвинения и изменения обвинения в суде: постсоветские перспективы в условиях теоретических заблуждений // Государство и право. 2012. № 2. С. 50–67.
3. Голунский С. А. К вопросу о реформе предварительного расследования // Проблемы социалистического права. М., 1938. С. 10–18.
4. Давыдов П. М. Обвинение в советском уголовном процессе: Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1974. 135 с.

5. Зозулинский А. Б. Отказ прокурора от обвинения и его правовые последствия // Советское государство и право. 1978. № 7. С. 137–140.
6. Козубенко Ю. В. Уголовное преследование как элемент механизма уголовно-правового регулирования // Государство и право. 2008. № 2. С. 108–113.
7. Мотовиловкер Я. О. Установление истины в советском уголовном процессе. Ярославль: Изд-во Яросл. гос. ун-та, 1974. 71 с.
8. Малина М. А. Современный институт отказа прокурора от обвинения: кризис аутентичности российского уголовного процесса // Lex Russica. 2024. № 10 (215). С. 42–58.
9. Набатов М. Б. К вопросу о доверии общества к российскому уголовному судопроизводству в современных условиях // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 444–447.
10. Нажимов В. П. Об уголовно-процессуальных функциях // Правоведение. 1973. № 5. С. 73–82.
11. Перлов И. Д., Рагинский М. Ю. Назревшие вопросы дознания и предварительного следствия // Советское государство и право. 1957. № 4. С. 115–121.
12. Савицкий В. М. Государственное обвинение в суде: М.: Наука, 1971. 343 с.
13. Савицкий В. М. Процессуальные последствия отказа прокурора от обвинения // Правоведение. 1972. № 1. С. 70–79.
14. Статус и полномочия прокуратур в России и за рубежом / под общ. ред. П. А. Смирнова. М.: Городец, 2025. 200 с.
15. Халиуллин А. Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации (Проблемы осуществления в условиях правовой реформы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. 28 с.
16. Элькинд П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. 172 с.
17. Bellin J. Theories of Prosecution // California Law Review. 2020. Vol. 108(4). Pp. 1203–1253.
18. Farsani A. Alternative Challenges of Criminal Prosecution in Iran and United States of America // Fares Law Research. 2023. Vol. 6. Issue 14. Pp. 91–108. DOI: 10.22034/lc.2023.168001.
19. Green B.A., Roiphe R. A. Fiduciary Theory of Prosecution // American University Law Review. 2019. Vol. 69. Issue Pp. 102–158.
20. Green B.A., Roiphe R. When Prosecutors Politick: Progressive Law Enforcers Then and Now // Journal of Criminal Law and Criminology. 2020. Vol. 110. Issue 4. Pp. 719–768.
21. Heinze A., Fyfe S. The role of the prosecutor // Core Concepts in Criminal Law and Criminal Justice: Anglo-German Dialogues. 2020. Vol. 1. Pp. 343–387.
22. Simonson J. The Place of «the People» In Criminal Procedure // Columbia Law Review. 2019. Vol. 119(1). Pp. 249–308.
23. Sklansky D. A. The problems with prosecutors // Annual Review of Criminology. 2018. Vol. 1. Pp. 451–469.

24. Tadayyon A. Alternatives to Criminal prosecution and its developments in French criminal procedure // *Criminal Law Research*. 2023. Vol. 14(2). Pp. 53–64. DOI: 10.22124/jol.2023.25443.2401.

25. Yavuz H. Alternatives to Prosecution In Turkish Criminal Procedure Law // *Adalet Dergisi*. 2021. Vol. 67. Pp. 77–104.

References

1. Bondar' M. M. *Ugolovnoe presledovanie i obvinenie v sisteme ugolovno-protsessual'nykh funktsiy* [Criminal Prosecution and Accusation in the System of Criminal Procedure Functions]. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra – Forensics: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2024. Issue 2. Pp. 25–38. (In Russ.).
2. Golovko L. V. *Instituty otkaza prokurora ot obvineniya i izmeneniya obvineniya v sude: postsovetskie perspektivy v usloviyakh teoreticheskikh zabluzhdeniy* [Institutions of the Prosecutor's Refusal to Charge and Change Charges in Court: Post-Soviet Prospects in the Context of Theoretical Misconceptions]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 2012. Issue 2. Pp. 50–67. (In Russ.).
3. Golunskiy S. A. *K voprosu o reforme predvaritel'nogo rassledovaniya* [On the Reform of Preliminary Investigation]. *Problemy sotsialisticheskogo prava* [Problems of Socialist Law]. Moscow, 1938. Pp. 10–18. (In Russ.).
4. Davydov P. M. *Obvinenie v sovetskem ugolovnom protsesse* [Accusation in Soviet Criminal Proceedings]. Sverdlovsk, 1974. 135 p. (In Russ.).
5. Zozulinskiy A. B. *Otkaz prokurora ot obvineniya i ego pravovye posledstviya* [The Prosecutor's Refusal to Charge and Its Legal Consequences]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet State and Law*. 1978. Issue 7. Pp. 137–140. (In Russ.).
6. Kozubenko Yu. V. *Ugolovnoe presledovanie kak element mehanizma ugolovno-pravovogo regulirovaniya* [Criminal Prosecution as an Element of the Mechanism of Criminal Law Regulation]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 2008. Issue 2. Pp. 108–113. (In Russ.).
7. Motovilovker Ya. O. *Ustanovlenie istiny v sovetskem ugolovnom protsesse* [Establishing the Truth in Soviet Criminal Proceedings]. Yaroslavl, 1974. 71 p. (In Russ.).
8. Malina M. A. *Sovremennyi institut otkaza prokurora ot obvineniya: krizis autentichnosti rossiyskogo ugolovnogo protsessa* [The Modern Institution of the Prosecutor's Refusal to File Charges Against a Suspect: Crisis of Authenticity of Russian Criminal Process]. *Lex Russica*. 2024. Issue 10 (215). Pp. 42–58. (In Russ.).
9. Nabatov M. B. *K voprosu o doverii obshchestva k rossiyskomu ugolovnomu sudoproizvodstvu v sovremennykh usloviyakh* [On the Issue of Public Trust in Russian Criminal Proceedings in Modern Conditions]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika – Law and State: Theory and Practice*. 2025. Issue 8. Pp. 444–447. (In Russ.).
10. Nazhimov V. P. *Ob ugolovno-protsessual'nykh funktsiyakh* [On Criminal Procedural Functions]. *Pravovedenie*. 1973. Issue 5. Pp. 73–82. (In Russ.).
11. Perlov I. D., Raginskiy M. Yu. *Nazrevshie voprosy doznaniya i predvaritel'nogo sledstviya* [Urgent Issues of Inquiry and Preliminary Investigation]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet State and Law*. 1957. Vol. 4. Pp. 115–121. (In Russ.).
12. Savitskiy V. M. *Protsessual'nye posledstviya otkaza prokurora ot obvineniya* [Procedural Consequences of the Prosecutor's Refusal to Charge]. *Pravovedenie*. 1972. Vol. 1. Pp. 70–79. (In Russ.).
13. Savitskiy V. M. *Gosudarstvennoe obvinenie v sude* [State Prosecution in Court]. Moscow, 1971. 343 p. (In Russ.).
14. *Status i polnomochiya prokuratur v Rossii i za rubezhom* [The Status and Powers of Prosecutor's Offices in Russia and Abroad]. Ed. by P. A. Smirnov. Moscow, 2025. 200 p. (In Russ.).
15. Khaliulin A. G. *Ugolovnoe presledovanie kak funktsiya prokuratury Rossiyskoy Federatsii* (Problemy osushchestvleniya v usloviyakh pravovoy reform) [Criminal Prosecution as a Function of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Problems of Implementation in the Context of Legal Reform): Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 1997. 28 p. (In Russ.).
16. El'kind P. S. *Sushchnost' sovetskogo ugolovno-protsessual'nogo prava* [The Essence of Soviet Criminal Procedural Law]. Leningrad, 1963. 172 p. (In Russ.).
17. Bellin J. Theories of Prosecution. *California Law Review*. 2020. Vol. 108(4). Pp. 1203–1253. (In Eng.).
18. Farsani A. Alternative Challenges of Criminal Prosecution in Iran and United States of America. *Fares Law Research*. 2023. Vol. 6. Issue 14. Pp. 91–108. DOI: 10.22034/lc.2023.168001. (In Eng.).
19. Green B. A., Roiphe R. A Fiduciary Theory of Prosecution. *American University Law Review*. 2019. Vol. 69. Issue 3. Pp. 102–158. (In Eng.).
20. Green B. A., Roiphe R. When Prosecutors Politick: Progressive Law Enforcers Then and Now. *Journal of Criminal Law and Criminology*. 2020. Vol. 110. Issue 4. Pp. 719–768. (In Eng.).
21. Heinze A., Fyfe S. The Role of the Prosecutor. *Core Concepts in Criminal Law and Criminal Justice: Anglo-German Dialogues*. 2020. Vol. 1. Pp. 343–387. (In Eng.).
22. Simonson J. The Place of 'The People' in Criminal Procedure. *Columbia Law Review*. 2019. Vol. 119 (1). Pp. 249–308. (In Eng.).
23. Sklansky D. A. The Problems with Prosecutors. *Annual Review of Criminology*. 2018. Vol. 1. Pp. 451–469. (In Eng.).
24. Tadayyon A. Alternatives to Criminal Prosecution and Its Developments in French Criminal Procedure. *Criminal Law Research*. 2023. Vol. 14 (2). Pp. 53–64. DOI: 10.22124/jol.2023.25443.2401. (In Eng.).
25. Yavuz H. Alternatives to Prosecution in Turkish Criminal Procedure Law. *Adalet Dergisi*. 2021. Vol. 67. Pp. 77–104. (In Eng.).

Информация об авторе:

И. В. Килина

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0002-6410-4605
ResearcherID: HSI-4064-2023

Статьи в БД Scopus / Web of Science:

DOI: 10.15394/jdfs.2017.1496
DOI: 10.17072/1995-4190-2024-65-471-493

About the author:

I. V. Kilina

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

ORCID: 0000-0002-6410-4605
ResearcherID: HSI-4064-2023

Articles in Scopus / Web of Science:

DOI: 10.15394/jdfs.2017.1496
DOI: 10.17072/1995-4190-2024-65-471-493

III. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Информация для цитирования:

Плешаков А. М., Шкабин Г. С. Уголовно-правовое значение животных и их использование при исполнении наказания: критический анализ правоприменительной практики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 4(70). С. 618–631. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-618-631.

Pleshakov A. M., Shkabin G. S. *Ugolovno-pravovoe znachenie zhivotnykh i ikh ispol'zovanie pri ispolnenii nakazaniya: kriticheskiy analiz pravoprimenitel'noy praktiki* [The Criminal Legal Significance of Animals and Their Use in the Execution of Punishment: A Critical Analysis of Law Enforcement Practice]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2025. Issue 4(70). Pp. 618–631. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-618-631.

УДК 343.3/.7; 343.8

DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-618-631

Уголовно-правовое значение животных и их использование при исполнении наказания: критический анализ правоприменительной практики

А. М. Плешаков

Научно-исследовательский институт ФСИН России
E-mail: pam7185@ya.ru

Г. С. Шкабин

Научно-исследовательский институт ФСИН России
E-mail: uprzn@ya.ru

Статья поступила в редакцию 04.07.2025

Введение: статья посвящена комплексному анализу двойственной роли животных в правовой сфере: как инструмента совершения преступлений и как потенциального средства в программах ресоциализации осужденных и предупреждения рецидива. **Актуальность** исследования обусловлена пробелами в законодательном регулировании и правоприменительной практике. Обращается внимание на необходимость поиска новых методов исправления в свете реализации Федерального закона «О пробации в Российской Федерации». **Целью** работы является критический анализ правоприменительной практики по делам о преступлениях, совершенных с использованием животных, и оценка перспективности применения зарубежного опыта программ ресоциализации в российских условиях. **Задачи** исследования включают: выявление типичных способов использования животных в преступной деятельности; анализ проблем квалификации таких действий; изучение потенциала использования животных в пенитенциарной и постпенитенциарной пробации. **Методы:** исследование основано на диалектическом методе познания с применением общенаучных (анализ, синтез, системный подход) и частнонаучных (формально-юридический, сравнительно-правовой, статистический, контент-анализ) методов. Проанализировано более 5000 приговоров судов РФ за 2020–2025 годы, проведены нарративные интервью с сотрудниками исправительных учреждений. **Результаты:** установлено, что животные (преимущественно собаки) используются при совершении разбоя, хулиганства и насилия в отношении представителя власти, выступая орудием преступления. Выявлены проблемы в правовой оценке и квалификации действий. Проанализирован зарубежный опыт программ ресоциализации с участием животных, демонстрирующий их положительное влияние на осужденных. **Выводы:** обосновывается

© Плешаков А. М., Шкабин Г. С., 2025

Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

необходимость дальнейших исследований проблем использования животных в преступной деятельности и потенциала анималотерапии для ресоциализации. Предлагается провести эмпирическое обобщение данных о таких преступлениях и разработать экспериментальные программы ресоциализации с участием животных в российских условиях.

Ключевые слова: зоологические преступления; животные; животные как орудие преступления; предупреждение преступлений; рецидив; социальные программы; ресоциализация осужденных

The Criminal Legal Significance of Animals and Their Use in the Execution of Punishment: A Critical Analysis of Law Enforcement Practice

A. M. Pleshakov

Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia
E-mail: pam7185@ya.ru

G. S. Shkabin

Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia
E-mail: uprzn@ya.ru

Received 04 Jun 2025

Introduction: the article is devoted to a comprehensive analysis of the dual role of animals in the legal sphere: as an instrument for committing crimes and as a potential means to be used in programs for the resocialization of convicts and the prevention of recidivism. The relevance of the study is due to gaps in legislative regulation and law enforcement practice. The authors highlight the need to search for new methods of correction in light of the implementation of the Federal Law 'On Probation in the Russian Federation'. **Purpose:** the paper aims to provide a critical analysis of law enforcement practice in cases of crimes committed with the use of animals and to assess the prospects for applying foreign experience in resocialization programs in Russia. The **objectives** of the study are as follows: to identify typical ways of using animals in criminal activities; to analyze the problems of qualifying such acts; to study the potential for using animals in penitentiary and post-penitentiary probation. **Methods:** the study is based on the dialectical method of cognition with the use of general scientific methods (analysis, synthesis, systems approach) and specific scientific methods (formal-legal, comparative-legal, statistical methods, content analysis). In the course of the research, more than 5,000 sentences passed by Russian courts in 2020-2025 were analyzed, narrative interviews with employees of correctional institutions were conducted. **Results:** the study has found that animals (mainly dogs) are used in the acts of robbery, hooliganism, and violence against government officials, serving as an instrument of crime. Problems in the legal assessment and qualification of such acts were identified. Foreign experience in resocialization programs with the participation of animals was analyzed, demonstrating their positive impact on convicts. **Conclusions:** the paper substantiates the need for further research on the problems of using animals in criminal activities and on the potential of animal-assisted therapy for resocialization. It is proposed to conduct empirical generalization of data on such crimes and to develop experimental resocialization programs with the participation of animals in Russia.

Keywords: zoological crimes; animals; animals as instruments of crime; crime prevention; recidivism; social programs; resocialization

Введение

Статья посвящена анализу нескольких сфер социальной практики, связанных с использованием животных, как в негативном, так и в позитивном плане. Такое соотношение обусловлено огромным диапазоном законодательных и ведомственных предписаний, определяющих запреты, ограничения,

разрешения или дозволения во взаимоотношениях с животными. Однако нередко такие правоустановления противоречат друг другу. В связи с этим было проведено сопоставление нормативных актов об обращении с животными с уголовными и уголовно-исполнительными категориями: «преступление», «наказание», «предупреждение рецидива», «исправление осужденного», «ресоциализация» и др.

В работе предпринята попытка проанализировать такую неприемлемую форму поведения, как действия лица, использующего животное для совершения общественно опасного деяния. Условно и стилизованно назовем такие деяния «зоологическими преступлениями». В структуре всех общеуголовных преступных посягательств они занимают весьма незначительное место. В статистическом плане во всех странах мира в государственных правоохранительных структурах они отдельно не фиксируются. Нет данных об их количестве и о лицах, привлеченных к уголовной ответственности за их совершение, то есть они «латентны».

Использование животных при совершении общественно опасных деяний можно определить как необычное, но хаотичное явление. Этот феномен наблюдается иррегулярно, от случая к случаю, то есть такие действия независимы друг от друга. Однако опыт правоохранительной деятельности показывает, что рассматриваемые преступления совершаются постоянно, из года в год, из десятилетия в десятилетие. Хаотичность и постоянство – диалектически разные категории, что, однако, не противоречит закону логики о единстве и борьбе противоположностей.

С целью исследования этого негативного явления были изучены более 5000 приговоров судов Российской Федерации, вынесенных в 2020–2024 годах по всем общеуголовным преступлениям, где использовался ключевой термин «животное», и правовые ситуации, сопряженные с этой смысловой единицей. Соответственно, не учитывались процессуальные акты, где слово «животное» не имело непосредственного отношения к совершению преступления с участием биологической особи, например, «кражи статуэтки с изображением собаки», «хищение шкуры животного», «разбой с применением ножа, ручка, которого стилизована под животное» и т. п.

В результате обобщения данных были определены три наиболее распространенных зоологических преступления – разбой, хулиганство и применение насилия в отношении представителя власти. Однако их доля в общей структуре таких преступлений остается весьма незначительной – от 1 до 1,5 %. Животные в этих общественно опасных деяниях в зависимости от ситуации определяются по-разному: как орудие преступления, как предмет, используемый как оружие, как специальное средство, как пробация и т. п.

В свою очередь о позитивной правовой роли животных давно и хорошо известно. Они используются для задержания преступников, охраны зданий и сооружений, конвоирования осужденных, поиска наркотиков и оружия и т. д. Однако нормативное регулирование их применения нередко бывает неполным или непоследовательным.

В отдельных правовых актах о животных вообще не говорится, но их участие в правоприменительной деятельности косвенно предполагается или допускается не только с нормативных, но и с социально-психологических позиций. В частности, таким законом является Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации»¹ (далее – ФЗ «О пробации»), одной из целей которого является предупреждение совершения нового преступления со стороны лица, подвергнутого пробации, то есть недопущение им рецидива.

По смыслу закона предупреждение рецидива преступлений может быть достигнуто за счет коррекции социального поведения и ресоциализации осужденных, что, видимо, вполне возможно с привлечением домашних животных, в первую очередь собак. Такие программы и практика их использования уже достаточно давно реализуются за рубежом.

С помощью методов логико-юридического исследования и сравнительного правоведения мы пытались интерпретировать результаты такой практики применительно к российской правовой действительности. Высказывалось не только критическое отношение к подобным программам – выделялись и позитивные аспекты при их возможном принятии. Ведь в конечном итоге это один из возможных путей по предупреждению рецидива преступлений. По существу, такие программы представляют собой новую форму ресоциализационной стратегии, которая может содержать значительный общественно полезный потенциал.

Об использовании собак для коррекции социального поведения в российских уголовно-правовых науках еще не говорилось. Однако это, на наш взгляд, становится достаточно актуальным, во-первых, ввиду принятия ФЗ «О пробации», а во-вторых, в связи с необходимостью научных изысканий в этом направлении пенологии.

1. Умышленные преступления, совершенные с использованием животных

1.1. Разбой с использованием животных: особенности объективных и субъективных признаков

В соответствии со статьей 162 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) разбой – это нападение в целях хищения чужого имущества с применением насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего, либо с угрозой применения такого насилия. Изучение судебно-следственной практики показало, что разбой с использованием животных является одним из самых распространенных корыстно-насильственных посягательств в весьма ограниченном объеме всех зоологических преступлений.

¹ О пробации в Российской Федерации: Федер. закон от 6 февр. 2023 г. № 10-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 2023. № 6, ст. 911.

При совершении этого общественно опасного деяния и его квалификации возникает несколько проблем, связанных с установлением объективных и субъективных признаков состава преступления. Это касается: механизма физического нападения животного; определения параметров предмета, используемого для изъятия имущества; характера угрозы причинения вреда жизни или здоровью потерпевшего.

При разбое уголовно-правовое «нападение» совершают виновный, а животное используется им лишь как инструмент (орудие) для достижения преступной цели. Как показывает опыт правоохранительной практики, для совершения разбойных нападений в абсолютном большинстве случаев виновные используют различных собак.

Напасть означает «внезапно броситься, неожиданно атаковать, быстро перемещаться в пространстве, стремительно приближаться с целью нанесения урона». Такие физические действия совершаются в два этапа и состоят в натравливании собаки на человека, а затем в неблагоприятном контакте с потерпевшим.

В свою очередь натравливание (от глагола «травить») представляет собой искусственное и целенаправленное возбуждение агрессии по отношению к жертве. Этот процесс осуществляется по команде виновного верbalным образом или конклюдентными действиями. С позиции кинологии (науки о собаках) команда представляет собой условный раздражитель, который вырабатывает определенные действия у животного. Соответственно, натравливание – это предтеча физической агрессии, первоначальный этап в механизме нападения. При контакте с потерпевшим собакакусает за руки, за ноги, за половые органы, сбивает жертву на землю, удерживает на месте. Может нанести лоскутные или рваные раны. Виновный пользуется этим и изымает деньги, ценные вещи, вырывает сумки, барсетки, ручную кладь либо потерпевший вынужден сам отдавать имущество.

Верховный Суд РФ в своем Постановлении «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»¹ рекомендовал собак или других животных, представляющих опасность для жизни или здоровья человека, определять в качестве предмета, используемого как оружие (в настоящее время – ч. 2 ст. 162 УК). Следовательно, опасная собака – это предмет, материальный субстрат, поражающие свойства которого сопоставимы с холодным оружием колюще-режущего типа [4]. Данное положение не противоречит и гражданскому законодательству. В соответствии со статьей 137 Гражданского кодекса РФ животные – это вещи, предметы («одушевленные»), поскольку к ним применяются общие правила об имуществе.

В вышеназванном постановлении высшего судебного органа страны словосочетание «опасные

животные» не является формальным установлением. Этот термин представляет собой правовой ориентир (маркер), позволяющий оценивать ситуацию разбоя в динамике с учетом конкретных обстоятельств дела и физической роли биологического существа в преступлении. Опыт правоохранительной деятельности показывает, что для разбойных нападений в абсолютном большинстве случаев виновные используют таких опасных собак, как питбультерьер, американский стаффордширский терьер, ротвейлер, немецкая овчарка, доберман-пинчер, бульдог и др.

В вышеназванном постановлении Пленума разъясняется, что предметом, используемым как оружие, могут признаваться и другие опасные для жизни и здоровья животные. Это те биологические особи, которые приспособлены человеком для охраны имущества или защиты территории. К ним могут относиться леопарды, гепарды, пумы, медведи, человекообразные обезьяны, крупные хищные птицы и др. При дрессировке они, видимо, способны «переквалифицироваться» в оружие для разбоя. Однако в российской судебно-следственной практике такие случаи пока не зафиксированы.

В юридической литературе было высказано мнение, что при разбое могут использоваться и змеи [8, с. 127]. Правда не уточнялось, какие из них – ядовитые или нет. При любом варианте это, на наш взгляд, представляется маловероятным. Критическое отношение к данному мнению базируется на том, что рептилии не поддаются обучению, не привыкают к человеку и не выполняют его распоряжений. Соответственно, использовать змею физически, в качестве непосредственного орудия преступления, то есть «натравить» ее и заставить напасть на жертву по команде, не реально.

В свою очередь запугать человека нападением змеи, демонстрируя ее и угрожая бросить в потерпевшего, видимо, возможно, поскольку многие люди боятся рептилий генетически, по древней наследственной памяти. Однако и это, на наш взгляд, представляется гипотетическим вариантом. При таком развитии событий скоротечная ситуация разбоя может выйти из-под контроля виновного, поскольку ему одновременно необходимо следить за поведением потерпевшего, его защитными действиями, удерживать змею и обеспечивать изъятие имущества.

До настоящего времени в российской судебно-следственной практике случаев использования рептилий для совершения разбоя не зафиксировано. Вместе с тем проведенное исследование показало, что в правоприменительной деятельности сложился ряд противоречивых тенденций по поводу установления признаков «одушевленного» предмета, используемого как оружие.

¹ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 27 дек. 2002 г. № 29 (ред. от 15.12.2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.

Во-первых, из материалов уголовного дела иногда остается неясным, что это за «зверь», с помощью которого осуществлялся разбой. Нередко указывается, что преступление совершено с помощью «крупной» собаки; «опасной» собаки; «злой» собаки; «собаки больших размеров»; «высотой в холке более 50 сантиметров» и т. п. Вышестоящие суды вынуждены реагировать на такого рода правовые упущения.

Так, Белгородский областной суд в своем апелляционном определении на приговор районного суда по уголовному делу о разбое указал, что применение животного в качестве предмета, используемого как оружие, не нашло своего подтверждения в судебном заседании. Основанием для такого вывода послужило то обстоятельство, что стороной обвинения не было представлено заключение кинологической экспертизы о породе собаки¹.

Во-вторых, судебно-следственная практика показывает, что для осуществления разбоя виновные иногда используют собак, которые в социально-бытовом окружении известны как «дворняги». В силу невозможности использования в официальных документах таких обиходных (разговорных) слов, как «дворняжка», «дворовая порода», «двор-терьер» и других подобных номинаций, следственные органы и суды стараются выйти из этой ситуации с помощью псевдокинологических терминов-заменителей. В процессуальных документах подчас указывается, что виновный совершил разбойное нападение с использованием собаки «бытовой породы», «простой породы», «породы метис» и т. п. Соответственно, предмет преступления остается неопределенным.

Понятие «порода» означает общность происхождения и ряд морфологических особенностей, стойко передающихся по наследству [9, с. 36–42]. У дворовых собак этого нет, как у «дворовой» породы. Соответственно, любая «дворняга» – это гибрид (помесь), то есть животное, полученное от скрещивания генетически разных биологических особей. Это те животные, которые в кинологии имеют название «сложный (неустановленный, смешанный) полигибрид». На наш взгляд, подобное понятие вполне пригодно и для материального и процессуального правоприменения. В данной номинации (полигибрид) могут отражаться и другие конкретные признаки.

В-третьих, в судебно-следственной практике наблюдается и такая тенденция, как определение «предмета» разбоя с помощью выдуманных, не существующих в кинологии собак. В процессуальных документах нередко указывается, что преступление совершено с использованием: собаки «бойцовой породы», «охотничьей», «сторожевой», «агрессивной породы», собаки «для охоты на крупного зверя»,

«монгольско-тибетской», «северокавказской породы» и т. п. В нормативных бланкетных актах и в социальной действительности таких пород не существует.

Разумеется, подобные тенденции в практике правоприменения заслуживают критического отношения. По своему внешнему выражению все эти номинации представляют собой лишь указание на использование некоего абстрактного холодного оружия. Соответственно, событие разбоя юридически размывается, поскольку не отвечает требованиям существенных признаков в формуле доказывания – с чьей помощью, каким образом совершено преступление (*quibus auxiliis, quimodo* – лат.).

Разбой считается оконченным преступлением, когда используется только угроза применения насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего, а физический вред при этом не причиняется. Запугивание жертвы нападением собаки – один из наиболее распространенных способов преступления. По данным нашего исследования, более чем в 72 % случаев от числа всех «зоологических» разбоев применялось такого рода психическое воздействие. Физическое насилие фиксировалось значительно реже – примерно в каждом третьем случае (28 %).

Такое «предпочтение» в способах нападения, видимо, объясняется тем, что собака не может сразу (моментально) прекратить свои агрессивные действия. Виновному необходимо какое-то время и усилия для того, чтобы остановить нападение, оттащить животное от жертвы. Однако в этот период «динамика» преступления способна выйти из-под контроля, и виновный может не достичь своей цели по изъятию имущества.

1.2. Хулиганство и преступления, совершаемые из хулиганских побуждений

В структуре Особенной части УК РФ хулиганство представляет собой преступление против общественного порядка. В соответствии со статьей 213 УК РФ преступное деяние определяется как грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу. Согласно пункту «а» части 1 уголовно-правовой нормы ответственность наступает за хулиганство, совершенное с применением насилия к гражданам либо с угрозой его применения. В соответствии с частью 2 статьи 213 УК РФ уголовно наказуемым признается деяние, совершенное с применением предметов, используемых в качестве оружия.

Высший судебный орган страны в Постановлении «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве или иных преступлениях, совершенных из

¹ Определение Белгородского областного суда по уголовному делу №22-165/2015 от 4 февр. 2015 г. URL: <https://oblsud-blg.sudrf.ru/>.

хулиганских побуждений»¹ подтвердил свою позицию, ранее высказанную в отношении разбоя, что предметом, используемым как оружие, могут быть животные, опасные для жизни или здоровья потерпевшего. Что это за животные – в Постановлении Пленума не разъяснялось. Опыт судебно-следственной деятельности показывает, что в абсолютном большинстве случаев предметом, используемым как оружие при хулиганстве, являются собаки. Фактов применения для совершения преступления возбужденных и агрессивных жеребцов, быков, верблюдов, пчел или других домашних или диких животных в российской практике пока не наблюдалось. Однако за рубежом подобные экзотические случаи иногда фиксируются.

В округе Хэмпден США произошел инцидент, получивший отражение в документах полиции и новостных сообщениях. 12 октября 2022 г. Рори С. Вудс (55 лет) прибыла на место выселения в Лонгмидоу с прицепом, груженным ульями. Утверждается, что она начала трясти ульи и снимать с них крышки, выпуская пчел на заместителей шерифа. Несколько сотрудников были ужалены, один из них, страдающий аллергией на пчелиные укусы, был госпитализирован. Вудс была арестована, и ей были предъявлены обвинения по нескольким статьям, включая нападение и нанесение побоев с применением «опасного оружия» (пчел) и нарушение общественного порядка. Шериф Ник Кокки заявил, что действия Вудс поставили под угрозу жизни людей².

При уголовно-правовой оценке таких конструктивно и взаимосвязанных признаков, как «грубость» нарушения общественного порядка, совершающегося с использованием животных, и «явность» неуважения к обществу, необходимо учитывать конкретные обстоятельства дела: характер насильтенных действий, их продолжительность, интенсивность, место и время совершения. Всегда это выражается в противопоставлении виновного правилам социального общежития, в открытом вызове общественному спокойствию, в демонстративном пренебрежении нормами морали.

При хулиганстве с использованием собак наблюдаются типичные ситуации объективного характера. Чаще всего преступление совершается в общественных местах – на улицах, в парках, скверах, возле магазинов, в местах отдыха и т. п. (90–95 % случаев). Виновный, как правило, находится в состоянии алкогольного опьянения (более 80 % случаев). В каждом четвертом хулиганстве (25 %) фиксируется жестокий способ совершения преступления, то есть причинение потерпевшему мучительных физических

страданий за счет длительного натравливания животного.

Для хулиганских действий типичным является и субъективное отношение виновного к содеянному. В большинстве случаев это внезапно возникший умысел, обусловленный бессмысленной «пьяной мотивацией». Грубое нарушение общественного порядка обычно происходит по надуманным мотивам, по незначительному поводу, по неясно выраженным побуждениям. Как показывает изучение судебно-следственной практики, в случаях натравливания собак на потерпевших виновные нередко объясняют свое поведение весьма неубедительно: «я сделал это просто так», «из интереса», «от нечего делать», «сам не знаю почему», «был в состоянии опьянения». В Особенной части УК РФ содержится ряд статей, в которых в качестве квалифицирующего признака преступления предусмотрено его совершение из хулиганских побуждений. Это, в частности, общественно опасные посягательства против: жизни (ст. 105 УК РФ); здоровья (ст. 111, 112, 115, 116 УК); собственности (ст. 167 УК); общественной безопасности (ст. 215.2, 215.3 УК); общественной нравственности (ст. 245 УК) и др. При совершении любого из них животные могут быть использованы в качестве орудия преступления. Соответственно, хулиганские побуждения, как и само хулиганство, могут определять поведение виновного не только по отношению к людям, но и к иным социальным ценностям – к чужому имуществу, к «одушевленным» предметам (другим животным), к объектам жизнеобеспечения, к нормам морали т. д. Так, Слободской районный суд Кировской области осудил некоего Т. за жесткое обращение с животным, совершенное из хулиганских побуждений (ст. 245 УК РФ). Виновный, находясь в алкогольном опьянении, в общественном месте, в многолюдном городском парке, натравил свою собаку породы питбультерьер на декоративную собаку (той-терьер) потерпевшей К. В подтверждение команды на атаку Т. указал рукой на объект нападения. От полученных укусов миниатюрное животное потерпевшей погибло. По заключению экспертизы, гибель той-терьера наступила от болевого шока и разрыва сердца. Перед смертью собака потерпевшей долго агонизировала и страдала. Почему он убил чужое животное и какими мотивами руководствовался – ни на следствии, ни в суде Т. объяснить не смог. Виновный лишь постоянно заявлял, что в тот момент он был в состоянии опьянения³.

¹ О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 15 нояб. 2007 г. № 45 (ред. от 26.11.2024) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 1.

² Woman accused of using bees to attack sheriff's deputies during Longmeadow eviction. URL: <https://www.cbsnews.com/boston/news/massachusetts-bee-attack-arrest-rorie-susan-woods/>.

³ Приговор Слободского районного суда Кировской области по уголовному делу №1-253/2019 от 4 дек. 2019 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Хулиганская мотивация определяется через понятие «хулиганство» и является комплексной психологической категорией. В этой структуре намерений и желаний виновного отражаются лишь отдельные стороны его психологического состояния, которые нередко содержат прямо противоположные стимулы поведения. В теории уголовного права до настоящего времени нет системного и полного определения хулиганских побуждений. Это критическое заключение, по нашему мнению, обусловлено безграничной вариативностью негативного и пренебрежительного отношения к социальным ценностям. Преступления, совершаемые с использованием собак, на наш взгляд, подтверждают данный вывод.

Вместе с тем анализ «зоологических» общественно опасных деяний, совершенных из хулиганских побуждений, выявил характерные особенности в поведении виновных. Это мотив самоутверждения собственного «я» за счет силы животного.

Потребность в самоутверждении, то есть в повышении значимости своей личности в собственных глазах, является антропологической константой. Эта постоянная биологическая величина означает, что человек, как общественное животное, не может обойтись без признания его со стороны других людей. Иными словами, это всегда рассматривается сквозь призму оценки со стороны других.

С позиции уголовного права мотив самоутверждения, на наш взгляд, представляет собой субъективное стремление виновного освободить себя от закона, «переступить черту». Это желание почувствовать свое превосходство над окружающими с помощью силы животного, убедить себя в собственной ценности, преодолеть внутреннюю неуверенность, проверить наличие волевых качеств и т. д. [1, с. 304, 306, 307]

1.3. Применение насилия в отношении представителя власти

В преступлении против порядка управления – в части 1 статьи 318 УК РФ – предусмотрена ответственность за применение насилия, не опасного для жизни, здоровья, либо за угрозу применения такого насилия в отношении представителя власти; в части 2 данной уголовно-правовой нормы установлена ответственность за применение насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего.

Проведенное исследование показало, что существует типичная ситуация использования животных против представителей власти. Подобное преступное поведение, как правило, осуществляется для противодействия законной деятельности любого представителя исполнительного органа государства. Виновные отказываются выполнять требования со-

трудников правоохранительных органов или сопротивляются этому при наложении ареста на имущество, проведении обыска или выемки, установлении личности, установлении местонахождения лица, подозреваемого в административном правонарушении или преступлении, при задержании лица, непосредственно осуществляющего противоправное действие, при проведении оперативно-розыскного мероприятия в форме гласного обследования зданий, соружений, участков местности и т. д. Противодействие и сопротивление – сходные правовые понятия. По существу, это синонимы, поскольку, термин «сопротивление» и означает противодействие принуждению, физическому или психическому воздействию органов власти.

Действия виновного, использующего животных против законных действий сотрудников правоохранительных органов, являются своеобразной формой преступного поведения. Проведенное исследование показало, что для такого сопротивления используются домашние собаки самых разных пород или их сложные (смешанные) полигибриды («дворняги»). В материальном плане и в процессуальных документах «сопротивление», в котором участвуют собаки, оценивается по-разному. Иногда их в зависимости от обстоятельств дела определяют как орудие преступления либо как предмет, замещающий оружие, и т. п.

В Федеральном законе «О полиции»¹ (п. 3, 5, ч. 1 ст. 21) подобное сопротивление сотрудникам полиции связано с ситуацией задержания лица, совершающего преступление или административное правонарушение. Такие действия выражаются в активном уклонении от задержания с помощью силы животных.

Виновный применяет физическое насилие, натравливая собаку на потерпевшего, или угрожает ее нападением (психическое насилие), стараясь воспрепятствовать своему задержанию. Свообразие этой ситуации в законодательном плане заключается в метаморфозе понятия «сопротивление» – его трансформации в понятие «вооруженное нападение на сотрудника полиции». В соответствии с Федеральным законом «О полиции» (ч. 2 ст. 23) под вооруженным нападением следует понимать действия, совершенные с использованием предметов, способных причинить тяжкий вред здоровью или смерть потерпевшему. По существу, в законодательстве говорится о предметах, замещающих оружие (вооружение), и такими опасными «вещами» могут являться собаки – физически сильные, подчиняющиеся командам хозяина и способные к жестокому нападению на человека.

Исследование показало, что физическое насилие с использованием собак подчас характеризиру-

¹ О полиции: Федер. закон от 7 февр. 2011 № 3-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 2011. № 7, ст. 900. П. 3, 5 ч. 1 ст. 21.

ется интенсивностью нападения. Понятие «интенсивность» означает уровень напряженности усилий [5, с. 216]. В юридической литературе под интенсивностью посягательства понимается способ действий, сила и стремительность агрессии, то есть это признаки, которые определяют характер и степень общественной опасности деяния [7, с. 26]. В преступлениях с использованием животных уровень настойчивости усилий виновного (напряженность действий) определяется рядом взаимосвязанных обстоятельств. Это последовательность лица в отдаче команд собаке, согласованность действий человека и животного, длительность агрессивного поведения биологической особи, направленного на причинение вреда потерпевшему, и т. п.

В качестве иллюстрации интенсивности нападения можно привести ситуацию из уголовного дела в отношении В., обвиняемого в применении насилия к представителям власти. Соседи В., находившегося в сильной степени опьянения, вызвали полицию, чтобы прекратить противоправное поведение виновного. После того как подъехала служебная автомашина, В. сразу отдал своей собаке, которая была без намордника, команду на нападение. Собака породы питбультерьер вела себя агрессивно, прыгнула на дверцу автомобиля, засунула голову в салон, так как окно было на три четверти открыто, рычала, скалилась и пыталась вцепиться в полицейского. Животное настойчиво выполняло неоднократные команды хозяина на нападение. На требования правоохранителей убрать собаку виновный не реагировал.

Один из полицейских из салона автомобиля применил оружие и ранил питбультерьера. Затем сотрудники ОВД вышли из автомашины и надели наручники на виновного. Однако В., лежа на земле, вновь стал отдавать приказы на нападение своей раненой собаке. Животное опять начало двигаться в сторону полицейских, хотя и не столь быстро. Сотрудник полиции во второй раз был вынужден стрелять и убил питбультерьера. В судебном заседании действия правоохранителей были признаны необходимыми и правомерными¹.

В юридической литературе было высказано правильное, на наш взгляд, мнение, что если нападение животного, то есть применение насилия, в том числе к представителю власти, спровоцировано человеком, то речь идет о необходимой обороне. В этом случае животное выступает в качестве инструмента для осуществления воли виновного, который намеревался с помощью биологической особи совершить преступление [6, с. 13, 19].

Для отражения указанной формы вооруженного нападения или угрозы его совершения сотруднику полиции предоставлено право применять огнестрельное оружие (п. 2 ч. 3 ст. 23 Федерального закона «О полиции»). По существу, это право на защиту как собственной жизни и здоровья, так и интересов

граждан, то есть реализация права на необходимую оборону [2, с. 116 и др.].

В этом плане отражение агрессивного поведения животного путем причинения ему вреда (вплоть до лишения жизни) подходит под так называемый принцип соразмерности, то есть соответствие какой-либо мере. Как указывалось в юридической литературе, основное значение при необходимой обороне следует придавать «соотношению размера защиты размерам нападения» [10, с. 120].

Как показало проведенное исследование, одной из наиболее распространенных ситуаций, связанных с противоправным использованием собак, является нападение на полицейских, которые стремятся пресечь хулиганские действия виновного. Фактически такие случаи представляют собой частные варианты противодействия законной деятельности представителей власти, о чем мы уже говорили, однако они имеют свои особенности объективного характера, поэтому мы и выделяем их.

Эта специфика заключается в том, что лицо, как правило, находится в состоянии алкогольного опьянения и, грубо нарушая общественный порядок, в первую очередь беспринципно натравливает собаку на окружающих граждан или прохожих. На требования прибывших правоохранителей о прекращении противоправных действий виновный обычно не реагирует и как бы по «инерции» натравливает животное уже на самих полицейских. Однако квалификация содеянного по совокупности преступлений (ст. 213 и 318 УК РФ) фактически не встречается.

Альтернативным вариантом преступного поведения, предусмотренного в статье 318 УК РФ, является и реальная угроза нападения животного на представителя власти. По данным нашего исследования, такая форма психического насилия фиксировалась более чем в 38 % случаев в общем объеме ситуаций использования собак против сотрудников полиции. Виновные натравливают животное, готовое броситься на человека, но сдерживают его, тем самым стараясь запугать полицейских и избежать задержания.

Подобные ситуации имеют универсальный характер. Они наблюдаются не только в нашей стране, но и за рубежом. Так, в США, в округе Поттер штата Техас, некто Дж. Гаррет-младший в процессе затяжной ссоры со своими соседями Никсонами и собственным отцом, действуя из хулиганских побуждений, неоднократно угрожал применением насилия с помощью принадлежащего ему доберман-пинчера по кличке Тайни. После прибытия полицейских, которые пытались арестовать виновного, он продолжал свои преступные действия и натравливал животное уже на самих полицейских. Гаррет держал собаку в возбужденном состоянии за ошейник и, указывая то на одного полицейского, то на другого, отдавал команды, видимо, аналогичные нашим: «Фас!»,

¹ Приговор Долматовского районного суда Курганской области по уголовному делу № 1 -26.2013 от 5 апр. 2013 г. URL: <http://sudact.ru>.

«Возьми!», «Куси!» и т. п. Виновный, однако, не отпускал животное для атаки, но готов был сделать это реально. Один из полицейских был вынужден применить оружие и застрелил добермана¹.

Характер и степень общественной опасности любых зоологических преступлений непосредственно связаны с личностью виновного, свойствами и чертами его характера. Сведения об обстоятельствах совершенного преступления, которые отражаются в материалах уголовных дел и в приговорах, позволяют прогнозировать (хотя бы в общем виде) поведение лица в дальнейшем, в том числе в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества.

Нarrативные интервью с отдельными сотрудниками исправительных учреждений показали², что «зоологические» преступники, как правило, обладают набором волевых качеств. Они дисциплинированы, самостоятельны, решительны и уверены в себе. Такие лица способны сдерживать и контролировать свои чувства и эмоции, стараются не вступать в конфликты. Они в основном безразличны к чужим переживаниям и страданиям, безжалостны и как минимум не эмпатичны.

«Зоологические» преступники изобретательны и коварны, быстро приспосабливаются к окружающей обстановке. Такие лица весьма расчетливы и способны планировать свое внешнее поведение на длительный срок.

Вместе с тем выборочные исследования показали, что в отношении осужденных за преступления с использованием животных цели уголовно-исполнительного воздействия подчас труднодостижимы. Формирование у них уважительного (почтительного) отношения к любому человеку, к обществу и к труду бывает весьма сложным.

Соблюдение норм человеческого общежития, правил, традиций, порядка, поведения в социуме такими лицами нередко игнорируется. Соответственно, достижение еще одной цели исправительного воздействия – формирование правопослушного поведения (и, как следствие, предупреждение рецидива преступлений) – иногда не приводит к социально позитивному успеху.

Анализ умышленных преступлений, в которых животные использовались как орудие или средство совершения противоправных деяний, выявил особенности их применения в криминальных целях. Изучение судебно-следственной практики позволило constатировать, что преимущественно речь идет о собаках при совершении таких преступлений, как разбой, хулиганство и применение насилия в отношении представителя власти. Из всего сказанного выше возникает закономерный вопрос: если деструктивная связь «человек – животное» является криминогенным

фактором, возможно ли построение конструктивной связи для достижения целей ресоциализации?

Наше исследование не ограничивается исключительно негативными аспектами взаимодействия человека и животного в правовой сфере. Проведенный анализ позволяет перейти к рассмотрению противоположной роли животных – их предупредительного потенциала. Следующий раздел будет посвящен именно этому позитивному аспекту – применению животных в правоохранительной практике и программах ресоциализации, что логично продолжает предпринятое исследование.

2. Использование животных для предупреждения совершения новых преступлений

2.1. Законодательные установления и практическая реализация

В соответствии с ФЗ «О пробации» ее целями являются ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация лиц, в отношении которых применяется пробация (ч. 1 ст. 4). Согласно нормативному установлению под ресоциализацией понимается комплекс мер социально-экономического, педагогического и правового характера в целях реинтеграции в общество лиц, освобожденных из учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (п. 5 ст. 5). Такая ресоциализация (новая социализация) конструктивно связана как с социальной адаптацией (комплексом мероприятий для оказания помощи в целях стимулирования правопослушного поведения), так и с социальной реабилитацией (восстановлением утраченных связей и функций).

Самостоятельными целями пробации являются коррекция социального поведения и предупреждение совершения осужденными новых преступлений. По нашему мнению, весь процесс и результат ресоциализации осужденных к принудительным работам или к лишению свободы и заключается в формировании законопослушного поведения, чтобы лицо вновь не встало на преступный путь.

В соответствии с ФЗ «О пробации» одним из принципов ее осуществления является рациональность применения мер стимулирования правопослушного поведения (п. 4 ст. 3). Органы государственной власти вправе принимать программы (подпрограммы), в которых предусмотрены мероприятия, направленные на ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию осужденных (п. 4 ст. 8). В рамках одной из таких подпрограмм целесообразно, на наш взгляд, рассмотреть вопрос о разработке совокупности действий, объединенных

¹ См.: Уголовное дело Гаррет против Соединенных Штатов от 22 июля 1981 г. Апелляционный суд штата Техас. Коллегия № 1. URL: <http://www.casemine.com>.

² В период с 2022 по 2025 год было проведено интервью с 38 сотрудниками исправительных учреждений, в которых содержатся лица, осужденные за преступления, совершенные с использованием животных.

одной общественно значимой задачей – предупреждение новых преступлений с использованием животных.

Эта идея известна достаточно давно, еще начиная с XIX века. Попытки ее практической реализации в настоящее время неоднократно предпринимались в Австралии, США, Шотландии, Южной Америке, Японии и в других странах [15; 17; 23].

Программа ресоциализации осужденных и их подготовка к социальной реинтеграции также была разработана в Сербии в 2017–2018 годах [11, с. 8]. В ходе ее осуществления применялся метод наблюдения и полуструктурированный опрос сотрудников исправительного учреждения и осужденных, вовлеченных в программу. Уникальность этого комплекса мероприятий заключалась в том, что приют для собак, бродячих и брошенных хозяевами, в г. Сремска-Митровица был создан на территории исправительного учреждения. В дальнейшем программа осуществлялась совместными усилиями городских властей и администрацией учреждения.

В рамках повседневной работы осужденные обучали животных базовым навыкам и командам («сидеть», «стоять», «рядом», «ко мне» и т. п.), кормили, приучали к туалету, следили за внешним видом, выгуливали, для того чтобы подготовить их для передачи в семью, другим людям. В социальной практике такие животные известны как собаки-компаньоны. Они могут обучаться и для обслуживания слабовидящих или слепых [19], лиц с психическими расстройствами [18], пожилых людей [13]. В российских условиях это могут быть участники СВО, пострадавшие от боевых действий, террористических актов и другие люди, нуждающиеся в психологической поддержке.

Собаки, используемые для ресоциализации осужденных, могут быть самыми разными: различных пород, размеров и возраста, а также смешанными полигибридами («дворняги»). Эти животные не пригодны для служебной деятельности, как специальное средство, а также в качестве розыскных, патрульно-розыскных, караульных или собак по поиску наркотиков, взрывчатых веществ, запрещенных предметов и т. п. Они не подходят под юридическую категорию «служебные животные», и к ним не применяются положения ведомственного нормативного акта о порядке обращения со служебными животными в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системе Российской Федерации¹.

Правовой режим собак, используемых для ресоциализации, должен регулироваться правоустановлениями Федерального закона «Об ответственном

обращении с животными»². Собаки в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества, могут подпадать под категорию «животные без владельца», то есть те, которые до их помещения в исправительное учреждение не имели владельца (собственника) или владелец которых неизвестен.

Самостоятельный отлов таких животных в России не допускается. Однако их содержание в полном объеме подпадает под действие федерального законодательства и не противоречит целям укрепления нравственности, обеспечения безопасности и защиты прав и законных интересов граждан (ст. 1 Федерального закона «Об ответственном обращении с животными»).

Приобретение таких собак и их безвозмездная передача может происходить на основе соглашения с муниципальными приютами для бездомных животных. Время обучения может варьироваться от 3 месяцев до полутора лет. Как указано в иностранной литературе, опыт содержания собак-компаньонов показал, что финансовые затраты исправительных учреждений минимальные, по крайней мере по сравнению с затратами на профессиональных кинологов [12]. Каковы будут финансовые затраты в России – нам, разумеется, неизвестно. Однако вряд ли они будут большими, чем на содержание служебных животных.

Одной из проблем ресоциализации осужденных с использованием собак является определение конкретного лица, способного достичь успеха при осуществлении программы. Вполне понятно, что осужденный должен добровольно участвовать в подобных мероприятиях.

При отборе таких лиц необходимо учитывать их предыдущие судимости, характер и число нарушений режима содержания, окончание срока наказания, характеристику личностных качеств и т. п. Здесь нужен индивидуальный подход и никаких формальных ограничений не должно быть.

Вместе с тем вряд ли целесообразно (в качестве ориентира), хотя бы на первоначальном этапе, привлекать к участию в программе осужденных за преступления, совершенные с особой жестокостью по отношению к потерпевшему, с применением издевательств и мучительного сексуального насилия и т. д. Это предположение основано на известном постулате: «Любовь к животным не исключает ненависти к людям». Вряд ли приемлемо, на наш взгляд, и применение программы к осужденным, которые использовали животных для совершения насильственных преступлений или связанных с жестоким обращением с ними.

¹ Об утверждении Порядка обращения со служебными животными в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации [Электронный ресурс]: Приказ ФСИН России от 31 дек. 2019 г. № 1210 (ред. от 15.07.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 27 дек. 2018 г. № 498-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2018. № 53, ст. 8424.

Так, например, некто Ш. и трое не установленных следствием лиц совершили разбойное нападение на семью С., проживающую в Новосибирской области. Преступники под угрозой физической расправы связали всех находившихся в комнате потерпевших. Ш., с целью более наглядной демонстрации своих угроз, схватил за голову бегавшую по квартире комнатную миниатюрную собаку породы карликовый пинчер и ножом перерезал ей горло. После этого Ш. показал жене С. окровавленный труп и бросил его на диван. Ш. заявил потерпевшей, что если она не отдаст ценностей, то он также сделает это с ней и с детьми. Деморализованная хозяйка квартиры отдала деньги и золото. В дальнейшем Ш. был задержан и осужден [3, с. 152–153].

2.2. Критическое отношение к программам ресоциализации осужденных с использованием животных

Трудность в осуществлении программ коррекции социального поведения и предупреждения совершения новых преступлений заключается в ряде обстоятельств объективного и субъективного характера. Прежде всего необходимо учитывать утилитарный характер самих исправительных учреждений, которые направлены не на обеспечение целостного благополучия содержащихся в них лиц, а на управление осужденными и заключенными, а также обеспечение безопасности [21]. Также проблемы могут быть связаны с предвзятостью сотрудников исправительного учреждения в определении осужденного для реализации программы. Как указывается в зарубежной литературе, маловероятно, чтобы администрация исправительного учреждения подходила к такому выбору случайным образом, поскольку необходимо, чтобы осужденный характеризовался положительно и у него не было дисциплинарных нарушений режима [14].

Приведенные трудности объективного характера имеют важное значение. Однако они не являются определяющими, поскольку в отношении конкретного осужденного (в том числе с наличием дисциплинарных нарушений) может существовать заранее сложившееся мнение, основанное на неприязненных отношениях к нему, на предубеждениях сотрудников исправительного учреждения. При таком субъективном отношении выбор осужденного может оказаться неверным, поскольку будет зависеть от неопределенно-волевых предпочтений.

В российских условиях критическое отношение к программе ресоциализации осужденных может быть основано на нормативном запрете содержать животных и птиц в исправительных учреждениях¹. Однако это правовое установление касается только осужденных и лиц, содержащихся под стражей, и не распространяется на управленческую деятельность

администрации учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. В случае принятия соответствующих программ вполне допустимо, на наш взгляд, дополнить регулирование этого аспекта организации деятельности в сфере probation.

В юридической литературе других государств неоднократно отмечалось, что нет эмпирических и достоверных данных, подтверждающих эффективность подобных программ. Нет и конкретных сведений о снижении уровня рецидива или его недопущении в отношении лиц, подвергнутых probation [20].

Однако различные социально-психологические исследования показывают, что использование программ с участием собак приводит по крайней мере к двум позитивным обстоятельствам.

Во-первых, с помощью метода инвентаризации социальных навыков зафиксировано улучшение так называемой «социальной чувствительности». Это понятие определяется как способность лица интерпретировать вербальное общение и восприимчивость к внешним воздействиям (собственно чувствительность) и к нормам, регулирующим социальное поведение [14]. Многочисленные сообщения осужденных и сотрудников исправительных учреждений об использовании программ в подавляющем большинстве случаев были положительными [16]. Опросы осужденных показали, что программа не только снизила депрессию и уровень агрессии, но и повысила моральный подъем (ответственность, сострадание, терпимость и т. п.) [22].

Во-вторых, несмотря на то что статистических показателей эффективности программ пока не существует, есть косвенные данные о значительном снижении уровня рецидива. Так, отмечалось, что новые преступления начиная с момента окончания программы (2008 г.) совершили только 3 % бывших осужденных [20]. Исследование, проведенное в 2014 году, подтвердило вывод об относительно низком уровне рецидива для участников программы (7 %) по сравнению с лицами из контрольной группы [11].

Ранее, в 2007 году, в США был проведен опрос сотрудников одного из исправительных учреждений, в результате которого отмечалось, что за 4–5 лет с момента освобождения ни один из участников программы не совершил нового преступления (уровень рецидива – 0 %). Однако указывалось, что необходимо критически относится к этому результату: во-первых, эти сведения были получены неофициальным путем, а во-вторых, не учитывалось, что осужденные могли переводиться из одного исправительного учреждения в другое [15].

При оценке позитивных свойств программ с участием животных отмечается, что осужденные после освобождения могут использовать полученные

¹ О правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений [Электронный ресурс]: Приказ Минюста России от 16 дек. 2016 г. № 295 (ред. от 22.09.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

знания и навыки при трудоустройстве. Это может осуществляться в различных сферах социальной жизни: в ветеринарных клиниках, в приютах для животных при организации культурно-зрелищных мероприятий, в спортивных соревнованиях, в просветительской деятельности, на выставках животных и т. п. Соответственно, реализация таких возможностей может послужить основой для коррекции социального поведения и предупреждения любого вида рецидива – «простого», опасного или особо опасного (ст. 18 УК РФ).

Гарантий относительно того, что лицо, освобожденное из учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, не совершил нового преступления, никто дать не может. Ни одна из социальных программ, в том числе пробация, не в состоянии работать на 100 % и не может обеспечить абсолютную защиту от рецидива.

Соответственно, можно утверждать, что и ресоциализация осужденных с использованием животных – это социально-юридический идеал. Однако любой идеал, как и каждое стремление к совершенству, в практическом плане недостижим. Вполне понятно и то, что по своему общественно позитивному содержанию таким же идеальным стремлением обладают и другие нормативные установления. Например, уголовное законодательство, одна из целей наказания которого – предупреждение совершения новых преступлений, а также уголовно-исполнительное законодательство, регулирующее меры исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения.

К такого рода правоустановлениям относится и федеральное законодательство о пробации, направленное на предупреждение рецидива преступлений. Нормативное достижение такой цели, в том числе через возможное принятие программ ресоциализации с использованием животных, может осуществляться в ходе воспитательной работы с осужденными, оказания им психологической помощи и социальной поддержки в дальнейшем трудоустройстве (п. 1, 2, 5 ст. 17 ФЗ «О пробации»).

Руководство ФСИН России заинтересовано в таких социальных мероприятиях. В частности, отмечалась необходимость активизации работы по заключению соглашений с социально ориентированными некоммерческими организациями и общественными объединениями, специализирующимися на оказании психологической помощи населению или имеющими право оказывать ее с целью реализации положений статьи 4 ФЗ «О пробации» (цели и задачи). То же касается и более активного вовлечения органов местного самоуправления и религиозных объединений по оказанию психологической помощи лицам, в отношении которых применяется пробация.

Соответственно, речь идет все о той же коррекции социального поведения и в конечном итоге о предупреждении рецидива преступлений. Организация такой работы может быть возложена на созданные в настоящее время центры пробации.

Заключение

По нашему мнению, необходим дальнейший анализ проблем, возникающих в правоприменительной практике при использовании животных, как в негативном, так и в позитивном плане. Проведенное исследование ограничивается тремя составами преступлений. Последующее изучение могло бы охватить и такие умышленные преступления и (или) покушения на них, как незаконная пересылка наркотических средств или психотропных веществ в исправительные учреждения с помощью животных (голуби, кошки и др.). Подобные сообщения встречаются, но они не подвергались критическому анализу.

Малоизученным является и вопрос о неправомерном использовании служебных собак как специального средства в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества. Превышение служебных полномочий возможно: при отражении нападения на сотрудника учреждения; при пресечении преступления или физического сопротивления, которое оказывает осужденный; при его побеге; при задержании, конвоировании или охране осужденных; при попытках их насильственного освобождения; для пресечения массовых беспорядков и группового, насильственного нарушения режима содержания; для защиты охраняемых объектов уголовно-исполнительной системы; для блокирования движения групп граждан, совершающих противоправные действия на территориях, прилегающих к объектам охраны и т. д. Речь, по существу, идет о превышении пределов необходимой обороны или превышении мер, необходимых для задержания преступника. Социологические и статистические сведения о таких преступлениях весьма ограничены.

Опыт критического анализа, как отражение в сознании социальных изменений при их логическом и эмпирическом познании, свидетельствует, на наш взгляд, о необходимости разработки ресоциализационных программ (подпрограмм) с использованием животных в контексте их влияния на предупреждение рецидива преступлений. В рамках указанного направления также целесообразно изучение опыта пенитенциарной и постпенитенциарной пробации в зарубежных странах и определение тенденций и перспектив в данной сфере в целом.

Вполне возможно, на наш взгляд, и проведение социально-психологического и уголовно-исполнительного эксперимента в данном направлении. Об эффективности программы с использованием животных, видимо, можно говорить, если лицо в течение трех (пяти) лет после освобождения не совершил нового преступления. Разумеется, определение количественных и качественных критериев такой эффективности – это дело будущего. Однако предлагаемый реабилитационный механизм, на наш взгляд, требует поддержки.

Библиографический список

1. Антонян Ю. М. Жестокость в нашей жизни. М.: ИНФРА-М, 1995. 319 с.
2. Борисов С. В., Дмитренко А. П., Русскевич Е. А. и др. Необходимая оборона, крайняя необходимость, задержание преступника (правовая оценка действий сотрудников полиции) / под ред. Н. Д. Кадникова. М.: Юриспруденция, 2012. 192 с.
3. Китаева В. Н. Животные и преступления: уголовно-правовое и криминалистическое исследование. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2010. 284 с.
4. Корецкий Д. Криминальная армалогия. Учение о правовом режиме оружия. М.: Изд-во АСТ, 2010. 480 с.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Изд-во «Русский язык», 1986. 928 с.
6. Орешкина Т. Ю. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность действия // Уголовное право. 1999. № 3. С. 17–20.
7. Побегайло Э. Ф., Ревин В. П. Необходимая оборона и задержание преступника в деятельности ОВД. М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1987. 55 с.
8. Применение насилия. Понятие и квалификация: науч.-практ. пособие / под ред. А. В. Галаховой. М.: Норма, 2016. 334 с.
9. Снигирев С. И., Покорняк В. П. Книга о вашей собаке. Барнаул: Алт. книж. изд-во, 1990. 208 с.
10. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: лекции. М.: Наука, 1994. Т. 1: Часть общая. 419 с.
11. Batrićević A. Animals and the Resocialization of Offenders: From Ideas to Application // Zbornik Instituta za kriminološka i sociološka istraživanja. 2019. Vol. 38. № 1. Pp. 7–21.
12. Britton D. M., Button A. Prison Pups: Assessing the Effects of Dog Training Programs in Correctional Facilities // Journal of Family Social Work. 2006. Vol. 9. № 4. Pp. 79–95. DOI: 10.1300/J039v09n04_06.
13. Codd H. Paws for thought? Developing dog projects for older people in prison // Quality in Ageing and Older Adults. 2023. Vol. 24. № 4. Pp. 151–171. DOI: 10.1108/QAOA-11-2022-0069.
14. Fournier A. K., Geller E. S., Fortney E. E. Human-Animal Interaction in a Prison Setting: Impact on Criminal Behavior, Treatment Progress, and Social Skills // Behavior and Social Issues. 2007. Vol. 16. № 1. Pp. 89–105. DOI: 10.5210/bsi.v16i1.385.
15. Furst G. Prison-based animal programs: A national survey // The Prison Journal. 2006. Vol. 86. № 4. Pp. 407–430.
16. Hill L. B. Becoming the Person Your Dog Thinks You Are: An Assessment of Florida Prison-Based Dog Training Programs on Prison Misconduct, Post-Release Employment and Recidivism: PhD dissertation. The Florida State University, 2016. 120 p.
17. Koda N., Miyaji Y., Kuniyoshi M., Adachi Y., Watababe G., Miyaji C., Yamada K. Effects of a Dog-assisted Program in a Japanese Prison // Asian Criminology. 2015. Vol. 10. Pp. 193–208. DOI: 10.1007/s11417-015-9204-3.
18. Larkin P. J. Death Row Dogs, Hard Time Prisoners, and Creative Rehabilitation Strategies: Prisoner-Dog Training Programs // Catholic University Law Review. 2017. Vol. 66. № 3. Pp. 565–634.
19. Larkin P. J. Prisoners, Dogs, Training, and Rehabilitation // Legal Memorandum / The Heritage Foundation Legal Memorandum. 2018. № 234. 7 p.
20. Máximo-Bocanegra N., Palacios-Ceña D., Gómez-Rodríguez J., Serrada-Tejeda S., García-Medranda A., Pacheco-Guijarro A., Pacheca-Flores C., Pérez-Corales J. The Experience of Prisoners with Serious Mental Disorders Participating in a Dog-Assisted Therapy Program: A Qualitative Study // Animals. 2025. Vol. 15. № 3. DOI: 10.3390/ani15030379.
21. Santaniello A., Garzillo S., Cristiano S., Fioretti A., Menna L. F. The Research of Standardized Protocols for Dog Involvement in Animal-Assisted Therapy: A Systematic Review // Animals (Basel). 2021. Vol. 11. № 9. Pp. 2576–2590. DOI: 10.3390/ani11092576.
22. Turner W. G. The Experiences of Offenders in a Prison Canine Program // Federal Probation Journal. 2007. Vol. 71. Pp. 38–43.
23. Villafaina-Domínguez B., Collado-Mateo D., Merellano-Navarro E. et al. Effects of Dog-Based Animal-Assisted Interventions in Prison Population: A Systematic Review // Animals. 2020. № 10(11). Pp. 2129–2150. DOI: 10.3390/ani10112129.

References

1. Antonyan Yu. M. *Zhestokost' v nashey zhizni* [Cruelty in Our Life]. Moscow, 1995. 319 p. (In Russ.).
2. Borisov S. V., Dmitrenko A. P., Russkevich E. A. et al. *Neobkhodimaya oborona, kraynyaya neobkhodimost', zaderzhanie prestupnika (pravovaya otsenka deystviy sotrudnikov politsii)* [Necessary Defense, Extreme Necessity, Detention of a Criminal (Legal Assessment of Police Actions)]. Moscow, 2012. 192 p. (In Russ.).
3. Kitaeva V. N. *Zhivotnye i prestupleniya: ugolovno-pravovoe i kriminalisticheskoe issledovanie* [Animals and Crimes: A Criminal Law and Forensic Study]. Irkutsk, 2010. 284 p. (In Russ.).
4. Koretskiy D. A. *Kriminal'naya armalogiya. Uchenie o pravovom rezhime oruzhiya* [Criminal Armatology. The Doctrine of the Legal Regime of Weapons]. Moscow, 2006. 480 p. (In Russ.).
5. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo jazyka* [Dictionary of the Russian Language]. 18th ed. Moscow, 1986. 797 p. (In Russ.).
6. Oreshkina T. Yu. *Kraynyaya neobkhodimost' kak obstoyateli'stvo, isklyuchayushchee prestupnost' deyaniya* [Extreme Necessity as a Circumstance Precluding Criminality of an Act]. *Ugolovnoe pravo – Criminal Law*. 1999. Issue 3. Pp. 17–20. (In Russ.).
7. Pobegaylo E. F., Revin V. P. *Neobkhodimaya oborona i zaderzhanie prestupnika v deyatel'nosti OVD* [Necessary Defense and Detention of a Criminal in the Activities of the Internal Affairs Bodies]. Moscow, 1987. 55 p. (In Russ.).

8. *Primenenie nasiliya. Ponyatie i kvalifikatsiya* [The Use of Violence. Concept and Qualification]. Ed. by A. V. Galakhova. Moscow, 2016. 334 p. (In Russ.).
9. Snigirev S. I., Pokornyak V. P. *Kniga o vashey sobake* [A Book about Your Dog]. Barnaul, 1990. 208 p. (In Russ.).
10. Tagantsev N. S. *Russkoe ugolovnoe pravo: lektsii: chast' obshchaya* [Russian Criminal Law: Lectures: General Part]. Moscow, 1994. Vol. 1. 419 p. (In Russ.).
11. Batrićević A. Animals and the Resocialization of Offenders: From Ideas to Application. *Zbornik Instituta za kriminološka i sociološka istraživanja*. 2019. Issue 38(1). Pp. 7–21. (In Eng.).
12. Britton D. M., Button A. Prison Pups: Assessing the Effects of Dog Training Programs in Correctional Facilities. *Journal of Family Social Work*. 2006. Vol. 9. Issue 4. Pp. 79–95. DOI: 10.1300/J039v09n04_06. (In Eng.).
13. Codd H. Paws for Thought? Developing Dog Projects for Older People in Prison. *Quality in Ageing and Older Adults*. 2023. Vol. 24. Issue 4. Pp. 151–171. DOI: 10.1108/QAOA-11-2022-0069. (In Eng.).
14. Fournier A. K., Geller E. S., Fortney E. V. Human-Animal Interaction in a Prison Setting: Impact on Criminal Behavior, Treatment Progress, and Social Skills. *Behavior and Social Issues*. 2007. Vol. 16. Issue 1. Pp. 89–105. DOI: 10.5210/bsi.v16i1.385. (In Eng.).
15. Furst G. Prison-Based Animal Programs: A National Survey. *The Prison Journal*. 2006. Vol. 86. Issue 4. Pp. 407–430. (In Eng.).
16. Hill L. B. Becoming the Person Your Dog Thinks You Are: An Assessment of Florida Prison-Based Dog Training Programs on Prison Misconduct, Post-Release Employment and Recidivism: PhD dissertation. Florida State University, 2016. 174 p. (In Eng.).
17. Koda N., Miyaji Y., Kuniyoshi M., Adachi Y., Watababe G., Miyaji C., Yamada K. Effects of a Dog-Assisted Program in a Japanese Prison. *Asian Criminology*. 2015. Vol. 10. Pp. 193–208. DOI: 10.1007/s11417-015-9204-3. (In Eng.).
18. Larkin P. J., Jr. Death Row Dogs, Hard Time Prisoners, and Creative Rehabilitation Strategies: Prisoner-Dog Training Programs. *Catholic University Law Review*. 2017. Vol. 66. Issue 3. Pp. 565–634. (In Eng.).
19. Larkin P. J., Jr. Prisoners, Dogs, Training, and Rehabilitation. *Legal Memorandum*. The Heritage Foundation. 2018. Issue 234. 7 p. (In Eng.).
20. Máximo-Bocanegra N., Palacios-Ceña D., Gueita-Rodríguez J. et al. The Experience of Prisoners with Serious Mental Disorders Participating in a Dog-Assisted Therapy Program: A Qualitative Study. *Animals*. 2025. Vol. 15. Issue 3. DOI: 10.3390/ani15030379. (In Eng.).
21. Santaniello A., Garzillo, S., Cristiano S., Fioretti A., Menna L. F. The Research of Standardized Protocols for Dog Involvement in Animal-Assisted Therapy: A Systematic Review. *Animals (Basel)*. 2021. Vol. 11. Issue 9. Pp. 2576–2590. DOI: 10.3390/ani11092576. (In Eng.).
22. Turner W. G. The Experiences of Offenders in a Prison Canine Program. *Federal Probation Journal*. 2007. Vol. 71. Pp. 38–43. (In Eng.).
23. Villafaina-Domínguez B., Collado-Mateo D., Merellano-Navarro E. et al. Effects of Dog-Based Animal-Assisted Interventions in Prison Population: A Systematic Review. *Animals*. 2020. Issue 10 (11). Pp. 2129–2150. DOI: 10.3390/ani10112129. (In Eng.).

Информация об авторах:

A. M. Плешаков

Доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Научно-исследовательский институт ФСИН России
125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, 15а, стр. 1

ORCID: 0000-0003-4166-9280
ResearcherID: NNG-4378-2025

Г. С. Шкабин

Доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Научно-исследовательский институт ФСИН России
125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, 15а, стр. 1

ORCID: 0000-0002-1908-668X
ResearcherID: AAT-7326-2020

About the authors:

A. M. Pleshakov

Research institute of the Federal Penitentiary Service
of Russia

15a, bld. 1, Narvskaya st., Moscow, 125130, Russia

ORCID: 0000-0003-4166-9280

ResearcherID: NNG-4378-2025

G. S. Shkabin

Research institute of the Federal Penitentiary Service
of Russia

15a, bld. 1, Narvskaya st., Moscow, 125130, Russia

ORCID: 0000-0002-1908-668X

ResearcherID: AAT-7326-2020

Информация для цитирования:

Соловьева Е. А. Генезис учения о составе преступления в правовых системах современности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 4(70). С. 632–645. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-632-645.

Soloveva E. A. *Genezis ucheniya o sostave prestupleniya v pravovykh sistemakh sovremennosti* [The Genesis of the Doctrine of the Composition of a Crime (Elements of a Crime) in Modern Legal Systems]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2025. Issue 4(70). Pp. 632–645. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-632-645.

УДК 343.2

DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-632-645

Генезис учения о составе преступления в правовых системах современности

Е. А. Соловьева

Пермский государственный национальный исследовательский университет

E-mail: solovevapsu@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 05.07.2025

Введение: статья посвящена компаративистскому анализу учения о составе преступления. Автором предпринимается попытка объяснения дифференцированного подхода к включению теории состава преступления в национальное уголовное право различных государств. **Цель:** выявить закономерность влияния исторического пути формирования права на становление учения о составе преступления в уголовном праве. **Методы:** общенаучные методы, исторический, сравнительно-правовой и юридико-догматические методы. **Результаты:** установлено, что исторический путь развития и становления права, принадлежность государства к различным видам правовых семей предопределяют понимание состава преступления. **Выводы:** для стран континентальной правовой семьи учение о составе преступления имеет ключевое значение: состав преступления (деяния) выступает описанием в законе преступления. В государствах, принадлежащих к англосаксонской системе права, состав преступления используется в процессуальном смысле – как совокупность объективных фактов, свидетельствующих о совершенном преступлении, а также в материальном смысле – как некая модель преступления, характеризующаяся двумя элементами: *actus reus* и *mens rea*, признаки которых могут содержаться как в кодифицированных актах, так и общем праве. При переводе авторы упрощенную структуру преступления и состав преступления в российском понимании отождествляют, несмотря на то что в самой англосаксонской теории материального уголовного права категория состава преступления не разработана. В мусульманской правовой семье состав преступления не обрел самостоятельного значения, хотя имеется тенденция к реципиированию правовых конструкций законодательства западных государств. В азиатских странах получили развитие как советская теория состава преступления (Китайская Народная Республика (КНР) и Монголия), так и немецкое учение о составе преступления (Япония). В настоящее время КНР использует собственную системную теорию состава преступления. Единственным нормативным актом, закрепившим понятие состава преступления, остается Уголовный кодекс Республики Молдова.

Ключевые слова: состав преступления; модель преступления; элементы преступления;
структура состава преступления; уголовное право

© Соловьева Е. А., 2025

Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The Genesis of the Doctrine of the Composition of a Crime (Elements of a Crime) in Modern Legal Systems

E. A. Soloveva

Perm State University

E-mail: solovevapsu@yandex.ru

Received 05 Jul 2025

Introduction: the article is devoted to a comparative analysis of the doctrine of the composition of a crime¹ (elements of a crime). The author attempts to explain the differentiated approach to including the theory of the composition of a crime in the national criminal law of different states. **Purpose:** to identify how the historical trajectory of the law formation has influenced the development of this doctrine in criminal law. **Methods:** the study employed general scientific methods as well as historical, comparative legal, and legal-dogmatic methods. **Results:** the analysis has established that the historical trajectory of the law development and formation and the belonging of a state to a certain legal family condition the understanding of the composition of a crime. **Conclusions:** for the countries of the continental legal family, the doctrine in question is of key importance: the composition of a crime (of an act) is a description of this crime in the law. In the states belonging to the Anglo-Saxon system of law, the composition of a crime is used in the procedural sense – as a set of objective facts indicating the crime committed, and in the substantive sense – as a model of crime characterized by two elements: *actus reus* and *mens rea*, the signs of which can be found in codified acts and common law. When translating, legal authors equate the simplified structure of a crime and the composition of a crime in Russian understanding, although in the Anglo-Saxon theory of substantive criminal law the category of the composition of a crime is not developed. In the Muslim legal family, the composition of a crime has not acquired an independent meaning although there is a tendency to adopt the legal structures of the legislation of Western states. In Asian countries, there were further developed both the Soviet theory of the composition of a crime (in the People's Republic of China (PRC) and Mongolia) and the German doctrine of *Tatbestand* (in Japan). Currently, the PRC uses its own systematic theory of crime. The only normative act that enshrines the concept of the composition of a crime is the Criminal Code of the Republic of Moldova.

Keywords: composition of a crime; model of a crime; elements of a crime; structure of a crime; criminal law

Введение

Сравнительно-правовой анализ уголовного права зарубежных стран позволяет сопоставить российское учение о составе преступления с другими, имеющими место в той или иной правовой системе, что дает возможность выявить особенности понимания категории состава преступления в зависимости от правовой системы и обосновать значение учения о составе преступления в целом для юриспруденции, безотносительно к конкретному государству.

Перед тем как перейти к непосредственному исследованию состава преступления, отметим, что не все государства в своем уголовном праве используют

эту категорию². Уголовное право многих государств построено на анализе преступления, его структуре и признаках, его характеризующих. Однако и в этих концепциях преступление переносится на уровень теоретического познания, посредством которого структура преступления значительно упрощается, что дает возможность представить его в наиболее обобщенном виде. В таком виде преступление (как некая абстрактная, упрощенная модель), хотя и не называется прямо составом преступления, совпадает с составом преступления по российскому праву.

Представляется наиболее удачным рассмотреть данный вопрос, сгруппировав зарубежное уголовное право по правовым семьям, которые объединены одним историческим путем формирования. При этом

¹ In this paper, 'composition of a crime' (Russian *sostav prestupleniya*) is understood to mean the set of all objective and subjective signs that define a socially dangerous act as a crime. *Sostav prestupleniya* is a term from Russian criminal law, and it is often translated into English as 'elements of a crime'. However, these terms are not fully identical. Therefore, for the purpose of comparative research, the author of the paper uses the translation 'composition of a crime' although it is not a recognized English-language term in criminal law.

² Речь идет прежде всего о государствах, входящих в англосаксонскую и мусульманскую правовые семьи.

автор статьи не ставит перед собой цели провести полное сравнительно-правовое исследование понятия состава преступления, в связи с чем видится возможным далее проанализировать уголовное право лишь некоторых стран, которые, по нашему мнению, позволяют составить представление об отдельных особенностях данной категории в праве государств, входящих в ту или иную правовую семью.

1. Учение о составе преступления в странах романо-германского происхождения

К особенностям стран романо-германского происхождения следует отнести оформление права в виде писанных законов, которым присущи абстрактный способ изложения правового материала, наличие четких дефиниций основных юридических категорий, высокий уровень изложения правовых норм [16, с. 180]. Как следствие, вся теория права континентальной, или романо-германской, правовой семьи построена на принципе законности, а именно на возможности привлечения лица к уголовной ответственности исключительно в случае, когда такое действие предусмотрено (запрещено) законом. Так, например, в статье 1 Уголовного уложения Федеративной Республики Германия указано, что действие может быть наказано, только если наказуемость была законодательно установлена прежде уголовным законодательством Федеративной Республики Германия¹. Всё это хорошо соотносится с юридическим позитивизмом, где право представляет собой иерархическую систему норм, а не закрепленные и не запрещенные в уголовно-правовых нормах действия не могут признаваться преступлением. Именно по этой причине в основополагающих учениях о составе преступления, возникших на территории стран Западной Европы, состав отождествляется с нормой закона. Отсюда устоявшееся мнение о том, что в этих государствах состав преступления соотносится с признаком противоправности. Иного вывода не может быть, поскольку понятие преступления, используемое в этих государствах, является формальным, то есть связанным с запрещенностью действия законом. Следовательно, состав преступления (как модель) априори не может закреплять или выражать общественную опасность действия, так как и для самого преступления она не является существенным признаком. Хотя современная немецкая уголовно-правовая доктрина не отрицает материальной стороны преступления [8, с. 126].

Германия. Несмотря на то что именно немецкое учение о составе преступления было положено в основу концепции состава преступления в других

государствах, современное Уголовное уложение Федеративной Республики Германия 1871 года не использует непосредственно термин «состав преступления» (*corpus delicti*), а обходится указанием на элементы преступления (*Tatbestand*)². При этом некоторые ученые переводят текст уложения или литературу, посвященную внутренней структуре преступления, используя термин «состав преступного деяния» [7, с. 79], «состав преступления» [13, с. 10–11]³. Оговаримся, что мы не являемся специалистами-лингвистами (языковедами), поэтому лишь обратим внимание на эту особенность перевода. По нашему мнению, все же в немецком праве речь идет об элементах, признаках преступления (деяния), а не об элементах, признаках состава преступления как идеальной модели. Так, в статье А. Ролофф [22, с. 124] и в учебнике Г. Фристен используется именно термин «состав преступного деяния» [31, с. 129].

На это обращает внимание и Р. В. Кравцов: «Часто употребляемый в российской литературе перевод слова “Tatbestand” как состав преступления не является точным. В данном случае более правильно следовало бы употреблять термин “состав закона”, что не исключает, однако, перевод этого термина как “состав деяния” или “законный состав”. Термин же “состав преступления” не употребляется в германско-правовой доктрине вообще, и его употребление в российской переводной уголовно-правовой литературе можно объяснить только стремлением авторов изложить материал, используя терминологию, применяемую в российском уголовном праве» [12, с. 42].

А. Э. Жалинский достаточно подробно в свое время описал различие в понимании немецкого состава деяния и российского состава преступления [8, с. 127–170], в связи с чем позволим себе не повторяться, а лишь обратить внимание на некоторые особенности такого различия. Прежде всего это касается понятия и структуры преступления, которая выступает исходной категорией для формирования концепции состава преступления, состава преступного деяния [8, с. 113–126].

Немецкая концепция о составе преступного деяния основывается полностью на единстве объективного и субъективного, а следовательно, на проявлении в деянии неразрывно связанного объективного (внешнего проявления в мире) и субъективного (отношения лица к этому деянию), их еще именуют принципами: уголовно-правовым принципом деяния и уголовно-правовым принципом вины [31, с. 130–131]. Отметим, что в российской концепции не отрицается связь объективного и субъективного в преступном поведении лица, однако субъективные и объективные элементы поведения лица специально разделяются,

¹ Уголовный кодекс Германии. Официальный сайт Федерального управления Юстиции Германии. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/>.

² Там же.

³ Здесь необходимо отметить, что Н. Ф. Кузнецова определяла состав преступления через объективно существующую категорию, а не законодательную модель, в связи с чем в ее понимании элементы преступления и элементы состава преступления по своей сути не имели различия.

вычленяются и условно отдельно обозначаются, в результате чего и появляется конструкция именно состава преступления, а не состава преступного деяния. Отличие заключается и в том, что к субъективным признакам состава преступного деяния в немецком праве не относится субъект преступления, поскольку он включен в объективные признаки состава преступного деяния, а также вина и вменяемость. В объективных признаках состава преступного деяния, кроме субъекта преступления, имеется еще объект (в российском понимании – предмет преступления), охраняемое благо (или, согласно российскому уголовному праву, объект преступления), само деяние, преступные последствия и причинно-следственная связь между ними [6, с. 258]. Признаки специального субъекта (должностного лица или лица, принявшего на себя определенные обязанности) относятся в германском учении о составе преступного деяния также к его объективной стороне [31, с. 141]. Отсюда и различие в понимании наличия или отсутствия состава преступления. Так, в случае совершения лицом общественно опасного деяния в состоянии невменяемости по российскому учению о составе преступления речь будет идти об отсутствии элемента состава преступления – субъекта, а в немецком учении – о наличии состава, но отсутствии виновности [12, с. 43]. Это в свое время отмечала Н. Ф. Кузнецова: «Состав деяния в поведении лица отнюдь не означает по УК ФРГ, что лицо должно привлекаться к уголовной ответственности и нести наказание» [14, с. 67]. Следовательно, немецкое учение о составе преступного деяния отличается и не совпадает с общепринятой российской концепцией состава преступления прежде всего по своей сущности и, как следствие, по наличию элементов, составляющих структуру состава преступления (деяния), оставляя за рамками состава вину и вменяемость.

В науке уголовного права **Франции**, как отмечает Г. А. Есаков, используется для обозначения состава преступления выражение *corps du délit* [29, с. 353]. И структурно оно представляет собой материальный элемент (действие) и интеллектуальный элемент посягательства (внутреннее отношение лица к совершенному деянию). Субъект преступления к собственно составу преступления, согласно уголовному праву Франции, не относится, но его установление обязательно для привлечения лица к уголовной ответственности¹.

Закрепляет принцип законности и не использует термин «состав преступления» уголовное право **Польши**², хотя можно заметить, что Особенная часть УК Польши построена с выделением более опасных преступлений³ (например, ст. 148 § 2 и 3) и менее опасных⁴ (ст. 148 § 4 и ст. 149, 150). То же самое можно сказать про Австрию⁵, Данию⁶, Испанию⁷, Италию⁸, Нидерланды⁹, Норвегию¹⁰, Швецию¹¹, Швейцарию¹².

Перед тем как перейти к анализу **чешского** уголовного закона, отметим некоторые особенности образования этого государства, которые не могли не повлиять на формирование уголовного права. Государство Чехия было образовано путем разделения Чешской и Словацкой Федеративной Республики, которая ранее существовала как Чехословакия. После Второй мировой войны коммунистический режим государств Восточной Европы привел к сближению экономики, политики, законодательства этих государств с СССР, в том числе появились точки соприкосновения в уголовно-правовой сфере. Здесь рождается фундаментальная работа Франтишка Полячек, посвященная составу преступления по чехословацкому уголовному праву. В основном она построена была на анализе научных трудов советских ученых и вышедших к этому времени работ А. Н. Трайнина [27, с. 362] и Л. Шуберта, затрагивающих дискуссионные вопросы состава преступления [32, с. 42–67].

¹ Уголовный кодекс Франции от 2 июля 1992 г. (вступил в силу 01.03.1994) // Официальный портал правовой информации Правительства Франции. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT00000607071; Уголовный кодекс Франции / пер. с фр. Н. Е. Крыловой. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С. 65.

² Уголовный кодекс Республики Польша от 6 июня 1997 г. URL: [https://prawnikpoznanski.pl/ru/%D1%83%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%99-%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BA%D1%81%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%99-%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BA/](https://prawnikpoznanski.pl/ru/%D1%83%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%99-%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BA%D1%81%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%80%D0%BD%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%BD%D1%81%D0%BB%D0%BD%D0%BA/).

³ По терминологии российского права – **квалифицированных** составов преступления.

⁴ По терминологии российского права – **привилегированных** составов преступления.

⁵ Уголовный кодекс Австрии от 23 янв. 1974 г. URL: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10002296>.

⁶ Уголовный кодекс Дании = The Danish Penal Code / пер. с дат. С. С. Беляева и А. Н. Рычевой. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 14.

⁷ Уголовный кодекс Королевства Испания 1995 г. Официальный государственный вестник Госагентства Испании. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1995-25444&p=20201217&tn=0>.

⁸ Уголовный кодекс Италии 1930 г. URL: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:regio.decreto:1930-10-19;1398> (дата обращения: 11.07.2024); Уголовный кодекс Итальянской Республики // Официальный сайт Федеральной правовой информационной системы Итальянской Республики Normattiva. URL: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:codice.penale:1930-10-19;1398>.

⁹ Уголовный кодекс Нидерландов от 3 марта 1881 г. URL: <https://wetten.overheid.nl/BWBR0001854/2021-07-01>.

¹⁰ Уголовное законодательство Норвегии / пер. с норвеж. А. В. Жмени. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 24.

¹¹ Уголовный кодекс Швеции от 21 дек. 1962 г. URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-och-lagar/dokument/svensk-fattningssamling/brottsbalk-1962700_sfs-1962-700/#K1.

¹² Уголовный кодекс Швейцарии 1937 г. URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/54/757_781_799/de.

Как отмечал Ф. Полячек, в чехословацкой науке уголовного права существовало два направления: 1) состав преступления является лишь одним из признаков преступления; наличие состава преступления не означает, что субъект подлежит привлечению к уголовной ответственности; 2) состав преступления является единственным основанием уголовной ответственности; не существует оснований уголовной ответственности вне пределов состава преступления [21, с. 23]. Именно второй вариант был более предпочтительным для Ф. Полячек. По чехословацкому уголовному праву состав преступления понимался как «совокупность признаков, в которых конкретизируется общее понятие преступления, данное в уголовном законе, и согласно которым общественно-опасное деяние определенного вида объявляется преступлением» [21, с. 62].

Думается, что этот исторический факт повлиял и на формирование теории и законодательства современной Чешской Республики. Так, Чешский уголовный закон в Особенной части построен по принципу описания преступления по степени общественной опасности¹. Хотя термин «состав преступления» в уголовном законе Чешской Республики не используется.

Важным представляется в этой группе правовой семьи упомянуть и уголовное право **Республики Болгария**, поскольку в статье 14 (1) УК этого государства содержится следующее упоминание состава преступления: «Незнание фактических обстоятельств, которые относятся к составу преступления, исключает умысел относительно этого преступления»². Представляется, что использование в уголовном законе Республики Болгария термина «состав преступления» можно объяснить восстановлением дипломатических отношений после Второй мировой войны с СССР³. Принятый в 1968 году уголовный закон, который с поправками существует и до настоящего времени, был схож в большей степени с уголовно-правовым учением СССР, нежели других стран Европы. Например, кроме сохранения термина «состав преступления» в УК Республики Болгария осталось и формально-материальное понятие преступления, которое не характерно для большинства европейских стран.

Таким образом, для государств континентальной правовой семьи, которая характеризуется абстрактным способом изложения (закрепления) правил поведения, учение о составе преступления (а если правильно говорить – о составе преступного деяния) имеет ключевое значение. Здесь состав преступления отождествляется с диспозицией уголовно-правовой нормы, а потому и переводится в некоторых источниках как состав закона. Структурно состав

преступного деяния содержит в себе само деяние, которое неразрывно связано с субъективным отношением к нему субъекта, при этом объект и субъект находятся за рамками состава преступного деяния. Использование термина «состав преступления» в законе некоторых стран романо-германской правовой семьи объясняется наличием в период разработки кодифицированного акта, посвященного преступлению и наказанию за его совершение, дипломатических связей с СССР, который к этому времени уже разработал и активно использовал категорию состава преступления в советском уголовном праве. Кроме того, к особенностям понимания состава преступления в этих государствах можно отнести и то, что его уже не связывали с уголовно-процессуальным правом [24, с. 112–121].

2. Учение о составе преступления в праве стран ангlosаксонского происхождения (семья общего права)

Особенность государств, входящих в ангlosаксонскую правовую семью, заключается в том, что источники права определяются не только законами, сколько судебными прецедентами. Современное общее право, существующее в странах Британского Союза и в США, сформировалось в XIX веке, хотя предпосылки его формирования некоторые ученые относят к более раннему периоду – к концу XII века [4, с. 52].

Главная идея прецедента заключается в том, что суд, осуществляя функции законодателя, связан с уже ранее разрешенным делом по схожей ситуации (обстоятельствам), ввиду чего он обязан принять решение в духе сформированной судебной практики, с которым он может быть и не согласен. И лишь в исключительном случае, когда появляются новые отношения, не подпадающие под действие прецедентов, суд может, замотивировав свое решение, по сути, создать новый прецедент, который будет обязателен для разрешения аналогичного дела в последующем. К сожалению, количество судебных прецедентов росло в геометрической прогрессии, что приводило к загруженности суда: судьи уже не успевали отследить наличие существующего прецедента. Этот феномен Г. А. Борисов назвал «инфляцией прецедента» [4, с. 72]. Следовательно, на определенном этапе развития права в государствах, принадлежащих к ангlosаксонской правовой семье, наиболее значимые правовые вопросы стали разрешать путем принятия специальных законов, направленных на регламентацию определенного вопроса.

¹ Уголовный закон Чешской Республики № 40/2009 Sb. от 8 янв. 2009 г. URL: <https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2009-40>.

² Уголовный кодекс Республики Болгария от 1 мая 1968 г. (ред. 24.10.2017). URL: https://www.cms.int/sites/default/files/document/cms_nlp_bgr_crималь_code_1968.pdf.

³ С 1946 по 1990 год на территории современной Республики Болгария существовала Народная Республика Болгария, которая разделяла взгляды на устройство государства, его политический режим, а также право с СССР.

Конечно же, публично-правовые вопросы были положены в основу первых кодифицированных актов [23, с. 97-101]. При этом, как справедливо отмечает А. А. Малиновский, «если в статуте обнаруживается пробел, то он восполняется, как правило, не изменениями и дополнениями к уже существующему статуту, а принятием нового статута» [16, с. 182]. Так, например, в Великобритании можно встретить Закон «О краже» 1968 года¹, Закон «О мошенничестве» 2006 года² или Закон о неправомерном использовании компьютерных технологий, принятый в 1990 году³, которыми устанавливается уголовная ответственность за ряд преступлений. При этом США, Австралия, Новая Зеландия всё же имеют кодифицированные акты: титул 18 Свода законов США⁴, Уголовный кодекс Австралии⁵, Закон о преступлениях 1961⁶. Следовательно, для права государств, входящих в ангlosаксонскую правовую семью, традиционно в большей степени характерен казуальный способ закрепления уголовно-правового запрета, хотя всё чаще наблюдается использование абстрактных конструкций.

При конструировании уголовно-правовой нормы в странах ангlosаксонского происхождения не используется состав преступления, несмотря на то что понятие “elements of crime” ему известно. При переводе допускаются неточности в отождествлении элементов состава преступления и элементов преступления. И это замечание является важным, когда мы разделяем понятие преступления (как реального явления) и состава преступления (как его информационной модели). Например, Е. Ю. Полянский указывает, что структура состава преступления в **уголовном праве США** является двухэлементной, то есть для установления состава преступления необходимо обнаружить преступное действие (*actus reus*) и виновное отношение к нему (*mens rea*) [20, с. 1991]. Также автор отмечает, что в американском праве «состав преступления является центральным основанием уголовной ответственности, однако, в отличие от постсоветского права, не абсолютным» [20, с. 1992]. *Actus reus* и *mens rea* составляют структуру преступления и для уголовного права других англо-саксонских государств [35, с. 38–82].

Г. А. Есаков более точно переводит эти термины, указывая, что *actus reus* (запрещенное поведение в самом широком, общем смысле последнего слова) и *mens rea* (сопутствующий таковому поведению психический настрой) – элементы преступления

[29, с. 361–362]. Так же описывает их и А. Г. Кибальник [10, с. 36–37]. И только поскольку эти категории, характеризуя преступление, анализируются на теоретическом уровне познания, не как элементы структуры реального преступления, а всё же в упрощенном виде применительно к большому множеству преступлений, то их условно можно сравнить с элементами информационной модели преступления (то, из чего оно состоит и чем характеризуется).

В странах ангlosаксонской правовой семьи при квалификации действий лица идет установление тождества деяния не с составом преступления, как идеальной законодательной моделью определенного вида преступления, а именно с запретительной уголовно-правовой нормой, описывающей деяние, причиняющее вред обществу. Так, А. А. Малиновский в одной из своих работ приводит пример американского precedента о конституционности сожжения американского флага в знак политического протesta, где суд устанавливает в действиях обвиняемого тождество не с моделью преступления, закрепленного в законе, а именно с конкретным запретом на поведение [16, с. 184]. Ученый описывает этот процесс следующим образом: «Для правильной юридической квалификации судья обращается к законодательной норме, регламентирующей конкретное общественное отношение и решение спорной ситуации. В целях уяснения общего смысла нормы конкретного статута судья изучает руководящий (ведущий) precedent, в котором содержится норма-дефиниция или норма-толкование существенных законодательных признаков анализируемого деяния либо норма-правило оценки фактических обстоятельств дела. Затем для выяснения юридических тонкостей, скрытых в расплывчатых формулировках, судья использует многочисленные уточняющие precedенты, непосредственно относящиеся к анализируемому случаю» [16, с. 185].

Следовательно, признаки, характеризующие преступление определенного вида, здесь могут быть рассредоточены не только по некодифицированным актам, но и по precedентам.

Наличие судебного precedента как источника права повлияло и на восприятие понятия состава преступления как факта совершенного преступления. Так, в юридическом словаре Генри К. Блэка состав преступления отождествляется с телом преступления, материальной субстанцией, на которую направлено преступление (например, тело убитого человека) [34,

¹Theft Act 1968 // Официальный сайт The National Archives Trust. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1968/60>.

²Fraud Act 2006 // Официальный сайт The National Archives Trust. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/35/contents>.

³Computer Misuse Act // Официальный сайт The National Archives Trust. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1990/18/contents>.

⁴Официальный сайт The National Archives Trust. URL <https://uscode.house.gov/view.xhtml?path=/prelim@title18/part1/chapter11&edition=prelim>.

⁵Criminal Code Act 1995 // Официальный сайт Правительства Австралии. URL: <https://www.legislation.gov.au/C2004A04868/latest/text>.

⁶Crimes act 1961 New Zealand // Официальный сайт министерства юстиции Новой Зеландии. URL: <https://www.legislation.govt.nz/act/public/1961/0043/latest/DLM327382.html>.

с. 413]. Фактически состав преступления здесь понимается в процессуальном значении как совокупность доказательств, позволяющих говорить о совершенном преступлении [39, с. 119–128], которую суд обязан установить¹. Логично при этом, что ни субъект, ни его вина не входят в элементы состава преступления.

Кроме того, в ангlosаксонских государствах говорят и о принципе состава преступления: невозможно доказать вину косвенными доказательствами, в том числе признанием вины обвиняемым, если не будет достаточных доказательств, свидетельствующих о совершении преступления². Иными словами, никто не должен быть осужден за преступление без достаточных доказательств того, что преступление имело место в действительности. Правило возникло отчасти для того, чтобы помешать государству наказывать лиц за преступление исключительно на основании их признаний, которые во многих случаях были ложными и совершенными под принуждением. Для каждого государства и штата установлены различные требования к количеству подтверждающих совершение преступления доказательств: некоторые штаты требуют (требовали), чтобы состав преступления был доказан полностью отдельно от заявлений обвиняемого, в других, например в Калифорнии, допускается рассмотрение заявлений наряду с некоторыми подтверждающими доказательствами, а если заявления были даны во время совершения преступления, то подтверждающие доказательства могут вообще не потребоваться³.

Традиционно в американском уголовном праве все преступления в своей структуре имеют три элемента: преступное деяние (*actus reus*), преступное намерение (*mens rea*) и совпадение этих двух элементов [33, с. 128]. При этом термин состав преступления (*corpus delicti*) упоминается все же в процессуальном значении [38, с. 2477]. Так, в учебнике по американскому уголовному праву говорится о том, что преступление можно разделить на элементы, которые обвинение должно доказать вне всякого сомнения. Эти элементы могут быть описаны как в уголовном законодательстве, так и в уголовных делах в штатах, где допускается применение общего права. Таким образом, правы Р. Р. Галиакбаров,

А. В. Шульга и А. В. Сокол, отмечая, что «англосаксонская уголовная теория, используя термин “состав преступления” (*corpus delicti*), так и не сформировала систематизированного, доктринального уголовноправового учения о составе преступления» [5, с. 42].

Кроме стран, непосредственно относящихся к англосаксонской правовой семье, есть еще и ряд государств, которым досталось в «наследство» общее право, поскольку исторически они были связаны с англосаксонским правом. Речь идет о странах, являющихся бывшими колониями Великобритании, – некоторые современные страны Африки, Канада, Австралия, Индия, Новая Зеландия, Сингапур. Освобождаясь от влияния Великобритании, эти государства частично оставили общее право, однако позаимствовали и часть из континентальной правовой семьи. Например, Австралия⁴, Индия⁵ и Канада⁶ имеют кодифицированные нормативно-правовые акты, которыми устанавливается уголовная ответственность за преступления, однако упоминания о составе преступления в этих нормативно-правовых актах не содержится. Состав преступления в странах, относящихся к бывшим колониям Великобритании, используется в процессуальном смысле [37, с. 134].

Отметим и особенности **израильского уголовного права** в понимании категории состава преступления⁷. Как указывает И. В. Никитенко, «уголовное законодательство государства Израиль представляет собой лишь частично кодифицированный свод уголовно-правовых норм, многие из которых, если проводить аналогию с уголовным законодательством России, являются бланкетными. <...> При этом уголовное право Израиля допускает установление признаков противоправности и наказуемости деяния на подзаконном уровне, но с некоторыми ограничениями относительно видов и пределов (размеров) допустимых наказаний. Кроме того, вместе с законодательными и подзаконными актами источниками уголовно-правовых норм может стать и судебный прецедент» [18, с. 24]. Исходя из положений статей 18, 19 Закона об уголовном праве Израиля, можно сделать вывод, что здесь законодатель, по сути, определяет преступление через фактически совершенное деяние и отношение к этому деянию. В некоторых переводах этих статей можно встретить термин «состав

¹ См., например: Апелляционное определение Первого окружного суда Калифорнии от 9 марта 1971 г. URL: <https://case-law.vlex.com/vid/paul-t-in-re-893879672>.

² Christopher William Patton. Flowers on a Court Opinon: How the Trial of My Great-Grandmother's Murderer Changed Me, My Family, and the Law. URL: <https://www.americanbar.org/groups/litigation/resources/litigation-journal/popular/how-trial-my-great-grandmothers-murderer-changed-me-my-family-law/>; Corpus Delicti: Legal Concept Explained. URL: <https://getlegalbuddies.com/blog/corpus-delicti-legal-concept-explained/>.

³ Legal information Institute. Cornell Law School. URL: https://www.law.cornell.edu/wex/corpus_delicti#:~:text=Corpus%20de-licti%20is%20a%20common,that%20the%20crime%20actually%20occurred.

⁴ Criminal Code Act 1995 // Официальный сайт Правительства Австралии. URL: <https://www.legislation.gov.au/C2004A04868/latest/text>.

⁵ The Bharatiya Nyaya Sanyita 2023. URL: www.mha.gov.in; The Indian Penal Code 1860 (утратил силу). URL: <https://ldashboard.legislative.gov.in/sites/default/files/A1860-45.pdf>.

⁶ Criminal Code of Canada (R.S.C. 1985, c. C-46, as amended) // Justice Laws Website. Online source of the consolidated Acts and regulations of Canada. URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/PDF/C-46.pdf>.

⁷ Израиль имеет нетипичную правовую систему с чертами англосаксонской и романо-германской правовых семей.

преступления», как некой модели преступления. Так, например, М. Дорфман, толкуя положения статьи 18 Закона об уголовном праве Израиля 1977 года, пишет: «Под “признаком” преступления понимается деяние, входящее в состав преступления, а также обстоятельство или последствие, которое причинено посредством деяния, когда они являются частью состава преступления»¹.

Отметим и тот факт, что законодатель Израиля закрепил виды составов преступлений по их конструкции в статье 34 Закона об уголовном праве Израиля, в которой указано, что лицо, которое доводит себя до состояния опьянения для последующего совершения преступления с формальным составом, осуществляет деяние с преступным замыслом, а в случае совершения преступления с материальным составом – с преступным намерением.

Таким образом, в странах, принадлежащих к англоаксонской системе права, состав преступления используется в процессуальном смысле, как совокупность объективных фактов, свидетельствующих о совершенном преступлении. В материальном смысле принято говорить о преступлении, характеризующемся двумя элементами – *actus reus* и *mens rea*, признаки которого могут содержаться как в кодифицированных актах, так и общем праве.

3. Учение о составе преступления в праве стран, относящихся к семье мусульманского права

Особенность права мусульманских государств заключается в том, что его источник – религиозные нормы, объединенные в священные тексты (Коран, Сунна), Иджма и Кияс, а также действующее законодательство. Условно можно разделить все страны, входящие в эту правовую семью, следующим образом: 1) государства, не имеющие уголовных законов, в силу чего они непосредственным образом руководствуются священными писаниями и мусульманско-правовой доктриной (Саудовская Аравия) [25, с. 95]; 2) государства, которые создавались под влиянием континентального законодательства, в связи с чем они имеют лишь отдельные черты мусульманского права (Марокко, Сирия, Ливан, Иордания); 3) страны, в которых уголовные законы построены на нормах шариата (Иран, Ирак, Пакистан, Ливия, Катар, Республика Йемен, Судан). А. А. Малиновский верно отмечает, что в этом случае «коранические нормы практически без изменений в силу конституционных предписаний закрепляются в законах и кодексах» [16, с. 188]. Проиллюстрировать это можно на примере убийства. «А кто убьет верующего умышленно,

тому возмездие – Ад, в котором остается навечно. Аллах гневается на него, проклинает его и приготовит ему великое наказание» (Сура «Ан-Ниса», аят 93) [9, с. 120]. В УК Ирана в статье 304 указано: «Преднамеренное убийство взрослого человека наказывается возмездием»². Аналогичным образом перенесено это положение и в Уголовный кодекс ОАЭ, в статье 332.1 которого закреплено: «Тот, кто умышленно убьет другого человека, наказывается пожизненным тюремным заключением»³. Аналогичная норма содержится в статье 300 УК Пакистана⁴.

Исходя из анализа уголовного законодательства государств, относящихся к мусульманской правовой семье, можно сделать вывод, что состав преступления не используется как при построении уголовного закона, так и при его толковании. Например, А. А. Аль-Баити отмечает, что в уголовном законодательстве Судана нет ни общего определения вины, ни определения ее форм [1, с. 85]. К такому же выводу приходит и Г. А. Есаков [29, с. 372]. Отсутствие единой, четко выраженной и логически завершенной правовой системы и отдельных базовых категорий для уголовного права отмечают и другие исследователи [2, с. 18].

Представляется, что в странах мусульманских государств тоже имеется тенденция к отказу от казуального способа описания преступления (преступления определенного вида) и, наоборот, к использованию абстрактных конструкций. Как справедливо отмечает Н. М. Коркунов: «Казуальная форма неудобна, так как ведет к чрезмерному ограничению числа отдельных норм и вместе делает невозможным достигнуть полноты юридических определений. При казуистическом характере норм каждый частный случай требует для себя особой юридической нормы. Ввиду же бесконечного разнообразия возможных случаев столкновения интересов, казуистические нормы, каково бы то ни было их число, никогда не могут объять всех встречающихся в жизни случаев» [11, с. 188].

Поэтому с конца прошлого века имеется тенденция к кодификации уголовного права в мусульманских правовых семьях. При этом за основу берется строение уголовных кодексов государств, принадлежащих к континентальной правовой семье, которые используют абстрактный способ изложения норм, теории преступления, состава преступления или состава преступного деяния. Таким образом, казуальные нормы сменяются более абстрактными, что позволяет спрогнозировать возможность использования современной теории состава преступления и в странах, принадлежащих к мусульманской правовой семье.

¹ Закон об уголовном праве Израиля (ред. 01.09.2022 г.): постатейный перевод с иврита на русский язык / пер. М. Дорфмана. Хайфа, 2010. С. 23.

² Уголовный кодекс Ирана. URL: <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:La2zrSY0hx4J:https://rc.majlis.ir/fa/law/show/845048&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru>.

³ Уголовный кодекс Объединенных Арабских Эмираторов 1987 г. URL: <https://arabruleoflaw.org/files/legaldatabase/Laws/UAE/Doc02.pdf>.

⁴ Уголовный кодекс Пакистана 1860 г. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ar/legislation/details/8573>.

4. Учение о составе преступления в праве азиатских стран

Право в азиатских странах не имеет общих черт, поскольку исторически становление того или иного государства в азиатской части мира проходило под влиянием других ведущих держав, в связи с чем уголовное право Японии отличается от уголовного права Китайской Народной Республики, потому что первое заимствовало положения из права Германии, а второе – из права СССР.

Считается, что КНР позаимствовала базовые положения теории уголовного права из правовой системы СССР, хотя после ухудшения российско-китайских отношений правовая система КНР стала развиваться по самостояльному пути [15, с. 131]. Таким образом, в КНР появилось две теории о составе преступления: традиционная и системная [30, с. 252]. Согласно традиционному учению состав преступления – это установленная китайским уголовным законом совокупность объективных и субъективных признаков, характеризующих определенное конкретное деяние (у которого имеется общественная опасность и выраженная степень этой опасности) как преступное [30, с. 253]. В системной теории состав преступления понимался как «органическое целое предусмотренных уголовным законом необходимых для признания тем или иным преступлением всех признаков, характеризующих общественную опасность» [30, с. 266]. Особенность последней теории заключается в том, что состав преступления имеет не четырех-, а трехзвенную структуру, при этом субъективная сторона включена в одно преступное поведение [30, с. 281].

Сам же УК Китайской Народной Республики не использует категорию состава преступления. Однако Особенная часть Уголовного кодекса КНР строится путем закрепления не только основных, квалифицированных и привилегированных составов преступления, но и – по моменту окончания преступления – формальных, материальных, ученых составов.

Следовательно, на сегодняшний день в Китае сформировалось самостоятельное учение о составе преступления, отличное как от традиционной российской, так и немецкой концепции.

Япония заимствовала свою теорию уголовного права из Германии [30, с. 245]. Н. А. Морозов отмечает: «В результате уже к началу XX в. японское уголовное право представляло собой довольно редкий в мировой практике симбиоз систем континентального и общего права» [17, с. 272]. В уголовное законодательство Японии входит не только Уголовный кодекс 1907 года, но и иные уголовно-правовые нормы¹. При этом термин «состав преступления» не используется в них.

На содержание современного уголовного права Монголии повлиял исторический период связи Монгольской Народной Республики (далее – МНР) и СССР. Несмотря на то что МНР никогда не была в составе последнего, из-за развития идей социализма в этот период основные законы, в том числе УК МНР, были по своему содержанию схожи с законами СССР. Именно по этой причине в современном уголовном праве Монголии учение о составе преступления занимает одно из основных мест, а Уголовный кодекс Монголии 2015 года в ч. 2 ст. 2.2, ч. 3 ст. 2.7, ч. 4 ст. 2.8, ч. 2 ст. 3.2, ч. 1 ст. 4.1 и др. содержит термин «состав преступления»².

5. Учение о составе преступления в праве бывших стран СНГ

Особенность уголовного права, в том числе законодательства бывших стран СНГ, заключается в том, что страны, впоследствии ставшие советскими социалистическими республиками, с начала XX века, а некоторые и с XIX века (например, Азербайджанская Республика), имели общие исторические корни. Следовательно, у данных государств либо были одни законы, либо они имели общее сходство, в связи с чем теория состава преступления развивалась совместными усилиями ученых социалистических государств. Соответственно, теория состава преступления, как и в российском законодательстве, получила свое отражение и в уголовных кодексах множества бывших стран СНГ.

К государствам, изначально закрепившим положения о составе преступления в уголовном законе после распада СССР, можно отнести Азербайджанскую Республику³, Республику Узбекистан⁴, Республику Казахстан⁵, Республику Таджикистан⁶, Украину⁷, Республику Армению⁸ и др.

¹ Уголовный кодекс Японии 1907 года. URL: <https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/hourei/data/PC.pdf>.

² Уголовный кодекс Монголии 2015 года. URL: <https://www.warnathgroup.com/wp-content/uploads/2015/03/Mongolia-Criminal-Code.pdf>.

³ Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30 дек. 1999 г. № 787-IQ (с изм. и доп. по состоянию на 30.12.2023). URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353#pos=659;-40&sdoc_params=text%3D%25D1%2581%25D0%25BE%25D1%2581%25D1%2582%25D0%25B0%25D0%25B2%26mode%3Dindoc%26topic_id%3D30420353%26pos%3D1%26tSynonym%3D0%26tShort%3D1%26tSuffix%3D1&sdoc_pos=3.

⁴ Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сент. 1994 г. URL: https://track.unodc.org/uploads/documents/BRI-legal-resources/Uzbekistan/3_-_RUS.pdf.

⁵ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03 июля 2014 г. (ред. от 20.06.2024) // Официальный сайт Министерства юстиции Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226>.

⁶ Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21.05.1988. URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/taj197648.pdf>.

⁷ Уголовный кодекс Украины от 5 апр. 2001 г. № 2341-III. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418109.

⁸ Уголовный кодекс Республики Армения от 18 апр. 2003 г. URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/arm197602.pdf>.

В частности, в статье 3 УК Азербайджанской Республики (далее – УК АР) указано, что основанием уголовной ответственности является «совершение деяния (действия или бездействия), содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного только настоящим Кодексом». Также статья 27.1 УК АР закрепляет, что преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии (действии или бездействии) содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом. Упоминание есть и в статьях 30.3, 74-1.1, примечаниях к статьям 144, 199, 214–214-1, 214-3, 215, 228, 229, 274, 283-1, 318 УК АР. Здесь также выделяются основные (ст. 120.1 УК Азербайджана), привилегированные (ст. 121 УК Азербайджана) и квалифицированные (ст. 120. 2 УК Азербайджана) составы преступления.

Статья 4 УК Республики Казахстан признает единственным основанием уголовной ответственности совершение уголовного правонарушения, то есть деяния, содержащего все признаки состава преступления либо уголовного проступка, предусмотренного УК Республики Казахстан. Упоминание о составе преступления есть в статье 25, части 2 статьи 26, примечаниях к статьям 125, 175, 182, 217–218-1, 236, 255, 258, 260–262, 266, 267, 287, 288, 405 Уголовного кодекса Республики Казахстан. Каких-либо особенностей в понимании состава преступления казахскими учеными, отличными от российской концепции состава преступления, нет [28, с. 96–103].

В новом УК Кыргызской Республики от 28.10.2021¹ в статье 3 также используется термин «состав преступления»: «Юридическая определенность означает возможность точного установления настоящим Кодексом основания для привлечения к уголовной ответственности за преступление, а также всех признаков состава преступления». Этот же термин содержится в статьях 22, 23, 33, 38, 72 УК Кыргызской Республики.

В статье 1 Латвийский уголовный закон функционирует термин «состав преступления»: «Уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, виновное в совершении преступного деяния, то есть с умыслом (умышленно) или по неосторожности совершившего преступление предусмотренное настоящим законом деяние, имеющее все признаки состава преступного деяния»². Дублируется этот термин и в статьях 6, 26, 28 УК Латвии. Отметим также, что в УК Латвии есть и привилегированные составы преступления (ст. 121 УК Латвии – убийство при превышении пределов необходимой обороны), и квалифицированные (ст. 117 – убийство при отягчающих обстоятельствах, ч. 2 и ч. 3 ст. 177 УК Латвии).

В свою очередь в части 2 статьи 2 УК Литовской Республики установлено, что «ответственности по уголовному закону подлежит только лицо, совершившее деяние, которое соответствует составу преступления или уголовного проступка, предусмотренному уголовным законом»³. При этом понятие состава преступления не раскрывается. В УК Литвы также можно выделить основные, квалифицированные (ч. 2, 3, 4 ст. 132 УК Литовской Республики) и привилегированные составы преступлений (ст. 131 УК Литовской Республики).

Представляется, что историческая обусловленность вхождения этих государств в состав СССР наложила отпечаток на использование «состава преступления» в уголовном законе. Литва в 1990 году «унаследовала» советское уголовное законодательство, в том числе включенные в уголовный закон положения о составе преступления. Несмотря на то что в годы после выхода Литвы из состава СССР происходила активная имплементация норм западного зарубежья (в течение 10 лет осуществлялась разработка нового УК Республики Литвы, на который в основном повлияло уголовное право Германии и Польши, конвенции Совета Европы [36, с. 50]), всё же теория состава преступления не стала чуждой уголовному праву Литовской Республики. На страницах исследований литовских ученых в области уголовного права именно состав преступления, а не преступление подвергается анализу [36, с. 45]. При этом нужно отметить, что состав преступления отождествляется с информационной законодательной моделью определенного преступления [36, с. 302].

Особо необходимо упомянуть УК Республики Молдова, поскольку это единственный нормативно-правовой акт, закрепивший в статье 52 легальное понятие состава преступления как «совокупности установленных уголовным законом объективных и субъективных признаков, квалифицирующих вредное деяние как конкретное преступление. Состав преступления является юридическим основанием для квалификации преступления в соответствии с конкретной статьей настоящего кодекса»⁴. В статье 25 УК Республики Молдова указано, что преступление признается оконченным, если в совершенном деянии содержатся все признаки состава преступления. Таким образом, законодатель Республики Молдова выделяет реальное основание ответственности – совершение вредных деяний, и юридическое основание – признаки состава преступления, предусмотренные законом. Думается, что советская теория состава преступления наиболее полно была отражена в УК Республики Молдова.

Не закрепляет легального определения состава преступления и УК Республики Беларусь⁵, однако

¹ Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 окт. 2021 г. № 127 (в ред. от 14.03.2025) // Официальный сайт Министерства внутренних дел Кыргызской Республики. URL: <https://mvd.gov.kg/rus.ministry/normative-bases/22>.

² Уголовный кодекс Латвийской Республики от 17 июня 1988 г. URL: <https://www.alex-lawyer.lv/ugolovnijzakonlatvirus.pdf>.

³ Уголовный кодекс Литовской Республики от 26 сент. 2000 г. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243877>.

⁴ Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апр. 2002 г. (ред. от 06.06.2024). URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3835.

⁵ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275>.

в уголовно-правовой литературе используется традиционное для нас понимание состава преступления как совокупности юридически значимых объективных и субъективных признаков, характеризующих общественно опасное деяние как преступление [3, с. 77].

Другие государства, входившие в СССР, в уголовном законе термин «состав преступления» не закрепили. Например, уголовное законодательство Грузии не использует категорию «состав преступления», это обусловлено прежде всего тем, что при принятии современного Уголовного кодекса Грузии были заимствованы основные идеи германского учения о преступлении [26, с. 89], поскольку в 90-е годы российско-грузинские отношения были напряженными, а Грузия стремилась найти точки соприкосновения с европейскими странами. В результате в статье 7 УК Грузии было утверждено положение, закрепляющее, что «основанием уголовной ответственности является преступление, т. е. предусмотренное настоящим Кодексом противоправное и виновное деяние»¹. В теории уголовного права Грузии речь идет не о составе преступления, а, как и в романо-германских странах, о составе деяния [26, с. 89].

Как справедливо отмечают Ю. А. Никифоров и В. Л. Шаповалов, после распада СССР ведущие державы были заинтересованы в усилении своего влияния на территории бывшего Советского Союза [19, с. 65–66]. Из-за этого некоторые бывшие страны СНГ в 2000-е годы изменили политический курс с «пророссийского» на «прозападный», вследствие чего произошел ряд существенных пересмотров основополагающих законов этих стран, которые совершенно иначе стали относиться к теории состава преступления. Так, например, в новом УК Армянской Республики, принятом 5 мая 2021 г.², было пересмотрено основание уголовной ответственности: если в законе от 2003 года в статье 3 УК Армянской Республики основанием уголовной ответственности считалось деяние, содержащее в себе все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом, то по ныне действующему УК в статье 14 – совершение оконченного или неоконченного преступления.

Выводы

Исторический путь развития и становления права, принадлежность государства к различным видам правовых семей предопределяют и понимание состава преступления. Так, для стран континентальной правовой семьи, которая характеризуется абстрактным способом изложения (закрепления) правил поведения, учение о составе преступления

(а если говорить дословно – о составе преступного деяния) имеет ключевое значение. Здесь состав преступления (деяния) рассматривается как важнейшая составляющая уголовно-правовой нормы. В праве большинства этих государств состав преступного деяния структурно содержит в себе само деяние, которое неразрывно связано с субъективным отношением к нему субъекта, при этом объект и субъект находятся за рамками состава преступного деяния.

В государствах, принадлежащих к ангlosаксонской системе права, состав преступления используется в процессуальном смысле, как совокупность объективных фактов, свидетельствующих о совершенном преступлении. В материальном смысле преступление характеризуется двумя элементами – *actus reus* и *mens rea*, признаки которых могут содержаться как в кодифицированных актах, так и общем праве. При переводе авторы упрощенную структуру преступления и понимаемый в контексте российского законодательства состав преступления отождествляют, несмотря на то что в самой ангlosаксонской теории материального уголовного права категория состава преступления не разработана.

В мусульманской правовой семье состав преступления не обрел самостоятельного значения, при этом имеется тенденция к реципиентному правовым конструкций права западных государств.

В азиатских странах получили свое развитие как советская теория состава преступления (Китайская Народная Республика и Монголия), так и немецкое учение о составе преступления (Япония). В настоящее время, основываясь на системном методе, КНР использует собственную системную теорию состава преступления, которая отличается не только понятием, но и количеством элементов, входящих в его структуру.

Огромное влияние учение о составе преступления оказало на страны, входившие в СССР. Некоторые государства закрепили состав преступления в уголовном законе: Республика Молдова, Казахстан, Узбекистан, Азербайджанская Республика. Другие, хотя в уголовном законе такую категорию и не отражают, активно ею пользуются при правоприменении: Республика Таджикистан, Киргизстан, Беларусь и др. Однако есть и те, кто полностью отказался от советской теории состава преступления (Грузия).

Единственным нормативным актом, закрепившим понятие состава преступления, остается УК Республики Молдова, где в статье 52 указано, что состав преступления – «совокупность установленных уголовным законом объективных и субъективных признаков, квалифицирующих вредное деяние как конкретное преступление»³.

¹ Уголовный кодекс Грузии от 22 июля 1999 г. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=261>; Уголовный кодекс Грузии / пер. с груз. И. Мериджанашвили. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С. 87.

² Уголовный кодекс Республики Армения от 5 мая 2021 г. URL: <https://www.arlis.am/ru/acts/204754>.

³ Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апр. 2002 г. (ред. от 06.06.2024). URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3835.

Библиографический список

1. Аль-Баити М. А. А. Некоторые аспекты субъективной стороны состава преступления по мусульманскому праву // Исламоведение. 2012. № 2 (12). С. 83–90.
2. Аль-Баити М. А. А. Вина в структуре субъективной стороны преступления по уголовному праву Республики Йемен: проблемы и их решение: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 175 с.
3. Бабий Н. А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть: учебник. Минск: ГИУСТ БГУ, 2010. 663 с.
4. Борисов Г. А. Доктринальные подходы к обеспечению единства судебной практики в странах общего права и в России: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 219 с.
5. Галиакбаров Р. Р., Шульга А. В., Сокол А. В. История возникновения и становления учения о составе преступления в зарубежном уголовном праве // Общество и право. 2019. № 3 (69). С. 37 – 44.
6. Головин А. Ю., Бугаевская Н. В. Структурные элементы состава преступления и их значение для квалификации и предупреждения преступлений коррупционной направленности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 2. С. 257–264. DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(2).257–264.
7. Головненков П. В. Уголовное уложение Федеративной республики Германия – Strafgeaetzbuch (StGB): науч.-практ. комментарий и перевод текста закона. Universitätsverlag Potsdam, 2021. 489 с.
8. Жалинский А. Э. Современное немецкое уголовное право. М.: ТК Велби: Проспект, 2006. 560 с.
9. Калям Шариф. Перевод смыслов. Казань: Хузур – Спокойствие, 2020. 652 с.
10. Кибальник А. Преступное деяние в доктрине уголовного права и судебной практике Англии // Уголовное право. 2006. № 2. С. 36–40.
11. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2010. 520 с.
12. Кравцов Р. В. Преступное деяние в уголовном праве России, ФРГ, Нидерландов: сравнительный аспект // Сибирский юридический вестник. 2007. № 3 (38). С. 38–45.
13. Кузнецова Н. Ф. Вопросы общей части уголовного права Германской Демократической Республики. М.: Изд.-во Моск. ун-та, 1957. 44 с.
14. Кузнецова Н. Ф., Хуэйлинь Ц. Теория о составе преступления в Китае и России // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2009. № 6. С. 62–74.
15. Лун Ч. Состав преступления в уголовно-правовой доктрине Китая // Lex Russica. 2016. № 9 (118). С. 129–135.
16. Малиновский А. А. Юридическая техника в зарубежных правовых семьях (взгляд компаративиста) // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 179–190.
17. Морозов Н. А. Преступность в современной Японии: Проблемы криминологической и уголовно-правовой политики: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 430 с.
18. Никитенко И. В. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности в уголовном законодательстве Израиля // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2022. № 3 (60). С. 22–29.
19. Никифоров Ю. А., Шаповалов В. Л. Россия и современный мир: учеб. пособие. М.: МПГУ, 2018. 124 с.
20. Полянский Е. Ю. Теория состава преступления в уголовном праве США: ключевые позиции и основные недостатки // Lex Russica. 2013. Т. 95, № 11. С. 1991–1204.
21. Полячек Ф. Состав преступления по чехословацкому уголовному праву. М., 1960. 318 с.
22. Роллопф А. «Похищение человека» (§ 234 УУ ФРГ) и «угон человека» (§ 234а УУ ФРГ) // Союз криминалистов и криминологов. 2020. № 1. С. 123–127.
23. Сизова В. Н. Эволюция системы уголовного законодательства Англии // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2020. № 4 (49). С. 96–103.
24. Соловьевева Е. А. Историческая смена научных парадигм и состав преступления // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 1. С. 112–121. DOI: doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-1-112-121.
25. Сюкиянен Л. Р. Мусульманское уголовное право: теоретические основы и современная практика // Современное уголовное право и криминология: сб. науч. тр. Серия: Правоведение / Центр социал. науч.-информ. исслед. отдел правоведения. ИГП РАН, Гос. ун-т – Высш. шк. экономики. М., 2007. С. 80–106.
26. Тодрия Г. Г. Некоторые логические проблемы системы уголовного права Грузии // Вестник Костромского государственного технологического университета. Государство и право: вопросы теории и практики (серия «Юридические науки»). 2016. № 1 (6). С. 89–94.
27. Трайнин А. И. Состав преступления по советскому уголовному праву. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1957. 362 с.
28. Уголовное право Казахстана и России. Общая часть / под ред. Р. М. Абдрашева, С. В. Маликова, А. И. Чучаева. М.: Городец, 2022. 528 с.
29. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс: в 10 т. Т. В. Понятие преступления. Состав преступления. М.: Юрлитинформ, 2016. 600 с.
30. Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая. Сравнительно-правовое исследование / под ред. проф. В. С. Комиссарова, А. И. Коробеева, Хе Бинсуна. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2009. 549 с.
31. Фристлер Г. Уголовное право Германии. Общая часть = Strafrecht. Allgemeiner Teil / пер. с нем. 5-е изд. М.: Инфортропик Медиа, 2013. 712 с.
32. Шуберт Л. Об общественной опасности преступного деяния. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1960. 238 с.

33. Crime Law. Open University of Hong Kong. 2012. 538 p. URL: <https://www.opentextbooks.org.hk/ditabook/28025>.
34. Black H. C. Black's Law Dictionary. West Publishing Company. 1968. 1882 p.
35. Herring J. Criminal Law. Third edition. Palgrave Macmillan. 2002. 485 p.
36. Legal Developments During 30 Years of Lithuanian Independence. Overview of Legal Accomplishments and Challenges in Lithuania. Springer. 2021. 315 p. DOI: doi.org/10.1007/978-3-030-54783-7.
37. Ruelamira M. R. Murder Without Corpus Delicti: A Brief Excursus on Circumstantial Evidence // Journal of African Law. 1992. Vol. 36. № 2. Pp. 132–139.
38. Taylor S., Workman L. The Evolution of Crime. Encyclopedia of Evolutionary Psychological Science. Springer, 2021. 8604 p.
39. Hopper W. H. Arson's Corpus Delicti // The Journal of Criminal Law, Criminology, and Police Science. 1956. Vol. 47. № 1. Pp. 118–130.

References

1. Al-Baiti M. A. A. Nekotorye aspekty sub"ektivnoy storony sostava prestupleniya po musul'manskому ugolovnomu pravu [Some Aspects of the Subjective Side of the Corpus Delicti under Muslim Criminal Law]. *Islamovedenie – Islamic Studies*. 2012. Issue 2 (12). Pp. 83–90. (In Russ.).
2. Al-Baiti M. A. A. Vina v strukture sub"ektivnoy storony prestupleniya po ugolovnomu pravu Respubliki Yemen: problemy i ikh reshenie [Guilt in the Structure of the Subjective Side of a Crime Under Criminal Law of the Republic of Yemen: Problems and Their Solutions: Cand. jurid. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2019. 175 p. (In Russ.).
3. Babiy N. A. *Ugolovnoe pravo Respubliki Belarus'. Obshchaya chast'* [Criminal Law of the Republic of Belarus. General Part] Minsk, 2010. 663 p. (In Russ.).
4. Borisov G. A. *Doktrinal'nye podkhody k obespecheniyu edinoobraziya sudebnoy praktiki v stranakh obshchego prava i v Rossii: sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [Doctrinal Approaches to Ensuring Uniformity of Judicial Practice in Common Law Countries and in Russia: A Comparative Legal Study: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2024. 219 p. (In Russ.).
5. Galiakbarov R. R., Shul'ga A. V., Sokol A. V. *Istoriya vozniknoveniya i stanovleniya ucheniya o sostave prestupleniya v zarubezhnom ugolovnom prave* [History of Evolution of the Doctrine of the Component Elements of a Crime in Criminal Law in Foreign Countries]. *Obshchestvo i pravo – Society and Law*. 2019. Issue 3 (69). Pp. 37–44. (In Russ.).
6. Golovin A. Yu., Bugaevskaya N. V. *Strukturnye elementy sostava prestupleniya i ikh znachenie dlya kvalifikatsii i preduprezhdeniya prestupleniy korruptionnoy napravленности* [Structural Elements of the Corpus Delicti and Their Significance for the Qualification and Prevention of Corruption Crimes]. *Kriminologicheskiy zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava – Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 2015. Vol. 9. Issue 2. Pp. 257–264. DOI:10.17150/1996-7756.2015.9(2).257-264. (In Russ.).
7. Golovnenkov P. V. *Ugolovnoe ulozhenie Federativnoy respubliki Germaniya – Strafgeaetzbuch (StGB)* [Criminal Code of the Federal Republic of Germany – Strafgesetzbuch (StGB)]: scientific and practical commentary and translation of the text of law. Universitätsverlag Potsdam, 2021. 489 p. (In Russ.).
8. Zhalinskiy A. E. *Sovremennoe nemetskoe ugolovnoe pravo* [Modern German Criminal Law]. Moscow, 2006. 560 p. (In Russ.).
9. Kalyam Sharif. *Perevod smyslov* [Kalyam Sharif. Translation of Meanings]. Kazan, 2020. 652 p. (In Russ.).
10. Kibal'nik A. *Prestupnoe deyanie v doktrine ugolovnogo prava i sudebnoy praktike Anglii* [Criminal Act in the Doctrine of Criminal Law and Juridical Practice of England]. *Ugolovnoe pravo – Criminal Law*. 2006. Issue 2. Pp. 36–40. (In Russ.).
11. Korkunov N. M. *Lektsii po obshchey teorii prava* [Lectures on the General Theory of Law]. Moscow. 2010. 520 p. (In Russ.).
12. Kravtsov R. V. *Prestupnoe deyanie v ugolovnom prave Rossii, FRG, Niderlandov: sravnitel'nyy aspekt* [A Criminal Act in Criminal Law of Russia, Germany, the Netherlands: Comparative Aspect]. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik – Siberian Law Herald*. 2007. Issue 3 (38). Pp. 38–45. (In Russ.).
13. Kuznetsova N. F. *Voprosy obshchey chasti ugolovnogo prava Germanskoy Demokraticheskoy Respubliki* [General Criminal Law Issues of the German Democratic Republic]. Moscow, 1957. 44 p. (In Russ.).
14. Kuznetsova N. F., Hueilin Ts. *Teoriya o sostave prestupleniya v Kitae i Rossii* [Theory of Corpus Delicti in China and Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo – Moscow University Bulletin. Series 11. Law*. 2009. Issue 6. Pp. 62 – 74. (In Russ.).
15. Loon C. *Sostav prestupleniya v ugolovno-pravovoy doktrine Kitaya* [Elements of a Crime in the Criminal Law Doctrine of China]. *Lex Russica*. 2016. Issue 9 (118). Pp. 129–135. (In Russ.).
16. Malinovskiy A. A. *Yuridicheskaya tekhnika v zarubezhnykh pravovykh sem'yakh (vzglyad komparativista)* [Legal Technique in Foreign Legal Families (A Comparative View)]. *Yuridicheskaya tekhnika – Juridical Techniques*. 2016. Issue 10. Pp. 179–190. (In Russ.).
17. Morozov N. A. *Prestupnost' v sovremennoy Yaponii: Problemy kriminologicheskoy i ugolovno-pravovoy politiki* [Crime in Contemporary Japan: Breakdowns in Criminological and Criminal Law Policy: Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2016. 430 p. (In Russ.).
18. Nikitenko I. V. *Prestupleniya protiv polovoy neprikosnovennosti i polovoy svobody lichnosti v ugolovnom zakonodatel'stve Izrailya* [Crimes against Sexual Integrity and Sexual Freedom of the Individual in the Criminal Legislation of Israel]. *Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022. Issue 3 (60). Pp. 22–29. (In Russ.).

19. Nikiforov Yu. A., Shapovalov V. L. *Rossiya i sovremennoy mir* [Russia and the Modern World]. Moscow, 2018. 124 p. (In Russ.).
20. Polyanskiy E. Yu. *Teoriya sostava prestupleniya v ugolovnom prave SShA: klyuchevye pozitsii i osnovnye nedostatki* [The Theory of Corpus Delicti in Criminal Law of the USA: Key Positions and Main Shortcomings]. *Lex Russica*. 2013. Vol. 95. Issue 11. Pp. 1991–1204. (In Russ.).
21. Poláček F. *Sostav prestupleniya po chekho-slovatskomu ugolovnomu pravu* [The Elements of a Crime under Czechoslovak Criminal Law]. Moscow, 1960. 318 p. (In Russ.).
22. Roloff A. «*Pokhishchenie cheloveka*» (§ 234 UU FRG) i «*ugon cheloveka*» (§ 234a UU FRG) [Crimes against Personal Liberty (§ 234 and § 234a StGB)]. *Soyuz kriminalistov i kriminologov – Union of Criminalists and Criminologists*. 2020. Issue 1. Pp. 123–127. (In Russ.).
23. Sizova V. N. *Evolyutsiya sistemy ugolovnogo zakonodatel'stva Anglii* [Evolution of the Criminal Law System in England]. *Vestnik Sankt-Peterburgskoy yuridicheskoy akademii – Vestnik of Saint Petersburg Juridical Academy*. 2020. Issue 4 (49). Pp. 96–103. (In Russ.).
24. Soloveva E. A. *Istoricheskaya smena nauchnykh paradigm i sostav prestupleniya* [Historical Change of Scientific Paradigms and the Composition of the Offence]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istochnika i pravo – Proceedings of Southwest State University. Series: History and Law*. 2025. Issue 15 (1). Pp. 112–121. DOI: 10.21869/2223-1501-2025-15-1-112-121. (In Russ.).
25. Syukiaynen L. R. *Musul'manskoe ugolovnoe pravo: teoreticheskie osnovy i sovremennaya praktika* [Muslim Criminal Law: Theoretical Foundations and Current Practice]. *Sovremennoe ugolovnoe pravo i kriminologiya* [Modern Criminal Law and Criminology]: Collection of Scientific Papers. Series: Jurisprudence. Moscow, 2007. Pp. 80–106. (In Russ.).
26. Todriya G. G. *Nekotorye logicheskie problemy sistemy ugolovnogo prava Gruzii* [Some Logical Problems of the System of Georgian Criminal Law]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. Gosudarstvo i pravo: voprosy teorii i praktiki* (seriya «Yuridicheskie nauki») – Bulletin of Kostroma State Technological University. State and Law: Theory and Practice (Series ‘Juridical Sciences’). 2016. Issue 1(6). Pp. 89–94. (In Russ.).
27. Traynin A. I. *Sostav prestupleniya po sovetskому ugolovnomu pravu* [The Elements of a Crime Under Soviet Criminal Law]. Moscow, 1957. 362 p. (In Russ.).
28. *Ugolovnoe pravo Kazakhstana i Rossii. Obshchaya chast'* [Criminal Law of Kazakhstan and Russia. General Part]. Ed. by R. M. Abdrashev, S. V. Malikov, A. I. Chuchaev. Moscow, 2022. 528 p. (In Russ.).
29. *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'. Prestuplenie* [Criminal Law. General Part. Crime]: in 10 vols. Vol. V. *Ponyatie prestupleniya. Sostav prestupleniya* [Concept of Crime. Elements of Crime]. Moscow, 2016. 600 p. (In Russ.).
30. *Uchenie o sostave prestupleniya v ugolovnom prave Rossii i Kitaya. Sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [The Doctrine of the Corpus Delicti in Criminal Law of Russia and China: A Comparative Legal Study]. Ed. by V. S. Komissarov, A. I. Korobeev, H. Binsun. St. Petersburg, 2009. 549 p. (In Russ.).
31. Frister H. *Ugolovnoe pravo Germanii. Obshchaya chast' = Strafrecht. Allgemeiner Teil* [German Criminal Law. General Part = Strafrecht. Allgemeiner Teil]. Transl. from Germ. 5th ed. Moscow, 2013. 712 p. (In Russ.).
32. Schubert L. *Ob obshchestvennoy opasnosti prestupnogo deyaniya* [On the Social Danger of a Criminal Act]. Moscow, 1960. 238 p. (In Russ.).
33. *Criminal Law*. The Open University of Hong Kong, 2012. 538 p. Available at: <https://www.open教材books.org.hk/ditabook/28025>. (In Eng.).
34. Black H. C. *Black's Law Dictionary*. West Publishing Company, 1968. 1882 p. (In Eng.).
35. Herring J. *Criminal Law*. 3rd ed. Palgrave Macmillan, 2002. 485 p. (In Eng.).
36. *Legal Developments during 30 Years of Lithuanian Independence. Overview of Legal Accomplishments and Challenges in Lithuania*. Springer, 2021. 315 p. DOI: 10.1007/978-3-030-54783-7. (In Eng.).
37. Rwelamira M. R. Murder without Corpus Delicti: A Brief Excursus on Circumstantial Evidence. *Journal of African Law*. 1992. Vol. 36. Issue 2. Pp. 132–139. (In Eng.).
38. Taylor S., Workman L. The Evolution of Crime. *Encyclopedia of Evolutionary Psychological Science*. Springer, 2021. Pp. 2476–2483. Available at: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/978-3-319-19650-3.pdf>. (In Eng.).
39. Hopper W. H. Arson's Corpus Delicti. *The Journal of Criminal Law, Criminology, and Police Science*. 1956. Vol. 47. Issue 1. Pp. 118–130. (In Eng.).

Информация об авторе:

Е. А. Соловьева

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
и прокурорского надзора
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0003-0076-0811
ResearcherID: GMX-4305-2022

About the author:

Е. А. Soloveva

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

ORCID: 0000-0003-0076-0811
ResearcherID: GMX-4305-2022

Информация для цитирования:

Чеботарева И. Н. Разделение властей и уголовное судопроизводство в Российской Федерации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 4(70). С. 646–672. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-646-672.

Chebotareva I. N. *Razdelenie vlastey i ugolovnoe sudoproizvodstvo v Rossiyskoy Federatsii* [Separation of Powers and Criminal Proceedings in the Russian Federation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2025. Issue 4(70). Pp. 646–672. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-646-672.

УДК 343.1

DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-646-672

Разделение властей и уголовное судопроизводство в Российской Федерации

Работа выполнена в рамках Государственного задания «Правовые меры обеспечения стратегических приоритетов по противодействию угрозам национальной безопасности» (FENM – 2025– 0010).

Регистрационный номер 1024031900131-7-5.5.1

И. Н. Чеботарева

Юго-Западный государственный университет

E-mail: cheb_irina@mail.ru

Статья поступила в редакцию 28.05.2025

Введение: на деятельность властных субъектов уголовного процесса влияют общие проблемы организации, правового положения и функционирования государственных органов, существующих и действующих в условиях признанного в Российской Федерации на конституционном уровне принципа разделения властей. **Цель:** исследование вопросов организации и функционирования публичной власти в уголовном судопроизводстве в условиях действия конституционного принципа разделения властей. **Методы:** системный подход позволил рассмотреть уголовное судопроизводство как систему деятельности властных субъектов по уголовному преследованию (обвинению) и разрешению уголовного дела и как элемент системы более высокого уровня – деятельности органов государственной власти. Были использованы общенаучные (анализ и синтез, индукция и дедукция) и частнонаучные (формально-юридический, историко-правовой) методы. **Результаты:** выявлена связь между разделением властей и уголовным процессом как одной из сфер деятельности властных субъектов, определено значение разделения властей для уголовного судопроизводства, установлено, как принцип разделения властей реализуется (организационно и функционально) в ходе производства по уголовному делу. **Выводы:** смысловое содержание разделения властей в уголовном процессе, как принципа организации и функционирования государственной власти, включает: самостоятельность деятельности каждого органа и должностного лица в границах права и компетенции; урегулированное в уголовно-процессуальном законе распределение функций и полномочий должностных лиц и органов государственной власти – субъектов уголовного процесса; обеспечение в уголовном судопроизводстве механизма взаимного сдерживания и контроля. Такое содержание отражает формальный (организационное разделение органов государственной власти) и функциональный (установление специфических полномочий должностных лиц, их функциональное разделение) подходы к рассмотрению разделения властей в уголовном судопроизводстве. Оба подхода на сегодняшний момент тесно

© Чеботарева И. Н., 2025

Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

переплелись в организации и функционировании властных субъектов уголовного процесса, их взаимодействии, что является результатом длительного исторического пути развития.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; разделение властей; судебная власть; обвинительная власть; следственная власть; баланс властей; сдержки и противовесы; национальная безопасность

Separation of Powers and Criminal Proceedings in the Russian Federation

The study was carried out as part of the state assignment 'Legal measures behind strategic priorities of countering national security threats' (FENM – 2025– 0010). Registration number 1024031900131-7-5.5.1

I. N. Chebotareva

Southwest State University

E-mail: cheb_irina@mail.ru

Received 28 May 2025

Introduction: the activities of the authorities (power-holding entities and persons) engaged in criminal proceedings are influenced by general problems of the organization, legal status, and functioning of government bodies, existing and operating under the principle of separation of powers, recognized in the Russian Federation at the constitutional level. The purpose of this article is to study the issues of the organization and functioning of public authority in criminal proceedings under the constitutional principle of separation of powers. **Methods:** the systemic approach was used to consider criminal proceedings as a system of activities of the authorities engaged in criminal prosecution (accusation) and resolution of criminal cases and also as an element of a higher-level system – the activities of government bodies. The study employed general scientific methods (analysis and synthesis, induction and deduction) and specific scientific methods (formal-legal, historical-legal). **Results:** the study has revealed a relationship between the separation of powers and criminal proceedings as one of the areas of activity of authorities; determined the significance of the separation of powers for criminal proceedings; established how the principle of separation of powers is implemented (organizationally and functionally) in the course of criminal proceedings. **Conclusions:** the semantic content of the separation of powers in criminal proceedings, as a principle of the organization and functioning of state authority, includes: independence of the activities of each body and official within the boundaries of law and their competence; distribution, legally regulated in the criminal procedure law, of the functions and powers of officials and government bodies being power-holding actors in criminal proceedings; ensuring the mechanism of mutual restraint and control in criminal proceedings. Such content reflects the formal (organizational separation of government bodies) and functional (establishment of specific powers of officials, their functional separation) approaches to the consideration of the separation of powers in criminal proceedings. Both approaches are currently closely intertwined in the organization and functioning of the authorities (i.e., power-holding actors) engaged in the criminal process, their interaction, which is the result of a long historical path of development.

Keywords: criminal proceedings; separation of powers; judicial power; prosecutorial power; investigative power; balance of powers; checks and balances; national security

Введение

Уголовное судопроизводство представляет собой деятельность властных субъектов по реализации соответствующих норм уголовного права, направленных на защиту от преступных посягательств охраняемых законом прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды,

конституционного строя Российской Федерации, мира и безопасности человечества (ч. 1 ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ))¹. Защита личности, ее прав и свобод, а также интересов общества и государства от противоправных посягательств путем предупреждения, выявления, пресечения, раскрытия и расследования преступлений, справедливого правосудия является функцией государства, которая реализуется от его имени

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 21 апр.2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 2 мая 2025 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

должностными лицами специально созданных для этого органов посредством уголовного судопроизводства. В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ)¹ субъектами государственной власти в уголовном судопроизводстве (властными субъектами) являются суд, дознаватель, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа и прокурор.

Властные субъекты уголовного процесса представляют тот или иной государственный орган, организация и функционирование которого в целом и в уголовном судопроизводстве в частности обусловлены политическим строем нашей страны и устройством системы государственной власти, существуют и действуют в условиях признанного в Российской Федерации на конституционном уровне принципа разделения властей. Российская Федерация является демократическим правовым государством, в котором человек, его права и свободы выступают высшей ценностью (ст. 1 Конституции Российской Федерации²), они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной, исполнительной власти и обеспечиваются правосудием (ст. 18 Конституции РФ). Органы государственной власти обязаны признавать, соблюдать и защищать указанные ценности (ст. 2 Конституции РФ).

Принцип осуществления государственной власти на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную и их самостоятельности закреплен в статье 10 Конституции РФ как одна из основ конституционного строя Российской Федерации. Конституционный Суд РФ признает разделение властей основой правовой государственности и демократии, необходимым условием против злоупотребления властью, непременной гарантией прав и свобод³. Смысл этого принципа заключается в обеспечении равновесия властей, предотвращении чрезмерной концентрации власти для решения двуединой задачи, стоящей перед современным государством, – охраны прав свобод человека и гражданина, национальной безопасности.

Не вызывает сомнения тот факт, что уголовный процесс как структурный элемент системы противодействия преступности является фактором обеспечения национальной безопасности государства. Путем

применения уголовных и уголовно-процессуальных средств государство осуществляет императивный контроль над лицами, посягнувшими на охраняемые уголовным законом общественные отношения, противодействует и пресекает их деструктивную деятельность, а также предупреждает ее. В этой связи востребованность и важность исследования организации и функционирования властных субъектов в уголовном процессе в контексте конституционного принципа разделения властей обусловлена целями и задачами стратегических документов Российской Федерации в области национальной безопасности. В соответствии со Стратегией национальной безопасности меры, направленные на повышение эффективности деятельности правоохранительных органов по защите основ конституционного строя России, прав и свобод человека и гражданина, способствуют обеспечению государственной и общественной безопасности (п. 41)⁴.

Урегулированная уголовно-процессуальным законодательством деятельность должностных лиц и органов является правоохранительной деятельностью, заключающейся в выявлении, пресечении и раскрытии преступных посягательств, привлечении виновных лиц к уголовной ответственности. К сожалению, эта деятельность не в полной мере обеспечивает реализацию ожиданий, возложенных на нее Стратегией национальной безопасности Российской Федерации. Наиболее убедительно об этом свидетельствует статистика. Согласно официальным данным Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД РФ), в 2024 году было зарегистрировано 1,911 тыс. преступлений. Это на 1,8 % меньше, чем в 2023 году (в 2023 г. их было 1,947 тыс.), однако почти половина из них (929,7 тыс. преступлений) остались нераскрытыми, что на 2 % больше, чем в 2023 году⁵. Из приведенных данных следует, что, несмотря на снижение количества зарегистрированных преступлений, можно наблюдать рост тех, которые остались нераскрытыми. Судами за 2024 год было рассмотрено 495 тыс. уголовных дел в отношении 499 тыс. лиц, из которых осуждены 399 тыс., в отношении почти 94 тыс. лиц уголовное преследование судом было прекращено, 1,3 тыс. были оправданы⁶.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 21 апр. 2025 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Информация Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19 окт. 2021 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Состояние преступности в России за январь–декабрь 2024 г. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328/>.

⁶ Доклад Председателя Верховного Суда Российской Федерации И. Л. Подносовой на пленарном заседании Совета судей Российской Федерации 3 дек. 2024 г. URL: <http://www.vsrf.ru/files/34064/?ysclid=m4b5xzwlwb218001955>.

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т. Н. Москалькова с сожалением констатирует нарушения прав человека в сфере уголовного судопроизводства, которые подтверждаются как результатами надзорной деятельности органов прокуратуры, так и обращениями граждан за защитой своих прав к Уполномоченному. По ее сведениям, только за первое полугодие 2024 года прокурорами было выявлено 3,074 тыс. фактов нарушений исполнения законов в досудебном производстве по уголовным делам, направлено 213 тыс. требований об их устранении, абсолютное большинство из которых признаны законными и удовлетворены. К Уполномоченному по правам человека по вопросам защиты прав человека в уголовном процессе в 2024 году поступило 9 277 обращений, подавляющее большинство из которых (71 %) – жалобы на нарушения, допущенные в досудебном производстве. Среди них превалируют обращения по вопросу объективности должностных лиц, реализующих властные полномочия¹.

Приведенные данные свидетельствуют об актуальности изучения вопросов организации органов государственной власти и функционирования их должностных лиц в уголовном судопроизводстве, так как это может способствовать выявлению проблем в данной сфере и формированию представлений о направлениях деятельности по их устранению с целью повышения эффективности функционирования властных субъектов уголовного процесса.

Поскольку субъекты, осуществляющие производство по уголовному делу, являются должностными лицами органов государственной власти, разделение властей, лежащее в основе организации и деятельности государственных органов в Российской Федерации, не может не сказываться на правовом положении и их функционировании в одном из видов государственной деятельности – уголовном процессе. На деятельность властных субъектов уголовного процесса, очевидно, влияют общие проблемы организации, правового статуса и функционирования государственных органов в системе разделения властей в Российской Федерации, должностными лицами которых они являются. Недостатки в претворении в жизнь конституционного принципа разделения властей находят свое выражение в сфере уголовного судопроизводства в несбалансированности разделения полномочий и отсутствии эффективно действующей взаимной системы сдержек и противовесов. В частности, ни на доктринальном, ни на законодательном уровне не решен вопрос о месте и роли в системе разделения властей таких органов государственной власти, как Прокуратура Российской Федерации (что сказывается на правовом положении прокурора – важного субъекта уголовного процесса), Следственный комитет Российской Федерации, следователи которого расследуют

наиболее тяжкие преступления. Несмотря на проведенные реформы органов расследования и в части их организации (в частности, создание Следственного комитета РФ в 2010 г.), и в части их полномочий (в частности, разграничение полномочий по расследованию и надзору за ним), не потерял актуальности ряд вопросов, не получивших законодательного разрешения, а некоторые, напротив, обрели ее. Так, продолжаются дискуссии относительно целесообразности объединения всех следственных органов, до сих пор имеются проблемы в функционировании системы сдержек и противовесов – неотъемлемой части разделения властей, что проявляется в несбалансированности в части прокурорского надзора, ведомственного и судебного контроля, наличии проблем в механизме обжалования.

Представляется, что ясное понимание места органов власти, осуществляющих производство по уголовным делам, в государственном устройстве имеет принципиальное значение в правовом государстве в деле реального обеспечения прав и свобод граждан (вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства), повышения эффективности их деятельности для достижения ключевых целей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации – снижение уровня преступности и приоритетное обеспечение защиты прав и законных интересов личности.

Целью данной статьи является исследование вопросов организации и функционирования публичной власти в уголовном судопроизводстве в условиях действия в России конституционного принципа разделения властей, что предполагает изучение уголовного процесса в системе разделения властей в Российской Федерации и разделение властей в уголовном судопроизводстве.

Разделение властей в уголовном процессе изучали такие дореволюционные ученые, как С. И. Викторский, В. Л. Случевский, И. Я. Фойницкий и др. Место и роль отдельных ветвей власти и/или основных направлений их деятельности в условиях действия конституционного принципа разделения властей в Российской Федерации было предметом исследований таких современных отечественных ученых-процессуалистов, как Л. А. Воскобитова, Л. В. Головко, Ю. В. Деришев, И. С. Дикарев, В. А. Лазарева, А. И. Мелихов, Е. А. Мельников, Н. Г. Муратова, С. В. Романов, С. А. Шейфер и др. Уголовный процесс в контексте разделения властей изучали зарубежные исследователи Д. Эппс, Р. Барков, К. Хессик, А. Наташова, Ч. Буден, Э. Фиш и др.

Опираясь на сформированную указанными и другими авторами научную основу, в данной статье автор рассматривает связь между разделением властей и уголовным судопроизводством как одной из сфер деятельности властных субъектов, прослеживает, как принцип разделения властей реализуется (организационно и функционально) в ходе производства по уголовному делу. Также оценивается

¹ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год. URL: <https://ombudsmanrf.org/>.

существующий в отечественном уголовном процессе механизм сдержек и противовесов.

Исследование опирается на системный подход, что позволило рассмотреть уголовное судопроизводство как систему деятельности властных субъектов по уголовному преследованию (обвинению) и разрешению уголовного дела (разделение властей в уголовном судопроизводстве) и как элемент системы более высокого уровня – деятельности органов государственной власти в сфере обеспечения национальных стратегических приоритетов (уголовный процесс в системе разделения властей). В ходе работы были использованы общенаучные методы, позволившие определить понятие, раскрыть сущность и значение разделения властей в уголовном судопроизводстве и установить влияние такого разделения на современное отечественное уголовное судопроизводство, – анализ и синтез, индукция и дедукция, и частнонаучные методы, позволившие проследить в исторической ретроспективе влияние разделения властей на уголовное судопроизводство и определить современное состояние, – формально-юридический, историко-правовой.

Понятие, сущность, значение разделения властей в уголовном процессе

Классические истоки и конституционные основы теории разделения властей в уголовном процессе России

Признание необходимости разделения полномочий в сфере уголовного процесса между различными государственными институтами имеет философские основы, отсылающие нас к таким мыслителям конца XVII – начала XVIII века, как Джон Локк и Шарль Луи Монтескье. Монтескье, развивая идеи Локка, считал, что надлежащее применение уголовного права является наиболее важным компонентом сохранения свободы, поскольку «свобода гражданина зависит главным образом от доброкачественности уголовных законов». Поэтому, по его мнению, крайне важно разработать систему уголовного права, в которой процессуальные правила исключали бы осуждение невиновных и наказания вытекали бы не из капризов законодателя, а из «природы вещей». «Все погибло бы», – предупреждал он, если бы полномочия «издавать законы... приводить в исполнение <...> и судить преступления или споры отдельных лиц» были бы объединены в «одном и том же человеке или учреждении». При объединении судебной и законодательной власти «жизнь и свобода граждан окажутся во власти произвола, ибо судья будет законодателем», а при соединении судебной власти и исполнительной «судья получает возможность стать угнетателем» [22, с. 292].

Итальянский мыслитель Чезаре Беккария также отмечал важность разделения законодательной и судебной власти. Он утверждал, что только законы могут устанавливать наказания за преступления, и «эта власть принадлежит только законодателю, который представляет все общество». Придерживаясь концепции узкой роли суда (отсутствия у него дискреционных полномочий), он считал, что предоставление судьям свободы принимать решения на основе духа закона подвергнет граждан «мелкой тирании множества лиц, обеспечивающих соблюдение закона» [2, с. 91].

Очевидно, что идея разделения государственной власти на отдельные функциональные ветви является отражением объективного развития общества и государства [57, с. 220–223]. М.Н. Марченко отмечает в качестве начала претворения в жизнь («материализации») теории разделения властей определенную стадию общественного и государственного развития, когда возникает «усиленный поиск путей и средств создания надежных гарантий прав и свобод подданных или граждан» [18, с. 121–122].

В Российской Федерации принцип разделения властей впервые был провозглашен в 1990 году в Декларации о государственном суверенитете РСФСР¹. Сегодня разделение законодательной, исполнительной и судебной властей составляет одну из основ конституционного строя нашей страны (ст. 10 Конституции РФ), наряду с признанием человека, его прав и свобод высшей ценностью, соблюдение и защита которых является обязанностью государства (ст. 2 Конституции РФ). Конституция Российской Федерации провозглашает права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации непосредственно действующими, устанавливает, что они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, обеспечиваются правосудием (ст. 18 Конституции РФ). Данные конституционные установления обуславливают назначение современного российского уголовного судопроизводства, коим выступает защита прав и законных интересов как лиц, пострадавших от преступления, так и тех, в отношении которых осуществляется уголовное преследование (ст. 6 УПК РФ), являются определяющими в организации и функционировании органов государственной власти в сфере уголовного судопроизводства.

Доктринальное истолкование принципа разделения властей Конституционный Суд Российской Федерации давал в период раннего конституционализма. По его мнению, данный принцип включает в себя такие важные положения, как: «установление <...> системы правовых гарантий, сдержек и противовесов, которая исключает возможность концентрации власти у одной из них, обеспечивает

¹ О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики: декларация Съезда народных депутатов РСФСР от 12 июня 1990 г. № 22-1 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

самостоятельное и независимое осуществление всех ветвей власти и одновременно – их взаимодействие¹; «не только распределение властных полномочий между органами различных ветвей государственной власти, но и взаимное уравновешивание ветвей власти, невозможность ни для одной из них подчинить себе другие; <...> сосредоточения функций различных ветвей власти в одном органе»².

Разделение властей – это одновременно политico-правовая доктрина и конституционный принцип, лежащий в основе построения современного российского государства. Следует отметить, что сама государственная власть едина, конституционный принцип разделения властей предполагает создание органов, представляющих каждую ветвь власти, наделение их специфическими полномочиями и установление механизма их взаимного сдерживания и уравновешивания.

Разделение властей долгое время рассматривалось исключительно как доктрина конституционного права. Вместе с тем отношения между законодательной, исполнительной и судебной властями складываются не только на уровне государства в целом, но и в отдельных сферах деятельности его органов, среди которых немаловажное место занимает и уголовное судопроизводство. Не вызывает сомнений факт, отмеченный А. Е. Мельниковым, что уголовное судопроизводство, будучи одним из видов государственной деятельности, обусловлено политическим строем государства, осуществляется в соответствии с общими началами государственного устройства и опирается на них [20, с. 3–4]. Следовательно, доктрина разделения властей в уголовном процессе не является просто теоретической идеей, это конституционный механизм в действии. Поскольку разделение властей в уголовном судопроизводстве происходит из конституционного принципа разделения властей в государстве, значительное внимание в данной статье будет уделено позициям Конституционного Суда РФ.

Значение разделения властей для уголовного процесса

Значение и ценность, которые имеет разделение властей для уголовного процесса, обусловлены его спецификой.

Во-первых, разделение полномочий между ветвями и институтами государственной власти способствует предотвращению серьезных злоупотреблений со стороны государства своей властью над жизнью и свободой граждан. Как отмечает американский исследователь Р. Барков, это разделение, не позволяя какой-либо одной ветви власти сосредоточить в своих руках слишком много полномочий,

имеет целью не повышение эффективности власти, а предотвращение его произвола. Ценой такого разделения является то, что органам власти становится сложнее действовать не только в плохих, но и в хороших целях, отмечает автор [45, с. 990–991]. Реализация принципа разделения властей в системе государственной власти формирует такой порядок взаимоотношений между ее органами, который позволяет сдерживать и контролировать им друг друга, не допуская чрезмерной концентрации власти в руках одного лица или органа. Таким образом в государстве создаются дополнительные правовые гарантии, препятствующие развитию авторитарных и тоталитарных тенденций, одним из проявлений которых выступает использование уголовной репрессии для устранения неугодных.

Наиболее наглядно преимущества разделения властей в сфере уголовного судопроизводства проявляются при сравнении с его противоположностью – правовым режимом, в котором одно лицо или орган осуществляет полную, консолидированную власть над уголовным процессом. Отечественная история начала XX века демонстрирует примеры того, как государство использовало уголовное преследование и наказание в качестве мощного оружия против лиц, объявленных врагами, в отсутствие значимых ограничений (формальных и неформальных) государственной власти в целом и власти на уголовную репрессию в частности. Избежание таких наихудших сценариев, когда обвинитель и судья предстают в одном лице, является минимальным достижением, которого можно добиться путем разделения властей.

Во-вторых, разделение властей в системе уголовного правосудия обеспечивает свободу в широком значении этого понятия и способствует защите прав и свобод человека и гражданина.

Как уже отмечалось, разделение властей в государстве устанавливается для исключения попрания прав и свобод человека и гражданина. Разграничение полномочий между тремя различными ветвями власти обеспечивает эту защиту, требуя, чтобы многочисленные и разнообразные институты государственной власти согласились с тем, что человек должен быть наказан, прежде чем он будет осужден за преступление [47, с. 3]. Это проявляется в том, что сначала законодательная власть должна принять решение о кriminalизации определенного поведения. Другая власть (как правило, исполнительная) должна принять решение об уголовном преследовании конкретного лица и реализовать его. Судья в итоге должен установить, действительно ли поведение обвиняемого подпадает под действие уголовного закона, и принять решение о фактической виновности. Будучи не связанными общими полномочиями и совпадающими

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 18 янв. 1996 г. № 2-П [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 29 мая 1998 г. № 16-П [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

функциями (в системе разделения властей они имеют самостоятельный характер и реализуются одновременно параллельно или последовательно по стадийно), указанные власти взаимодействуют, взаимно сдерживая друг друга, в результате чего в уголовном процессе обеспечивается повышенный уровень процессуальных гарантий от необоснованного обвинения и осуждения за счет, как верно отмечает И. С. Дикарев, «неоднократной верификации обвинительного тезиса» [9, с. 79], а также от незаконного и необоснованного ограничения прав и свобод личности за счет действия институтов контроля и надзора.

В-третьих, разделение властей выступает средством обеспечения предъявляемых к реализующим свою деятельность в сфере уголовного судопроизводства органам требований независимости, объективности, беспристрастности. Институциональная независимость является непременным условием судебной деятельности. Право на судебное разбирательство независимым, беспристрастным и компетентным судом, созданным на основании закона, закреплено во всех основных международно-правовых актах универсального характера¹. Самостоятельность судебной власти и независимость судей закреплена в России на конституционном (ст. 10, ч. 1 ст. 120 Конституции РФ) и отраслевом уровне (ст. 8, ст. 8.1 УПК РФ) и определяет статус судей как представителей судебной власти в отношениях с другими ветвями (в особенности в отношении с исполнительной властью), который опирается на объективные гарантии (институциональные и организационные), обеспечивающие такую независимость. Разделение властей является краеугольным камнем независимости судей, обуславливает самостоятельность и независимость судебной власти, которая, в свою очередь, обеспечивает устойчивость основ конституционного строя в правовом государстве. Президент РФ В. В. Путин отмечает важнейшую миссию судебной системы – укрепление верховенства права в обществе². Исследователи независимости судебной власти верно констатируют, что без независимости судей судебное разбирательство превращается в формальное подтверждение правильности обвинительных тезисов, проверочные судебные инстанции становятся инструментом поддержания «стабильности приговоров» [34, с. 21]. Правосудие превращается в расправу.

Независимый орган, осуществляющий уголовное преследование, предпочтительнее, чем орган, подчиненный исполнительной власти, но к органам

прокуратуры, которые в современном мире в основном осуществляют уголовное преследование, не предъявляется категоричное требование об институциональной независимости. Существуют правовые системы, в которых прокурор обладает полной независимостью от судебной и исполнительной властей, и системы, где прокурор подчинен той или другой из них, обладая определенной степенью автономности.

Вместе с тем к судам, чьим предназначением является правосудие по уголовным делам, к прокурорам и другим должностным лицам, осуществляющим уголовное преследование, предъявляется требование объективности и беспристрастности, которое обеспечивается независимостью и самостоятельностью (разделением) властей в уголовном судопроизводстве.

В-четвертых, разделение властей способствует снижению вероятности или даже устраниению возможных ошибок, предотвращению злоупотреблений со стороны отдельных должностных лиц органов государственной власти, обеспечивает эффективность в выполнении ими различных, специфических государственных функций.

Поскольку именно государство в лице своих должностных лиц и органов осуществляет уголовное судопроизводство, имея при этом широкий спектр принудительных мер, и последствия их ошибок и/или злоупотреблений столь значительны (человек может потерять свободу или даже жизнь, последствия уголовного преследования лица отражаются не только на нем, но и на его близких), требуется разделение полномочий между отдельными государственными органами, чтобы убедиться, что «государство действует надлежащим образом против отдельного лица» [45, с. 992–993]. При соединении в одном лице функций обвинения и разрешения дела некому сдерживать произвол власти. Даже при изначальном обеспечении справедливости рано или поздно начнется злоупотребление властью, возможно, даже без осознания этого, потому что не будет никого, кто мог бы такое злоупотребление сдержать. Разделение полномочий между институтами уголовного процесса дает возможность предоставить каждому органу системы уголовного судопроизводства полномочия, позволяющие осуществлять взаимный контроль и проверку их деятельности и предотвращать нарушения при производстве по уголовному делу на разных стадиях уголовного процесса в результате как оперативного контроля и надзора, так и отложенного – при переходе уголовного дела из одной стадии в другую.

¹ Всеобщая Декларация прав человека [Электронный ресурс]: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г. (ст. 10); Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс]: принят 16 дек. 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН (ст. 14.1); Международная Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации: заключена 21 дек. 1965 г. (с изм. от 15 янв. 1992 г.) (ст. 5 (а)) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Совещание судей судов общей юрисдикции, военных и арбитражных судов 20 февр. 2025 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/76296>.

Задачей разделения властей, по справедливому замечанию И. Б. Михайловой, является, с одной стороны, ограничение использования всех средств для поиска и наказания преступника, с другой – прекращение возможности преступника уйти от ответственности [21, с. 70]. Действительно, должностное лицо органа государственной власти в силу как объективных, так и субъективных причин может посвятить недостаточно времени и сил правильному выявлению виновных и, таким образом, в результате может быть наказан невиновный, равным образом виновный может уйти от ответственности. Следует согласиться и с Ю. В. Деришевым в том, что при возложении на один и тот же орган нескольких функций, «функция, которую по тем или иным причинам данный орган оценивает как главную, подавляет или ставит в подчиненное положение выполнение других функций» [7, с. 257]. Разделение властей в уголовном процессе способствует предотвращению обозначенных злоупотреблений и ошибок, гарантируя, что в процессе производства по уголовному делу будут участвовать несколько независимых друг от друга должностных лиц, являющихся представителями разных органов и даже разных ветвей государственной власти. Их взаимный контроль в уголовном процессе предупреждает принятие поспешных, незаконных или необоснованных решений должностными лицами, поскольку, как верно отмечает И. С. Дикарев, правильность их решений может быть поставлена под сомнение другим властным субъектом [9, с. 82–83].

Формальный и функциональный подходы к разделению властей в уголовном процессе

Разделение властей в юридической литературе рассматривают в разных аспектах. Под разделением властей понимают рассредоточение осуществления власти между разными государственными органами (организационное (институциональное) разделение властей). Также его рассматривают как разделение функций между различными ветвями власти (функциональное разделение властей). Наконец, выделяют персональное разделение властей. В таком значении оно выражает недопустимость одновременного сочетания должностей в государственных органах, относящихся к разным ветвям власти [59, с. 16–18].

В сфере уголовно-процессуальных правоотношений разделение властей проявляется в том, что должностные лица – субъекты уголовного процесса – дифференцированы в зависимости от того, представителями какой ветви власти, имеющей собственные задачи в системе государственного управления, они являются (так выражено в уголовном процессе институциональное разделение властей в государстве). Например, суд, как участник уголовного процесса (ст. 8 УПК РФ), выступает представителем судебной власти, следователи и дознаватели органов внутренних дел МВД РФ (п. 3 ч. 2, п. 1 ч. 3 ст. 151 УПК РФ), дознаватели таможенных органов РФ (п. 9 ч. 3 ст. 151 УПК РФ) – исполнительной. Выполнение задач,

решаемых государством посредством уголовного процесса (первейшей из которых является установление лица, совершившего преступление, и решение вопроса о его виновности, о привлечении его к уголовной ответственности), в условиях разделения властей детерминирует дифференциацию полномочий властных субъектов в зависимости от их функционального предназначения – обвинения (уголовного преследования), разрешения уголовного дела – и ограничение их друг от друга (так проявляется в уголовном процессе функциональное разделение властей). Запрет на совмещение статусов судьи и дознавателя, следователя, прокурора в производстве по одному уголовному делу (ч. 2 ст. 61 УПК РФ), а также запрет на возложение на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо функции обвинения, защиты и разрешения дела (ч. 2 ст. 15 УПК РФ) выступают проявлениями персонального разделения властей в уголовном процессе.

Формальный и функциональный подходы к разделению властей в уголовном процессе представляют собой проявления подобных подходов в доктрине конституционного права. Приверженцы формального подхода (например, отечественный исследователь Л. И. Спиридовонов [30, с. 80], венгерский ученый А. Шайо [56, с. 81–82]) считают, что в основе разделения властей лежит суверенность каждой ветви власти, что разделение не сводится к разграничению компетенций, свойственному функциональному подходу. Согласно последнему разделение властей предполагает распределение функций между органами государственной власти и их независимость друг от друга при осуществлении ими властных полномочий. Как отмечал американский политолог Габриэль Алмонд, разделение властей означает право противопоставить свою точку зрения, воспрепятствовать приведению в исполнение решения другого органа без права замены его своим решением [44, с. 37–38; 46].

Среди американских ученых в области уголовного права ведется активная дискуссия между так называемыми «формалистами» и «функционалистами» в вопросе о том, как должна быть организована система уголовного правосудия, в контексте разделения властей. Ученые-«формалисты» критикуют существующую в США систему уголовного правосудия за то, что она не поддерживает четкие различия между исполнительной, судебной и законодательной властью, и стремятся привести уголовное правосудие в соответствие с трехветвевой структурой, изложенной в Конституции США [45; 49; 55; 58]. Они утверждают, что, например, рост сделок о признании вины, где вопрос о виновности или невиновности фактически решает прокурор, являющийся в американской системе государственного устройства представителем исполнительной ветви власти, ставит под угрозу разделение властей, как следствие – посягает на такие конституционные ценности, как свобода и верховенство закона. Напротив,

ученые-«функционалисты» приветствуют смешение полномочий в области уголовного правосудия между различными ветвями власти [47; 50; 53]. По их мнению, такое смешение создает более эффективные и действенные институты правосудия по уголовным делам. Они обращают внимание на то, что и при формальном разделении властей все три ветви имеют одну и ту же общую цель: «эффективное лишение свободы преступников» [48, с. 3]. Таким образом, считается, что функционалисты предпочитают практический подход к определению полномочий различных ветвей власти догматическому. Они в большей степени ориентированы на механизмы сдержек и противовесов, являющихся одним из элементов принципа разделения властей, чем на формирование органов государственной власти и установление полномочий каждой ветви власти. «Функционалист» Дэниел Эппс разграничивает разделение властей и сдержки и противовесы, указывая на то, что первое ориентировано на то, чтобы каждая ветвь власти выполняла только свои определенные государственные функции, а второе, напротив, подчеркивает важность наличия у различных государственных органов и институтов возможности проверять осуществление власти друг другом [47, с. 27–29, 58–60].

Функциональный подход в большей мере нашел поддержку среди отечественных ученых, поскольку он, как отмечает Ю. К. Краснов, «выходит за рамки формально-догматического понимания принципа разделения властей», то есть не сводит данный принцип к простой необходимости абсолютного разграничения функций и строгого определения пределов предметной компетенции, а акцентируется на главном существенном содержании принципа – механизме сдерживания и взаимовлияния всех ветвей власти [13]. Его придерживается, как следует из приведенных выше в данной статье правовых позиций, и Конституционный Суд РФ. В Большой российской энциклопедии указывается, что «сегодня разделение властей всё чаще рассматривается именно как система сдержек и противовесов, необходимых для оптимального государственного управления» [35].

Система сдержек и противовесов является важной составляющей доктрины разделения властей и элементом правового принципа. Будучи изначально категорией конституционного права, как и в целом разделение властей, она на сегодняшний момент выступает самостоятельной правовой категорией теории государства и права, представляющей собой совокупность правовых ограничений в отношении конкретной государственной власти (законодательной, исполнительной или судебной), установленных в Конституции РФ и законах [19, с. 64].

Само понятие «сдержки и противовесы» появилось в праве США как первой правовой системе, вошедшем в реальность теорию разделения властей в своей Конституции в 1787 году. Оно является переводом соответствующего англоязычного понятия *check and balance*, означающего «проверка и уравновешивание». Таким образом, «сдержка» буквально может означать проверку, контроль, а «противовес» – также равновесие, уравновешивание.

Отличие одного от другого проявляется прежде всего в сроках их реализации. Сдержка действует постоянно, сдерживая от возможного действия или принятия решения какой-либо орган власти, а противовес – это противодействие, ответная реакция на какое-либо действие или решение. Система сдержек и противовесов является механизмом взаимного влияния и взаимного сдерживания ветвей власти и выступает главным существенным содержанием принципа разделения властей. Она представляет собой формы и результат взаимодействия ветвей власти, обеспечивает баланс, ее равновесие, нейтрализует возможность усиления или ослабления каждой из них. Ее предназначение заключается в том, чтобы исключить возможность приобретения любой из ветвей власти такого объема полномочий, который позволил бы узурпировать всю полноту власти и превратить уголовный процесс из государственного механизма, обеспечивающего социальную справедливость, в расправу.

В уголовном процессе это означает прежде всего то, что один орган (или должностное лицо) не должен выступать в уголовном процессе и обвинителем, и судьей. Проявляется это, в частности, в запрете судам осуществлять деятельность по уголовному преследованию. Этот вопрос неоднократно становился предметом рассмотрения Конституционным Судом РФ применительно к различным аспектам деятельности суда в уголовном судопроизводстве (возбуждение уголовного дела судом¹, ограничение пределов судебного разбирательства², возвращение уголовного дела прокурору³ и др.).

В юридической литературе утверждается, что разделение обвинительной и судебной властей, о которых речь пойдет далее, их независимость друг от друга, призваны создать систему сдержек и противовесов внутри структуры власти в уголовном процессе [37, с. 241, 244–245; 8, с. 120]. Обвинительная власть органов уголовного преследования сдерживается судебной властью. Выражается это, в частности, в необходимости получения разрешения суда на ограничение конституционных прав граждан, в возможности обжалования действий (бездействия) и решений должностных лиц, ведущих досудебное

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 янв. 2000 г. № 1-П [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

² Определение Конституционного Суда РФ от 14 янв. 2016 г. № 96-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

производство по уголовному делу. Судебная власть, в свою очередь, сдерживается властью обвинительной. Это проявляется, в частности, в запрете на возбуждение уголовного дела судом, ограничении пределов судебного разбирательства. В целом данный механизм служит важнейшей гарантией против незаконного и необоснованного обвинения и осуждения, ограничения прав и свобод личности, установленной в УПК РФ как назначение уголовного судопроизводства.

Анализируя достоинства и недостатки каждого из рассматриваемых подходов, следует отметить, что функциональный подход к разделению властей в уголовном процессе акцентируется на главном, существенном содержании данного принципа – механизме сдерживания и взаимовлияния ветвей власти. А как совершенно справедливо отмечает Ю. В. Дерипашев, ценность разделения властей в уголовном процессе заключается не просто в разграничении функций государственных органов, а в создании механизма их взаимодействия, сдержек и противовесов, не допускающего злоупотребления полномочиями и одновременно обеспечивающего независимость одной власти от другой [7, с. 256]. Справедливости ради следует отметить, что строгое и последовательное разграничение на законодательном уровне государственных органов и разделение их полномочий в соответствии с таким разграничением, своеобразное формальному подходу, способствует большей определенности специфики функций каждой ветви власти, стабильности системы, предупреждает злоупотребления и обеспечивает взаимный контроль, однако излишняя формализация может привести к бюрократизации. При функциональном подходе во главу угла ставится разделение функций, выполняемых разными органами государственной власти в государстве, а не их организационное обособление. Функциональное разграничение более динамично и адаптивно, но требует большего контроля во взаимодействии властей.

Следует отметить, что оба подхода к разделению властей в уголовном процессе – формальный (организационное разделение органов государственной власти, должностные лица которых осуществляют производство по уголовному делу) и функциональный (установление специфических полномочий для должностных лиц органов государственной власти, реализующих их в уголовном процессе, их функциональное разделение) – на сегодняшний момент тесно переплелись в организации и функционировании властных субъектов уголовного процесса, их взаимодействии, что является результатом длительного исторического пути развития.

История разделения властей в отечественном уголовном процессе

Отечественная правовая традиция разделения властей в процессе производства по уголовному делу ведет свое начало от судебной реформы 1864 года, в результате которой впервые официально была провозглашена и отделена судебная власть от законодательной, административной и исполнительной, независимость и самостоятельность, а также несменяемость судей были признаны одними из условий независимости юстиции [24, с. 167].

Современники отмечают, что господство абсолютной монархии в России не способствовало теоретическому восприятию русскими учеными идеи разделения властей, особенно ее наиболее радикальных положений о сдерживании и равновесии, и вынуждали исследователей занимать компромиссную позицию [13]. В дореволюционный период была распространена идея о разделении функций тех или иных государственных органов. В юридической литературе есть мнение, что классическая концепция о триаде функций – обвинения (уголовного преследования), защиты и разрешения уголовного дела – была разработана дореволюционными учеными как продолжение теории разделения властей [21, с. 66–68; 6, с. 222–223]. В отечественной доктрине уголовного процесса разделение властей рассматривалось через призму уголовно-процессуальных функций, а именно необходимости разграничения функций обвинения и разрешения уголовного дела. Л. В. Головко обращает внимание на то, что обвинение, защита и судебная деятельность существовали задолго до того, как начали формироваться идеи разделения властей в эпоху Просвещения [6, с. 180–182]. Данный факт не вызывает возражений. Однако теория уголовно-процессуальных функций в их традиционном понимании как триады обвинения, защиты и разрешения дела строится на факте не только выделения указанных направлений деятельности, но и определения их самостоятельности, ограничения друг от друга. Исторически указанные функции были связаны с необходимостью выделения специальных субъектов, как отмечала Л. Б. Алексеева [14, с. 420].

Если обратиться к трудам отечественных мыслителей эпохи становления теории процессуальных функций властных участников уголовного процесса, то можно заметить, что они связывали необходимость их разделения с исторически обусловленным порядком разделения труда¹. И. Я. Фойницкий писал: «...Право суда принадлежит судебной власти государства. Право уголовного преследования есть функция исполнительной власти» [38, т. 1, с. 72]. С. И. Викторский, рассуждая о формах уголовного

¹ И. Я. Фойницкий утверждал: «Подобно тому, как в экономической жизни смешение труда по мере развития культуры сменяется высшим в исторической преемственности порядком разделения труда, и в уголовном процессе с развитием государственной жизнирабатываются особые органы для каждой процессуальной функции. Тогда, не переставая быть общественным, он становится состязательным... суду отводится строго определенная задача разрешения уголовного иска, предъявленного обвинителем, действующим как самостоятельная в процессе сторона. Подсудимый, переставая быть лишь предметом исследования, равным образом становится стороной в деле, получая право на защиту в возможно широких размерах».

процесса, отмечал: «Смешение процессуальных функций было полное, принцип разделения труда не имел никакого применения. Такой судебный порядок называется следственным или розыскным... Только по мере развития сознания о необходимости разделения труда следственное начало стало смягчаться и процесс стал переходить в форму состязательного, насколько это согласно с публичностью уголовного права» [3, с. 14–15]. В. Л. Случевский проблему функций увязывал не только с разделением труда между сторонами уголовного процесса, но и со стоящей перед правосудием задачей, которую он формулировал как «осудить виновного и оправдать невинного», при этом видел необходимость в возложении их на особые государственные органы [28, ч. 2, с. 249]¹.

Таким образом, реформами конца XIX века были заложены теоретические основы концепции разделения властей в уголовном судопроизводстве, обусловленные не только формальным, сколько функциональным ее разделением. В Уставе уголовного судопроизводства 1864 года появилось понятие «обвинительная власть» (ст. 3, 4, 510, 511), которая была отделена от власти судебной². Обвинительной властью наделялась прокуратура, судебная принадлежала судам. Н. В. Муравьев отмечал, что «прокуратура как судебное уголовное учреждение облечена обвинительной властью, которая проявляется вообще в уголовном преследовании и, в частности, в обвинении на суде» [23]. Основной функцией прокурора в уголовном судопроизводстве выступало уголовное преследование.

В результате разграничения обвинительной, судебной и административной (полицейской) власти была определена функция судебного следователя: он принадлежал к судебному ведомству и осуществлял деятельность, близкую по содержанию к деятельности суда.

С. А. Шейфер сформулировал функциональное разделение властей в уголовном процессе в тот период следующим образом. Обвинение выдвигает обвинительная власть – прокуратура, а также административная власть – полиция. Судебный следователь, будучи представителем судебной власти, должен был разрешить вопрос об обоснованности обвинения, исследовать обстоятельства дела, выявляя «за» и «против» обвинения, на этой основе осуществить предание суду [42, с. 112–113].

В советский период, как известно, концепция разделения властей отрицалась, речь шла о разных

формах государственной деятельности. Наиболее распространенным было мнение о существовании четырех форм деятельности: представительных органов (государственная власть), исполнительно-распорядительных органов (государственное управление), правосудии и прокурорской деятельности.

Поэтому вместо судебной власти говорилось, как правило, о судах и правосудии как основном полномочии суда и одной из государственных функций. Не было и функционального разделения в судопроизводстве. Функциями обвинения и разрешения дела участники уголовного процесса наделялись волей законодателя, сообразно тем целям, которые предписывались органам исполнительной власти и суду, выполняющим в уголовном процессе одну, общую государственную задачу – борьбу с преступностью (ст. 2 Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (далее – УПК РСФСР)³). Уголовно-процессуальный закон того времени предусматривал особое положение прокурора. В суде он, помимо поддержания государственного обвинения, осуществлял общий надзор за законностью.

Как указывает Л. А. Воскобитова, в условиях действия УПК РСФСР было организационно-последовательное разделение деятельности властных органов. Выражалось это в том, что властный субъект при поступлении к нему уголовного дела был обязан проверять деятельность предшествующего (прокурор – следователя, суд – прокурора и следователя), выявлять ошибки или нарушения и принимать меры к их своевременному устраниению самостоятельно или путем возврата уголовного дела на предшествующую стадию (ст. 212, 222, 223.1, 232, ч. 2 ст. 243, 255, 256, 258 УПК РСФСР). Такое построение процесса было эффективно в решении задач борьбы с преступностью, быстрого и полного раскрытия преступления, изобличения виновного и освобождения от ответственности и наказания невиновного, констатирует автор [4, с. 27–28].

На этапе принятия Конституции РФ, как указывается в специальной литературе, на первый план выдвигалась задача разделения функции разрешения дела и функции обвинения, развивающих установленный в Конституции РФ принцип разделения властей в государстве применительно к одной из форм государственной деятельности – уголовному процессу. И. Б. Михайловская считала, что разделение властей, независимость суда от исполнительной власти, представленной в уголовном судопроизводстве государственными органами, осуществляющими уголовное преследование (обвинение), является

¹ Он писал: «Долгий исторический опыт привел современные законодательства к убеждению, что сосредоточение всех судебных функций по решению уголовного дела в руках уголовного Суда – функций обвинения, защиты и собственно судебских – не обеспечивает интересов правосудия, что интересы эти требуют, чтобы к уголовно-судебной деятельности применен был принцип разделения труда, и что поэтому необходимо сосредоточить указанные функции в лице особых органов обвинения и защиты, отделив при этом в процессе моменты исследования от моментов обличения».

² Устав уголовного судопроизводства 20 нояб. 1864 г. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/>.

³ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 окт. 1960 г.) (ред. от 29 дек. 2001 г., с изм. от 26 нояб. 2002 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 июля 2002 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

«материальной базой» разграничения и существования процессуальных функций [21, с. 63, 70].

Понимание прямой и непосредственной связи разграничения уголовно-процессуальных функций с разделением властей в государстве было у Конституционного Суда РФ в 1996 году – в период, когда формировалось понимание конституционно-правовых основ построения уголовного судопроизводства. Согласно его правовой позиции разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную предполагает самостоятельное выполнение каждой ее ветвью своих специфических, установленных Конституцией РФ и федеральным законом функций и полномочий. Это в уголовном судопроизводстве выражается в том, что на «суд не может быть возложено выполнение каких бы то ни было функций, не согласующихся с его положением органа правосудия». Такую позицию Конституционный Суд РФ сформулировал при разрешении вопроса о возможности возбуждения судом уголовного дела, поэтому уточнил далее, что «возбуждение уголовного преследования и поддержание обвинения перед судом является задачей специальных органов – дознания, предварительного следствия и прокуратуры»¹. Таким образом, как верно отмечает Ю. В. Деришев, в результате судебно-правовой реформы конца XX века в России под влиянием Конституции РФ 1993 года не только теоретически, но и практически была воспринята организация уголовного судопроизводства, ориентированная на принцип разделения властей, выразившаяся в нем в виде разделения функций [7, с. 253–254]. Существующее нормативно-правовое регулирование принципа разделения властей позволяет исследовать этот принцип в контексте уголовного судопроизводства с точки зрения как формального, так и функционального подхода.

Уголовный процесс в системе разделения властей в Российской Федерации

Теория разделения властей на сегодняшний момент находит свое последовательное выражение в системе уголовного правосудия современного демократического государства, поскольку в сферу уголовного процесса вовлечены все три ветви власти. Как отмечает американский ученый Дэниель Эппс, теоретически, в демократическом правовом государстве, в котором признается принцип разделения властей, лицо, совершившее преступление, может быть привлечено к уголовной ответственности только тогда, когда несколько различных институтов государственной власти выполнят свои установленные функции: законодательный орган криминализирует определенное

поведение; представители исполнительной власти осуществляют уголовное преследование, выдвинут обвинение; независимая судебная система согласится с тем, что предполагаемое поведение подпадает под условия уголовного закона; присяжные, избранные из народа, вынесут решение о фактической виновности [47, с. 3–4]. Стоит обратить внимание на особое значение, которое придается суду присяжных в системе разделения властей в правовой системе США [54].

Таким образом, ни один орган государства, ни одна его ветвь не контролирует производство по уголовному делу полностью в условиях действия конституционного принципа разделения властей.

Законодательная власть и уголовное судопроизводство в России

В Российской Федерации законодательный орган не только криминализирует определенное поведение, но и определяет порядок производства по установлению виновных и их наказанию.

В России уголовное и уголовно-процессуальное законодательство отнесено к ведению Российской Федерации (п. «о» ст. 71 Конституции РФ). В силу этого, как отмечает Конституционный Суд РФ, «федеральный законодатель в очерченных Конституцией Российской Федерации пределах самостоятельно определяет содержание положений уголовного и уголовно-процессуального законов, в том числе устанавливает преступность общественно опасных деяний, их наказуемость и иные уголовно-правовые последствия совершения преступления, а также условия, при которых возможен отказ от использования предусмотренных в качестве средств реагирования на те или иные деяния мер государственного принуждения»². Опирается он при этом в пределах имеющейся у него свободы усмотрения на конституционные цели и ценности, первейшими из которых являются права и свободы человека и гражданина³.

Уголовное законодательство Российской Федерации состоит из Уголовного кодекса Российской Федерации (ч. 1 ст. 1 УК РФ), порядок уголовного судопроизводства в Российской Федерации установлен Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (ч. 1 ст. 1 УПК РФ). Уголовно-процессуальный кодекс РФ в силу прямого указания в законе является обязательным для судов, органов прокуратуры, следствия и дознания (ч. 2 ст. 1 УПК РФ), которые не вправе применять закон, противоречащий данному кодексу (ч. 1 ст. 8 УПК РФ).

Рассмотрим, какое место занимают органы, должностные лица которых (или сами эти органы) являются субъектами уголовного процесса, в системе разделения властей. На сегодняшний день это суд,

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 28 нояб. 1996 г. № 19-П [Электронный ресурс]; Определение Конституционного Суда РФ от 8 дек. 2011 г. № 1627-О-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Определение Конституционного Суда РФ от 17 янв. 2013 г. № 2-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 11 апр. 2024 г. № 17-П [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

прокурор, руководитель следственного органа, следователь, дознаватель, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, орган дознания. Все они являются властными участниками уголовного процесса – должностными лицами определенных органов государственной власти, выступающими в том или ином качестве элементами системы разделения властей. Разграничение властей обуславливает наличие специальных органов в структуре государственной власти (как относящихся к одной из закрепленных на конституционном уровне ветвей, так и не относящихся к ней, но являющихся элементами системы сдержек и противовесов) и наделение должностных лиц указанных органов – субъектов уголовного судопроизводства – специфическими полномочиями. Законодатель, как отмечал Б. С. Эбзеев, в принимаемых актах и в допускаемых Конституцией РФ параметрах детализирует принцип разделения властей путем определения круга и пределов полномочий соответствующих органов¹.

Судебная власть в уголовном судопроизводстве

Важнейшую роль в государстве, бесспорно, играет судебная власть. Судебная власть в уголовном процессе является видом судебной власти в государстве, эти понятия соотносятся как общее и частное. Уголовное судопроизводство является одним из средств осуществления судебной власти (ч. 2 ст. 118 Конституции РФ).

Очевидно, что глубокое и всестороннее изучение такого правового феномена, как судебная власть, в уголовном процессе невозможно провести в рамках данной научной статьи, поэтому обратимся лишь к общим понятиям, которые позволяют сформировать представление о функционировании этой ветви государственной власти в сфере уголовного процесса.

В доктрине права имеется множество мнений относительно того, что представляет собой судебная власть, подходов к ее определению. В обобщенном виде она представляет собой социально-правовое явление, выражющееся в государственно-властных взаимоотношениях между судом и любыми субъектами, вовлеченными для защиты своих прав и законных интересов либо публичных интересов в разрешение правового вопроса, в правовой спор или конфликт, требующий судебного разбирательства и принятия соответствующего властного решения в процедуре, специально для этого установленной отраслевым законодательством, в пределах полномочий, предоставленных суду [27, с. 16].

Анализ судебной власти через призму конституционного принципа разделения властей является одним из подходов к ее рассмотрению. С этой точки зрения под *судебной властью в уголовном судопроизводстве* понимается ветвь государственной власти, предназначенная для защиты права путем применения закона в порядке судебного производства, осуществляемого судом при содействии его вспомогательных органов на началах независимости [26, с. 169]. При таком подходе акцентируется внимание на предназначении судебной власти и ее роли в системе государственного устройства. Она обеспечивает в государстве, с одной стороны, реализацию важнейших конституционных прав и свобод человека и гражданина, а с другой – сдерживание и ограничение законодательной и исполнительной ветвей, осуществляет правовой контроль за их деятельностью.

Конституционный Суд Российской Федерации обращает внимание на особое место судебной власти в системе разделения властей. Он отмечает, что именно на таком разделении и связанной с этим его прерогативе по осуществлению правосудия основывается право на судебную защиту (основное неотчуждаемое право каждого человека), которое, в свою очередь, выступает важнейшей конституционной гарантией и средством обеспечения всех других прав и свобод². Именно суд окончательно разрешает спор о праве, чем предопределяется значение судебных решений как государственных правовых актов, выносимых именем Российской Федерации и имеющих общеобязательный характер.

Выполнение важной (даже, как отмечает Конституционный Суд РФ, решающей) функции в защите прав и свобод человека обусловливает необходимость гарантий объективности и непредвзятости судебной защиты, что является ключевой целью государства при построении механизма судебной власти и при определении надлежащего суда³. Основополагающим для правового статуса суда выступает положение о его самостоятельности, то есть отделении судебной власти от других ветвей – законодательной и исполнительной, что обеспечивает их взаимодействие в рамках общей государственно-демократической системы разделения властей. Судебная власть самостоятельна и действует независимо от законодательной и исполнительной, она принадлежит и осуществляется исключительно судами в лице судей и привлекаемых к реализации правосудия присяжных заседателей, которые независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и закону⁴.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 14 янв. 2000 г. № 1-П. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Б. С. Эбзеева [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 10 апр. 2025 г. № 16-П [Электронный ресурс]; Постановление Конституционного Суда РФ от 25 дек. 2023 г. № 60-П [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 4 апр. 2002 г. № 8-П, от 17 марта 2009 г. № 5-П, от 9 нояб. 2018 г. № 39-П и др. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О судебной системе [Электронный ресурс]; Федер. конституционный закон от 31 дек. 1996 г. №1-ФКЗ (ст. 1); О статусе судей в Российской Федерации [Электронный ресурс]; Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 (ред. от 10 июля 2023 г., с изм. от 27 нояб. 2023 г.) (ст. 1). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Самостоятельность судебной власти как элемента государственного механизма системы разделения властей определяется, во-первых, системой государственных органов – судебной системой Российской Федерации, во-вторых, совокупностью исключительных полномочий суда по отправлению правосудия.

Прокуратура в системе разделения властей

Нельзя не обратить внимание на место прокуратуры в системе разделения властей, поскольку исторически прокурор выполняет весьма значимые задачи в уголовном процессе, причем в любой правовой традиции. В мире существуют различные системы уголовного правосудия, а сотрудники прокуратуры и органы прокуратуры играют разную роль и имеют разный статус [51]. Структура, функции и полномочия органов прокуратуры неодинаковы в различных странах и обычно коренятся в истории и правовой культуре каждой страны¹.

Прокурор как участник уголовного процесса в России – это Генеральный прокурор и подчиненные ему прокуроры, их заместители и иные должностные лица органов прокуратуры, участвующие в уголовном судопроизводстве и наделенные соответствующими полномочиями Законом о прокуратуре² (п. 31 ст. 5 УПК).

Место и роль прокуратуры в системе разделения властей в Российской Федерации однозначно не определены. На сегодняшний день прокуратура в России не относится ни к одной ветви власти. Долгое время в Конституции РФ статья 129, регулирующая функционирование прокуратуры в нашей стране, находилась в главе «Судебная власть», что являлось предметом постоянной критики. Деятельность судебной власти и деятельность прокуратуры нацелены на защиту прав человека и гражданина, интересов государства и общества, обеспечение правопорядка и формирование должного отношения к закону и человеческим ценностям, тесно взаимодействуют, но прокуратура не входит в судебную власть ни структурно, ни функционально. Законом о поправке к Конституции РФ от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ данная глава была переименована в «Судебная власть и прокуратура», что не решило в целом проблему конституционной определенности правового статуса прокуратуры и не сняло научные дискуссии о месте и роли прокуратуры в системе разделения властей. Одни исследователи данного вопроса отмечают, что прокуратура является самостоятельной властью, и предлагают отнести прокуратуру к отдельной ветви власти (контрольно-надзорной), обращая внимание на то, что современное государственно-правовое устройство усложнилось и не укладывается

в классическую триединую систему властей (Н. И. Матузов [19, с. 92], В. Ю. Шобухин [43, с. 40]). Подчеркивая, что в Конституции РФ указаны лишь три ветви власти, отдельные авторы пытаются найти место прокуратуре в какой-то из них. Есть приверженцы точки зрения о нахождении прокуратуры в системе судебной власти, что является прямой отсылкой к Конституции РФ. Оппоненты указанных исследователей акцентируют внимание на том, что органы прокуроры не входят в систему судов, прокуроры не подчинены и не подотчетны им, кроме того, деятельность прокуратуры не ограничивается уголовным преследованием, что позволило относить ее к органам исполнительной власти, а включает в себя обширные надзорные полномочия, в том числе надзор за деятельностью органов государственного управления по исполнению законов. В соответствии со специальным законом, регулирующим организацию и деятельность прокуратуры в Российской Федерации, прокуратура является единой федеральной системой органов, осуществляющей от имени Российской Федерации надзор за соблюдением законов, действующих на ее территории (ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»)³. Она исполняет свои полномочия независимо от федеральных органов государственной власти, которые, в свою очередь, не могут вмешиваться в осуществление прокурорского надзора (ст. 4, 5 Закона «О прокуратуре Российской Федерации»).

Не имея однозначного места в системе разделения властей, прокуратура, тем не менее, как признают большинство исследователей, представляет собой важный механизм в ней, выступая элементом системы сдержек и противовесов, являясь на сегодняшний день гарантом защиты прав и интересов отдельных граждан, общества и государства в целом.

Органы предварительного расследования в системе разделения властей

К властным участникам уголовного процесса досудебного производства по уголовному делу относятся также следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, орган дознания, являющиеся должностными лицами органов предварительного расследования.

Следователи – должностные лица, уполномоченные уголовно-процессуальным законом осуществлять предварительное расследование в форме предварительного следствия и в определенных случаях дознание (ч. 1 ст. 38, п. 1 ч. 2, п. 7 ч. 3 ст. 151 УПК РФ), на сегодняшний момент существуют в структуре органов

¹ Доклад спецдокладчика Габриэлы Кнауль А/HRC/20/19. URL: <https://documents-ddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G12/138/16/PDF/G1213816.pdf?OpenElement>.

² О прокуратуре Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1 (ред. от 03.02.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О прокуратуре Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1 (в ред. от 3 февр. 2025 г. № 5-ФЗ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

внутренних дел, а также Федеральной службы безопасности Российской Федерации и Следственного комитета Российской Федерации. Дознание как форма предварительного расследования реализуется в деятельности государственных органов, которым предписано ведение дознания, их перечень является ограниченным: органы внутренних дел Российской Федерации, органы принудительного исполнения Российской Федерации, органы государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы, таможенные органы Российской Федерации, начальники органов военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации, командиры воинских частей, соединений, начальники военных учреждений и гарнизонов (ч. 1 ст. 40, ч. 3 ст. 151 УПК РФ).

Органы внутренних дел Министерства внутренних дел Российской Федерации, Федеральная служба безопасности Российской Федерации и другие перечисленные выше относятся к исполнительной ветви власти, положение же Следственного комитета Российской Федерации в системе разделения властей не так однозначно.

Следственный комитет был изначально в 2007 году сформирован при прокуратуре, а затем в 2010 году выделен из нее в отдельную систему следственных органов. В настоящее время Следственный комитет Российской Федерации является вневедомственным, самостоятельным органом государственной власти. Он не входит ни в структуру какого-либо органа государственной власти, ни в какую-либо из ветвей государственной власти. Исходя из того, что подчиняется он Президенту РФ, существует мнение о том, что реализуемая им власть является продолжением президентской¹ и может рассматриваться как элемент сдержек и противовесов в системе разделения властей.

Таким образом, организационно разделение властей в сфере уголовного процесса выражено в самостоятельности органов, реализующих судебную и правоохранительную функции: судов (относящихся к судебной ветви власти), органов внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, таможенных органов и других уполномоченных на производство предварительного расследования (относящихся к исполнительной ветви власти). Прокуратура и Следственный комитет не относятся к какой-либо ветви власти, считается, что в системе разделения властей они выступают элементом системы сдержек и противовесов.

Функциональное разделение властей в уголовном процессе

Под властью при функциональном подходе понимается совокупный объем властных полномочий, которыми закон наделяет должностных лиц, участвующих в уголовном процессе и осуществляющих возложенную на них уголовно-процессуальную функцию. Дифференциация полномочий властных субъектов уголовного судопроизводства, взаимодействие между ними в процессе производства по уголовному делу в современном правопорядке, основывающиеся на конституционном установлении о разграничении государственной власти на исполнительную и судебную и самостоятельности каждой из них, находят свое выражение в действующем уголовно-процессуальном законе, прежде всего в положениях, устанавливающих специфические полномочия должностных лиц и органов, реализующих их в процессе осуществления производства по уголовному делу, в рамках выполнения ими специфических уголовно-процессуальных функций. Речь в данном случае идет в первую очередь о самостоятельности функции разрешения дела, реализуемой судом, и отделении ее от функции обвинения (уголовного преследования), осуществляющей преимущественно в публичном порядке уполномоченными государственными органами. Данное требование в действующем УПК РФ составляет сущность принципа состязательности сторон (ч. 2 ст. 15 УПК РФ).

На связь между принципом разделения властей и принципом состязательности указывает Конституционный Суд РФ² (это уже было отражено в данной статье ранее), такого же мнения придерживаются и теоретики уголовного процесса [8, с. 120], изучающие деятельность властных субъектов в уголовном процессе через призму конституционного принципа разделения властей.

Наделение властных субъектов производства по уголовному делу уголовно-процессуальными функциями обвинения и разрешения уголовного дела и разделение их по этому признаку обусловило изучение в юридической литературе таких понятий, как обвинительная и судебная власти в уголовном процессе [37, с. 241, 244–245; 8, с. 124]. Данные понятия, как было указано ранее, появились еще в период реформирования уголовного судопроизводства во второй половине XIX века. Тогда они имели правовую основу, на сегодняшний момент они носят доктринальный характер. Разделение властей в уголовном

¹ Согласно ст. 80 Конституции РФ Президент РФ не относится ни к одной ветви власти, он обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти.

² Разделение властей в уголовно-процессуальной интерпретации, по мнению Конституционного Суда РФ, означает, что «уголовное преследование (обвинение) и правосудие как основные направления деятельности органов государственной власти в уголовном судопроизводстве реализуются ее разными ветвями, при этом уголовное преследование (обвинение) должно быть отделено от правосудия, а на суд не должно возлагаться выполнение не свойственных ему задач, связанных с уголовным преследованием». См.: Определение Конституционного Суда РФ от 14 янв. 2020 г. № 5-О [Электронный ресурс]; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 янв. 2000 г. № 1-П [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

процессе на обвинительную и судебную означает наделение должностных лиц специальных органов (самых органов) государственной власти специфическими полномочиями, обусловленными выполняемыми ими уголовно-процессуальными функциями при производстве по уголовному делу. Такое разделение является основополагающим при функциональном подходе к рассмотрению разделения властей в уголовном процессе.

В соответствии со статьей 15 УПК РФ функции обвинения и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо (ч. 2), суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты (ч. 3). Разграничение уголовно-процессуальных функций лежит в основе разделения в уголовно-процессуальном законе всех участников судопроизводства на суд (его полномочия определены в ст. 29 УПК РФ) и стороны (п. 45 ст. 5 УПК РФ), одна из которых выполняет функцию обвинения (уголовного преследования) и преимущественно представлена должностными лицами органов (органами) государственной власти (п. 47 ч. 5 УПК РФ), а другая – выполняет функцию защиты. К последней относятся невластные участники уголовного судопроизводства (п. 46 ст. 5 УПК РФ). Полномочия властных субъектов уголовного процесса закреплены преимущественно в статьях 37–41 УПК РФ.

Функция судебной власти в уголовном судопроизводстве

Конституционный Суд, опираясь на нормы Конституции РФ (ст. 10, ч. 1 ст. 11, 18, 118, ч. 1 ст. 120, 125, 126 и ч. 3 ст. 128), считает функцией судебной власти в уголовном процессе осуществление правосудия. Отраслевое законодательство (УПК РФ) формально закрепляет организационно-правовое положение суда как органа государственной власти и судьи, реализующего полномочия в рамках уголовного процесса, как носителя этой власти, определяет их функции, представляющие собой направления деятельности, и методы осуществления производства по уголовному делу.

В соответствии с УПК РФ суд как участник уголовного судопроизводства – это любой суд общей юрисдикции, рассматривающий уголовное дело по существу и выносящий решения, предусмотренные уголовно-процессуальным законом (п. 48 ст. 5 УПК РФ). Его исключительной прерогативой является выполнение уголовно-процессуальной функции разрешения дела (ст. 15 УПК РФ).

В уголовно-процессуальном законе не закреплено легальное определение данной функции. В юридической литературе ведутся дискуссии по поводу соотношений понятий «разрешение уголовного дела» и «правосудие», поскольку деятельность суда в судебном производстве не ограничивается судебным разбирательством, суд имеет полномочия и

в досудебном производстве. В этой связи имеется узкий подход, согласно которому правосудие – это исключительно рассмотрение и разрешение дела по существу. Оно может быть реализовано исключительно в стадиях судебного разбирательства в суде первой инстанции и в апелляционной инстанции. Оппонирует ему широкий подход, в соответствии с которым деятельность суда в кассационном и надзорном производстве также является не чем иным, как правосудием. Кроме этого, важной составляющей деятельности суда в уголовном судопроизводстве выступает судебный контроль в форме дачи согласия на применение мер принуждения и производство следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, рассмотрение жалоб на действия и бездействия должностных лиц в уголовном процессе, в результате которых были нарушены конституционные права граждан. Согласно широкому подходу, который, представляется, в большей мере отражает роль и предназначение суда в современном уголовном судопроизводстве, вся указанная деятельность является реализацией судебной власти в уголовном процессе по осуществлению правосудия как особой формы государственно-властных взаимоотношений суда и субъектов уголовного процесса, возникающих при производстве по уголовному делу.

Функция обвинительной власти в уголовном процессе

Обвинительная власть реализуется в уголовном процессе посредством уголовного преследования (совокупности процессуальных действий, направленных на изобличение в совершении преступления привлекаемого к уголовной ответственности лица, включая деятельность обвинителя в суде), осуществляется от имени государства специальными субъектами, что является признаком ее самостоятельности в системе разделения властей при производстве по уголовному делу.

Следует отметить, что российский уголовно-процессуальный закон дает весьма противоречивое понятие органа, осуществляющего уголовное преследование от имени государства, то есть субъекта обвинительной власти. В части 1 статьи 21 УПК РФ указано, что уголовное преследование от имени государства осуществляют прокурор, а также следователь и дознаватель. При этом меры по установлению события преступления, изобличению лица (лиц), его совершившего, помимо указанных, реализует также орган дознания (ч. 2 ст. 21 УПК РФ); в соответствии с частью 3 статьи 21 УПК РФ руководитель следственного органа уполномочен наряду со следователем, дознавателем и прокурором осуществлять уголовное преследование в случаях, предусмотренных частью 4 статьи 20 УПК РФ. Дознаватель, следователь, орган дознания и руководитель следственного органа имеют право проверить сообщение о любом готовящемся или совершенном преступлении и принять по нему соответствующее решение (о возбуждении

уголовного дела или об отказе в этом) (ч. 1, 1.1 ст. 144 УПК РФ), но также это вправе сделать начальник подразделения дознания (ч. 2 ст. 40.1 УПК РФ) (им же может выступать и начальник органа дознания, если он уполномочивает дознавателя осуществлять дознание (ч. 2 ст. 40.2 УПК РФ); а вот задержать подозреваемого руководитель следственного органа не уполномочен (ч. 1 ст. 91 УПК РФ)). Такая множественность участников, очевидно, является решением определенных, возникающих в практической деятельности по реализации уголовно-процессуальных предписаний, вопросов, однако их непоследовательное и противоречивое законодательное регулирование не может способствовать эффективности такого решения.

Дознаватель и следователь являются основными участниками, осуществляющими обвинительную деятельность (уголовное преследование) в уголовном процессе. В соответствии с уголовно-процессуальным законом они осуществляют предварительное расследование уголовных дел (п. 7, п. 41 ст. 5, ч. 1 ст. 38 УПК РФ) – выполняют одну из самых сложных и трудоемких задач уголовно-процессуальной деятельности, именно на них лежит основной груз формирования доказательственной базы обвинения, без которой невозможно осуществление уголовного преследования. Действующим УПК РФ указанные участники отнесены к стороне обвинения (п. 47 ст. 5 УПК РФ), основным направлением деятельности которой законодатель определил функцию обвинения (п. 45 ст. 5 УПК РФ).

В характеристике обвинительной власти с точки зрения функционального подхода камнем преткновения на протяжении длительного времени остаются два вопроса: о функции, которую реализует следователь в уголовном процессе, и о взаимосвязи следственной и надзорной (прокурорской) деятельности. Обратимся к их рассмотрению далее.

Следователь как субъект обвинительной власти

Отнесение следователя к стороне обвинения и наделение его функцией обвинения вызвало критику уже в момент принятия нового уголовно-процессуального закона. Следователь в современном отечественном уголовном процессе является основной процессуальной фигурой стадии предварительного расследования. Он возбуждает уголовное дело, осуществляет по нему расследование, при этом самостоятельно определяя его ход и необходимость производства следственных и иных процессуальных действий, принимает решение о привлечении лица в качестве обвиняемого и последующем направлении дела в суд с обвинительным заключением или о прекращении уголовного дела и т. д. Одновременно

следователь обеспечивает использование прав участниками процесса¹, принимает меры по возмещению причиненного преступлением ущерба, устраниению причин и условий совершенного преступления, предупреждению совершения новых преступлений. Очевидно, что деятельность данного участника процесса весьма разносторонняя, она не сводится исключительно к раскрытию преступления и изобличению лица, его совершившего, что составляет сущность уголовного преследования (обвинения). Даный факт обуславливает большое разнообразие позиций ученых по вопросу о том, какую функцию на самом деле выполняет следователь в уголовном процессе (и одну ли).

Критикуя отнесение следователя к стороне обвинения, выполняющей функцию обвинения, ученые отмечают, что этот субъект уголовного процесса совмещает в своей деятельности два несовпадающих, часто антагонистических направления. С одной стороны, он должен раскрыть преступление, изобличить лицо, совершившее преступление, а с другой – должен делать это, по сути, уличать и изобличать, не предвзято. Представленная дилемма позволяет ученым сделать вывод о том, что функция следователя – не обвинение, а иная – «расследования уголовного дела», «заключающаяся в объективном, полном и всестороннем исследовании обстоятельств дела» [41, с. 111]. Сторонники рассматриваемой позиции полагают, что следователь не обвиняет, а расследует факт, который расценивает как содержащий признаки преступления. Обвинение становится направлением его деятельности после установления лица, совершившего преступление, и привлечения его в качестве обвиняемого. Признавая этот факт, ученые или включают обвинение в функцию расследования, осуществляющую следователем, или утверждают, что следователь выполняет не одну, а несколько функций.

Представляется, что расширительное толкование функции, выполняемой следователем, его полифункциональность стирают грань между функциями следователя и задачами, стоящими перед ним. Следует согласиться с мнением В. А. Лазаревой, которая обращает внимание на то, что в концепции множественности функций следователя происходит отождествление функции следователя с осуществляющей им деятельностью – предварительным расследованием [16, с. 70–71], ее целями, задачами, полномочиями.

Суть проблемы, как видится, верно сформулировал С. А. Шейфер: «Кем является современный российский следователь – исследователем или преследователем?» [40, с. 34–36]. Должен ли он быть носителем функции уголовного преследования, представителя обвинительной власти или же он должен быть таким же объективным и независимым

¹ Конституционный суд РФ указал, что следователь, реализуя функцию обвинения, не освобождается от обязанности признавать, соблюдать и защищать права участников уголовного судопроизводства. См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

исследователем, как суд? Данная проблема носит не только доктринальный характер, но и практический. Ряд авторов, опираясь на буквальное прочтение некоторых положений уголовно-процессуального закона, констатируют узкую направленность осуществляющей следователем уголовно-процессуальной деятельности – обвинительную [11, с. 26], что, как кажется некоторым исследователям, предопределяет обвинительный уклон при осуществлении им процессуальных действий и принятии процессуальных решений. Однако, как верно отмечает В. Ю. Стельмах, «обвинение отнюдь не синонимично обвинительному уклону, при котором субъект доказывания целинаправленно собирает только доказательства виновности конкретного лица, игнорируя данные о его непричастности к преступлению» [32, с. 39].

Системное толкование норм УПК РФ позволяет утверждать, что современный уголовно-процессуальный закон содержит необходимость полного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств преступления. Несмотря на то что в нем отсутствует прямая норма, подобно содержащейся в статье 20 УПК РСФСР, УПК РФ требует, чтобы расследование уголовного дела было проведено полно, всесторонне и объективно. Это проявляется, в частности, в том, что действующий УПК РФ предписывает следователю быть объективным при расследовании преступления, устанавливая требование по сбору как доказательств виновности, так и доказательств невиновности, исключающих преступность и наказуемость деяния, смягчающих его (ст. 73 УПК РФ). Такой подход можно обнаружить и в решениях Конституционного Суда РФ, который указывает, что «исходя из предписаний ст. 2, 18, ч. 1 ст. 45 Конституции Российской Федерации, <...> на следователя возлагается процессуальная обязанность получать доказательства не только обвинительные, но и оправдательные, подтверждающие невиновность лица в совершении вменяемого ему преступления»¹. Этот вывод также следует из анализа норм части 4 статьи 152, части 2 статьи 154 УПК РФ.

В советский период считалось, что следователь, расследуя уголовное дело, осуществляет уголовное преследование, поскольку он привлекает гражданина к уголовной ответственности, изобличает обвиняемого и применяет к нему принудительные меры (меры пресечения) [33, с. 191]. На сегодняшний момент распространена точка зрения о том, что деятельность следователя, направленная на изобличение виновного (уголовное преследование), полностью укладывается в рамки расследования преступления и может быть названа одним из «составных элементов (подфункцией) функции расследования преступлений» [1, с. 196], не исчерпывается им. В целом соглашаясь с авторами в том, что функция, реализуемая следователем в уголовном процессе, предполагает

необходимость осуществления разных видов деятельности, можно констатировать, что многообразие направлений деятельности следователя обуславливает необходимость ее более широкого толкования, не сводящегося лишь к уголовному преследованию или обвинению. Оценивая весь масштаб стоящих перед следователем задач, считаем верным утверждение, что основным направлением его деятельности (функцией) является расследование уголовного дела. Обвинительная деятельность (или уголовное преследование) выступает одной из его подфункций.

Теория «трех процессуальных функций» – обвинения, защиты и разрешения дела, основоположником которой по праву считается М. С. Строгович, формировалась применительно к распределению ролей в состязательном судебном разбирательстве. Следует отметить, что именно в контексте данной теории указанные три функции прочно связываются с понятием стороны. А это представляется еще одним спорным вопросом: является ли обоснованным отнесение следователя к стороне обвинения?

Думается, что следует согласиться с мнением В. И. Зажицкого, который считает, что следователь не может быть стороной в уголовном процессе, он только формирует предмет судебного спора и создает необходимые и существенные предпосылки для возникновения в судебном заседании реальных сторон, наделенных равными правами (ст. 244 УПК РФ) [10, с. 46–47]. Понятие сторон, отстаивающих перед судом свой процессуальный интерес, присущее судебному разбирательству. При проведении расследования по уголовному делу следователь обязан выполнять свои процессуальные обязанности в соответствии с требованиями закона и всесторонне, объективно и полно устанавливать обстоятельства дела. Очевидно, существующее разделение участников уголовного судопроизводства на стороны безотносительно к стадии производства по уголовному делу представляет собой структурно-логическую ошибку законодателя в общем, а причисление следователя к стороне обвинения – концептуальное противоречие структуре досудебных стадий уголовного процесса, характерных для процесса смешанного типа, к которому относится и российская модель, в частности. Еще В. К. Случевский предупреждал о недопустимости отождествления участников и сторон процесса. Последние принимают участие «в состязательной деятельности перед уголовным судом» [28, ч. 1, с. 271]. Таким образом, отнесение следователя к «стороне» представляется неверным (так же, как наделение его функцией обвинения), искусственным и необоснованным распространением разработанной доктрины уголовного процесса теории «трех функций» на досудебное производство.

В практической плоскости проблема определения функции, которую выполняет следователь,

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

обусловлена качеством расследования уголовных дел и соблюдением прав граждан, то есть надлежащим выполнением следователем своих полномочий. Как уже упоминалось, отнесение следователя к участникам, выполняющим функцию обвинения, в юридической литературе рассматривается как одна из детерминант обвинительного уклона в деятельности следователя, проявляющегося в злоупотреблении своими правами, необоснованном отклонении ходатайств стороны защиты и т. д. Отчасти в данной связи некоторые авторы предлагают передать полномочия по производству предварительного следствия судебной ветви власти [12, с. 32–33]. Стоит отметить, что наша история имела подобный опыт. В дореволюционной России, после реформ второй половины XIX века, следователь именовался «судебным», поскольку функционировал при судах. Он собирал как обвинительные, так и оправдывающие обвиняемого доказательства, и делать он это должен был «с полным беспристрастием», как того требовала статья 265 Устава уголовного судопроизводства [38, т. 2, с. 12].

Верной представляется в контексте рассматриваемой проблемы мысль, высказанная профессором В. А. Лазаревой: «Причины низкого качества предварительного расследования и необъективности правосудия связаны не с несовершенством правового регулирования, а лежат в какой-то иной плоскости <...> назвав следователя судебным или судью – следственным, проблемы, наверное, не решить» [15, с. 10]. Можно предположить, что в случае передачи следствия судебной власти центр тяжести указанных проблем сместится с одной власти на другую без решения их первопричины.

Анализ полномочий следователя, предоставленных ему УПК РФ, приводит Г. В. Стародубову к выводу о том, что, хотя законодатель отнес следователя к участникам со стороны обвинения, он не сделал его деятельность односторонней субъективно-обвинительной. «Быть участником уголовного судопроизводства со стороны обвинения для следователя совершенно не означает права быть необъективным», – пишет ученый [31, с. 89]. В связи с этим автор предлагает обратить внимание на нравственные основы деятельности следователя, повышение уровня его правосознания и ответственности, с чем, безусловно, нельзя не согласиться.

Одновременно следует разделить точку зрения исследователей, которые обращают внимание на то, что формулирование функции «предварительного расследования» применительно к следователю будет способствовать осознанию им своего функционального предназначения и выступать целевым ориентиром и одновременно превентивной мерой негативного проявления усмотрения следователя, что позволит снизить количество следственных ошибок, обеспечить тем самым залог доверия общества к принятым решениям и повысить эффективность механизма уголовно-процессуального регулирования [25, с. 139].

Таким образом, подводя итог изложенному, можно сформулировать некоторые выводы. Действующим УПК РФ дознаватель и следователь отнесены к стороне обвинения (п. 47 ст. 5 УПК РФ), основным направлением их деятельности законодатель определил функцию обвинения (п. 45 ст. 5 УПК РФ). При этом системное толкование норм УПК РФ позволяет утверждать, что современный уголовно-процессуальный закон не содержит в себе предпосылок, позволяющих следователю вести односторонне обвинительную деятельность. Многообразие направлений деятельности следователя обуславливает необходимость ее более широкого толкования, не сводящегося лишь к уголовному преследованию или обвинению. Оценивая весь масштаб стоящих перед следователем задач, считаем, что основным направлением его деятельности (функцией) является расследование уголовного дела. Обвинительная деятельность (или уголовное преследование) выступает одной из его задач. Отнесение следователя к стороне обвинения является структурной ошибкой действующего уголовно-процессуального закона, поскольку понятие сторон присуще судебному разбирательству. Следователь же, расследуя уголовное дело, должен оставаться независимой фигурой, выполняя свои профессиональные обязанности, руководствуясь требованием законности, обеспечивать объективное, полное, всестороннее установление обстоятельств дела.

Прокурор как субъект обвинительной власти

Вторая проблема, не нашедшая своего разрешения, несмотря на длительное и глубокое по научной проработанности обсуждение, – вопрос о взаимосвязи следственной и надзорной (прокурорской) деятельности.

В соответствии с уголовно-процессуальным законом прокурор как участник уголовного судопроизводства – это Генеральный прокурор РФ и подчиненные ему прокуроры, их заместители и иные должностные лица органов прокуратуры, участвующие в уголовном судопроизводстве и наделенные соответствующими полномочиями Федеральным законом о прокуратуре (п. 31 ст. 5 УПК РФ). В соответствии с частью 1 статьи 37 УПК РФ прокурор осуществляет уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия. Таким образом, закон наделяет прокурора, с одной стороны, государственно-правовой общей надзорной функцией прокуратуры в целом, с другой стороны – специальной функцией уголовного преследования.

В общем смысле прокурорский надзор представляет собой специфическую деятельность государственных федеральных органов прокуратуры, осуществляющую от имени Российской Федерации и состоящую в проверке точности соблюдения

Конституции Российской Федерации и исполнения законов, действующих на ее территории. Прокуратура является основным правоохранительным органом, который надзирает за осуществлением режима законности в Российской Федерации. Данная функция, выполняемая прокурором, выступает, безусловно, категорией более высокого уровня, нежели функция уголовного преследования.

Некоторые авторы считают, что выполнение уголовного преследования и надзора одним и тем же субъектом не обеспечивает его объективности и беспристрастности при реализации своих полномочий. Возникающая в результате с высокой степенью вероятности пристрастность влечет ряд негативных последствий, в числе которых указывается, например, усиление обвинительного уклона [36, с. 196]. Указанные доводы, помимо других, были обоснованием реформирования процессуального статуса прокурора в уголовном процессе в 2007 году, в результате которого его полномочия по руководству следствием были переданы руководителю следственного органа. Прокурор фактически был лишен полномочий, позволяющих ему в полной мере осуществлять уголовное преследование в досудебном производстве (права возбуждать уголовное дело, участвовать в проведении следственных действий), при этом функция надзора за ним была сохранена. Приоритеты законодателем были расставлены. Однако, лишив прокурора полномочий по руководству расследованием, законодатель разбалансировал и систему прокурорского надзора, что проявилось незамедлительно и обусловило возврат ряда полномочий прокурору уже в 2010 году¹. Прокурору были возвращены полномочия по отмене незаконных и (или) необоснованных постановлений следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), о приостановлении производства по уголовному делу. В 2019 году были уточнены полномочия прокурора в части требования от органов следствия и дознания устраниния нарушений федерального законодательства². Надзорная деятельность прокурора при осуществлении приема, регистрации и разрешения сообщений о преступлениях была закреплена в нормах УПК РФ. Вместе с тем возникшие проблемы в полной мере не решены до сих пор.

Большинство ученых указывают на то, что существующее правовое положение прокурора в уголовном процессе отрицательно оказывается на эффективности прокурорского надзора и качестве уголовного судопроизводства в целом [29, с. 98–104]. Одновременно обращается внимание на то, что, осуществляя

процессуальное руководство дознанием, прокурор является гарантом его законности, эффективности и точного обеспечения разумного срока. Чего не скажешь о следствии: сокращение полномочий прокурора, отмечается, сказалось на уровне, качестве расследования. Ученые недоумевают по поводу того, почему в результате реформ за прокурором остались надзор за дознанием, в порядке которого расследуются менее опасные преступления, и убрали его применительно к следствию, в порядке которого расследуется большинство уголовных дел, а кроме того – наиболее опасных и сложных в расследовании. Высказывается мнение, что одинаковый подход к регламентации прокурорского надзора за дознанием и за следствием не только бы обеспечил единство процессуальной формы, но и в полной мере способствовал бы обеспечению назначения уголовного судопроизводства, указанного в статье 6 УПК РФ.

На сегодняшний момент деятельность прокурора по уголовному преследованию фактически сводится действующим уголовно-процессуальным законом к обеспечению выполнения функций следователями, дознавателями за счет использования предоставленных ему частью 2 статьи 37 УПК РФ полномочий. Небезосновательно считается, что этого явно недостаточно ни для выполнения прокурором функции уголовного преследования, которой он прямо наделен законом, ни для эффективного функционирования системы досудебного уголовного производства в целом. Среди полномочий прокурора в области реализации функции уголовного преследования остались лишь право проверки постановления о возбуждении уголовного дела с возможностью его отмены (ч. 4 ст. 146 УПК РФ), а также принятия решения по поступившему к нему уголовному делу с обвинительным заключением, обвинительным актом или обвинительным постановлением.

В рамках обсуждаемой проблемы Н. С. Манова обоснованно указывает на то, что на досудебном производстве именно для прокурора, как для будущего государственного обвинителя, готовится доказательственная база, которой он будет оперировать в суде, что именно прокурор обязан по завершении расследования принять окончательное решение о направлении уголовного дела в суд, а затем уже в ходе судебного разбирательства – поддерживать государственное обвинение [17, с. 12–20]. Поэтому в осуществлении уголовного преследования прокурор по-прежнему играет ключевую роль, – приходит к выводу автор. Прокурор несет ответственность за законность досудебного уголовного преследования, поскольку на него возложена обязанность по поддержанию государственного обвинения в суде.

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия [Электронный ресурс]: Федер. закон от 28 дек. 2010 г. № 404-ФЗ (ред. от 31 дек. 2017 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон от 27 дек. 2019 г. № 499-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В связи с указанными обстоятельствами многие авторы предлагают усилить правовой статус прокурора в части возможности реализации им полномочий по уголовному преследованию и предоставить (скорее, вернуть) ему следующие права. Прежде всего право на возбуждение уголовного дела и последующее направление его по подследственности. Ученые-процессуалисты указывают на то, что без права прокурора возбудить уголовное дело его участие в уголовном процессе не может быть реально эффективным. Это право также позволяет прокурору действительно отреагировать на выявленные им нарушения закона, а также недочеты, допущенные следователями и дознавателями [36, с. 196; 17, с. 183].

Альтернативу решению указанной выше проблемы отдельные авторы видят в установлении в УПК РФ императивного требования, обращенного к следователю, возбудить уголовное дело при получении соответствующих материалов от прокурора в порядке пункта 4 части 1 статьи 140 УПК РФ [5, с. 38], ведь на сегодняшний момент следователь может отказать в возбуждении уголовного дела по направленным ему прокурором материалам. Прокурор, найдя такой отказ незаконным и необоснованным, имеет право отменить постановление следователя (ч. 4 ст. 146 УПК РФ). При этом он имеет право истребовать и проверить законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа (п. 5.1 ст. 37 УПК РФ). Следователь, в свою очередь, имеет право не согласиться с решением прокурора и в результате им будет принято еще одно решение об отказе в возбуждении уголовного дела.

В итоге получается достаточно сложная, длительная и, как показывают примеры судебно-следственной практики¹ и данные официальной статистики², часто неэффективная процедура реагирования правоохранительных органов на имеющуюся информацию о совершенном или готовящемся преступлении. Пока прокурор долго и сложно пытается добиться возбуждения уголовного дела, теряются важные доказательства по уголовным делам, их раскрытие становится всё более сложным.

Еще одним правом, которым, по мнению исследователей данного вопроса, необходимо обладать прокурору для эффективной реализации возложенных на него задач, является производство (участие в производстве) ряда следственных действий, в частности, необходимых для реализации проверки сообщения о преступлении и проведении неотложных

следственных действий [39, с. 26]. При этом, следует обратить внимание, наделение прокурора правом проводить полноценное самостоятельное расследование уголовных дел представляется нецелесообразным.

Таким образом, указав прокурора среди участников, осуществляющих уголовное преследование, уголовно-процессуальный закон на сегодняшний момент не содержит действенных механизмов властного реагирования указанным субъектом уголовного процесса на любые нарушения законности; правовой статус прокурора в уголовном преследовании устанавливается расплывчато и без достаточной определенности в части обеспечения стоящих перед ним задач.

Еще одним видом обвинительной деятельности прокурора является поддержание государственного обвинения. В соответствии с частью 3 статьи 37 УПК РФ в ходе судебного производства по уголовному делу прокурор поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность. Таким образом, в форме государственного обвинения он осуществляет уголовное преследование. Надзорная функция в судебном производстве у прокурора отсутствует. В юридической литературе нет дискуссий по поводу роли прокурора в судебном разбирательстве: прокурор в данном случае осуществляет функцию уголовного преследования в форме поддержания обвинения и имеет статус государственного обвинителя.

Таким образом, уголовно-процессуальный закон наделяет прокурора, с одной стороны, государственно-правовой надзорной функцией, с другой – функцией уголовного преследования. Обвинительная деятельность (уголовное преследование) прокурора существенно отличается от реализуемой следователем и дознавателем не только по субъекту, но и по условиям ее выполнения. Безусловно, указанные виды обвинительной деятельности взаимосвязаны: во-первых, поддержание государственного обвинения является продолжением уголовного преследования, начатого в досудебном производстве следователем или дознавателем, во-вторых, в основе государственного обвинения лежат материалы уголовного дела, завершенного досудебным производством, осуществленным следователем (дознавателем). Однако, указав прокурора среди участников, осуществляющих уголовное преследование, уголовно-процессуальный закон на сегодняшний

¹ Решение Арбитражного суда Курской области от 27 апр. 2023 г. по делу № А35-3682/2022. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/2yh75vgvUKm5/>

² Согласно статистическим данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2021 году прокурорами было направлено 5 006 материалов для решения вопроса об уголовном преследовании в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ. В 2022 году их количество составило 3 983 (уменьшилось на 20,4 %). Было возбуждено уголовных дел по таким материалам в 2021 году 4 529, в 2022 году – 3 808 (снижение на 15,9 %). Отменено постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела в 2021 году 1 586 962, в 2022 году – 1 419 601 (снижение на 10,5 %). Возбуждено уголовных дел по результатам отмены постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела в 2021 году 155 152, в 2022 году – 157 917 (увеличилось на 1,8 %). См.: Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь–декабрь 2022 г. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/>

момент не содержит действенных механизмов властного реагирования указанным субъектом уголовного процесса на любые нарушения законности; правовой статус прокурора в уголовном преследовании устанавливается расплывчато и без достаточной определенности в части обеспечения стоящих перед ним задач. Представляется необходимым вернуть прокурору правомочия по возбуждению уголовного дела и проведению ряда следственных действий (по проверке сообщения о преступлении, неотложные следственные действия).

Следственная власть

Некоторые авторы выделяют в уголовном процессе также власть «следственную» [42, с. 111]. Формирование представлений о самостоятельности следственной власти связано с созданием самостоятельного органа государственной власти, основным предназначением которого является реализация полномочий в сфере уголовного судопроизводства, – Следственного комитета Российской Федерации¹.

До учреждения Следственного комитета при прокуратуре в 2007 году и последующих поправок в УПК РФ, касающихся разграничения следственных и надзорных полномочий в предварительном расследовании, прокурор обладал практически абсолютной властью при принятии решений по уголовным делам. Как уже неоднократно подчеркивалось, сосредоточение всей полноты власти в руках одного лица неизбежно приводит к субъективизму, и ситуация с правовым положением прокурора в уголовном процессе не была исключением. Продолжавшееся реформирование предварительного следствия, имеющее целью усиление гарантий законности и объективности уголовного преследования, было направлено на разделение обвинительной власти между следствием и прокуратурой и устранение концентрации власти по обвинению в рамках одной структуры. В итоге основной задачей деятельности Следственного комитета Российской Федерации стало расследование уголовных дел, тогда как за органами прокуратуры сохранилась роль осуществления надзора за законностью такого расследования.

И. С. Дикарев полагает, что «следственная» и «прокурорская» власти, появившиеся вследствие разделения обвинительной власти в результате реформ 2007 года, консолидируют свои усилия для реализации уголовного преследования и, по его мнению, соотносятся как общее и частное [8, с. 120–124].

Основанием для признания самостоятельности следственной власти в уголовном процессе является наличие соответствующих признаков: организационной самостоятельности (наличие специальных органов государственной власти) и функциональной (наличие специфических полномочий). Как было

указано в предыдущей части данного исследования, следственная власть обладает формальными признаками самостоятельности. Вопрос о ее существовании в функциональном аспекте сопряжен с дискуссией о выделении самостоятельной четвертой основной уголовно-процессуальной функции – предварительного расследования – идеей, как было продемонстрировано, весьма распространенной в отечественной уголовно-процессуальной доктрине.

Таким образом, на современном этапе развития отечественного уголовного судопроизводства с точки зрения функционального подхода можно выделить судебную, обвинительную и следственную власти. Обвинительная власть реализуется органами прокуратуры, следственная – органами исполнительной ветви власти, а также Следственного комитета Российской Федерации. Разделение обвинительной и следственной властей создает систему сдержек и противовесов в уголовном процессе, в котором прокурорский надзор, судебный контроль и ведомственный контроль в лице руководства следственной власти выступают гарантией законности и защиты прав и свобод человека и гражданина. Существующий порядок прокурорского надзора за предварительным расследованием не обеспечивает в должной степени эффективность данного механизма, которая не может быть восполнена ведомственным и судебным контролем.

Выводы

Разделение властей направлено на недопущение концентрации власти в одних руках и взаимном сдерживании властей. В современных демократических правовых государствах оно проявляется во всех сферах деятельности их органов. Смыслоное содержание разделения властей в уголовном процессе как принципа организации и функционирования государственной власти включает: самостоятельность деятельности каждого органа и должностного лица в границах права и компетенции; урегулированное в уголовно-процессуальном законе распределение функций и полномочий должностных лиц и органов государственной власти – субъектов уголовного процесса – суда, прокурора, следователя, дознавателя; обеспечение в уголовном судопроизводстве как одном из видов организации и функционирования государственной власти механизма взаимного уравновешивания, сдерживания и контроля. Формальный подход к разделению властей акцентирует внимание на организационном разделении органов государственной власти, должностные лица которых осуществляют производство по уголовному делу. При функциональном подходе приоритет отдается установлению специфических полномочий для должностных лиц органов государственной власти, реализующих их в уголовном процессе, их функциональному разделению.

¹ О Следственном комитете Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон от 28 дек. 2010 г. № 403-ФЗ (ред. от 20 марта 2025 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Оба подхода к разделению властей в уголовном процессе на сегодняшний момент тесно переплелись в организации и функционировании властных субъектов уголовного процесса, их взаимодействии, что является результатом длительного исторического пути развития.

В российском уголовном процессе на сегодняшний момент разделение властей существует и *формально*, поскольку на конституционном уровне провозглашено разделение властей на законодательную, исполнительную, судебную, определены органы государственной власти и их специфические полномочия, и *функционально*, поскольку в уголовно-процессуальном законе установлено разделение властных субъектов в зависимости от выполняемых ими функций (разрешения уголовного дела и обвинения (уголовного преследования)), что определяет специфические полномочия должностных лиц и органов в уголовном судопроизводстве.

Уголовное судопроизводство в Российской Федерации как деятельность публичных органов и должностных лиц в целом основывается на принципе разделения властей, что находит свое выражение в разграничении уголовно-процессуальных функций разрешения дела по существу, обвинения и защиты в соответствии с принципом состязательности в уголовном судопроизводстве, не допускающим возложения на один орган различных по характеру функций, а также устанавливающим запрет на осуществление одной функции органами различных ветвей власти.

Существуют определенные проблемы в характеристике обвинительной власти как с точки зрения формального подхода (то есть в определении того, к какой ветви государственной власти относятся органы, должностные лица которых представляют обвинительную власть в уголовном процессе), так и с позиции функционального подхода, где камнем преткновения до сих пор являются по крайней мере два вопроса: о функции следователя и о взаимосвязи следственной и прокурорской деятельности.

Библиографический список

1. Азаров В. А., Ревенко Н. И., Кузембаева М. М. Функция предварительного расследования в истории, теории и практике уголовного процесса России. Омск: Омск. гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского, 2006. 560 с.
2. Беккария Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: Инфра-М, 2016. 184 с.
3. Викторский С. И. Русский уголовный процесс. М.: Юрид. бюро «ГОРОДЕЦ», 1997. 448 с.
4. Воскобитова Л. А. Функциональная модель уголовного судопроизводства // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 2. С. 24-37. DOI: 10.17803/2311-5998.2018.42.2.024-037.
5. Гаврилов Б. Я. Прокурор в современном уголовном судопроизводстве: позиция ученого и мнение правопримениеля // Российская юстиция. 2020. № 3. С. 33–39.
6. Головко Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство: Монография. М.: Городец, 2022. 464 с.
7. Деришев Ю. В. Концепция уголовного досудебного производства в правовой доктрине современной России. Омск: Омск. акад. МВД России, 2004. 340 с.
8. Дикарев И. С. Досудебное производство по уголовным делам: система сдержек и противовесов // Единство и дифференциация досудебного и судебного производства в уголовном процессе: новые концептуальные подходы в свете наследия Великой Судебной Реформы: сб. науч. ст. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 155-летию Судебных Уставов 1864 г., приуроч. к 55-летию Юго-Западного государственного университета (14–15 ноября 2019 г.) / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск: Университетская книга, 2019. С. 120–124.
9. Дикарев И. С. Система сдержек и противовесов в досудебном производстве по уголовным делам // Журнал российского права. 2018. № 3 С. 76–83.
10. Зажицкий В. И. О процессуальном положении следователя // Государство и право. 2011. № 6. С. 41–51.
11. Кальницкий В. В., Сальникова Т. И. Поддержание дознавателем (следователем) государственного обвинения: недолгая судьба одной нормы и ее неутраченный смысл // Законодательство и практика. 2020. № 1(44). С. 24–29.
12. Королев Г. Н. Прокурорское уголовное преследование в российском уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2003. 360 с.
13. Краснов Ю. К. Принцип разделения властей в России: теория и практика // Право и управление. XXI век. 2005. № 1. URL: https://mgimo.ru/files/33210/33210.pdf?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com.
14. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / В. Б. Алексеев, Л. Б. Алексеева и др. М.: Юрид. лит., 1989. 640 с.
15. Лазарева В. А. Российский следователь: судья или инквизитор? // Уголовное судопроизводство. 2018. № 4. С. 6–11.
16. Лазарева В. А. Досудебное производство: перспективы развития // Юридический вестник Самарского университета. 2019. № 4. С. 67–73. DOI: 10.18287/2542-047X-2019-5-4-67-73.
17. Манова Н. С. Роль прокурора в координации деятельности органов дознания и предварительного следствия по осуществлению уголовного преследования // Legal Concept = Правовая парадигма. 2021. Т. 20, № 2. С. 12–20. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2021.2.2.
18. Марченко М. Н. Теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Зерцало, 2004. 735 с.
19. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. 5-е изд. М.: Дело, 2022. 528 с.

20. Мельников А. Е. Уголовное преследование в условиях действия системы разделения властей: досудебное производство: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 36 с.
21. Михайловская И. Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М.: Проспект, 2003. 144 с.
22. Монтескье Ш. О духе законов. М.: Гослитиздат, 1955. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Monteskье_O%20dukhe.pdf.
23. Муравьев Н. В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Пособие для прокурорской службы. М.: Университетская тип., 1889. 552 с.
24. Нека Л. И. Русское уголовное судопроизводство. Исторический взгляд на правовую реформу 1864 года // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018 № 2. С. 166–170.
25. Попова И. П. Функции следователя в механизме уголовно-процессуального регулирования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 4 (99). С. 123–139. DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-123-139.
26. Романов С. В. Концепция полноты судебной власти в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского Университета. Серия 11. Право. 2023. № 6. С. 157–175. DOI: 10.55959/MSU0130-0113-11-64-6-9.
27. Рябинина Т. К. Особенности реализации судебной власти в стадии назначения судебного заседания. М.: Юрлитинформ, 2016. 240 с.
28. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса: в 2 ч. М.: Зерцало-М, 2014. Ч. 1. 398 с. Ч. 2. 468 с.
29. Соловьев А. Б., Токарева М. Е. Необходимо восстановить властно-распорядительные полномочия прокурора в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства // Уголовное право. 2011. № 4. С. 98–104.
30. Спиридовов Л. И. Теория государства и права. М.: Проспект, 1996. 304 с.
31. Стародубова Г. В. Процессуальная функция следователя и ее отражение в основных решениях по уголовному делу // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5, № 4. С. 86–90. DOI: 10.18287/2542-047X-2019-5-4-86-90.
32. Стельмак В. Ю. Следователь как участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. № 2. С. 37–40.
33. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса: Основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. Т. 1. 468 с.
34. Тарасов А. А., Гизатуллин И. А. Независимость судей – имманентное свойство уголовного правосудия и глобальная его проблема// Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22, № 1. С. 21–41. DOI: 10.22363/2313-2337-2018-22-1-00-00.
35. Третьяк И. А. Система сдержек и противовесов // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/sistema-sderzhek-i-protivovesov-e601d5/?v=9876414>.
36. Трухачев В. В., Ахмедов У. Н. О. Функции и полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве и их отражение в процессуальном статусе прокурора // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 1. С. 195–202.
37. Уголовный процесс. Проблемные лекции / под ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко. М.: Юрайт, 2013. 799 с.
38. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства / под ред. А. В. Смирнова. СПб.: Альфа, 1996. Т. 1. 607 с. Т. 2. 607 с.
39. Францифоров Ю. В., Шинкарук В. В., Третьяков Ю. В. Вопросы совершенствования деятельности прокуратуры в уголовном судопроизводстве // Legal Concept = Правовая парадигма. 2022. Т. 21, № 2. С. 21–27. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2022.2.3.
40. Шейфер С. А. Российский следователь –исследователь или преследователь? // Российская юстиция. 2010. № 11. С. 34–36.
41. Шейфер С. А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. 192 с.
42. Шейфер С. А. Следственная власть: история и современность // Уголовная юстиция: связь времен. Избранные материалы международной научной конференции (г. Санкт Петербург, 6–8 октября 2010 г.). М.: Акцион-Медиа, 2012. С. 111–119.
43. Шобухин В. Ю. Служба в органах и организациях прокуратуры РФ. 3-е изд. М.: Изд-во Юрайт, 2023. 117 с.
44. Almond G. A. Functional Approach // The Politics of the Developing Areas / Ed. by A. Gabriel Almond and James S. Coleman. Princeton University Press, 1960. 610 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctt13x19q7>.
45. Barkow R. E. Separation of Powers and the Criminal Law // Stanford Law Review. 2006. Vol. 58. Pp. 989–1054. DOI: 10.2307/40040287.
46. Bradley G. V. Law Enforcement and the Separation of Powers // Arizona Law Review. 1988. Vol. 30. Pp. 801–888.
47. Epps D. Checks and Balances in the Criminal Law // Vanderbilt Law Review. 2021. Vol. 74. Issue 1. Pp. 3–83.
48. Fish E. S., Boudin Ch. Defense Lawyers and the Separation of Powers. URL: <https://ssrn.com/abstract=5198358>.
49. Hessick C. B. Separation of Powers Versus Checks and Balances in the Criminal Justice System: A Response to Professor Epps // Vanderbilt Law Review. 2021. Vol. 74. Pp. 159–185.
50. Kahan D. M. Is Chevron Relevant to Federal Criminal Law? // Harvard Law Review. 1996. Vol. 110. Issue 2. Pp. 469–521. <https://doi.org/10.2307/1342150>.
51. Kremens K. Powers of the Prosecutor in Criminal Investigation: A Comparative Perspective. New York: Routledge, 2020. 378 p. DOI: 10.4324/9781003018247.

52. Langer M. Plea Bargaining, Conviction Without Trial, and the Global Administratization of Criminal Convictions // Annual Review of Criminology. 2020 Vol. 4(1). Pp. 377–411 DOI: 10.1146/annurev-criminol-032317-092255.
53. Lynch G. Our Administrative System of Criminal Justice // Fordham Law Review. 1998. Vol. 66. Issue 6. Pp. 2117–2151.
54. Mascott J. Separation of Powers, Criminal Law and Cert Petitions from the Second Circuit. 2022. URL: <https://www.yalejreg.com/nc/separation-of-powers-criminal-law-cert-petitions-from-the-second-circuit/>.
55. Natapoff A. Misdemeanor Declination: A Theory of Internal Separation of Powers // Texas Law Review. 2024. Vol. 102. Issue 5. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4787813.
56. Sajó A. Limiting Government. An Introduction to Constitutionalism. New York: Central European University Press, 1999. 308 p.
57. Schmitt C. Constitutional Theory. Durham and London: Duke University Press, 2008. 468 p. Pp. 220–223.
58. Stuntz W. J. The Pathological Politics of Criminal Law // Michigan Law Review. 2001. Vol. 100. Issue 3. Pp. 505–600.
59. Vile M. J. C. Constitutionalism and the Separation of Powers. Indianapolis: Liberty Fund, 1998. 455 p.

References

1. Azarov V. A., Revenko N. I., Kuzembayeva M. M. *Funktsiya predvaritel'nogo rassledovaniya v istorii, teorii i praktike ugolovnogo protsessa Rossii* [The Function of Preliminary Investigation in the History, Theory and Practice of Criminal Procedure in Russia]. Omsk, 2006. 560 p. (In Russ.).
2. Beccaria C. *O prestupleniyakh i nakazaniyakh* [On Crimes and Punishments]. Moscow, 2016. 184 p. (In Russ.).
3. Viktorovskiy S. I. *Russkiy ugolovnyy protsess* [Russian Criminal Procedure]. Moscow, 1997. 448 p. (In Russ.).
4. Voskobitova L. A. *Funktional'naya model' ugolovnogo sudoproizvodstva* [Functional Model of Criminal Proceedings]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA)* – Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2018. Vol. 2. Pp. 24–37. DOI: 10.17803/2311-5998.2018.42.2.024-037. (In Russ.).
5. Gavrilov B. Ya. *Prokuror v sovremenном ugolovnom sudoproizvodstve: pozitsiya uchenogo i mnenie pravoprimeritelya* [Prosecutor in Modern Criminal Proceedings: the Position of the Scientist and the Opinion of the Law Enforcement Officer]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justice*. 2020. Vol. 3. Pp. 33–39. (In Russ.).
6. Golovko L. V. *Gosudarstvo i ego ugolovnoe sudoproizvodstvo* [The State and Its Criminal Procedure]. Moscow, 2022. 464 p. (In Russ.).
7. Derishev Yu. V. *Konseptsiya ugolovnogo dosudebnogo proizvodstva v pravovoy doktrine sovremennoy Rossii* [The Concept of Criminal Pre-Trial Proceedings in the Legal Doctrine of Modern Russia]. Omsk, 2004. 340 p. (In Russ.).
8. Dikarev I. S. *Dosudebnoe proizvodstvo po ugolovnym delam: sistema sderzhek i protivovesov* [Pre-trial Proceedings in Criminal Cases: The System of Checks and Balances]. *Edinstvo i differentsiatsiya dosudebnogo i sudebnogo proizvodstva v ugolovnom protsesse: novye kontseptual'nye podkhody v svete naslediya Velikoy Sudebnoy Reformy* [Unity and Differentiation of Pre-Trial and Trial Procedure in Criminal Proceedings: New Conceptual Approaches in Light of the Legacy of the Great Judicial Reform: a collection of scientific articles from the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation dedicated to the 155th anniversary of the Judicial Statutes of 1864, timed to coincide with the 55th anniversary of the Southwest State University (2019, November 14–15)]. Kursk, 2019. Pp. 120–124. (In Russ.).
9. Dikarev I. S. *Sistema sderzhek i protivovesov v dosudebnom proizvodstve po ugolovnym delam* [The System of Checks and Balances in Pre-Trial Proceedings in Criminal Cases]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 2018. Vol. 3. Pp. 76–83. DOI: 10.12737/art_2018_3_7. (In Russ.).
10. Zazhitskiy V. I. *O protsessual'nom polozhenii sledovatelya* [On the Procedural Status of the Investigator]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 2011. Vol. 6. Pp. 41–51. (In Russ.).
11. Kal'nitskiy V. V., Sal'nikova T. I. *Podderzhanie doznavatelem (sledovatelem) gosudarstvennogo obvineniya: nedolgaya sud'ba odnoy normy i ee neutrachennyi smysl* [Support of the State Prosecution: a Brief Fate of One Norm and Its Retained Meaning]. *Zakonodatel'stvo i praktika – Legislation and Practice*. 2020. Vol. 1(44). Pp. 24–29. (In Russ.).
12. Korolev G. N. *Prokurorskoe ugolovnoe presledovanie v rossiyskom ugolovnom protsesse* [Prosecutor's Criminal Prosecution in Russian Criminal Proceedings]. Moscow, 2003. 360 p. (In Russ.).
13. Krasnov Yu. K. *Printsip razdeleniya vlastey v Rossii: teoriya i praktika* [The Principle of Separation of Powers in Russia: Theory and Practice]. *Pravo i upravlenie. XXI vek – Journal of Law and Administration*. 2005. Vol. 1. Available at: https://mgimo.ru/files/33210/33210.pdf?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com. (In Russ.).
14. Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa. *Obshchaya chast'* [Course of Soviet Criminal Procedure. General Part]. V. B. Alekseev et al. Moscow, 1989. 640 p. (In Russ.).
15. Lazareva V. A. *Rossiyskiy sledovatel': sud'ya ili inkvizitor?* [A Russian Investigator: A Judge or an Inquisitor?]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo – Criminal Judicial Proceeding*. 2018. Vol. 4. Pp. 6–11. (In Russ.).
16. Lasareva V. A. *Dosudebnoe proizvodstvo: perspektivy razvitiya* [Pre-Trial Proceedings: Prospects of Development]. *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta – Juridical Journal of Samara University*. 2019. Vol. 5. Issue 4. Pp. 67–73. DOI: 10.18287/2542-047X-2019-5-4-67-73. (In Russ.).

17. Manova N. S. *Rol' prokurora v koordinatsii deyatel'nosti organov doznnaniya i predvaritel'nogo sledstviya po osushchestvleniyu ugolovnogo presledovaniya* [The Role of the Prosecutor in Coordinating the Activities of the Bodies of Inquiry and Preliminary Investigation in the Implementation of Criminal Prosecution]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*. 2021. Vol. 20. Issue 2. Pp. 12–20. DOI: 10.15688/lc.jvolus.2021.2.2. (In Russ.).
18. Marchenko M. N. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, 2004. 735 p. (In Russ.).
19. Matuzov N. I., Mal'ko A. V. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, 2022. 528 p. (In Russ.).
20. Mel'nikov A. E. *Ugolovnoe presledovanie v usloviyakh deystviya sistemy razdeleniya vlastey: dosudebnoe proizvodstvo* [Criminal Prosecution in the System of Separation of Powers: Pre-Trial Proceedings: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2017. 36 p. (In Russ.).
21. Mikhaylovskaya I. B. *Tseli, funktsii i printsipy rossiyskogo ugolovnogo sudoproizvodstva (ugolovno-protsessual'naya forma)* [Objectives, Functions and Principles of Russian Criminal Proceedings (Criminal Procedural Form)]. Moscow, 2003. 144 p.
22. Montesquieu C. *O dukhe zakonov* [The Spirit of Law]. Moscow, 1955. Available at: https://www.civis-book.ru/files/File/Monteskye_O%20dukhe.pdf. (In Russ.).
23. Murav'ev N. V. *Prokurorskiy nadzor v ego ustroystve i deyatel'nosti* [Prosecutor's Supervision in Its Structure and Activities]. Moscow, 1889. 552 p. Available at: <https://library6.com/3596/item/550302>. (In Russ.).
24. Neka L. I. *Russkoe ugolovnoe sudoproizvodstvo. Istoricheskiy vzglyad na pravovyyu reformu 1864 goda* [Russian Criminal Proceedings. Historical View on the Legal Reform of 1864]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA) – Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2018. Vol. 2. Pp. 166–170. DOI: 10.17803/2311-5998.2018.42.2.166-170. (In Russ.).
25. Popova I. P. *Funktsii sledovatelya v mekhanizme ugolovno-protsessual'nogo regulirovaniya* [Functions of the Investigator in the Mechanism of Criminal Procedure Regulation]. *Vestnik Vostochno-Sibirskego instituta MVD Rossii* – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2021. Vol. 4. Issue 99. Pp. 123–139. DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-123-139. (In Russ.).
26. Romanov S. V. *Konseptsiya polnoty sudebnoy vlasti v ugolovnom sudoproizvodstve* [Concept of Authority of Judiciary in Criminal Proceedings]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 11. Pravo* – Moscow University Bulletin. Series 11. Law. 2023. Issue 6. Pp. 157–175. DOI: 10.55959/MSU0130-0113-11-64-6-9. (In Russ.).
27. Ryabinina T. K. *Osobennosti realizatsii sudebnoy vlasti v stadii naznacheniya sudebnogo zasedaniya* [Peculiarities of the Implementation of Judicial Power at the Stage of Scheduling a Court Hearing]. Moscow, 2016. 240 p. (In Russ.).
28. Sluchevskiy V. K. *Uchebnik russkogo ugolovnogo protsessa* [Textbook of Russian Criminal Procedure]. In 2 pts. Ed. by V. A. Tomsinov. Moscow, 2014. Pt. 1. 398 p.; Pt. 2. 468 p. (In Russ.).
29. Solov'ev A. B., Tokareva M. E. *Neobkhodimo vosstanovit' vlastno-rasporyaditel'nye polnomochiya prokurora v dosudebnykh stadiyakh rossiyskogo ugolovnogo sudoproizvodstva* [Authoritative and Administrative Powers of Prosecutors in Pre-Trial Criminal Proceedings in Russia to Be Restored]. *Ugolovnoe pravo – Criminal Law*. 2011. Issue 4. Pp. 98–104. (In Russ.).
30. Spiridonov L. I. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, 1996. 304 p. (In Russ.).
31. Starodubova G. V. *Protsessual'naya funktsiya sledovatelya i ee otazhenie v osnovnykh resheniyakh po ugolovnomu delu* [Procedural Function of the Investigator and Its Reflection in the Main Decisions on Criminal Case]. *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* – Juridical Journal of Samara University. 2019. Vol. 5. Issue 4. Pp. 86–90. DOI: 10.18287/2542-047X-2019-5-4-86-90. (In Russ.).
32. Stel'makh V. Yu. *Sledovatel' kak uchastnik ugolovnogo sudoproizvodstva so storony obvineniya* [Investigator as a Participant in Criminal Proceedings on the Part of the Prosecution]. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* – Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russian Federation. 2018. Vol. 2. Pp. 37–40. (In Russ.).
33. Strogovich M. S. *Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa: Osnovnye polozheniya nauki sovetskogo ugolovnogo protsessa* [Course on Soviet Criminal Procedure: Basic Provisions of the Science of Soviet Criminal Procedure]. Moscow, 1968. Vol. 1. 468 p. (In Russ.).
34. Tarasov A. A., Gizatullin I. A. *Nezavisimost' sudey – immanentnoe svoystvo ugolovnogo pravosudiya i global'naya ego problema* [Independence of Judges as Immanent Quality of Criminal Justice and Its Severe Problem]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki* – RUDN Journal of Law. 2018. Vol. 22. Issue 1. Pp. 21–41. DOI: 10.22363/2313-2337-2018-22-1-00-00. (In Russ.).
35. Tret'yak I. A. *Sistema sderzhek i protivovesov* [System of Checks and Balances]. *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya* [The Great Russian Encyclopedia: scientific and educational portal]. Available at: <https://bigenc.ru/c/sistema-sderzhek-i-protivovesov-e601d5/?v=9876414>. (In Russ.).
36. Trukhachev V. V., Akhmedov U. N. O. *Funktsii i polnomochiya prokurora v ugolovnom sudoproizvodstve i ikh otrazhenie v protsessual'nom statuse prokurora* [Functions and the Prosecutors Powers in Criminal Proceedings and Their Reflection in the Procedural Status of the Prosecutor]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii* – Vestnik of Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2020. Issue 1. Pp. 195–202. (In Russ.).
37. *Ugolovnyy protsess. Problemye lektssi* [Criminal Procedure. Problematic Lectures]. Ed. by V. T. Tomin, I. A. Zinchenko. Moscow, 2013. 799 p. (In Russ.).
38. Foynitskiy I. Ya. *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva* [Criminal Procedure Course]. Ed. by A. V. Smirnov. St. Petersburg, 1996. Vol 1. 607 p.; Vol. 2. 607 p. (In Russ.).
39. Frantsiforov Yu. V., Shinkaruk V. V., Tret'yakov Yu. V. *Voprosy sovershenstvovaniya deyatel'nosti prokuratury v ugolovnom sudoproizvodstve* [The Issues

- of Improving the Activities of the Prosecutor's Office in Criminal Proceedings]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma.* 2022. Vol. 21. Issue 2. Pp. 21–27. DOI: 10.15688/lcjvolsu.2022.2.3. (In Russ.).
40. Sheifer S. A. *Rossiyskiy sledovatel' – issledovatel' ili presledovatel'?* [Russian Investigator – the Researcher or the Pursuer?]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justice.* 2010. Issue 11. Pp. 34–36. (In Russ.).
41. Sheifer S. A. *Dosudebnoe proizvodstvo v Rossii: etapy razvitiya sledstvennoy, sudebnoy i prokurorskoy vlasti* [Pre-Trial Proceedings in Russia: Stages of Development of Investigative, Judicial and Prosecutorial Authorities]. Moscow, 2019. 192 p. (In Russ.).
42. Sheifer S. A. *Sledstvennaya vlast': istoriya i sovremennost'* [Investigative Power: History and Modernity]. *Ugolovnaya yustitsiya: svyaz' vremen* [Criminal Justice: the Link of Times]: Selected Proceedings of the International Research Conference (St. Petersburg, 2010, October 6–8). Moscow, 2012. Pp. 111–119. (In Russ.).
43. Shobukhin V. Yu. *Sluzhba v organakh i organizatsiyakh prokuratury RF* [Service in the Bodies and Organizations of the Prosecutor's Office of the Russian Federation]. Moscow, 2023. 117 p. (In Russ.).
44. Almond G. A. Functional Approach. In Almond G. A., Coleman J. S. (eds.) *The Politics of the Developing Areas.* Princeton: Princeton University Press, 1960. DOI: 10.2307/j.ctt13x19q7. 610 p. (In Eng.).
45. Barkow R. E. Separation of Powers and the Criminal Law. *Stanford Law Review.* 2006. Vol. 58. Pp. 989–1054. DOI: 10.2307/40040287. (In Eng.).
46. Bradley G. V. Law Enforcement and the Separation of Powers. *Arizona Law Review.* 1988. Vol. 30. Pp. 801–888. Available at: https://scholarship.law.nd.edu/law_faculty_scholarship/387. (In Eng.).
47. Epps D. Checks and Balances in the Criminal Law. *Vanderbilt Law Review.* 2021. Vol. 74. Issue 1. Pp. 3–83. (In Eng.).
48. Fish E. S., Boudin Ch. *Defense Lawyers and the Separation of Powers.* DOI: 10.2139/ssrn.5198358. (In Eng.).
49. Hessick C. B. Separation of Powers versus Checks and Balances in the Criminal Justice System: A Response to Professor Epps. *Vanderbilt Law Review.* 2021. Vol. 74. Pp. 159–185. (In Eng.).
50. Kahan D. M. Is Chevron Relevant to Federal Criminal Law? *Harvard Law Review.* 1996. Vol. 110. Issue 2. Pp. 469–521. DOI: 10.2307/1342150. (In Eng.).
51. Kremens K. *Powers of the Prosecutor in Criminal Investigation: A Comparative Perspective.* New York: Routledge, 2020. 378 p. DOI: 10.4324/9781003018247. (In Eng.).
52. Langer M. Plea Bargaining, Conviction without Trial, and the Global Administratization of Criminal Convictions. *Annual Review of Criminology.* 2020. Vol. 4. Issue 1. Pp. 377–411. DOI: 10.1146/annurev-criminol-032317-092255. (In Eng.).
53. Lynch G. Our Administrative System of Criminal Justice. *Fordham Law Review.* 1998. Vol. 66. Issue 6. Pp. 2117–2151. (In Eng.).
54. Mascott J. *Separation of Powers, Criminal Law and Cert Petitions from the Second Circuit.* 2022, September 27. Available at: <https://www.yalejreg.com/nc/separation-of-powers-criminal-law-cert-petitions-from-the-second-circuit/>. (In Eng.).
55. Natapoff A. Misdemeanor Declination: A Theory of Internal Separation of Powers. *Texas Law Review.* 2024. Vol. 102. Issue 5. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4787813. (In Eng.).
56. Sajó A. *Limiting Government. An Introduction to Constitutionalism.* New York: Central European University Press, 1999. 308 p. (In Eng.).
57. Schmitt C. *Constitutional Theory.* Durham; London: Duke University Press, 2008. 468 p. (In Eng.).
58. Stuntz W. J. The Pathological Politics of Criminal Law. *Michigan Law Review.* 2001. Vol. 100. Issue 3. Pp. 505–600. (In Eng.).
59. Vile M. J. C. *Constitutionalism and the Separation of Powers.* Indianapolis: Liberty Fund, 1998. 455 p. (In Eng.).

Информация об авторе:

И. Н. Чеботарева

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Юго-Западный государственный университет
305040, Россия, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

ORCID: 0000-0002-2130-3102

ResearcherID: ADD-4707-2022

Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:

DOI: 10.17072/1995-4190-2023-61-499-520

DOI: 10.21638/spbu14.2023.305

DOI: 10.21638/spbu14.2020.308

DOI: 10.14505/jarle.v10.3(41).07

DOI: 10.5593/SGEMSOCIAL2015/B21/S5.071

About the author:

I. N. Chebotareva

Southwest State University
94, 50 let Oktyabrya st., Kursk, 305040, Russia

ORCID: 0000-0002-2130-3102

ResearcherID: ADD-4707-2022

Articles in Scopus/Web of Science:

DOI: 10.17072/1995-4190-2023-61-499-520

DOI: 10.21638/spbu14.2023.305

DOI: 10.21638/spbu14.2020.308

DOI: 10.14505/jarle.v10.3(41).07

DOI: 10.5593/SGEMSOCIAL2015/B21/S5.071

**Правила оформления и представления рукописей статей в журнал
ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**

1. Правовые и организационные основы публикации научных статей

Тематика журнала. В журнал могут быть представлены материалы по фундаментальным и прикладным проблемам юридических наук, исследования современного состояния российского, международного, зарубежного законодательства и правоприменительной практики, теоретических и исторических аспектов государственно-правовых явлений, правовых вопросов социальной работы.

Язык и география журнала. Журнал издается на русском языке. На сайте журнала представлена полная версия журнала на английском языке, что позволяет расширить географию читателей и усилить интеграционные процессы в мировом научном сообществе.

Порядок подачи статей. Для подачи статьи автору необходимо пройти *электронную регистрацию* на сайте журнала и направить научную статью путем подачи *онлайн-заявки*.

Редакция принимает статьи (материалы) объемом 100 000 печатных знаков с пробелами.

Плата с авторов, в том числе с аспирантов, за публикацию рукописей не взимается.

Основы правового взаимодействия Издателя и Автора. Издатель (Пермский государственный национальный исследовательский университет) предлагает любому физическому лицу заключить с Издателем безвозмездный лицензионный договор о предоставлении права использования статьи, автором которой он является, на следующих условиях.

Автор безвозмездно предоставляет Издателю (Пермский государственный национальный исследовательский университет) право на использование его статьи (Произведения) в том числе в составе журнала следующими способами:

- воспроизведение произведения, т. е. изготовление одного и более экземпляров произведения или любой его части в любой материальной, в том числе электронной, форме, включая воспроизведение произведения в любых базах данных;
- распространение произведения путем продажи или иного отчуждения его экземпляров в любом их количестве;
- импорт экземпляров произведения в целях распространения;
- перевод или другая переработка произведения;
- доведение произведения до всеобщего сведения, в том числе использование произведения либо любой его части в сети Интернет, иных компьютерных сетях и любых базах данных.

Предоставление Издателю указанных выше прав использования Произведения сохраняет за Автором право выдачи третьим лицам лицензий на аналогичные способы использования (простая, неисключительная лицензия).

Автор предоставляет Издателю указанные выше права на весь срок действия исключительных прав на статью.

Территория, на которой допускается использование Произведения указанными выше способами, не ограничена, т. е. включает в себя территорию всего мира.

Право использования Произведения предоставляется Издателю **безвозмездно**. Гонорар Автору не устанавливается.

Автор дает согласие на то, что Издатель имеет право предоставлять частично или полностью указанные выше права третьим лицам без дополнительного согласования с Автором и без выплаты Автору и иным лицам дополнительного вознаграждения (сублицензия).

Автор Произведения выражает согласие на внесение в Произведение сокращений и дополнений, снабжение Произведения при его использовании иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями или какими бы то ни было пояснениями – Издателем или третьими лицами – на основании заключенных с Издателем сублицензионных договоров.

Автор Произведения выражает согласие на внесение Издателем или третьими лицами на основании заключенных с Издателем сублицензионных договоров редакторских и корректорских правок в Произведение, а также на изменение названия Произведения без дополнительного согласования, если эти изменения не приводят к искажению смысла и не нарушается целостность восприятия Произведения.

В соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», Автор Произведения дает Издателю согласие на автоматизированную, а также без использования средств автоматизации обработку путем сбора, систематизации, накопления, хранения, уточнения, использования, передачи и удаления своих персональных данных, сообщенных Издателю при заключении лицензионного договора: фамилия, имя, отчество, паспортные данные, дата рождения, адрес места жительства, контактные данные (телефон, адрес электронной почты), а также другие персональные данные, которые Автор Произведения сообщает с целью заключения с Издателем лицензионного договора.

При использовании Произведения:

- Издатель размещает фамилию, инициалы Автора, название, аннотацию, ключевые слова и текст статьи на сайте журнала;
- Издатель включает полнотекстовые варианты статей в «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ). Направление Автором статьи Издателю является согласием Автора на подобное размещение и включение.

Если в течение двух лет с момента получения Произведения Издатель не начал использование Произведения или не предоставил право использования Произведения третьим лицам, Автор Произведения вправе расторгнуть лицензионный договор в одностороннем порядке, уведомив об этом Издателя электронным письмом по адресу: *vesturn@yandex.ru* не менее чем за 10 рабочих дней до даты предполагаемого расторжения лицензионного договора. В случае, если в указанный срок Автор Произведения не получит мотивированных возражений от Издателя, лицензионный договор считается расторгнутым.

Автор Произведения дает согласие на использование его Произведения на условиях открытой лицензии с указанием авторства СС BY.

Издатель будет считать себя заключившим лицензионный договор с Автором Произведения на вышеуказанных условиях с момента получения от него акцепта.

Акцептом признается согласие с условиями лицензионного договора, котороедается в электронном виде на сайте и предшествует online-подаче статьи.

2. Требования к качеству контента

Соблюдение международных стандартов этики является неотъемлемой частью политики нашего журнала. К публикации принимаются только уникальные научные исследования, не опубликованные ранее. Статьи, поступающие в редакцию, проверяются на уникальность текста с помощью системы **«Антиплагиат»**.

Редакция оставляет за собой право не публиковать статьи с **的独特性 less than 75 %**.

Статья должна быть разбита на разделы:

- введение;
- основное содержание*;
- результаты/обсуждение;
- заключения/выводы.

* автор обязан дать самостоятельное оглавление контенту и разбить тело статьи на несколько блоков с присвоением каждому собственного наименования.

3. Требования к оформлению текста статьи

Параметры страницы. Формат листа, используемый для написания статьи, – А4. Поля – 2,5 см со всех сторон. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов – 1,25 см.

Основной текст статьи набирается шрифтом Calibri, размер – 14 пт, межстрочный интервал – полуторный. При оформлении статьи необходимо различать знаки дефис (-) и тире (–). Между цифрами ставится знак тире без отбивки (пробелов), напр.: 12–15.

Заглавие статьи набирается прописными (большими) буквами жирным шрифтом, курсивом и форматируется по центру.

Перед заглавием слева прямым шрифтом набирается УДК, под заглавием жирным шрифтом – И. О. Фамилия, светлым – ученая степень, ученое звание, должность, название вуза и его адрес (с индексом), идентификационные коды автора **ORCID** и **ResearcherID** (обязательно!), информация о статьях автора в БД «Scopus» или БД «Web of Science» (при наличии) путем указания DOI таких статей, адрес электронной почты автора.

4. Требования к структуре авторского резюме (аннотации)

Под указанной выше информацией помещается авторское резюме на русском языке (200–250 слов), набранный светлым курсивом.

Авторское резюме к статье является основным источником информации в отечественных и зарубежных информационных системах и базах данных, индексирующих журнал.

Обязательная структура авторского резюме:

- введение;
- цели и задачи;
- методы;
- результаты/обсуждение;
- заключения/выводы.

После текста авторского резюме следует указать 8–10 ключевых слов (словосочетаний), характеризующих проблематику статьи (набрав их светлым прямым шрифтом).

Пример оформления статьи:

УДК 347.4

**ВИНА ЭНЕРГОСНАБЖАЮЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ПРИ НЕПРАВОМЕРНОМ ПЕРЕРЫВЕ В ПОДАЧЕ ЭНЕРГИИ**

О. А. Кузнецова

Доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
ORCID: 0000-0001-6880-5604
ResearcherID: D-1066-2016
Статьи автора в БД «Scopus» / «Web of Science»:
DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.15.9.11540
DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177
E-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.com

Введение: статья посвящена анализу состава вины энергоснабжающей организации как одному из условий ее ответственности за неправомерный перерыв в подаче энергии. Юридическая конструкция состава этого гражданского правонарушения ставит возникновение ответственности лица, осуществляющего деятельность по поставке энергии, в зависимость от наличия вины, что является исключением из общего правила повышенной ответственности предпринимателя. В связи с этим вопросы понимания содержания состава вины энергоснабжающей организации приобретают особое значение. **Цель:** сформировать представление о вине энергоснабжающей организации на основе анализа научных источников и материалов судебной практики привлечения к гражданско-правовой ответственности по пункту 2 статьи 547 ГК РФ. **Методы:** эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики. Применились частнонаучные методы: юридико-догматический и метод толкования правовых норм. **Результаты:** анализ практики применения и научного комментирования пункта 2 статьи 547 ГК РФ показал, что категории неправомерного перерыва в подаче энергии и вины отождествляются, вина «растворилась» в противоправном поведении энергоснабжающей организации и потеряла самостоятельность в составе данного правонарушения. **Выводы:** и в цивилистической науке и в гражданском законодательстве необходимо четко разграничить противоправное поведение должника, в том числе энергоснабжающей организации, и его вину, поскольку это разные условия (элементы состава правонарушения) гражданско-правовой ответственности, способные самостоятельно исключать гражданско-правовую ответственность. Легальное поведенческое понимание вины энергоснабжающей организации совпадает с субъективным признаком ее противоправного бездействия и не имеет собственной юридической ценности.

Ключевые слова: неправомерный перерыв в подаче энергии; вина энергоснабжающей организации; вина в гражданском праве; противоправное поведение энергоснабжающей организации; гражданское правонарушение; гражданско-правовая ответственность; презумпция вины

На первой странице в подстрочнике необходимо указать знак © и Фамилию И. О., год:

© Кузнецова О. А., 2024

5. Оформление сносок и библиографического списка

Библиографический список должен быть построен в алфавитном порядке. В нем указываются только научные источники: научные статьи, монографии, диссертации, авторефераты диссертаций, научные комментарии, учебная литература, электронные ресурсы и т. д.

Внимание: если источник, помещенный в библиографический список, имеет DOI, то его указание в разделе «References» является обязательным!

Ссылки на нормативно-правовые акты и судебно-арбитражную практику помещаются в текст научной статьи в качестве постраничных сносок, однако в библиографическом списке повторно не указываются. Сноски должны быть постраничными, нумерация сносок начинается с каждой страницы.

Сноски набираются шрифтом Calibri, размер – 10 пт, межстрочный интервал – одинарный.

В основном тексте указание на источник, помещенный в библиографическом списке, осуществляется следующим образом: в квадратных скобках указываются номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница источника: [5, с. 216]. Возможно также указание на том многотомного издания: [8, т. 1, с. 216].

Источники в библиографическом списке оформляются в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5–2008.

В библиографическом списке обязательно наличие **не менее половины иностранных источников**, реально используемых при написании научной статьи. При этом иностранные источники указываются в библиографическом списке в алфавитном порядке строго после русскоязычных источников.

Избыточное и необоснованное цитирование не допускается.

Примеры оформления сносок в тексте научной статьи:

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 13 июля 2015 г.) // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.

³ О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 09.03.2015).

⁴ О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации: Указ Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108 (ред. от 29 июля 2014 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 29 (ч. 1), ст. 3482.

⁵ Гражданский кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 11 июня 1964 г. (ред. от 26 нояб. 2001 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24, ст. 407 (утратил силу).

⁶ О свободе договора и ее пределах: постановление Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.

⁷ Обзор практики применения арбитражными судами статьи 414 Гражданского кодекса РФ: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 21 дек. 2005 г. № 103 // Вестник ВАС РФ. 2006. № 4.

⁸ Постановление Президиума ВАС РФ от 9 дек. 1997 г. № 5246/97 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Примеры библиографических записей:

Библиографический список

1. Бурлака С. А. Принудительные меры воспитательного воздействия и их реализация в деятельности органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. 25 с. URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1191676>.
2. Добрынина С. Ненадежная субстанция // Российская газета. 2015. 12 февр.
3. Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права: в 2 т. М.: Статут, 2005. Т. 2. 492 с.
4. Микрюков В. А. Ограничения и обременения права собственности и иных гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 214 с.
5. Плехова О. А. Проблема понятия объекта должностных преступлений // Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 2. URL: http://www.hses-online.ru/2008/02/_12_00_08/13.pdf.
6. Рабцевич О. И. Реализация статей 5 и 6 Европейской Конвенции по защите прав и основных свобод человека в российском законодательстве // Право и политика. 2001. № 10. С. 43–51.
7. Содержание и технологии образования взрослых: проблема опережающего образования: сб. науч. тр. / под ред. А. Е. Марона. М.: Изд-во Институт образования взрослых, 2007. 118 с.
8. Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. С. Ф. Мартыновича. Саратов: Изд-во Сарат. гос. ун-та, 1999. 199 с.
9. Tsai L. L. Accountability without Democracy: Solidary Groups and Public Goods Provision in Rural China. Cambridge, 2007. 347 p.
10. Lindsnæs B. The Global and the Regional Outlook (How Can Global Public Goods Be Advanced from a Human Rights Perspective?) // Towards New Global Strategies: Public Goods and Human Rights; ed. by E. A. Andersen, B. Lindsnaes. Leiden, 2007. Pp. 71–111.

6. Англоязычный контент статьи

После библиографического списка приводятся на английском языке название статьи, И. О. Фамилия автора, место работы и его адрес, идентификационные коды автора (обязательно!), адрес электронной почты, аннотация (150–250 слов прямым шрифтом), а также ключевые слова.

После принятия статьи к опубликованию автор **обязан предоставить высококачественный перевод всего текста статьи на английский язык.**

**THE GUILT OF AN ELECTRIC POWER SUPPLY ORGANIZATION IN CASE
OF ILLEGAL INTERRUPTION IN POWER SUPPLY**

O. A. Kuznetsova

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

ORCID: 0000-0001-6880-5604

ResearcherID: D-1066-2016

Articles in Scopus / Web of Science:

DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.15.9.11540

DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177

E-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.com

Introduction: the article is devoted to analysis of the guilt of an electric power supply organization as one of the conditions of its liability for illegal interruption in power supply. The legal structure of this civil offence makes incurrence of liability of the legal person engaged in power supply activities conditional on the presence of guilt, which is an exception to the general rule of an entrepreneur's enhanced responsibility. Thus, the issues of understanding the content of guilt of a power supply organization acquire particular importance. The **purpose** of the work is to form a concept of the guilt of a power supply organization basing on the analysis of scientific works and court practice material on cases of holding liable in accordance with Clause 2 of Article 547 of the Civil Code of the Russian Federation. **Methods:** empirical methods of comparison, description and interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; specific scientific methods: legal dogmatic method and method of legal norm interpretation. **Results:** the analysis of the practice in the application of Clause 2 of Article 547 of the Russian Civil Code and its scientific commentary shows that the categories of illegal interruption in power supply and guilt are equated, the category of guilt dissolves in the category of unlawful behaviour of a power supply organization and loses its independence within the elements of this offence. **Conclusions:** both in the civil science and civil law, it is necessary to clearly differentiate between the unlawful behaviour of the debtor, including a power supply organization, and his guilt, since these are different conditions (elements of offence) of civil liability, each of which can independently exclude civil liability. The legal behavioural understanding of the guilt of a power supply organization coincides with the subjective indicator of its unlawful failure to act and does not have its own legal value.

Keywords: illegal interruption in power supply; guilt of an electric power supply organization; guilt in the civil law; unlawful behaviour of a power supply organization; civil offence; civil liability; presumption of guilt.

7. Транслитерация

В статье должен содержаться библиографический список на русском языке. Затем должна следовать транслитерация этого списка (т. е. перевод текста библиографического списка на латиницу) с указанием «References». Для этого рекомендуется использовать **специальную программу**. Кроме того, необходимо в квадратных скобках указывать название источника, переведенное на английский язык. Пример оформления библиографического списка на латинице с переводом на английский язык представлен ниже.

Для русскоязычных **статьей из журналов** должна быть соблюдена следующая схема библиографической ссылки:

- Авторы (транслитерация);
- Заглавие статьи (транслитерация курсивом);
- [Перевод заглавия статьи на английский язык в квадратных скобках] – каждое слово с заглавной буквы, кроме артиклей;
- Название русскоязычного источника (транслитерация курсивом);
- [Перевод названия источника на английский язык]*;
- Выходные данные (год, номер – Issue, при наличии – том);
- Страницы, на которых расположена статья в журнале (Pp. 17–34)
- Указание на язык статьи (In Russ.).
- Указание на DOI статьи (DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177).

* здесь приведен перечень названий наиболее популярных юридических журналов, а также корректный перевод этих названий на английский язык.

Для **монографий** должна быть соблюдена следующая схема библиографической ссылки:

- Авторы (транслитерация);
- Название монографии (транслитерация курсивом);
- [Перевод названия монографии на английский язык в квадратных скобках] – каждое слово с заглавной буквы, кроме артиклей;
- Выходные данные: место издания на английском языке: Moscow, St. Petersburg (без указания издательства);
- Количество страниц в издании (500 р.);
- Указание на язык статьи (In Russ. / In Eng.).

Примеры транслитерации:

References

1. Vitryanskiy V. V. *Dogovory bankovskogo vklada, bankovskogo shcheta i bankovskiye raschety* [The Contract of Bank Deposit, Bank Accounts and Bank Calculations]. Moscow, 2006. 556 p. (In Russ.).
2. *Grazhdanskoe pravo: uchebnik; pod red. A. P. Sergeeva, Yu. K. Tolstogo* [Civil Law: textbook: in 3 vols; ed. by A. P. Sergeev, Yu. K. Tolstoy]. Moscow, 2001. Vol. 3. 632 p. (In Russ.).
3. Danilenko S. *Nekotorye problemy pravovogo regulirovaniya ob"ekta bankovskoy tayny* [Some Problems of Legal Regulation of the Object of Banking Secrecy]. *Khozyaystvo i pravo – Business and Law*. 2007. Issue 10. Pp. 28–33. (In Russ.).
4. Dobrynina S. *Nenadezhnaya substantsiya* [Unreliable Substance]. *Rossiyskaya gazeta – The Russian Gazette*. 2015. 12 February. (In Russ.).
5. Kuznetsova O. A. *Spetsializirovannye normy rossiyskogo grazhdanskogo prava: Teoreticheskie problemy: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Specialized Norms of the Russian Civil Law: Theoretical Problems: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2007. 24 p. (In Russ.).

6. Makhmadkhonov T. *Problemy pravovogo obespecheniya kommercheskoy tayny v zakonodatel'stve Respubliki Tadzhikistan: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Problems of Legal Support of Commercial Secrets in the Legislation of the Republic of Tajikistan: Synopsis of Cand jurid. sci. diss.]. Dushanbe, 2008. 24 p. (In Russ.).
7. Mikryukov V. A. *Ogranicheniya i obremeneniya prava sobstvennosti i inykh grazhdanskikh prav: diss. kand. jurid. nauk* [Restrictions and Encumbrance of Property Rights and Other Civil Rights: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2004. 214 p. (In Russ.).
8. Serkova Yu. A. *Ponyatiye yuridicheskoy konstruktsii i ego metodologicheskoe znachenie v issledovanii pravovykh system* [The Concept of Juridical Construction and Its Methodological Significance in Studying Legal Systems]. *Yuridicheskiy mir – The Juridical World*. 2013. Issue 7. Pp. 64–67. (In Russ.).
9. Golubtsov V. G., Kuznetsova O. A. Russian Federation as the Subject of the Civil Liability. *World Applied Sciences Journal*. 2013. Vol. 24. Issue 1. Pp. 31–34. (In Eng.). DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177.
10. Tsai L. L. Accountability without Democracy: Solidary Groups and Public Goods Provision in Rural China. Cambridge, 2007. 347 p. (In Eng.).
11. Lindsnaes B. The Global and the Regional Outlook (How Can Global Public Goods Be Advanced from a Human Rights Perspective?). *Towards New Global Strategies: Public Goods and Human Rights*; ed. by E. A. Andersen, B. Lindsnaes. Leiden, 2007. Pp. 71–111. (In Eng.).

8. Информация для цитирования

В конце статьи указывается наименование Вашей статьи с полными выходными данными на русском и английском языках для облегчения цитирования Вашей статьи.

Пример:

Информация для цитирования:

Кузнецова О. А. Вина энергоснабжающей организации при неправомерном перерыве в подаче энергии // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. Вып. ___. С. _____.

Kuznetsova O. A. *Vina energosnabzhayushchey organizatsii pri nepravomernom pereryve v podache energii* [The Guilt of an Electric Power Supply Organization in Case of Illegal Interruption in Power Supply]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2025. Issue ___. Pp. _____. (In Russ.).

9. Порядок и сроки рассмотрения рукописей

Представленная автором рукопись направляется члену редакционной коллегии на рецензирование в соответствии с тематикой статьи. Рецензирование рукописей производится в соответствии с «Порядком рассмотрения и рецензирования рукописей научных статей, поступивших в редакцию журнала “Вестник Пермского университета. Юридические науки”».

Срок рассмотрения рукописи – 2–3 месяца.

Научные статьи не допускаются к опубликованию в случае наличия двух или более **типовых ошибок научных статей**, а также по причине несоответствия тематике выпуска, которая определяется редакционной коллегией с учетом поступивших в редакцию статей и политики журнала.

Преимущество при формировании очередного выпуска Издания отдается статьям, выполненным на английском языке.

Научные статьи, направленные авторам на доработку с помощью электронной почты, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный редактором срок через электронную почту Издательства: vesturn@yandex.ru.

Статьи публикуются в порядке общей очередности и по мере поступления от авторов.

Средний объем одного номера журнала: 25,0–30,0 усл. печ. л.

10. График выхода журнала в 2025 г.

Журнал является ежеквартальным изданием; выходит **в марте, июне, сентябре и декабре**.

Выпуск	Дедлайн подачи онлайн-заявки	Литературное редактирование и вычитка контента РИО ПГНИУ	Формирование макета журнала	Полиграфическая печать бумажной версии журнала (дата выхода)	Выгрузка электронной версии на сайт журнала	Выгрузка электронной версии в РИНЦ	Рассылка авторам, подписчикам, в РГБ и по библиотекам ведущих научных центров
1(67)	10 января	24 января – 7 марта	10–28 марта	31 марта	31 марта	1 апреля	31 марта – 7 апреля
2(68)	10 апреля	24 апреля – 10 июня	11–27 июня	30 июня	30 июня	1 июля	30 июня – 7 июля
3(69)	10 июля	24 июля – 10 сентября	11–28 сентября	30 сентября	30 сентября	1 октября	30 сентября – 7 октября
4(70)	10 октября	24 октября – 10 декабря	11–26 декабря	25 декабря	26 декабря	29 декабря	28 декабря – 10 января

После выхода очередного выпуска журнала Издатель обеспечивает рассылку авторских экземпляров по указанным авторами при онлайн-подаче статей на сайте адресам, рассыпает журнал в организации, получающие от производителей печатных изданий обязательный экземпляр, а также в ведущие российские и зарубежные научные центры.

Научное издание

Вестник Пермского университета

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

2025

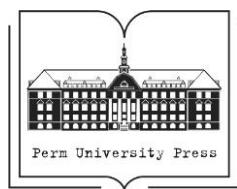
Выпуск 4(70)

Адрес учредителя и издателя:
614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Адрес редакционной коллегии:
614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15
юридический факультет
Тел. +7(342)239-62-75, +7 963 0126422
E-mail: vesturn@yandex.ru
Сайт: <http://www.jurvestnik.psu.ru>

Редакторы *Е. И. Герман, Т. И. Ускова*
Корректор *Я. А. Малышева*
Компьютерная вёрстка: *Т. А. Абасова*
Дизайн обложки: *Т. А. Басова*

Подписано в печать 22.12.2025. Выход в свет 26.12.2025
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 21,04. Тираж 500 экз. Заказ 146

Пермский государственный национальный исследовательский университет
Управление издательской деятельности
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. (342) 239-66-36

Отпечатано в типографии ПГНИУ
Тел. (342) 239-65-47

Распространяется бесплатно и по подписке

Подписка на журнал осуществляется онлайн на сайте «Урал-пресс»
https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8650364/?phrase_id=396140. Подписной индекс 41046